U 276/19
I

Ц 276/19

801-27
10676-5

ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ

Россійской Духовной Миссіи

ВЪ ПЕКИНѢ.

ТОМЪ I.

Изданіе Пекинской Духовной Миссіи.

Г. ПЕКИНЪ.
Типографія Успенскаго Монастыря при Русской Духовной Миссіи.
1909.

25-го Февраля 1909. Печатать разрѣшается Епископъ ИННОКЕНТІЙ.

2007053132

Новосибирск
Библиотека
имени
В. И. Ленина
И 2454-XIV

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго дома *В. Горскаго*. . . . . 1.

О происхожденіи родоначальника нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи Цинъ и имени народа Маньчжу. *В. Горскаго*. . . . . 108.

Историческое обозрѣніе народонаселенія Китая *И. Захарова* . . . . . 141.

Способъ приготовленія туши, бѣлилъ и румянъ у китайцевъ *И. Гошкевича*. . . . . 219.

Жизнеописаніе Будды. Іеродіакона (нынѣ Архимандрита) *О. Палладія*. . . . . 222.

НАЧАЛО И ПЕРВЫЯ ДѢЛА

МАНЬЧЖУРСКАГО ДОМА.

Исторія *маньчжурскаго дома*, двѣсти лѣтъ владычествующаго въ Китаѣ, начинается не ранѣе XVII столѣтія, и именно 1616 года, когда *Тай-цзу*, уже усвоившій себѣ понятія и правила китайскаго двора, принялъ титулъ *Хана*, далъ названіе своему правленію, одѣлся въ желтое платье и, какъ повелитель поднебесной, говорилъ о себѣ: *чжэнь* мы. Тогда были положены твердыя основанія новому государству и первыя сѣмена тѣхъ великихъ событій, которыя возникли и развились съ необыкновенною быстротою и неисчислимыми слѣдствіями для народовъ восточной Азіи. Различныя племена, обитавшія отъ *Ляо-дуна* до береговъ *Амура*, мало по малу соединились подъ вліяніемъ одной державной власти и общаго законодательства; двинутыя смѣлою и могущественною рукою великаго основателя на поприще гражданственной и политической жизни, онѣ, съ живостію свѣжаго и предпріимчиваго народа, вступили въ кругъ новой для нихъ дѣятельности и восторжествовали надъ трудностями, которыми сопровождается рѣзкій переходъ отъ дикой независимости къ общественному порядку и гражданственности. Измѣненіе племенами древней своей жизни положило начало существованію *маньчжурскаго народа;* появленіе собственнаго письма и письменности послужило основаніемъ первымъ историческимъ памятникамъ *маньчжурскаго государства.*

Впрочемъ народъ, сдѣлавшійся съ началомъ семнадцатаго столѣтія извѣстнымъ подъ именемъ маньчжуровъ, не былъ позднимъ и невѣдомымъ пришлецомъ въ историческомъ мірѣ.

Земли, лежащія на сѣверо-востокъ отъ нынѣшней заставы *Шанъхай-гуань*, уже съ незапамятныхъ временъ были извѣстны Китаю. Давно въ немъ господствовала мысль, что горные хребты, наполняющіе собою сѣверо-западные предѣлы сей имперіи, оканчиваются въ

островахъ и дикихъ скалахъ береговъ Восто[illegible]го океана; что на востокѣ отъ Китая—отечество великихъ го[illegible]ственныхъ людей. Богдыханъ (императоръ) *Сюань-юанъ*—лицо, принадлежащее еще къ доисторическому міру, по миѳическимъ преданіямъ Китая, происходилъ изъ *Ляо*, южной части Маньчжуріи. Если имѣть полную вѣру къ свидѣтельству самой первой китайской лѣтописи, извѣстной подъ именемъ *Шу-цзинъ*, то мѣста, прилегающія къ *Мукдэну*, древней столицѣ нынѣшней династіи, были границами *Ю-чжоу* и *Инъ-чжоу*, учрежденныхъ еще государемъ *Шунь*, лицемъ тоже полуисторическимъ. Съ умноженіемъ народонаселенія, Китайская Имперія постепенно распространяясь къ востоку, во времена династіи *Чжоу*, вступила въ дѣйствительныя и уже несомнѣнныя отношенія къ маньчжурскимъ племенамъ; особенно водвореніе въ *Кореѣ* китайской власти и образованности должно было имѣть сильное вліяніе и на обитателей *Гирина*, соединенныхъ съ *Чао-сянь*—Кореею связями самого близкаго сосѣдства. Чѣмъ болѣе приближаемся къ позднѣйшимъ временамъ, тѣмъ яснѣе и подробнѣе становятся сказанія Китая о странахъ, лежавшихъ на сѣверо-востокъ отъ Великой Стѣны. И, наконецъ, послѣ смѣнившихся одна за другою династій *Ляо* и *Гинъ*, изъ которыхъ первая возникла при берегахъ *Амура*, а вторая въ лѣсахъ *Гирина*, свѣдѣнія о внутреннихъ мѣстахъ и дальнихъ границахъ Маньчжуріи въ первый разъ получили опредѣленность, истину и полноту.

Племена, населявшія эту обширную страну, по своей физіономіи и организаціи, принадлежатъ къ тому многочисленному отдѣлу человѣчества, къ которому относятся почти всѣ народы сѣверо-восточной Азіи и который у физіологовъ извѣстенъ подъ общимъ именемъ *монгольскаго поколѣнія*. По родовымъ чертамъ характера, привычекъ, вѣрованій, образа жизни и по сходству языка, они составляютъ одно обширное семейство *съ различными тунгусскими племенами*, разсѣянными на необозримомъ пространствѣ земли отъ сліянія *Аргуни* съ *Шилкою*—до устьевъ *Лены*, отъ *Байкала* и *Енисея*—до береговъ *Охотскаго* моря. По частной генеалогіи, единству историческихъ преданій и свидѣтельствъ, по очевидному и несомнѣнному преемничеству въ жизни и народномъ развитіи, большее число племенъ, соединившихся нынѣ подъ общимъ именемъ *маньчжуровъ*,

принадлежитъ къ одному древнему поколѣнію *сушэнь*. Встрѣчающіяся въ китайской исторіи имена *восточныхъ варваровъ*: *илоу, уцзи, мохэ, бохай* и *нюйчжень*—были названіями могущественнѣйшихъ племенъ одного и того, же *сушэньскаго народа*, вслѣдствіе внутреннихъ или внѣшнихъ обстоятельствъ раздѣлившагося на частныя поколѣнія, которыя, въ свою очередь, опять дробились на новыя подраздѣленія и дѣлались основателями новыхъ родовъ. Частныя поколѣнія, усилившись въ могуществѣ, подчиняли своей власти прочихъ родовичей и сообщали имъ свои названія; въ этомъ обстоятельствѣ скрывается причина, почему въ Маньчжуріи постоянно возникали какъ будто новые, прежде не бывавшіе народы и аймаки, и почему въ исторіи рано исчезло имя: *сушэнь*.

Китай, несмотря на глубокую древность своей исторіи, въ которой сохранилъ для насъ драгоцѣнныя сказанія о сопредѣльныхъ съ нимъ государствахъ и владѣніяхъ, и на раннія отношенія къ Маньчжуріи, не говоритъ ни слова о какомъ-нибудь общемъ переселеніи тамошнихъ племенъ. При самомъ первомъ знакомствѣ съ этою страной онъ уже встрѣтилъ здѣсь *сушэней* и назвалъ ихъ *туземцами востока*. Но взглядъ на положеніе племенъ, которыя являются предъ нами на самыхъ крайнихъ предѣлахъ древняго міра, среди дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ горъ, съ одной стороны—окруженныя моремъ (послѣднею преградой для переселенія народовъ, еще невозвысившихся до искусства господствовать надъ опасною стихіей); а съ другой—стѣсненныя огромною массою непріязненныхъ *монгольскихъ* поколѣній и чрезвычайнымъ народонаселеніемъ Китая, постоянно стремившагося глубже проникнуть во внутренность чуждой страны: сей взглядъ естественно рождаетъ мысль о какой-то отдаленной и незапамятной эпохѣ, когда племена, гонимыя силою могущественныхъ враговъ, покинули свое древнее отечество и пришли искать себѣ убѣжища на берегу Восточнаго океана.

Гдѣ была первоначальная родина бѣглецовъ? Какимъ путемъ они достигли настоящихъ своихъ жилищъ?—вопросы, на которые можно отвѣчать не историческими прямыми свидѣтельствами, но вѣроятными предположеніями.

Нигдѣ *тунгусскія* племена не достигали такого высокаго политическаго значенія, народной образованности и численнаго мо-

ществa, какъ въ лѣсахъ и горахъ нынѣшней Маньчжуріи, гдѣ до сихъ поръ потомки *сушэней* составляютъ господствующее народонаселеніе, которое, несмотря на различные перевороты въ своей жизни, сохранило національную независимость, древній языкъ, вѣрованія и нравы. Развалины городовъ, исторія домовъ *Бохай*, *Гинь* и нынѣ царствующей династіи, служатъ неоспоримымъ доказательствомъ нашихъ словъ. Чѣмъ далѣе на сѣверъ отъ вершинъ *Амура*, тѣмъ слабѣе становятся признаки *тунгусской* жизни. Племена утрачиваютъ свою многочисленность и самостоятельность; раздѣлены между собою неизмѣримымъ пространствомъ и чуждыми народами, среди которыхъ постепенно теряютъ чистоту своего языка и родовыя черты національнаго характера; никакихъ историческихъ свидѣтельствъ и древнихъ памятниковъ, которые хотя неясно говорили бы намъ, что въ Сибири нѣкогда процвѣтали могущественныя тунгусскія владѣнія и царства, какъ то было въ Маньчжуріи. Среди различныхъ насыпей и кургановъ, встрѣчающихся на протяженіи отъ устьевъ Волги до вершинъ Амура, *даурскія могилы*, по своей бѣдности и малочисленности, запимаютъ самое послѣднее мѣсто: доказательство, что здѣшнія племена никогда не достигали значительности и богатства.

Такое рѣзкое различіе въ положеніи одного и того же народа, по двумъ сторонамъ Яблонноваго хребта, даетъ намъ право вывесть слѣдующія заключенія: что средоточіемъ тунгусскихъ поколѣній была страна, заключающаяся въ предѣлахъ горы Чанъ-бошани (т. е. *длинная, бѣлая гора*—въ Маньчжуріи); что тунгусы, обитающіе въ Сибири, —только разновременныя колоніи маньчжурскихъ племенъ, постепенно распространявшихся въ мѣстахъ нынѣшней Дауріи и что, слѣд, самое древнее и первоначальное поколѣніе достигло лѣсовъ *Гирина не сѣвернымъ путемъ*. Еще менѣе можно думать, чтобы оно пришло съ сѣверо-западныхъ предѣловъ Китая; потому что имперія сія въ первый разъ вошла въ соприкосновеніе съ маньчжурскими племенами только на берегахъ *Ляо*. Такимъ образомъ, пустынныя степи Монголіи, всегда бывшія обширнымъ поприщемъ для странствующихъ народовъ, представляются единственнымъ путемъ, которымъ Тунгусы достигли береговъ *Сунгари-улы* и *Хунь-тунъ-цзяна*. Переселеніе это должно относиться къ весьма древнимъ временамъ, даже до полнаго завладѣнія монголами *Гобійскою* степью; иначе переходъ цѣ-

лаго народа, чрезъ земли чуждыхъ и воинственныхъ поколѣній, не могъ не сопровождаться кровавою борьбою, слѣдствія которой отразились бы въ жизни и лѣтописяхъ Китайской Имперіи, постоянно чувствовавшей ужасныя потрясенія отъ подобныхъ переворотовъ. Съ другой стороны несомнѣнно, что восточные монголы, извѣстные въ китайской исторіи подъ общимъ именемъ *дунъ-ху*, представляются въ самыхъ тѣсныхъ родственныхъ отношеніяхъ съ поколѣніями тунгусскаго происхожденія. Фактъ сей, утверждающійся на подлинныхъ свидѣтельствахъ древнихъ лѣтописцевъ, самымъ положительнымъ образомъ указываетъ на смѣшеніе двухъ народовъ, происшедшее отъ того, что одинъ изъ нихъ водворился въ жилищахъ другого. Если представимъ себѣ, что племена, соединившіяся нынѣ подъ родовымъ названіемъ монголовъ, первоначально возникаютъ на сѣверо-западныхъ предѣлахъ песчаной степи называемой *Шамо* при границахъ *Хухэнора* и подошвѣ *Алтая;* что они постепенно и побѣдоносно распространяются къ югу и востоку; то само собою возникаетъ и утверждается мнѣніе, что часть обширныхъ равнинъ нынѣшней Монголіи нѣкогда была занята тунгусскими поколѣніями, изъ которыхъ, съ появленіемъ новыхъ могущественныхъ племенъ,—одни удалились въ лѣса и горы Маньчжуріи, другія смѣшались съ своими побѣдителями, въ послѣдствіи времени образовавши съ ними родственное цѣлое, получившее, впрочемъ, отъ сліянія двухъ различныхъ элементовъ нѣкоторые особенные оттѣнки. Такимъ воззрѣніемъ легко объясняется чрезвычайное тождество словъ въ языкѣ того и другого народа; рѣшается загадочное полумонгольское и тунгусское происхожденіе династіи *Ляо,* нынѣшнихъ *солоновъ* и *дауровъ.* Исторія представляетъ множество примѣровъ подобныхъ превращеній. Сами маньчжуры, на южныхъ границахъ своихъ часто терявшіе національный характеръ подъ вліяніемъ Китая и Кореи, служатъ разительнымъ доказательствомъ, подтверждающимъ наше мнѣніе. Взглядъ на физическія свойства Монголіи и Маньчжуріи можетъ объяснить, какъ легко и безъ сожалѣнія должны были тунгусскія племена промѣнять пустынныя равнины на дремучіе лѣса и неприступныя горы страны, обѣщавшей имъ богатыя средства для сохраненія жизни и независимости;—между тѣмъ глубокая древность этого, вѣроятно, перваго движенія народовъ средней Азіи была причиною, что Китай, въ весь-

ма раннія времена встрѣтившій *сушэнэй* уже по ту сторону рѣки *Ляо*, назвалъ ихъ туземцами Маньчжуріи.

Что касается до Маньчжурскихъ нравовъ и быта, то они неуклонно слѣдовали за развитіемъ самаго народа, и въ этомъ отношеніи образуютъ одну непрерывную лѣствицу постепеннаго усовершенствованія и возвышенія.

Древній маньчжуръ, подобно скиѳамъ, готѳамъ и хуннамъ, съ самаго младенчества своего учился одному искусству—владѣть конемъ и тугимъ лукомъ. Стрѣла, окрыленная орлинымъ перомъ, съ наконечникомъ, сдѣланнымъ изъ остраго и твердаго камня, была первою драгоцѣнностію дикаря, которую онъ освящалъ молитвами къ духамъ и представлялъ въ дань Китаю, какъ самое лучшее сокровище. Сила и мѣткость стрѣлка, на значительномъ разстояніи, дѣлали это слабое орудіе смертельнымъ; а жестокій ядъ, покрывавшій остріе наносилъ неизбѣжную гибель при самой легкой ранѣ. Спасая независимость, или гонясь за добычею, маньчжуръ не дорожилъ своею жизнію; препятствія пути, далекое разстояніе, множество враговъ, не могли положить предѣловъ его дерзости и мщенію. Сосѣдственныя владѣнія, нерѣдко испытывавшія грозную силу маньчжурскаго лука, страшились народа, болѣе дорожившаго мужествомъ и отвагой, чѣмъ человѣколюбіемъ и который съ суровою жизнію соединялъ и суровый характеръ, непреклонявшійся предъ самыми священными чувствами. Стариковъ мало уважали и слеза, пролитая въ память родителей, считалась слабостію не только для мужчины, но и для женщины. Всѣ почести, которыя Маньчжуры воздавали праху усопшихъ, состояли въ томъ, что тѣла ихъ они зарывали съ нѣсколькими, приносимыми въ жертву умершему, свиньями, въ могилу, надъ которой строили деревянный навѣсъ, для защиты покойниковъ отъ дождя. Самый бракъ, занимающій важное мѣсто въ обрядахъ всѣхъ народовъ, совершался безъ многочисленныхъ церемоній. Воткнуть пучекъ разноцвѣтныхъ перьевъ въ косу дѣвицы—значило избрать ее въ невѣстѣ; прикоснуться рукою къ персямъ ея—служило неоспоримымъ доказательствомъ заключеннаго брака. За бѣдный калымъ, каждый отецъ съ удовольствіемъ предавалъ свою дочь въ руки неограниченнаго супруга, для котораго слова жена и раба имѣли почти одинаковый смыслъ. Вся тажесть домашнихъ занятій

была нераздѣлимою долею женщины, погибавшей отъ руки своего мужа при первой молвѣ, опозорившей ея доброе имя. Часто дѣлался жертвою супружескаго мщенія и тотъ, кто осмѣлился произнесть роковое слово о чести семейства. Никто не являлся мстителемъ за пролитую кровь. Люди, не знавшіе ни письменъ, ни положительныхъ законовъ, руководившіеся въ своихъ дѣйствіяхъ примѣрами предковъ и минутными впечатлѣніями, безусловно вѣрили непогрѣшимости самовластнаго суда, какъ предопредѣленію неба.

При такомъ огрубѣніи умственныхъ и нравственныхъ силъ, и внѣшній бытъ маньчжуровъ долженъ былъ представлять самую печальную картину. Для человѣка, у котораго радость облекалась въ грозную форму, пѣснь была звукомъ войны, пляска—подобіемъ битвы; для него не существовало мирныхъ наслажденій изобильной жизни. Маньчжуръ лучше желалъ искусно подражать крику дикихъ оленей, или съ нѣжной заботливостію воспитывать кречета, чѣмъ думать о благѣ и спокойствіи своего семейства. Зимою—скрывался онъ въ глубокія горныя пещеры, или своими руками дѣлалъ высокую насыпь, на днѣ которой располагалъ свое жилище; нѣсколько лѣстницъ вело во внутренность мрачнаго логовища, куда не проникалъ солнечный лучъ и свѣтъ достигалъ только дымовою трубою. Запахъ сырыхъ кожъ, только что содранныхъ съ убитыхъ звѣрей, чрезвычайная неопрятность въ домашнемъ быту, страшная смѣсь обитателей, гдѣ люди и животныя, жившіе вмѣстѣ, дѣлали невыносимою такую подземную жизнь; между тѣмъ маньчжуръ, возвратившись съ утомительной, но счастливой охоты, сладко засыналъ предъ огнемъ своего очага, или короталъ почти полугодовую ночь зимы за чашей кумыса, въ живой бесѣдѣ съ друзьями объ удальцахъ послѣдней облавы. Только съ наступленіемъ тепла, онъ покидалъ зимнее убѣжище, и ставилъ шалашъ свой на берегу рѣки, или при опушкѣ лѣса, доколѣ, съ концомъ года, холодъ не заставлялъ его возвратиться къ прежнему пепелищу. Маньчжуръ питался сырымъ мясомъ; любилъ пить воду, настоянную золою; зимою, для защиты отъ вѣтровъ, мазалъ свое тѣло свинымъ жиромъ, одѣвался въ звѣриную или рыбью кожу, на головѣ носилъ шапку, украшенную хвостами тигра; а лѣтомъ — небольшой лоскутокъ прикрывалъ наготу дикаря. Нарядъ самыхъ женщинъ состоялъ въ длинномъ платьѣ, спитомъ изъ грубаго холста.

Таковы общія черты жизни *сушэней*, *илоу* и даже давнихъ *мохэ*, которые, дикими своими правами, приближались къ быту прочихъ народовъ стоявшихъ съ ними на одинаковой степени умственнаго образованія. Впрочемъ, и въ эти времена глубокаго невѣжества и варварства, частныя свойства страны, щедро надѣленной дарами природы, сообщили племенамъ благотворное направленіе, рѣзко отдѣлившее ихъ отъ кочевыхъ народовъ—и послужившее прочнымъ основаніемъ самобытной исторіи маньчжуръ.

Возвышенныя равнины Монголіи, постепенно понижаясь къ востоку, переходятъ въ Маньчжуріи—въ глубокія долины; напротивъ—горы *Хинганскаго* хребта, составившія собою сѣверные предѣлы Китая, по ту сторону рѣки *Ляо* образуютъ изъ себя ужасные хребты, которые, раздѣлившись на множество отраслей, восточныхъ и западныхъ, на сѣверѣ соединяются съ южными вѣтвями *Яблоноваго* хребта. Отъ такого физическаго устройства, Маньчжурія, занимающая собою площадь, въ 67.500 географическихъ кв. миль, представляется обширною альпійскою страною, горы которой отъ подошвы до самой вершины покрыты вѣковыми лѣсами, а долины орошены безчисленнымъ множествомъ рѣкъ и потоковъ, большею частію сливающихся въ одинъ *Амурскій* бассейнъ.

Итакъ, въ Маньчжуріи не могла во всей силѣ развиться пастушеская—кочевая жизнь, для которой нужны равнины Монголіи, поражающія путешественника своею необозримостію. Суровость климата, зависящая отъ близкаго сосѣдства съ возвышенными пустынями *Шамо*, отъ восточныхъ горъ, преграждающихъ теченіе морскихъ вѣтровъ, и дикости страны, гдѣ малочисленное народонаселеніе не могло еще содѣйствовать къ возвышенію температуры, не благопріятствовали распространенію земледѣлія, такъ давно извѣстнаго въ Китаѣ и Кореѣ. Маньчжурскія племена, естественно, должны были подчиниться могущественному вліянію природы, которая, надѣливши ихъ дремучими лѣсами, полными сокровищъ, далеко превышавшихъ потребности людей, не знавшихъ роскоши и неумѣренныхъ желаній, сама назначала образъ жизни весьма приличный народу, стоявшему на низшей степени образованія. Дѣйствительно, начиная съ самыхъ древнихъ временъ, до послѣдней эпохи, придавшей такое высокое значеніе Маньчжуріи, всѣ обитатели этой

страны, въ своемъ первобытномъ состояніи, являются простыми звѣроловами, и въ этомъ важномъ обстоятельствѣ скрываются причины многихъ другихъ явленій, ознаменовавшихъ исторію маньчжурскихъ племенъ.

Если пастушеская жизнь, непремѣнно требующая обширныхъ пажитей и постоянной перемѣны мѣстъ, по своимъ кореннымъ условіямъ противоборствуетъ всякому стремленію къ осѣдлой и общественной жизни, то опасности и труды охотническаго быта, часто превышающія силы и мужество одного человѣка, невольно завязываютъ узелъ прочныхъ и необходимыхъ связей. Въ Маньчжуріи, гдѣ непроходимые лѣса занимали собою почти всю поверхность страны; гдѣ горныя пещеры, сокрытыя подъ навѣсомъ вѣковыхъ кедровъ, были вѣрнымъ пристанищемъ тигровъ и барсовъ, охота не могла быть ни дѣломъ произвола, ни простымъ поприщемъ удальства и отваги. Противъ безчисленнаго множества хищныхъ звѣрей должно было вооружиться такое же множество смѣлыхъ противниковъ, которые только совокупною борьбою могли сохранять и поддерживать свое существованіе. Отъ того даже дикіе и грубые *сушэ* и *илоу* стремились къ образованію частныхъ общинъ, связывавшихся между собою узами родства, единствомъ нуждъ и выгодъ. Несмотря на странную форму своихъ жилищъ, они селились многочисленными деревнями, признававшими надъ собою власть одного. Важность предводителя охоты такъ высоко цѣнилась въ глазахъ простыхъ людей, что его особа была неприкосновенна; его достоинство свято хранилось, чрезъ цѣлыя поколѣнія, въ одномъ родѣ. Впрочемъ *сушэцъ* и *илоу* смотрѣли на жизнь, какъ на одну непрерывную облаву; при такой односторонности быта, власть родовыхъ старшинъ опредѣлялась слишкомъ тѣсными границами. Глава охотниковъ первенствовалъ только во мракѣ лѣсовъ, и люди, составлявшіе покорную дружину его на облавѣ, возвратившись въ свой куренъ, снимали съ себя узы подчиненности. Горы и рѣки, раздѣлявшія страну на множество мелкихъ участковъ, удаляли столкновеніе племенъ; разъединенные самою природою, они естественно образовали отдѣльныя общины, имѣвшія свои частные интересы и жизнь, развивавшуюся совершенно независимо отъ обстоятельствъ, нуждъ и выгодъ цѣлаго поколѣнія. Обиліе средствъ къ удовлетворенію важнѣйшимъ потребно-

стямъ существованія подавляли въ народѣ всякое корыстное или честолюбивое желаніе силою оружія и храбрости создать для себя могущество и счастіе. Каждая изъ сихъ частныхъ причинъ принесла въ жизнь *сушэнэй* и *илоу* новую черту, запечатлѣвшую этотъ періодъ особеннымъ характеромъ. Селенія древнихъ маньчжуръ были болѣе военными колоніями, нежели мирными жилищами людей, искавшихъ осѣдлости. Значеніе старшинъ получило характеръ удѣльныхъ владѣльцевъ, необходимо противившихся соединенію и сліянію частныхъ поколѣній. Воинственный духъ народа былъ простымъ слѣдствіемъ быта и занятій, но не выраженіемъ характера, отъ природы предпріимчиваго и властительнаго. Оттого, не смотря на весьма рано пробудившуюся потребность къ утвержденію общественныхъ связей *сушэнь* и *илоу* не могли создать для себя гражданственной жизни; при и лномъ сознаніи необходимости подчиниться волѣ самовластнаго правителя, они никогда не соединялись подъ жезломъ общаго вождя; при воинственномъ духѣ, оживлявшемъ всѣ племена, не были народомъ-завоевателемъ, жаждавшимъ добычи и могущества.

Впрочемъ, соединеніе родовъ и поколѣній подъ властію частныхъ старшинъ, и привычка племенъ къ постояннымъ жилищамъ (два великихъ шага на пути народнаго образованія) сдѣлались богатымъ источникомъ важныхъ событій. Охотничей дружинѣ легко было превратиться въ отрядъ воиновъ: люди, съ дѣтства привыкшіе управляться волею своего старшины, уже знакомы были съ первыми началами подчиненности и порядка; непрестанныя облавы, требовавшія совокупнаго и дружнаго дѣйствія, служили первыми опытами общихъ военныхъ движеній. Единство занятій распространило между племенами единство правилъ и постановленій, и такимъ образомъ незамѣтно приготовило элементы общественнаго устройства; внѣшнія нападенія и борьбы заставили частныхъ владѣльцевъ заключить между собою постоянные и сильные союзы. При первомъ обстоятельствѣ, угрожавшемъ спокойствію и независимости племенъ, старшины поспѣшали къ сборному мѣсту съ своими дружинами и мгновенно являлось цѣлое войско, одушевленное мужествомъ, подчиненное единству устава и власти. Солдаты, по роду вооруженія, дѣлились на сѣкиросцевъ, копійщиковъ и стрѣлковъ; по числу людей — на тысячи, сотни, десятки и пятки. Каждое изъ этихъ под-

раздѣленій имѣло своего частнаго начальника, которому, смотря по его степени и важности, ввѣрялось большое или малое знамя, отдавалась честь ударами въ доску или боемъ въ барабанъ и литавры. Планъ нападеній рѣшался общимъ приговоромъ вождей; предъ началомъ битвы, распоряженія объявлялись и солдатамъ, имѣвшимъ, право дѣлать свои замѣчанія и подавать голоса. Съ приближеніемъ противниковъ, изъ строя отдѣлялись два человѣка, для обозрѣнія позиціи и силъ непріятельскаго войска. По мановенію знаменемъ отряды, расположенные лавою, бросались въ атаку; во время боя дѣйствовали врозсыпь; въ случаѣ побѣды сбирались къ своимъ знаменамъ и пускались въ погоню; при отступленіи шли сомкнутыми рядами. Для усиленія натиска, часто располагались на вершинѣ горы, откуда стремительнымъ потокомъ низвергались на непріятеля; въ большихъ и рѣшительныхъ сраженіяхъ прежде всего вводились въ дѣло сѣкиропосцы, за ними слѣдовали копійщики, поддерживаемые стрѣлками. Потеря начальника, во время битвы, отмщалась казнію нѣсколькихъ его подчиненныхъ. По возвращеніи изъ похода, на общемъ собраніи разбирались заслуги солдатъ и раздавались, изъ полученной добычи, награды, утверждавшіяся согласіемъ цѣлаго войска. Въ оборонительной войнѣ — строили укрѣпленія, дѣлали въ различныхъ мѣстахъ засады и сами опустошали свою страну, для лишенія непріятеля всѣхъ средствъ къ содержанію.

Не такъ ощутительно, но за то болѣе благотворно, было вліяніе осѣдлой жизни на судьбу и характеръ племенъ. Съ вступленіемъ подъ кровъ селянина, въ нихъ скоро пробудилась мысль, что природа даровала человѣку и другія средства къ существованію, — не одну травлю звѣрей. Земледѣліе, неразлучное съ осѣдлостію, проникло и въ лѣса *Гирина*; но особенно утвердилось оно по южнымъ предѣламъ нынѣшняго *Шэнъ-цзина* (Мукдена) и на берегахъ *Амура*. Умноженіе взаимныхъ отношеній между жителями повело къ большему разнообразію въ самомъ управленіи. Кромѣ верховнаго вождя или *бэйлы*, учредились другія (болѣе гражданскія) власти, заботившіяся о благѣ и нуждахъ народа, чинившія судъ и расправу между своими подчиненными. Всѣ, безъ исключенія, повиновались приговору своего мѣстнаго правителя, стоявшаго въ такой же безусловной покорности общему главѣ. Народъ называлъ своихъ властителей именами

девяти планетъ и двадцати восьми созвѣздій. Самые почетные люди повергались предъ конемъ своего *бэй-лы;* всякій, облеченный какою-нибудь властію, явившись на судъ для защиты своей чести, пользовался исключительнымъ правомъ—сидѣть на крыльцѣ присутственной залы и выпить чашу вина. Жители раздѣлены были на участки, съ точнымъ опредѣленіемъ податей и повинностей. Посланная стрѣла, съ тремя зарубками, служила знакомъ, что настало время для взноса оброковъ, которые немедленно собирались мѣстными властями и поступали въ безусловное распоряженіе бэйлы. Избытки произведеній служили предметами торговли, часто достигавшей высокой значительности. Жемчугъ, корень *жэнь-шэнь**), кречеты и соболя считались четырьмя драгоцѣнностями Маньчжуріи, привлекавшими къ себѣ толпы китайскихъ купцовъ. Соприкосновеніе съ народомъ, искони знаменитымъ на востокѣ мудростію и просвѣщеніемъ, пробудило въ маньчжурскихъ племенахъ жажду къ образованію, —и изъ далекихъ предѣловъ *Гирина* стали являться въ столицѣ Китая пришлецы съ униженною просьбою—посвятить ихъ въ тайны письменъ и глубокой философіи *Кун-фу-цзы* (Конфуція).

Такъ изъ двухъ началъ, положенныхъ еще *сушэнями* и *илоу* въ основаніе своего быта, какъ изъ добраго и живого сѣмени, естественно и постепенно развились условія другого, высшаго образованія, сообщившаго странѣ новый видъ и значеніе. Мелкіе роды и поколѣнія соединились въ группы союзовъ, гдѣ скоро утратили они свои частныя права и характеръ подъ вліяніемъ общаго устройства; изъ безчисленныхъ деревень и селеній образовалось нѣсколько владѣній, сильныхъ по народонаселенію и оружію. Могущество старѣйшинъ пало предъ верховною волею главы сейма, безусловно повелѣвавшаго въ своемъ родѣ и предписывавшаго законы всѣмъ владѣльцамъ, принужденнымъ вступать въ составъ союза. Наконецъ, сосредоточеніемъ племенъ подъ единствомъ управленія, нанесенъ былъ рѣшительный ударъ прежнему варварству, и на развалинахъ древней, дикой независимости созидалось благополучіе жизни гражданской, общественной. Первенство бэйлы надъ родоначальниками поколѣній, власть его надъ массою всѣхъ племенъ, торжество осѣдлой жизни надъ по-

*) Еще въ книгѣ *Ки дань-го-чжи* сообщается извѣстіе о торговлѣ въ Маньчжуріи этимъ корнемъ.

лукочевымъ бытомъ охотника, эти три важныхъ процесса въ преуспѣяніи народа и составляютъ основу, характеръ и исторію второго періода въ образованіи маньчжурскихъ племенъ, періода аймаковъ, весьма бѣднаго сказаніями, но весьма важнаго по своему обширному вліянію на судьбу сихъ племенъ и по непрестаннымъ ихъ возрожденіямъ.

Не трудно понять, что въ самомъ составѣ аймаковъ, системѣ, утверждавшейся на шаткихъ основаніяхъ союзовъ, уже заключались сѣмена новаго устройства; что глава сейма, рано или поздно, долженъ былъ перейти въ прямого вождя и соединить подъ своею властію другихъ соперниковъ, или не успѣвшихъ развить своего могущества, или раздѣлившихъ свое вліяніе съ прочими членами своего союза. Поколѣнію *Сумо* предоставлена была честь, въ первый разъ даровать своему отечеству политическое значеніе и настоящую гражданственность. Сосредоточивши подъ своею властію большую часть племенъ, населявшихъ Маньчжурію, оно основало государство, извѣстное въ китайской исторіи подъ именемъ *Бохай* простиравшееся болѣе нежели на 5000 ли и заключавшее въ себѣ часть Кореи. Тогда деревни превратились въ города; страна раздѣлилась на 15 провинцій, съ народонаселеніемъ, восходившимъ свыше милліона семействъ, и нѣсколькими десятками тысячъ отличнаго войска. Пять столицъ, воздвигнутыхъ на разныхъ пунктахъ государства, довершали блескъ и могущество *бохайскаго* повелителя, принявшаго титулъ „Священнѣйшаго Государя.“ Гражданская и судебная власть сосредоточены были въ палатахъ, управлявшихся министрами; военныя дѣла зависѣли отъ особаго комитета генераловъ, заботившихся о состояніи и образованіи арміи. Указы государя имѣли силу закона, и ничто не приводилось въ исполненіе безъ его утвержденія. Чиновники являлись ко двору съ золотыми и серебряными дощечками, въ платьѣ, предписанномъ уставомъ церемоній. Китайскій императоръ безспорно призналъ *бохайскаго* повелителя самовластнымъ государемъ, и съ удовольствіемъ покровительствовалъ распространенію въ Маньчжуріи образованности Срединнаго царства. Сверхъ ожиданія, чуждый языкъ, идеи, литература и искусства съ такою энергичною ревностію были приняты восточными варварами, произвели между ними такое могущественное и благотворное преобразованіе, что,

по точнымъ свидѣтельствамъ китайской исторіи, *Бохай* было одно изъ самыхъ цвѣтущихъ государствъ на берегу Восточнаго моря стараною просвѣщенія и ученыхъ.

Домъ *киданьскій*, мгновенно возникшій на берегахъ *Амура*, сокрушилъ счастіе самобытное существованіе маньчжуръ, доколѣ въ лицѣ *Аюды* -основателя династіи *Гинь*, не воскресла древняя независимость ихъ и племена снова и блистательнѣе прежняго не явились уже подъ другимъ именемъ и властію Съ паденіемъ ига пало и варварство, воцарившееся на развалинахъ *Бохая*. *Нюйчжэньцы* (маньжуры) въ одно и тоже время сражались за свою независимость, строили города и поставляли законы. Еще до завоеванія сѣвернаго Китая, они усвоили себѣ тамошній бытъ съ его многоразличными оттѣнками. Устройство государства, управленія и властей, этикетъ двора, обряды вѣры, правила общественной жизни и народнаго воспитанія.—все, чѣмъ Китайская Имперія возвышалась надъ окружавшими ее владѣніями и народами, мгновенно перенесено было въ Маньчжурію и быстро принялось на ея благословенной почвѣ. Мы уже не говоримъ о томъ времени, когда династія *Гинь*, изъ половины Китая, Монголіи и всей Маньчжуріи, составила одну могущественную имперію, споривщую, по своей силѣ и образованности, съ династіею *Сунъ*, знаменитою въ лѣтописяхъ Срединнаго царства своимъ просвѣщеніемъ.

Продолжительная борьба съ Китаемъ за право владѣнія сѣвернымъ предѣлами сей имперіи, съ монголами за спасеніе своего существованія, наконецъ совершенно истощили всѣ силы и средства *Нюйчжэней*, долженствовавшихъ въ одно и то же время сражаться на двухъ краяхъ государства, съ двумя могущественными врагами. Тысячи погибли въ несчастныхъ сѣчахъ съ новыми, неумолимыми завоевателями; *нючжэньскій* повелитель самъ покончилъ со своею жизнью, для избѣжанія позорнаго плѣна; семейство его погибло: города, облитые кровію, дымящіеся пожарами, остались въ рукахъ побѣдителей; весь востокъ Маньчжуріи, превращенный въ одну провинцію, сдѣлался достояніемъ *юаньской* династіи. Опустошенная изъ края въ край, утратившая большую часть народонаселенія, лишившаяся самобытности, Маньчжурія погрузилась въ прежнее, полудикое состояніе и одни развалины напоминали о недавнемъ величіи. Разслабленіе

нравственныхъ силъ народа было такъ велико, что событія, низвергнувшія владычество монголовъ надъ Китайскою Имперіею, не имѣли для него никакихъ благодѣтельныхъ послѣдствій. *Минь-скій* домъ, возвратившій своему отечеству свободу, легко распространилъ свою власть на восточныя племена, снова жившія отдѣльными группами, безъ единства въ управленіи, безъ силъ оружіемъ защитить отчизну отъ чужеземнаго вліянія. Почти триста лѣтъ длилось время изнеможенія, и только съ концомъ XVI столѣтія состояніе страны начало принимать болѣе опредѣленную форму и на остаткахъ *гинь-скаго* владычества стало созидаться могущество другого дома, которому суждено было: третій періодъ въ образованіи восточныхъ племенъ, начатый еще *Бохаемъ* и продолженный блистательными подвигами *нюйчжэней*, періодъ устроеннаго государства, его политической и исторической жизни, возвести до апогея народной славы и особеннаго значенія, утвердить могущество дома, котораго жизнь и судьбы также небыкновенны и чудны, какъ чудно самое преданіе о его происхожденіи. Главными источниками дальнѣйшаго нашего разсказа были *Кайю-фанъ-лю*, *Минъ-ци-бей-лю* (исторія сѣвернаго Китая при концѣ Миньской династіи) и *Шэнъ-цзи*; есть даже цѣлыя мѣста, которыя совершенно удержаны въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся у авторовъ.

На востокъ отъ *Мукдена* начинается *Чанъ-бо-шань-скій* хребетъ, знаменитый въ сказаніяхъ маньчжурской исторіи. Съ незапамятныхъ временъ восточныя племена привыкли смотрѣть съ религіознымъ благоговѣніемъ на горы, покрытыя вѣчными снѣгами, и, по прихоти суевѣрія, населяли дикія вершины чудесами своего воображенія. Здѣсь, на недоступной высотѣ, царство духовъ, скрывающихся отъ человѣческаго взора, и чудные пары вѣнчаютъ отдѣльную треглавую гору. На вершинѣ ея разлилось большое озеро *Тимунь*, питающее своими драгоцѣнными водами три великихъ рѣки: *Ялу*, *Хунь-тунъ* и *Айху*— три главныхъ системы водъ, орошающихъ Маньчжурію, разсыпающихъ жемчугъ по ея берегамъ. По скату тянутся прекрасныя рощи, какъ будто насажденныя рукою человѣка; въ нихъ обитаютъ рѣдкіе звѣри, которые не страшатся стрѣлъ и не вредятъ человѣку. Подошву опоясываютъ дремучіе лѣса, родная почва корня *жэнь-шэнь* —царя растѣній и корня жизни. Въ цѣни священныхъ для маньч-

чжура горъ, особенно знаменита одна, извѣстная подъ именемъ *Букури*, внизу которой лежитъ озеро *Булкури*. Сюда обыкновенно слетали съ неба три дѣвы: *Энгулэнь*, *Чжэнгулэнь* и *Фэкулэнь*, купаться въ чистыхъ струяхъ. Одинъ разъ горный духъ, превратившійся въ сороку, пролеталъ по берегу озера и бросилъ красный плодъ въ платье младшей изъ дѣвъ, которая, съ вкушеніемъ отъ небеснаго дара, немедленно почувствовала беременность и, лишившись силъ воспарить на небо, осталась одна на дикой горѣ, гдѣ и родила чуднаго мальчика. При самомъ появленіи на свѣтъ, дитя уже умѣло говорить и лицо его сіяло небесною красотою: «Да будетъ прозваніемъ твоимъ *Айжинь-гіоро*, а имя *Букури Іошионь!*» сказала дѣва своему сыну, когда тотъ достигъ полнаго возраста. «Небо родило тебя усмирить мятущееся царство и владычествать имъ. Вотъ челнокъ, садись въ него; плывя по теченію рѣки—и достигнешь твоей страны». Съ симъ послѣднимъ словомъ дѣва поднялась на воздухъ, а лодка привела *Айжинь-гіоро* къ одному мѣсту, гдѣ жили три фамиліи, враждовавшія между собою за право первенства и владычества. Давно уже длился кровавый споръ и партіи, утомленныя борьбою, давно желали мира, водворившагося между ними только съ появленіемъ чуднаго пришлеца. При первомъ взглядѣ на юношу, блиставшаго красотою и величіемъ, враги забыли свои распри, и, когда онъ сказалъ: «я *Айжинь-гіоро*, предназначенный самимъ небомъ владычествовать и царствовать надъ вами» —три фамиліи единодушно признали его своимъ бэйлою. Новый вождь поселился на восточной сторонѣ горы *Чанъ-бо шань*, въ городѣ *Одали*, и далъ своему владѣнію общее имя: *Маньчжу*. Нѣсколько поколѣній, потомки *Айжинь-гіоро* мирно управляли своимъ маленькимъ владѣніемъ, доколѣ одинъ изъ нихъ, несправедливыми поступками, не вооружилъ своихъ подданныхъ, которые истребили весь родъ его, и только одинъ отрокъ спасся отъ общей гибели бѣгствомъ въ дикую степь, гдѣ и провелъ всю свою жизнь, скрываясь въ неизвѣстности. Не ранѣе, какъ уже послѣ нѣсколькихъ поколѣній, является одинъ изъ потомковъ изгнанника, хитростію заманиваетъ болѣе сорока человѣкъ, принадлежавшихъ къ фамиліямъ, прежде возставшимъ противъ владѣтельнаго дома, половину ихъ истребляетъ, другую лишаетъ достоянія, и, наконецъ, самъ поселяется въ *Хэту-ала*, болѣе нежели въ полутора тысячахъ ли отъ первой ре-

зиденціи своего рода, *Одоли*. Со временъ *Чжао-цзу* (такъ называется возстановитель фамиліи *Гіоро*) рядъ наслѣдства идетъ непрерывною линіею и событія начинаютъ получать большій свѣтъ и достовѣрность. Внукъ *Чжао-цзу*, *Синъ-цзу* былъ главою многочисленнаго семейства; пять сыновей его построили вокругъ *Хэту-ала* пять небольшихъ городовъ, а шестой, *Цзинъ-цзу*, вмѣстѣ съ властію отца наслѣдовалъ и его резиденцію; отсюда произошли извѣстные въ исторіи маньчжуръ *Нингута-бэйлэ*, то есть 6 владѣтелей. Изъ дѣтей *Цзинъ-цзу*, особенно были знамениты: старшій сынъ *Ли-дань*, за храбрость получившій названіе *Батуру*, (богатырь) и *Сянъ-цзу*,—отецъ *Тай-цзу*, дѣйствительнаго основателя маньчжурскаго могущества и государства. *Цзинъ-цзу* отличался воинственностью. Съ помощію *Ли-дуня*, онъ мало-по-малу распространилъ свое вліяніе на близъ лежавшіе аймаки, и небольшой городокъ *Хэту-ала* сдѣлался столицею его владѣнія, простиравшагося на двѣсти ли. Успѣхи эти породили зависть и вражду.

Никань-вайлань, житель города *Туруня*, уговорилъ китайскаго пограничнаго правителя, *Ли-чанъ-лина*, идти войною противъ *Атая* и *Агая*, владѣвшихъ городами *Гурэ* и *Шачжи*. Китайскія войска двумя дорогами проникли въ Маньчжурію и *Агай* погибъ, защищая свои стѣны. Не такъ легка была осада *Гурэ*. Крѣпость, расположенная на вершинѣ горы, по самому положенію своему, представляла много препятствій къ покоренію: трудности еще болѣе увеличились отъ храбрости защитника. Слухъ о вторженіи китайскихъ войскъ скоро распространился между сосѣдственными аймаками и *Цзинъ-цзу*, съ отцемъ *Тай-цзу*, поспѣшилъ на спасеніе своей внучки, супруги *Агая*. Между тѣмъ неудачная и продолжительная осада, а равно значительная потеря воиновъ, ослабили духъ китайской арміи и *Ли-чанъ-линъ*, недовольный своимъ предпріятіемъ, уже думалъ предать *Никань-вайланя*, какъ главнаго виновника раздоровъ, въ руки осажденныхъ и тѣмъ окончить свой безуспѣшный походъ. Тогда, страшась за свою жизнь, *Никань-вайлань* поспѣшилъ войти въ тайныя сношенія съ жителями; угрозами и обѣщаніями склонилъ ихъ къ измѣнѣ своему владѣльцу и сдачѣ города въ руки китайскаго военачальника; осажденные убили своего правителя, отворили ворота непріятельскимъ войскамъ, и признали совершенное подданство свое Китайской Имперіи. Но *Ли-чанъ-линъ*, раздраженный потерею своихъ

солдатъ, принесъ всѣхъ жителей въ жертву своего мщенія, а *Никанъ-вайланъ* убѣдилъ вождя убить *Цзинъ-цзу* и *Сянь-цзу*. Этимъ несчастнымъ событіемъ оканчивается доисторическій періодъ Маньчжурской династіи, запечатлѣнный характеромъ чудесъ, покрывшихъ таинственностію и тѣ малочисленные факты, которые сохранила для потомства память народа и его любовь къ своей старинѣ.

Съ гибелью двухъ старшихъ представителей Маньчжурскаго дома, главою потрясеннаго аймака остался 16-ти лѣтній *Нурхаци*, котораго все военное могущество заключалось только въ 13-ти латникахъ, составлявшихъ дружину его отца. Юный возрастъ наслѣдника не обѣщалъ никакой надежды на поддержаніе и защиту владѣній, пріобрѣтенныхъ силою оружія, и малочисленные данники, по смерти завоевателя *Цзинъ-цзу*, спѣшили возвратить свою древнюю независимость. Самые родственники погибшихъ владѣльцевъ, дѣти и внуки (Нингута) бэйлъ, устраненные силою и кровавымъ мщеніемъ Китая, желали одною безусловною покорностію повелѣніямъ сей Имперіи искупить свое жалкое существованіе. Такимъ образомъ, паденіе едва рождавшагося могущества, повидимому, было неизбѣжно и *Нурхаци*, владѣвшій нѣсколькими бѣдными хижинами городка *Хэту-ала*, окруженнаго врагами или измѣнниками, казался беззащитною жертвою честолюбія сильныхъ сосѣдей или подозрительной политики Китая

Но юноша, принявшій владычество надъ остатками расхищеннаго достоянія своихъ отцевъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ лицъ, которыхъ провидѣніе нарочно вызываетъ въ бурныя времена для блага народовъ и великихъ событій. Атлетическое сложеніе, прекрасныя черты лица, взоръ полный огня и проницательности, рѣчь запечатлѣнная суровою важностію и силою, благородные пріемы -- рано доставили безсильному сиротѣ почетное прозваніе: «*Сурэ-бэйлэ*»—мудраго бэйлы; точно также, какъ великія дѣла и благодарность потомства украсили память его именемъ: *Тай-цзу* –верховный предокъ. Отъ природы прямой и твердый характеръ служилъ выраженіемъ воли, не знавшей ни утомленія, ни препятствій, ни страха. Никто изъ батырей того времени не превосходилъ *Нурхаци* въ мужествѣ и отвагѣ: ни чья рука, вѣрнѣе его, не пускала мѣткой стрѣлы съ тугого лука Народъ, хранившій въ своихъ преданіяхъ таинственное пророчество, что скоро среди маньчжуръ возстанетъ

великій завоеватель, не смотря на своихъ повелителей, враждовавшихъ противъ *Тай-цзу*, относилъ къ нему предсказаніе, умножавшее страхъ враговъ и преданность друзей юнаго бэйлы, привлекавшаго къ себѣ общее вниманіе своими ранними потерями и несчастіями.

Будучи десяти лѣтъ, *Нурхаци* уже лишился матери. Вторая жена *Сянь-цзу*, желавшая въ своихъ дѣтяхъ видѣть единственныхъ преемниковъ власти, изгнала *Тай-цзу* изъ родительскаго дома. Лишенный отцовской любви, получивши изъ рукъ честолюбивой мачехи весьма бѣдный участокъ, вдали отъ братьевъ, *Нурхаци* мужественно несъ тяжелое иго гоненія и неизвѣстности, доколѣ внезапный, кровавый переворотъ, лишившій его дѣда и отца, не вручилъ ему главную власть надъ его домомъ, доведеннымъ до гибели и отчаянія.

Въ эти минуты общаго недоумѣнія и страха, 16-ти лѣтній юноша явилъ присутствіе духа, достойное мужа, испытаннаго несчастіями. Рукою, дрожавшею отъ сильнаго душевнаго волненія, съ градомъ слезъ, *Тай-цзу* писалъ къ пограничнымъ правителямъ Китая грозное письмо, въ которомъ именемъ неба клялся въ непримиримой ненависти къ Имперіи, за нарушеніе всѣхъ правъ человѣчества и невинную гибель своихъ предковъ. Тонъ письма поразилъ главу Китая своею необыкновенностью, и правительство сіе, съ одной стороны худо понимавшее истинное положеніе дѣлъ въ *Цзянь чжоу*, съ другой не желавшее призвать на свои границы мщеніе раздраженныхъ племенъ, поспѣшило отправить посла съ извѣщеніемъ, что дворъ ничего незналъ о не давно происшедшихъ событіяхъ, что несчастная кончина двухъ владѣтельныхъ лицъ Маньчжурскаго дома была дѣломъ ошибки и заблужденія и что Богдоханъ готовъ искупить горестныя потери *Тай-цзу* утвержденіемъ его во всѣхъ правахъ его предшественниковъ, и, въ доказательство своего высокаго участія въ скорбяхъ злополучнаго бэйлы, возвращаетъ ему тѣла убитыхъ предковъ, съ подарками —залогомъ дружелюбныхъ чувствъ Китая. Посланникъ этой *Миньской* династіи въ точности исполнилъ повелѣнія своего правительства; но, собравши на мѣстѣ самыя подробныя свѣдѣнія о положеніи страны, онъ съ твердостію отказалъ *Тай-цзу* въ выдачѣ *Никань-вайланя*,—главнаго виновника всѣхъ бѣдствій, и на повторенныя требованія отвѣчалъ угрозою, что Китай въ силахъ лишить своего непокорнаго вассала всѣхъ древнихъ пре-

имуществъ и возвести въ санъ верховнаго правителя страны—врага Маньчжурскаго дома. Слова посланника произвели такое глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, что дѣти и внуки шести бэйлъ, рѣшившіеся силою заставить *Нурхаци* подчиниться волѣ Китайскаго правительства, уже хотѣли произнести клятву подданства новому повелителю,— какъ *Тай-цзу*, понявшій всю важность роковой минуты, прекратилъ свои требованія; а Имперія, довольная наружною покорностію своего данника, оставила его пользоваться титуломъ, не дававшимъ дѣйствительной власти и значенія.

Девять лѣтъ длились такія неопредѣленныя отношенія маленькаго владѣльца къ своимъ непримиримымъ врагамъ и Китаю. Печальное событіе мало-по-малу исчезало изъ общей памяти, и *Никань-вайланъ*, успокоенный бездѣйствіемъ *Тай-цзу*, смѣлѣе обнаруживалъ свои виды на сосѣдніе аймаки. Но юность мужалъ въ своихъ, силахъ, а вмѣстѣ съ ними росло и чувство мщенія, овладѣвшаго всею душою бэйлы. Преданный одной неизмѣнной мысли, онъ не дѣлился ни съ кѣмъ глубокими тайнами своего сердца, и только одинъ былъ наперсникомъ его чувствъ и сокровенныхъ замысловъ. Страшась найти, даже подъ кровомъ родительскаго дома, предателя или явнаго врага, *Тай-цзу* часто удалялся на сосѣднюю гору и здѣсь проводилъ свое время въ долгихъ бесѣдахъ съ своимъ братомъ, и эти бесѣды, всегда сопровождаемыя слезами въ память отца, были посвящены начертанію плановъ борьбы противъ враговъ ихъ рода. Съ вступленіемъ въ 25-ти лѣтній возрастъ, *Тай-цзу* рѣшился осуществить намѣренія давно созрѣвшія въ его душѣ.

1583 года *Нурхаци*, съ 13-ю латниками, неожиданно явился въ воротахъ *Турупя*, гдѣ жилъ *Никань-вайланъ*. Городъ, не приготовленный къ защитѣ, немедленно призналъ надъ собою власть Маньчжурскаго Бэйлы; но *Никань-вайланъ*, со всѣмъ своимъ семействомъ, успѣлъ найти спасеніе въ бѣгствѣ. Неожиданное движеніе *Тай-цзу* возбудило опасеніе во всѣхъ сосѣднихъ владѣніяхъ. Аймаки, отпавшіе отъ Маньчжурскаго владычества и страшившіеся подчиниться власти человѣка, имѣвшаго право мстить за прежнюю измѣну, спѣшили принять сторону *Никань-вайлана*. Потомки шести бэйлъ, видѣвшіе въ дѣйствіяхъ своего родственника одну безумную борьбу противъ Китая, долженствовавшую окончиться совершен-

нымъ истребленіемъ ихъ дома, торжественно, въ храмѣ предковъ, поклялись умертвить безпокойнаго бэйлу, призывавшаго на нихъ вражду Китайской Имперіи. Наемные убійцы слѣдили за всѣми движеніями *Тай-цзу;* неоднократно проникали почти въ самое жилище его; одинъ разъ, подъ самымъ окномъ, палъ отъ меча ихъ вѣрный тѣлохранитель Бэйлы и пожъ предателей уже сверкалъ надъ головою *Нурхаци;* но мужество и провидѣніе хранили жизнь человѣка, предназначеннаго для славы и подвиговъ. Самые родственники и малочисленные друзья *Тай-цзу* подвергались нападеніямъ тайныхъ враговъ, и зять его погибъ, пронзенный стрѣлою неизвѣстнаго убійцы.

Низкая вражда людей, тѣсно связанныхъ съ *Тай-цзу* узами родства и общихъ выгодъ, должна была только усилить дѣятельность предпріимчиваго Бэйлы, для котораго оставалось—побѣдить или умереть. Въ такихъ обстоятельствахъ скрытность и быстрота служили единственными средствами къ спасенію. И вотъ, въ то время, когда враги Маньчжурскаго владѣтеля со дня на день ожидали видѣть предъ собою одинъ трупъ тревожившаго ихъ *Тай-цзу,*— онъ, съ безстрашною горстью воиновъ, идетъ противъ городовъ *Чжао-цзя* и *Мардунь,* знаменитыхъ въ странѣ своею неприступностью. Обѣ крѣпости расположены были на высотахъ, окруженныхъ каменными горами; одни тѣсные проходы вели къ городскимъ стѣнамъ; мѣстами должно было вырубать лѣстницы въ дикихъ скалахъ; всадники почти на себѣ поднимали лошадей на крутизны, гдѣ ожидали ихъ непріятельскія стрѣлы: но полные мужества, подъ прикрытіемъ длинныхъ деревянныхъ щитовъ, они побѣдили природу и враговъ.

Геройскій подвигъ *Тай-цзу* имѣлъ блистательный успѣхъ, родственники Бэйлы, изумленные непреклонностію его и торжествомъ, забыли вражду свою и снова соединились для блага и славы своего дома. Небольшія сосѣднія владѣнія, не надѣясь выдержать борьбы съ опаснымъ врагомъ, искали случая добровольною покорностью примириться съ прежнимъ своимъ повелителемъ; а *Никань-вайланъ,* гонимый мщеніемъ изъ города въ городъ, скрылся въ *Олхонь,* близъ границъ Китая; за оградою нѣсколькихъ аймаковъ, не подчинившихся вліянію *Тай-цзу.*

Удаленіе врага только расширило кругъ дѣятельности для не-

примиримаго бэйлы. Подкрѣпленный силами нѣсколькихъ союзниковъ, онъ обошелъ или покорилъ враждебные аймаки и явился подъ стѣнами небольшого городка, гдѣ *Никань-вайланъ* думалъ оградиться отъ нападенія непріятелей. Бѣглецъ, напрасно искавшій спасенія въ своей родной странѣ, еще надѣялся найти себѣ защиту въ предѣлахъ Китая и въ совершенномъ подданствѣ сей Имперіи; но и за рубежомъ Маньчжуріи преслѣдовало его мщеніе *Нурхаци*. «Скажите пограничнымъ начальникамъ Китайскаго Государства, чтобы они немедленно поймали и выдали мнѣ *Никань-вайлана*; въ противномъ случаѣ я иду противъ Имперіи» говорилъ *Тай-цзу* нѣсколькимъ захваченнымъ въ плѣнъ китайцамъ —и съ этимъ наказомъ возвратилъ ихъ на границу. Какъ ни странны были угрозы ничтожнаго владѣльца, думавшаго предписывать законы тысячелѣтней Имперіи, подобно Китай, забывъ о своемъ вѣковомъ величіи, повиновался волѣ бэйлы и покрылъ свою честь самымъ безславнымъ малодушіемъ. «Намъ стыдно», отвѣчали пограничные правители: «выдать человѣка, признавшаго подданство Имперіи, ввѣрившаго ея высокому покровительству свое спасеніе и честь. Придите сами и умертвите своего врага». 40 человѣкъ маньчжурскихъ солдатъ вступили (1586 г.) въ чужіе предѣлы и отрубили голову *Никань-вайлану*, которому китайцы заранѣе преградили всѣ пути къ дальнѣйшему бѣгству. *Минское* правительство, кромѣ того, спѣшило поднесть *Тай-цзу* пышный титулъ, съ ежегоднымъ окладомъ въ 800 ланъ серебра.

Совершеніе кроваваго суда надъ *Никань-вайланомъ* придало предпріимчивому бэйлэ еще болѣе твердости духа и отваги. Малодушіе Богдоханова двора убѣдило его, что Китай, мало слѣдившій за событіями, совершавшимися внѣ Великой стѣны, далекъ отъ принятія самаго живого участія въ Восточныхъ дѣлахъ, доколѣ онѣ не будутъ имѣть самыхъ близкихъ и непосредственныхъ отношеній къ существеннымъ выгодамъ Имперіи; возвращеніе же нѣсколькихъ аймаковъ подъ власть Маньчжурскаго дома показало, что мелкіе аймаки, оставленные безъ помощи Китая, не въ силахъ бороться съ непоколебимою волею человѣка, рѣшившагося оружіемъ подчинить ихъ своему вліянію. Мудрый бэйлэ ясно понималъ состояніе своей родной страны и тѣ отношенія, въ которыя ставило его къ различнымъ владѣльцамъ Маньчжуріи его недавнее торжество и почетное вниманіе къ нему Китая.

При *Миньской* династіи, Маньчжурія состояла изъ трехъ главныхъ отдѣловъ: *Цзянь-чжоу*, *Хай-си-вэй* и *Ѣ-жэнь-вэй*. Каждый изъ нихъ дѣлился на аймаки, управлявшіеся своими владѣльцами, которые, въ случаѣ крайней опасности, подчинялись власти одного, принимавшаго на себя достоинство верховнаго главы сейма. Аймаки, связанные между собою единствомъ союза, составляли родъ небольшихъ конфедераціонныхъ областей, носившихъ общее названіе. Ихъ было четыре: *Маньчжурская*, состоявшая изъ аймаковъ *Суксуху*, *Хуньхэ*, *Вангянь*, *Донго* и *Чжэчэнь*: *Чянь-бо-шаньская* —изъ аймаковъ *Нэйѣнь* и *Ялу*; *Хулуньская*—изъ аймаковъ *Ѣхэ*, *Хада*, *Хойфа* и *Ула*; наконецъ область *Дунъ-хая*, дѣлившаяся на аймаки *Воцзи*, *Варка* и *Хурха*. Почти всѣ онѣ были между собою въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ по тождеству языка и единству вѣрованій, вытекавшихъ изъ общаго источника—шаманства. Впрочемъ, несмотря на эти два существенныя основанія народной цѣлости, чрезвычайное раздробленіе аймаковъ вело къ непрерывнымъ распрямъ и взаимной ненависти племенъ. Власть главы сейма была такъ ограничена произволомъ частныхъ владѣльцевъ, что союзы болѣе существовали въ одномъ имени, нежели на дѣлѣ.

Цзянь-чжоу и *Хай-си-вэй* составляли средоточіе маньчжурскихъ силъ и образованія. Здѣшнія племена обитали въ городахъ, воздвигнутыхъ въ цвѣтущія времена династій *Ляо* и *Гинь*; жили на почвѣ, ознаменованной великими событіями народной славы. Близость китайской границы ставила ихъ въ непрерывныя отношенія къ сей Имперіи; дѣятельная торговля, связывавшая полуобразованныя племена съ выгодами Срединнаго государства, развивала въ народѣ стремленіе къ улучшенію своего быта и богатству. Земледѣліе шло объ руку со звѣроловствомъ и совершенно изгнало пастушескую жизнь съ ея непрестаннымъ кочеваніемъ. По числу народонаселенія и городовъ, сеймъ *Хулуньскій* былъ самый могущественный въ цѣлой Маньчжуріи; но осторожная политика Китая, страшившаяся соединенія племенъ, раздѣлила тотъ сеймъ на двѣ половины, называвшіяся Сѣверною и Южною заставами, и тѣмъ въ основаніи потрясла могущество союза. Нигдѣ внутреннія неустройства не достигали такой значительности, а взаимныя распри—такого ожесточенія, какъ въ аймакахъ *Хулуньскихъ*.

Ѣ-жэнь-вэй рѣзко отличался отъ другихъ маньчжурскихъ вла-

дѣпій и частными свойствами природы, и особенными чертами народнаго быта. Начиная съ сѣверныхъ предѣловъ *Цзянь-чжоу* до береговъ Восточнаго океана, страна постепенно принимаетъ самый дикій и грозный видъ. Потоки, получающіе свое начало въ аймакахъ южной Маньчжуріи, въ предѣлахъ *Вонзи*, *Варка* и *Хурха*, являются огромными рѣками, оронающими одинъ пустыни. Вмѣсто прихотливыхъ формъ тысячи горъ съ ихъ пирамидальными вершинами, таинственными пещерами, или возвышаются дикія скалы, гдѣ живутъ одни звѣри и хищныя птицы, или тянутся дебри и обширные луга, оканчивающіеся непроходимыми болотами и топями. Прекрасныя рощи, опоясывающія *Чанъ-бо-шанъ*, смѣняются дремучими лѣсами, гдѣ подъ непроницаемымъ сводомъ вѣтвей царство вѣчнаго мрака. Часто, на разстояніи десятковъ верстъ, путешественникъ ни разу не озарится лучемъ солнца; блуждая по извилистымъ тропинкамъ, не найдетъ себѣ надежной защиты отъ бури и звѣрей. Шалашъ, наскоро сдѣланный изъ бересты—единственное пристанище для ночлега, а убитый олень пища, посланная самимъ небомъ для спасенія скитальца. При первыхъ порывахъ вѣтра, тысячи древесныхъ вершинъ приходятъ въ движеніе; непрерывный гулъ, какъ шумъ морскихъ волнъ, несется по безпредѣльному лѣсу; вѣковыя изсохшія деревья падаютъ съ трескомъ, котораго страшные перекаты еще долго вторятся эхомъ. Безчисленныя совы, визжащія *ву* (родъ бѣлки) на каждомъ шагу преслѣдуютъ человѣка своимъ пронзительнымъ крикомъ и умножаютъ ужасъ дикой пустыни. Никто изъ туземцевъ, безъ жертвы духамъ, не вступаетъ въ эти мрачные лѣса, гдѣ, по ихъ понятію, корень шаманства, отчизна отготовъ, шаманскаго бѣсованія, чаръ, заклинаній, магическаго бубна, звоновъ, предъ которыми, если вѣрить преданію, нѣкогда повергались почти всѣ народы средней и сѣверовосточной Азіи; которые и до нынѣ приводятъ въ благоговѣйный трепетъ еще многія гамонныя полудикія племена. Отъ такой дикости мѣстъ самый климатъ получаетъ чрезвычайную суровость, несообразную съ географическимъ положеніемъ страны. Уже въ окрестностяхъ *Ниншуты*, не ранѣе третьей луны (въ концѣ марта) рѣки начинаютъ мало по малу освобождаться отъ льда; но непрестанно, днемъ и ночью, свирѣпствующіе вихри еще замедляютъ наступленіе весны, и деревья еще не развиваютъ почки. Тепло про-

должается не болѣе четырехъ мѣсяцевъ; въ 7-й лунѣ уже начинаются мерзлые пни; въ 8-й выпадаютъ глубокіе снѣга; въ 9-й рѣки покрываются льдомъ; въ 10-й трескается земля отъ жестокихъ морозовъ. Немного далѣе на востокъ отъ *Нингуты* —земледѣліе исчезаетъ; звѣроловство съ полукочевымъ скитальчествомъ преобладаетъ надъ осѣдлостію; города смѣняются жалкими деревнями, разбросанными на большомъ разстояніи одна отъ другой; племена не образуютъ сильныхъ аймаковъ, управляются властію одныхъ родовыхъ старшинъ. Прямодушные и искренніе, какъ дѣти природы, они никогда не стремились къ завоеваніямъ; раздѣленные непроходимыми лѣсами, всегда были безсильны противостать оружію предпріимчиваго непріятеля. Наконецъ, при берегахъ Восточнаго океана, совершенно рѣдѣетъ народонаселеніе и среди маньчжурскихъ поколѣній являются *хэй-цзинь* и *фіеха,* племена совершенно другого происхожденія, чуждыя по языку, несходныя въ образѣ жизни, кроткія нравами, слабыя числомъ. Кольцо въ ушахъ, раскрашенная кожа на тѣлѣ, платье изъ рыбьей шкуры, вышитой цвѣтами, пологъ и подушка изъ черныхъ соболей и лисицъ, кровля устланная лебяжьимъ пухомъ,—вотъ единственные предметы богатства, желаній и честолюбія прибрежныхъ жителей Восточнаго океана. Довольные своимъ состояніемъ и дарами природы, они желали одного мира; болѣе страшились нападеній, чѣмъ сами рѣшались поднять оружіе противъ сосѣднихъ племенъ.

Несравненно могущественнѣе были *Орочоны*, *Дучеры*, *Дахуры* и *Солоны*, обитавшіе по ту и другую сторону Амура. На злачныхъ берегахъ его, съ давнихъ временъ извѣстно было земледѣліе; существовали небольшіе города и укрѣпленія; жили племена, отличавшіяся воинственностію, сильныя числомъ и искусствомъ въ стрѣляніи изъ лука, нѣсколько разъ предписывавшія законы всей странѣ. Но, по странному стеченію обстоятельствъ, амурскія племена слишкомъ отдѣлились отъ общей жизни маньчжуръ и не принимали никакого участія въ событіяхъ, совершавшихся при подошвѣ *Чанъ-бошани.* Подобно всѣмъ своимъ родовичамъ, онѣ страдали зломъ раздѣленія и междоусобій; отъ того половина сихъ воинственныхъ племенъ подчинилась власти монголовъ; другая была безсильна произвесть какой-нибудь переворотъ въ судьбахъ своей отчизны. Такимъ

образомъ, въ концѣ XVI столѣтія, вся Маньчжурія представляла обширное поприще для честолюбивыхъ замысловъ завоевателя.

Тай-цзу, во время дѣйствій противъ *Никань-вайланя* возстановившій древніе предѣлы своего владѣнія, покореніемъ аймаковъ, прилегавшихъ къ берегамъ *Ялу*, соединившій подъ своею непосредственною властію весь округъ *Цзянь-чжоу*, мгновенно получилъ перевѣсъ надъ сосѣдними владѣльцами. Границы Маньчжурскаго Государства простирались до самыхъ предѣловъ Китайской Имперіи; восточный жемчугъ, корень *жэнь-шэнь* и пушные товары шли туда четырмя заставами; въ замѣнъ привозили въ Маньчжурію золото, серебро, драгоцѣнныя ткани, съ множествомъ другихъ предметовъ, необходимыхъ для жизни. Торговля цѣлой страны сосредоточилась въ одномъ округѣ *Цзянь-чжоу*, который выгоднымъ своимъ положеніемъ побѣдилъ соперничество другихъ аймаковъ. Богатства и силы *Тай-цзу* возрастали съ каждымъ днемъ и *Хулуньскій* сеймъ, съ безпокойствомъ смотрѣвшій на каждое новое завоеваніе со стороны маньчжурскаго бэйлы, скоро понялъ опасность, угрожавшую независимости племенъ. Призвавши на помощь войска изъ двухъ *чанъбо-шань-скихъ* и трехъ монгольскихъ аймаковъ, *хулуньскіе* владѣльцы, съ соединенными силами девяти областей, въ числѣ 30,000 воиновъ, спѣшили сокрушить рождавшееся могущество маньчжуръ. Многочисленность враговъ дѣлала борьбу неравною и опасною; при первой вѣсти о приближеніи грознаго ополченія, жители *Цзянь-чжоу* пришли въ волненіе и страхъ. Одинъ бэйлэ, полагавшій всѣ свои надежды на разноплеменность непріятелей, спокойно ожидалъ наступленія бури. Чтобы оживить упавшій духъ своихъ воиновъ, *Тай-цзу*, въ виду малочисленной своей дружины, клялся предъ небомъ въ своей невинности и молилъ тѣни своихъ предковъ: -«чтобы кони его воиновъ неспотыкались въ бою и мечи не выпали изъ рукъ». При горѣ *Гуху*, гдѣ *Тай-цзу*, подъ прикрытіемъ лѣса и неприступной вершины, занялъ твердую позицію, встрѣтились между собою противники. Союзною арміею предводительствовали *Бхэскаго* аймака бэйлэ *Бучжай* и *Хорчинскій Минганъ*. Несчастіе, поразившее въ самомъ началѣ сраженія двухъ главныхъ непріятельскихъ вождей, скоро рѣшило судьбу битвы. Соединенныя войска были разсѣяны и прогнаны; четыре тысячи непріятелей заплатили своею жизнію за

неудачное нападеніе; тысячи шлемовъ и латъ, три тысячи лошадей и младшій братъ бэйлы аймака *Ула*, были наградою для побѣдителей.

Первая и удачная борьба съ многочисленнымъ непріятелемъ, въ открытомъ полѣ, имѣла весьма важныя послѣдствія по тому нравственному вліянію, которое она произвела въ той и другой сторонѣ. *Тай-цзу*, увѣнчанный славою оружія, спѣшилъ сообщить твердыя основанія своимъ завоеваніямъ и аймаку. Какъ великій законодатель, онъ рано постигъ глубокую истину, что развитіе народности есть необходимое условіе для образованія изъ мелкихъ и отдѣльныхъ аймаковъ стройнаго политическаго общества; что утвержденіе живого языка на неизмѣнныхъ началахъ письменности есть самое вѣрное и близкое средство дать разнороднымъ племенамъ характеръ единства и самобытности. Для осуществленія великаго замысла. *Тай-цзу* обратилъ свое вниманіе на монгольскую письменность, и, не смотря на возраженія и предразсудки людей, не понимавшихъ великихъ цѣлей, сильною волею своею облекъ звуки маньчжурскаго языка въ формы и буквы чуждаго алфавита, измѣнивши его сообразно съ коренными условіями своего роднаго языка. Въ 1599-мъ году бы ла обнародована по всему государству новая грамота, долженствовавшая совершенно изгнать монгольскій языкъ, до сихъ поръ употреблявшійся для всѣхъ письменныхъ сношеній. Когда положенъ былъ краеугольный камень народнаго образованія, *Тай-цзу* употребилъ всѣ возможныя мѣры къ развитію численныхъ силъ своего государства. По повелѣнію бэйлы, во всемъ владѣніи сдѣланъ былъ розыскъ о бѣдныхъ, которые, по недостатку въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни, не могли вступить въ брачныя условія. Несмотря на скудость своихъ доходовъ, *Тай-цзу* раздѣлилъ со своими подданными послѣднія богатства, и многочисленныя четы, нашедшія счастіе и довольство подъ кровомъ семейнаго быта, благословляли своего великодушнаго повелителя. Такія же мудрыя мѣры приняты были и въ отношеніи военнаго устройства. До сихъ поръ воины, отправляясь въ походъ, располагались въ бою по родамъ и деревнямъ, подъ управленіемъ своихъ старшинъ; но *Тай-цзу* раздѣлилъ своихъ подданныхъ на роты и ввелъ между ними различныя достоинства и степени. Триста человѣкъ управлялись однимъ офицеромъ, строго отвѣчавшимъ за своихъ подчиненныхъ. Слѣдствіемъ

новаго порядка было то, что войска получили устройство и дисциплину: старѣйшины утратили самостоятельность, вредившую интересамъ цѣлаго аймака; число арміи не зависѣло отъ случая и произвола частныхъ людей; власть и воля бэйлы стали закономъ для всѣхъ.

Геній *Тай-цзу* не остановился на этихъ первыхъ основаніяхъ государственной жизни. Какъ ни благодѣтельно было вліяніе мѣръ, введенныхъ имъ въ управленіе, однакоже онѣ не въ силахъ были мгновенно создать народное величіе, а предпріимчивый духъ *Тай-цзу* требовалъ огромныхъ силъ и многочисленныхъ дѣятелей. Итакъ, онъ обратилъ свое вниманіе на отдаленные аймаки *Дунъ-хяя*, которые не представляли никакихъ трудностей къ завоеванію, между тѣмъ какъ своимъ присоединеніемъ могли доставить маньчжурскому бэйлэ весьма значительное число храбрыхъ воиновъ и вѣрныхъ сподвижниковъ. Отсюда начинается непрерывный рядъ небольшихъ, походовъ въ лѣса *Гирина*, къ берегамъ Восточнаго океана и Амура, походовъ, не сопровождавшихся никакимъ важнымъ отягощеніемъ для народа, почти безъ кровопролитія и боя. Каждый разъ воины *Тай-цзу* приходили съ сотнями и тысячами плѣнныхъ, обремененные богатою добычею соболей и лисицъ. Покоренные пользовались всѣми правами коренныхъ подданныхъ; получали обширныя земли, вступали въ роты, наравнѣ со всѣми участвовали въ наградахъ и добычѣ, отбитой у непріятеля. Соединенные съ маньчжурами религіею, языкомъ, правами, они легко привыкали къ новой отчизнѣ; сроднялись съ ея счастіемъ и выгодами. Молва о цвѣтущемъ состояніи переселенцевъ быстро распространялась отъ одного поколѣнія къ другому; старшины спѣшили явиться съ покорностію и данью предъ лицо Маньчжурскаго Бэйлы, принимавшаго всѣхъ съ радушіемъ и почестью. *Тай-цзу* выѣзжалъ на встрѣчу далекимъ пришлецамъ, угощалъ ихъ пирами, награждалъ богатыми подарками, особенно тѣхъ, которые рѣшались остаться въ Маньчжуріи. Прельщенные ласковымъ пріемомъ и воодушевленными рѣчами о томъ, какъ прежде всѣ племена, раздѣленныя нынѣ несогласіемъ и ненавистью, составляли одно могущественное цѣлое,—старѣйшины одни немедленно становились въ ряды маньчжурскихъ воиновъ, другіе торопились возвратиться въ свои лѣса, чтобы взять свои семейства и переселиться со

всѣмъ родомъ въ новую страну. Подъ вліяніемъ обаянія, они говорили всѣмъ: «*Тай-цзу* желаетъ подданства не для завладѣнія нашими отдаленными и пустынными странами, хочетъ нашего переселенія въ свою страну не для умноженія числа своихъ рабовъ: но чтобы соединить разрозненные члены одного родственнаго семейства, чтобы сдѣлать насъ участниками своего величія, чтобы пріобрѣсти въ насъ другое крыло, для осуществленія своихъ великихъ предначертаній». Слова такихъ радостныхъ вѣстниковъ сильно дѣйствовали и на простой народъ и на владѣльцевъ, льстившихъ себя надеждою возвысить славу своего рода, потому что *Тай-цзу*, желавшій слить племена въ одну нераздѣльную и безразличную массу, уже положилъ начало той обширной системы родства, которая, при его преемникахъ, тѣсно соединила Монголію съ выгодами Китайскаго Императорскаго дома. Владѣльцы, тѣснимые могущественнымъ врагомъ, или почувствовавшіе довольно силы и мужества дать своему аймаку независимость и самобытность, охотно признавали свое подданство Государю, который награждалъ ихъ, соединяя узами брака со своими дочерьми и родственницами, который и самъ милостиво принималъ всѣ брачныя предложенія и союзы съ дочерьми вассаловъ, который повидимому, болѣе желалъ умножить число членовъ своего царственнаго семейства, чѣмъ пріобрѣсти новыхъ данниковъ; онъ хотѣлъ управлять племенами болѣе посредствомъ родственнаго старшинства, чѣмъ силою оружія и законами побѣдителя, и, не нарушая частныхъ правъ владѣльцевъ, придавалъ еще имъ наружный блескъ почета и важности.

Не таковы были дѣйствія враговъ Маньчжурскаго Бэйлы. *Хулунъскіе* владѣльцы, пораженные своею неудачею, сѣшили отправить въ *Цзянь-чжоу* своихъ пословъ съ просьбою о мирѣ и родственномъ союзѣ. Предложенія, совершенно соотвѣтствовавшія тайнымъ видамъ *Тай-цзу*, были приняты: но благодѣтельными слѣдствіями тишины воспользовались одни маньчжуры, а не ихъ противники.

Первоначально главою *Хулунъскаго* семма былъ аймакъ *Хада*, владѣлецъ котораго *Вань-хань* за услуги, оказанныя Китаю, получилъ первенство надъ *Вэ*, *Хой-фа* и *Ула*. Послѣ нѣсколькихъ поколѣній, между старшею и младшею линіями *Вань-хана* загорѣлся кровавый, споръ о правѣ наслѣдства и *Вэ*, завистливо смотрѣвшее на чужія

владѣнія, хотѣло воспользоваться междоусобіями искателей власти. *Хада*, ослабленная внутренними волненіями, обратилась къ Китаю съ просьбою о помощи и покровительствѣ; но сія Имперія, всегда слѣдовавшая одной политикѣ—истреблять варваровъ варварами же, отказалась отъ всякаго участія въ судьбѣ дома *Вань-хана*, несмотря на то, что *Минъскій* дворъ самъ возвысилъ *Хада* надъ другими аймаками, и что паденіе ея вело къ уничтоженію равновѣсія между племенами, а слѣдствія перевѣса одного владѣнія надъ другимъ могли быть пагубны и для самого Китая. Получивши отказъ въ первой своей просьбѣ, жители *Хада* умоляли *Минъское* правительство, по крайней мѣрѣ, позволить имъ переселяться за *Ляо-дунскую* границу, подъ условіемъ совершеннаго подданства и охраненія предѣловъ Имперіи противъ другихъ маньчжурскихъ племенъ; но это новое желаніе *Хада* казалось слишкомъ опаснымъ для Китая, страшившагося ввести враговъ на границы своихъ владѣній,—и потому было совершенно отвергнуто. Тогда *Монгэбулу*, владѣтель угнетеннаго аймака, отправилъ заложниковъ къ *Цзянь-чжоу*, и двѣ тысячи воиновъ *Тай-цзу* или для запятія *Хада*. *Ихэ*, болѣе всего боявшееся вмѣшательства *Цзянь-чжоу*, поспѣшило примириться съ главою сейма и, въ залогъ дружбы, потребовало отъ *Монгэбулу* истребленія двухтысячнаго маньчжурскаго отряда. При первой молвѣ о тайныхъ замыслахъ *Хада*, *Тай-цзу* отправился съ войскомъ наказать измѣнниковъ и гибель аймака была бы неизбѣжна, если бы Китай, недовѣрчиво смотрѣвшій на *Цзянь-чжоу*, наконецъ, не принялъ участія въ *хулуньскихъ* дѣлахъ и не противопоставилъ успѣхамъ маньчжуръ грознаго голоса своихъ запрещеній. Не желая рано начать споръ съ *Минъскимъ* правительствомъ, *Тай-цзу* подчинился волѣ Имперіи; но эта вынужденная покорность послужила новымъ побужденіемъ для бэйлы ненавидѣть Китай. Неудовольствіе *Тай-цзу* достигло высшей степени, когда *Ихэ*, по удаленіи маньчжурскаго войска, снова открыло непріязненныя дѣйствія противъ *Хада*, и когда, несмотря на протестъ *Цзянь-чжоу* противъ насильственныхъ дѣйствій *Ихэ*, Имперія хладнокровно смотрѣла на разграбленіе аймака, только что принятаго ею подъ свое покровительство. Въ политикѣ Китая ясно выразилась вражда противъ Маньчжурскаго Бэйлы и послѣдующія обстоятельства еще несомнѣнѣе доказали, что *Минъскій* дворъ вырвалъ изъ рукъ *Тай-цзу*

его добычу, не изъ желанія спасти домъ *Вань-хана*, но изъ одного опасенія, возбужденнаго въ Имперіи быстрымъ развитіемъ *Цзянь-чжоу*. Когда жители *Хада*, страдавшіе двумя ужасными бѣдствіями, войною и голодомъ, снова обратились къ *Минскому* двору съ просьбою о дозволеніи сдѣлать въ *Кай-юань* закупки хлѣбныхъ припасовъ, Китай, тайно радовавшійся злополучію племенъ, отказалъ въ удовлетвореніи, о которомъ молили его именемъ человѣчества. Не трудно угадать, къ какимъ послѣдствіямъ должна была привести такая политика:—*Хада* добровольно и навѣки присоединилась къ маньчжурскому владѣнію; Китай утратилъ южную заставу, а *Тай-цзу* прекратилъ свои данническія отношенія къ сей Имперіи.

Скоро *Хой-фа* и *Ула* испытали на себѣ печальную судьбу *Хада*. Увлекаемыя навѣтами *Бхэ*, онѣ вооружили противъ себя *Тай-цзу*, тремя походами (въ 1608 году противъ *Хой-фа* и въ 1612 и 1613 годахъ противъ *Ула*) совершенно разрушившаго оба владѣнія.

Покореніе трехъ могущественныхъ аймаковъ *Холунъскаго* сейма должно было измѣнить политическое значеніе *Цзянь-чжоу*, которому не доставало только почетнаго имени, чтобы занять приличное мѣсто среди сосѣдственныхъ государствъ. Еще въ 1607 году монгольскіе владѣльцы, чрезъословъ своихъ, поднесли *Тай-цзу* титулъ *Бэйлы*; но въ то время могущество и власть Маньчжурскаго Бэйлы были такъ неопредѣленны и шатки, что скромный побѣдитель не хотѣлъ пользоваться именемъ, не соотвѣтствовавшимъ тогдашнему положенію дѣлъ. Но когда послѣднія побѣды распространили предѣлы Маньчжуріи отъ береговъ Восточнаго океана до степей Монголіи, и отъ границъ Имперіи до Амура, когда вассалы и данники толпою приходили предлагать свою покорность и услуги завоевателю, и только одно *Бхэ*, обезсиленное паденіемъ союзныхъ аймаковъ, безнадежно боролось за свою независимость; когда пятьдесятъ тысячъ устроенной арміи готовы были, по мановенію своего великаго вождя, бурнымъ потокомъ ринуться противъ враговъ и далеко распространить славу своего оружія; когда народъ и вельможи, одушевленные счастіемъ и подвигами своего повелителя, съ благоговѣйною признательностью, молили его, для блага отчизны и славы своего дома, принять власть и имя верховнаго главы,—*Тай-цзу* уступилъ общимъ желаніямъ, и съ 1616 года начинается царствованіе новаго государя подъ многозначительнымъ именемъ *Тянь-минъ*.

Событіе, столь важное въ исторіи маньчжуръ, не могло не обратить на себя вниманія *Минскаго* двора; по тысячелѣтней политикѣ Китая, всякій инородческій вассалъ, провозгласившій себя независимымъ Государемъ, явно нарушалъ законы Имперіи, считавшей своею неотъемлемою принадлежностью раздавать титулы и утверждать права князей и хановъ. Въ тоже время прибыли послы изъ *Вхэ* сказать Китаю: «что изъ четырехъ *Хулунъскихъ* аймаковъ три уже покорены маньчжурами, что они снова явились на предѣлахъ ихъ отчизны, а поработивши насъ.» говорили послы, «они пойдутъ и противъ Имперіи». При такихъ извѣстіяхъ *Минскій* дворъ не могъ равнодушно смотрѣть на событія въ *Цзянь-чжоу*, и тысяча китайскихъ солдатъ, съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, выступили на помощь *Вхэ*; вмѣстѣ съ тѣмъ усиленъ былъ гарнизонъ въ *Кай-юанѣ*, чтобы на двухъ пунктахъ противопоставить сильный отпоръ дальнѣйшему распространенію маньчжурскихъ завоеваній; наконецъ, отправленъ былъ нарочный посолъ объявить *Тай-цзу*, что всякое непріязненное дѣйствіе противъ *Вхэ* будетъ принято *Минскимъ* правительствомъ за объявленіе войны самому Китаю. Итакъ, одна покорность со стороны маньчжуръ могла подавить войну, грозившую вспыхнуть на предѣлахъ *Ляо-дуна*; но Имперія, отправившая въ *Вхэ* вспомогательный корпусъ, сама нарушила трактатъ, заключенный между Китаемъ и Маньчжуріей, по которому строго воспрещался всякій переходъ за границы того и другого государства, утвержденныя общимъ согласіемъ.

Тай-цзу поклялся дорого отплатить Китаю за вмѣшательство въ Восточныя дѣла. Отложивши на время походъ противъ *Вхэ*, изъ опасенія, что *Минское* правительство воспользуется его отсутствіемъ для нападенія на маньчжурскіе предѣлы, оставленные безъ всякой защиты, Ханъ рѣшился напередъ нанести совершенное пораженіе китайской арміи, заставить Имперію заботиться о собственной безопасности, а потомъ уже, пользуясь смятеніемъ своихъ непріятелей, нанести рѣшительный ударъ послѣднему аймаку *Хулунъскаго* сейма. Два года продолжался сомнительный миръ между Китаемъ и маньчжурами, и въ это время они готовили огромные запасы провіанта, исправляли военные снаряды и дополняли свои роты новыми данниками изъ областей *Дунъ-хая*.

Наконецъ въ началѣ лѣта 1618 года *Тай-цзу*, собравши на совѣтъ князей и вельможъ, объявилъ имъ, что семь кровавыхъ обидъ заставляютъ его поднять оружіе противъ Китая. Какія были эти обиды, вовлекавшія Маньчжурію въ опасную борьбу съ Имперіей, превосходившей своихъ враговъ и числомъ войскъ и богатствомъ вещественныхъ средствъ, Ханъ объявилъ о томъ арміи и чинамъ уже предъ началомъ похода въ храмѣ предковъ. Здѣсь, павши на колѣна, Ханъ вознесъ свои жалобы къ небу на несправедливые поступки *Минскаго* двора, всегда питавшаго вражду противъ Маньчжуріи.

«Отецъ и дѣдъ мой», говорилъ Тай-цзу: «во всю свою жизнь не смяли былинки на границахъ Имперіи, не присвоили себѣ клочка земли; но Китай, напрасно вмѣшавшійся въ чужія дѣла, умертвилъ ихъ безвинно»,

«Долгъ праведнаго воздаянія требовалъ кроваваго мщенія и только одна любовь къ миру заставила меня заключить съ Имперіей трактатъ о границахъ. Послѣ взаимныхъ сóвѣщаній и клятвъ съ той и съ другой стороны, мы положили, чтобы каждый, кто бы онъ ни былъ, маньчжуръ или китаецъ, кто перейдетъ за опредѣленную границу, предавался смертной казни и каждый, кто давалъ свободу перебѣжчику, подвергался суду; но Китай, измѣнивши собственной клятвѣ, послалъ свои войска за границу на помощь *Вэ*».

«А когда я, на основаніи договора, казнилъ нѣсколькихъ подданныхъ Имперіи, которые тайно въ двухъ мѣстахъ переходили за рубежъ, для грабежа и разбоя въ моихъ владѣніяхъ: *Минскій* дворъ, не обращая вниманія на трактатъ, не только потребовалъ у меня отвѣта, но, въ угрозу мнѣ, повелѣлъ предать смерти *Фанъяна* и *Капуру*, посланныхъ мною на границу, для объясненія дѣла».

«Съ другой стороны, владѣлецъ *Вэ*, опираясь только на содѣйствіе Имперіи, на приходъ вспомогательныхъ войскъ изъ Китая, выдалъ въ Монголію свою дочь, еще прежде обѣщанную мнѣ въ слѣдствіе взаимнаго нашего договора».

«Китай высылалъ свои войска опустошать жатву въ *Чайха*, *Сальчара* и *Фанаха*, трехъ областяхъ, искони принадлежавшихъ Маньчжурамъ».

«Китай, слушая навѣты непримиримыхъ нашихъ враговъ, отверженныхъ самимъ небомъ, отправилъ ко мнѣ грамоту, полную пре-

зрительныхъ выраженій, съ дерзкимъ посломъ, нарочно старавшимся вывести меня изъ терпѣнія различными оскорбленіями».

«И прежде, не Китай ли принудилъ меня отказаться отъ *Хада*, когда само небо даровало мнѣ это владѣніе?.. По волѣ Имперіи, я возвратилъ плѣнныхъ жителей покореннаго аймака въ ихъ отчизну; *Ихэ*, въ нѣсколько походовъ, воспользовалось добычею, отнятою изъ моихъ рукъ. Кто не знаетъ, что побѣждаетъ и укрѣпляется въ силахъ только государство, покровительствуемое небомъ; что падаютъ и разрушаются только государства, свыше обреченныя на гибель? Кто можетъ воскресить убитыхъ въ сраженіи? Кто возвращаетъ добычу, пріобрѣтенную побѣдою? Пусть *Минскій* Императоръ, повелитель обширнаго государства, предназначенъ быть главою и всѣхъ другихъ владѣній; но что значитъ та постоянная вражда, которою онъ преслѣдуетъ нашъ Домъ?.. Прежде, аймаки *Хулунскаго* сейма сами начали войну противъ меня, и небо осудившее ихъ поступки покрыло меня своимъ щитомъ. Нынѣ, Китай, увлеченный пристрастіемъ къ *Ихэ*, самъ идетъ противъ истины и справедливости, —и я не въ силахъ болѣе переносить кровавыхъ обидъ; иду мстить Имперіи оружіемъ».

«Не я виновникъ этой войны», сказалъ *Тай-цзу*, обратившись ко всѣмъ бэйламъ и вельможамъ: «праведное мщеніе ведетъ меня къ предѣламъ Китая, и, если оружіе наше увѣнчается побѣдою, то да не будутъ подвергнуты: плѣнники грабежу, женщины поруганію, мужъ и жена разлученію. Упорнымъ смерть, покорнымъ пощада; а каждый изъ васъ долженъ строго смотрѣть за своими солдатами».

Вечеромъ того же дня (т. е. вечеромъ 20-го числа 4-й луны 1618 года), 20-ти тысячная маньчжурская армія, подъ предводительствомъ самаго Хана, выступила изъ *Синъ-цзина* и на другой день остановилась лагеремъ въ стѣнѣ *Фахунь-омо*. Неизвѣстность опаснаго предпріятія, сила Имперіи и гибельныя слѣдствія, которыя поразили бы Маньчжурію, въ случаѣ неудачи, сильно занимали *Тай-цзу*, страшившагося однимъ разомъ потерять плоды продолжительныхъ и тяжкихъ трудовъ. Оставшись въ палаткѣ только съ тремя близкими родственниками, *Тай-цзу*, послѣ глубокаго и долгаго размышленія, сказалъ своимъ спутникамъ: «читалъ я *китайскую* исторію и вижу, что самые великіе государи, не смотря на непрестанныя

войны и безчисленные труды, подъятые ими въ походахъ и бояхъ, были не въ силахъ прочно утвердить свое владычество надъ Имперіею. Нѣтъ, я начинаю борьбу съ Китаемъ не изъ желанія захватить Китайскій престолъ и навсегда воцариться на немъ. Гордость и всегдашняя вражда *Минскаго* двора—вотъ, что заставило меня взяться за оружіе». Тревожное чувство Хана достигло высшей степени, когда, съ наступленіемъ ночи, полился дождь, какъ будто само небо полагало преграду дальнѣйшему движенію маньчжуръ. Немедленно дано было повелѣніе всѣмъ бэйламъ и вождямъ явиться на совѣтъ, и, когда они вошли въ ханскую палатку, *Тай-цзу* встрѣтилъ ихъ словами: «не возвратиться ли намъ домой? Дождь мѣшаетъ продолжать походъ».—«Сколько лѣтъ мы жили съ Китаемъ въ мирѣ, возразилъ бэйлэ *Дай-шань*,—а кончилось тѣмъ, что Китай своими, несправедливыми поступками вынудилъ насъ, съ оружіемъ въ рукахъ идти на его предѣлы. Если воротимся назадъ, снова ли должны мы искать дружбы съ Имперіею, или думать о войнѣ?... Какъ оскорбить армію, готовую, къ бою? И что значитъ дождь? Развѣ у нашихъ солдатъ нѣтъ плащей для себя, колчановъ для стрѣлъ, сайдаковъ для луковъ? Не промокнутъ подъ такой защитой!... Этотъ дождь—предвѣстіе нашего торжества и бѣды для Китая! Враги заснули подъ шумъ падающихъ капель; не ждутъ нашего прихода, не предчувствуютъ, какъ мы нагрянемъ на ихъ предѣлы»! Никто не опровергалъ словъ мужественнаго Бэйлы; самъ Ханъ успокоился при видѣ воинственнаго духа, оживлявшаго вождей. Утромъ армія получила повелѣніе продолжать походъ, неуклонно слѣдуя наказу, данному для руководства полководцевъ и солдатъ въ настоящей кампаніи.

Главное содержаніе этой инструкціи, лучше всего раскрывающей состояніе тогдашней маньчжурской стратегіи, было слѣдующее: первый долгъ вождя—не истощать собственныхъ силъ, напрасно не подвергать опасности своихъ людей. При встрѣчѣ съ многочисленнымъ непріятелемъ—скрыть большую часть своихъ воиновъ, другою приманить его къ засадѣ; тогда побѣда—не сомнѣнна; если же онъ проникнетъ въ тайные замыслы и не дастся въ обманъ: то соединить свои силы, напасть на враговъ и гнаться за ними до перваго города, чтобы по пятамъ бѣгущихъ ворваться въ ворота. При встрѣчѣ съ войскомъ, превосходнымъ въ числѣ, маньчжурскій отрядъ

долженъ заблаговременно и въ порядкѣ отступать до крѣпкой позиціи; здѣсь дожидаться прихода резервовъ, и, уравнявшись съ непріятелемъ, перемѣнить оборонительное положеніе на наступательное. Дѣлать приступы только къ тѣмъ городамъ, о которыхъ напередъ можно быть увѣреннымъ, что они не выдержатъ штурма; напротивъ, даже не приближаться къ городамъ, хорошо укрѣпленнымъ; иначе неудачный приступъ произведетъ гибельное нравственное вліяніе на солдатъ, безполезную потерю въ людяхъ и, съ другой стороны, усилитъ духъ непріятелей. Только побѣда, одержанная съ малымъ урономъ въ своихъ рядахъ, заслуживаетъ похвалу и готъ не вождь, кто устилаетъ путь къ непріятелю трупами своихъ воиновъ. Солдатъ, отлучившійся отъ своей роты или знамени, предается смертной казни. Всякій начальникъ, не чувствующій въ себѣ довольно силы для исполненія возлагаемаго на него порученія, долженъ о томъ предварительно объявить; иначе сотни и тысячи будутъ жертвами его слабости или неопытности. При штурмѣ крѣпостей и городовъ, безразсудно, изъ одной отваги, прежде другихъ не бросаться на стѣны двумъ или тремъ человѣкамъ; но пити дружно, по-ротамъ; ослушники повелѣнія, будутъ ли ранены—не получатъ награды, будутъ ли убиты—не удостоятся почестей. Атаку и ретираду производить по сигналамъ и командѣ.

На 12-й день маньчжурская армія явилась подъ стѣнами пограничнаго китайскаго города *Фу-шунь*. Еще не начиная никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, Ханъ отправилъ къ коменданту письмо, въ которомъ требовалъ немедленной сдачи укрѣпленія. «Иду войною противъ Китая,—писалъ *Тай-цзу*,—за то, что онъ выслалъ вспомогательный отрядъ въ *Ихэ*; впрочемъ совѣтую тебѣ безъ боя покориться мнѣ. Коменданту ли какого-нибудь пограничнаго городка питать надежду на славное окончаніе осады и борьбы?... Въ случаѣ твоего подданства, мои войска прямою дорогою пойдутъ впередъ; въ случаѣ упорства, только напрасно замедлишь мои успѣхи».

«Ты человѣкъ умный; въ состояніи хорошо понимать обстоятельства и время; а я нуждаюсь въ людяхъ, подобныхъ тебѣ, и умѣю ими дорожить. Рука моей дочери (первая степень почестей между моими вельможами) была бы наградою такого человѣка, если бы онъ захотѣлъ предложить мнѣ свои знанія и услуги. За одну покорность

предлагаю тебѣ всѣ прежнія права и достоинства, власть надъ обывателями и солдатами. Ни одинъ солдатъ мой не войдетъ въ городскія ворота, чтобы не разогнать твоихъ согражданъ и тебя не сдѣлать начальникомъ пустыхъ стѣнъ».

«Будешь сражаться? Но какая-нибудь стрѣла, пущенная на удачу и въ толпу, можетъ не пощадить и тебя, а что за радость итти на смерть, когда нѣтъ средства побѣдить? Посмотри на число моихъ воиновъ: подумай, какъ ничтоженъ твой городъ, и пойми, что слова мои—не простыя угрозы, что позднее раскаяніе не принесетъ никакой пользы!... Впрочемъ, предоставляю все это дѣло на собственное твое разсмотрѣніе; только побережись поспѣшностію или неуспѣшною запальчивостію разрушить свое счастіе».

Ли-юнъ-Фанъ, такъ звали коменданта, не заставилъ въ другой разъ повторить себѣ угрозы. Робость овладѣла имъ при одномъ видѣ непріятельской арміи. Не желая обезчестить себя явною измѣною, онъ, по тайному условію съ маньчжурами, позволилъ имъ овладѣть одним*ъ* углом*ъ* городской стѣны, и истребить гарнизонъ, хотѣвшій вступить съ непріятелем*ъ* въ кровопролитный бой. Измѣнникъ былъ милостиво принятъ Ханомъ: городъ срытъ до основанія, тысяча семействъ уведены въ плѣнъ, а войска, высланныя въ погоню за возвращавшимися маньчжурами, были разбиты на голову, самъ же предводитель палъ на полѣ сраженія. Осенью новый набѣгъ на границы Имперіи, совершенное истребленіе десятитысячнаго китайскаго корпуса и покореніе города *Цинъхэ*, крѣпостей: *Фу-ань* и *Сянь-чанъ*— доказали *Минскому* правительству, что для смиренія восточныхъ варваровъ нужны не слова, а оружіе.

Итакъ, жребій былъ брошенъ. И вотъ причины той продолжительной и кровопролитной борьбы, которая угасла только на развалинахъ *Минскаго* владычества,—то военное искусство и тактика, которыми горетъ маньчжуръ распространила свои завоеванія отъ *Тараканя* до *Формозы*, и отъ *Желтаго* моря до *Бирманскаго* королевства, *Ладака*, *Бухары* и *Алтая;* та система, съ одной стороны льстивыхъ обѣщаній, съ другой предательства и измѣны, которая, еще до покоренія маньчжурами Китая, привлекла къ нимъ тысячи его сыновъ, тѣсно соединившихъ свои выгоды съ врагами отечества. Вся дальнѣйшая исторія борьбы между Маньчжурскимъ Ханомъ и

Китайскимъ Государемъ есть непрерывное слѣдствіе семи кровавыхъ обидъ, осуществленіе правилъ, данныхъ арміи во время похода противъ *Фу-шуня* и повтореніе письма къ *Ли-юнъ-Фану*. *Минскій* дворъ въ Пекинѣ не предвидѣлъ всей опасности отъ орды полудикихъ племенъ, болѣе двухъ столѣтій равнодушно подчинявшихся законамъ Имперіи: сынъ *Тай-цзу*, робко вступавшій въ споръ съ древними своими повелителями, не могъ знать, какіе плоды принесутъ три начала, положенныя имъ въ основаніе своей борьбы противъ Китая. Нисколько не думая о завоеваніи земель въ *Ляодунѣ*, Ханъ срылъ города и крѣпости, которыхъ не желалъ и не надѣялся удержать за собою, и спѣшилъ обратить свое оружіе противъ *Ихэ*, ближайшаго и главнаго своего врага; но грозная молва о приближеніи сильной китайской арміи, шедшей вторгнуться въ предѣлы Маньчжуріи, продлила на нѣсколько времени существованіе послѣдняго остатка *Хулунскаго* сейма.

Минскій дворъ, озабоченный положеніемъ своей восточной границы, повелѣлъ *Ляо-дунскому* губернатору *Янъ-хао* отметить маньчжурамъ за набѣгъ на предѣлы Имперіи. 200,000 китайскихъ солдатъ, раздѣленныхъ на четыре корпуса, должны были четырмя дорогами и въ одно время проникнуть во владѣнія *Тай-цзу* и соединиться подъ стѣнами *Синъ-цзина*, столицы Хана. Громадность силъ, къ которымъ спѣшили присоединиться войска изъ *Ихэ* и *Хорчи*, слава полководцевъ, управлявшихъ настоящимъ походомъ, служили вѣрнымъ залогомъ побѣды. Главнокомандующій войскъ, *Янъ-хао*, былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ глубоко изучившій древнюю тактику, такъ высоко цѣнимую китайцами; *Ду-сунъ*, предводитель средняго корпуса, давно уже пріобрѣлъ себѣ имя храбраго и правдиваго генерала. Когда, до начала настоящаго похода, онъ возвращался съ своими войсками съ западной границы, толпы народа бѣжали за поѣздомъ своего любимаго генерала и разъ, тронутый общимъ участіемъ и похвалами, обнаживши свое тѣло, все покрытое ранами и язвами, онъ обратился къ зрителямъ съ словами: «вотъ каковъ вашъ безграмотный *Ду-сунъ*!»—толпа, изумленная множествомъ шрамовъ и струповъ, покрывавшихъ грудь стараго воина, пролила слезы и привѣтствовала его восторженными кликами. Не менѣе знаменитъ былъ и предводитель другого корпуса, *Ли-тинъ*, котораго необык-

новенная физическая сила почти вошла въ пословицу во всей Поднебесной, а опытность и страсть къ войнѣ были отличительными чертами характера. Покинувши службу, не всегда вознаграждавшую тягостные труды, *Лю-тинъ* удалился въ свое *Ляо-дунское* помѣстье, и тамъ, набравши роту удальцовъ, проводилъ свои дни въ ученьи доморощенныхъ солдатъ. Болѣе или менѣе замѣчательны были и прочіе генералы, принявшіе участіе въ настоящей войнѣ.

21-го числа второй луны, 1619 года, китайскія войска должны были перейти за границу; но въ Пекинѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали радостныхъ извѣстій, что каждый день посылали въ армію красное знамя, для ускоренія похода.

Ду-сунъ, пылкій по характеру, презиравшій опасности и враговъ, и самъ горѣлъ желаніемъ скорѣе пожать лавры и присвоить себѣ честь всей кампаніи. Не дожидаясь условленнаго времени, онъ выступилъ изъ *Цинъ-хэ*; каждый день совершалъ двойные переходы и еще до срока достигъ *Хунь-хэ*.

Солнце склонялось къ западу, когда китайскій корпусъ прибылъ къ рѣкѣ, весьма быстрой и опасной для переправы. Солдаты, утомленные продолжительнымъ маршемъ, просили отдыха и отсрочки перехода до другаго дня. Генералъ не слушалъ возраженій; говорилъ, что знамена обращены на востокъ, что армія должна быстро слѣдовать за предзнаменованіемъ побѣды и свою рѣчь заключилъ повелѣніемъ—немедленно отыскать въ рѣкѣ бродъ. Вода была весьма мелка; сверхъ того найдено было нѣсколько десятковъ челноковъ, служившихъ доказательствомъ, что армія застала окрестныхъ жителей врасплохъ. Обрадованный такими извѣстіями, *Ду-сунъ*, снявши съ себя платье, первый, на конѣ, бросился въ воду; вся армія, послѣдовавшая примѣру вождя, въ нѣсколькихъ мѣстахъ начала переправу. Уже большая часть войскъ достигла другого берега, какъ вдругъ маньчжуры, загородившіе верхнее теченіе рѣки, разрушили плотину и внезапный приливъ воды раздѣлилъ армію на двѣ половины. Тысячи погибли въ этомъ неожиданномъ потопѣ, и трепетный холодъ пробѣжалъ даже между тѣми, которые стояли уже на сушѣ. Едва успѣли они построиться въ боевой порядокъ, какъ солнце закатилось и густой туманъ упалъ на землю. Устрашенные своимъ положеніемъ на неизвѣстномъ берегу, среди общаго мрака, предъ

лицомъ невидимыхъ враговъ, китайцы спѣшили зажечь фонари и факелы; но свѣтъ былъ самымъ гибельнымъ предателемъ разстроенной арміи. Маньчжуры, сами прикрытые тьмою, ясно видѣли своихъ озаренныхъ непріятелей: десять тысячъ стрѣлъ сгустились, какъ дождь и ни одна не ударила мимо мѣты. Китайцы еще надѣялись на свою артилерію, но, принужденные стрѣлять изъ свѣта въ мракъ, они били по новой ротѣ, между тѣмъ какъ непріятель, безъ ранъ и потерь, ворвался въ ряды злополучнаго войска и произвелъ ужасную сѣчу. *Ду-суня* погибъ, тѣло его изрублено въ куски: самая вѣстовая стрѣла полководца осталась въ рукахъ побѣдителей; плавающіе трупы и знамена покрыли рѣку и увлечены ея быстрыми волнами.

Печальное извѣстіе о судьбѣ *Ду-суня* заставило *Малина*, предводителя сѣвернаго корпуса, также бывшаго на походѣ, остановить свои дальнѣйшія движенія и укрѣпиться при горѣ *Шан-лянь*. Лагерь былъ обнесенъ тройнымъ валомъ; внѣ его расположены были пушки, подъ защитою конницы; сверхъ того, два десяти-тысячныхъ корпуса, подъ начальствомъ генераловъ *Нань-цзуня-яня* и *Тунъ-лянь-суя*, въ нѣсколькихъ ли далѣе главнаго стана, заняли крѣпкія позиціи, чтобы съ разныхъ сторонъ противостать маньчжурамъ, и спѣшить, куда призывала опасность, которая не замедлила явиться предъ ними.

Четвертый Бэйлэ съ тысячью конныхъ воиновъ ударилъ на лагерь *Тунъ-лянь-суя*, проникъ за окопы, а въ слѣдъ за конницей вошла и маньчжурская пѣхота; тогда, соединенными силами, они обратили всѣ свои дѣйствія противъ одного угла, изрубили повозки, разрушили щиты и привели въ совершенное замѣшательство непріятельскій станъ. Въ то же время самъ *Тай-цзу* бросился на главную китайскую армію, въ числѣ 20,000 расположившуюся при горѣ *Шань-лянь*. Ханъ уже хотѣлъ дать приказаніе своимъ войскамъ занять высоты, чтобы съ вершины горы стремительно опрокинуться на враговъ, но замѣтивши, что непріятель оставилъ окопы и готовится дать рѣшительное сраженіе, *Тай-цзу* замѣнилъ прежній свой приказъ новымъ, спѣшиться всѣмъ и итти въ рукопашный бой. Не успѣло это распоряженіе распространиться по маньчжурскимъ отрядамъ, какъ китайская армія, въ строгомъ порядкѣ, быстро двинулась впередъ. Въ эту минуту рокового замѣшательства, бэйлэ *Дай-шань*, схватившій знамя, бросился съ своею конницею на встрѣчу китайскому войску;

примѣру своего брата послѣдовали другіе два сына *Тай-цзу* и атака превосходной конницы, летѣвшей во весь опоръ, была такъ стремительна и ужасна, что бойлы прорвались сквозь весь непріятельскій строй и очутились въ тылу изумленной арміи; въ то же время солдаты шести знаменъ, не выстроившись въ боевую линію, не слушая никакихъ приказаній, ударили на фронтъ, и войско *Ма-лина*, поражаемое съ двухъ сторонъ, разсыпалось, какъ черепица и высохшая грязь. Не многіе, съ своимъ полководцемъ, успѣли уйти въ *Кай-юань*; двадцать тысячъ воиновъ изъ *Бэ*, шедшіе на помощь *минской* арміи, при вѣсти о бѣгствѣ *Ма-лина*, воротились съ половины дороги; такимъ образомъ два китайскихъ корпуса были разбиты, разсѣяны и уничтожены.

Впрочемъ, еще 120.000 готовы были дорого отмстить маньчжурамъ за гибель своихъ товарищей. Войска *Ли-жу-бо* и *Лю-тина*, каждое далеко превосходившее своимъ числомъ армію Хана, не зная ничего о недавнихъ событіяхъ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія и неудачи, съ полными надеждами на побѣду подвигались внутрь страны; но *Нинъ-хао*, пораженный ужасными извѣстіями, послалъ къ обоимъ Генераламъ повелѣніе— отступить къ предѣламъ Китая. *Ли-жу-бо* возвратился, а *Лю-тинъ*, уже миновавшій всѣ опасныя мѣста и уже бывшій только въ 50 ли отъ *Синъ-цзина*, не могъ получить во время приказанія. Строгость и порядокъ, съ которыми шли войска, искусство стрѣлковъ и канонеровъ, рогатки, телѣжные лагери и собственная опытность полководца, охраняли корпусъ, оставшійся среди непріятельской страны. Сами маньчжуры хорошо знали искусство своего противника, и потому рѣшились сперва прибѣгнуть къ обману, а послѣ уже къ бою.

Къ *Лю-тину* явился шпіонъ, въ видѣ офицера *Ду-суновой* арміи и съ вѣстовою стрѣлою погибшаго полководца. Плѣнный китаецъ, принявшій на себя такую опасную роль, объявилъ *Лю-тину*, что *Ду-сунъ* уже подъ стѣнами *Синъ-цзина* и ждетъ только немедленной помощи для нанесенія непріятелю рѣшительнаго и послѣдняго удара. «Я не конюхъ *Ду-суна*», холодно сказалъ *Лю-тинъ* при видѣ стрѣлы, уязвившей его самолюбіе. «Вашъ гнѣвъ справедливъ, возразилъ гонецъ, —стрѣла посылается только къ низшимъ: но, генералъ, подчиненные не дожидаются ея прихода; при одной молвѣ, они спѣшатъ,

куда призываетъ ихъ голосъ главнаго вождя. Стрѣла эта послана со мною только въ доказательство критической важности обстоятельствъ, и какъ несомнѣнный залогъ истины моихъ словъ». «Отъ чего же я не слышу вѣстовой пушки? Развѣ *Ду-сунъ* забылъ о томъ, какъ при переходѣ чрезъ границу, на общемъ собраніи положено было: кто прежде другихъ достигнетъ непріятельской столицы, тотъ долженъ подавать сигналы пушечною пальбою»?.. «Маньчжурская земля — не то, что наше Срединное государство! Здѣсь нѣтъ маяковъ; всѣ извѣстія передаются чрезъ нарочныхъ, и если бы на разстояніи 50 ли отъ города разставить пикеты и приказать имъ стрѣлять изъ пушекъ; то и тогда нельзя было бы подать вѣсти скорѣе гонца, смѣняющагося по станціямъ». *Лю-тинъ* задумался, а мнимый посланникъ *Ду-суна* сдѣлалъ обычное колѣнопреклоненіе предъ полководцемъ и вышелъ изъ палатки. «Дожидается вѣстовой пушки», сказалъ маньчжурамъ возвратившійся гонецъ, и громъ пальбы раздался въ окрестностяхъ *Синъ-цзина*.

Между тѣмъ *Лю-тинъ*, въ досадѣ на то, что одному *Ду-суну* достанется слава цѣлаго похода, не замѣтилъ страннаго бѣгства гонца и далъ повелѣніе своимъ войскамъ итти впередъ. По мѣрѣ приближенія къ непріятельской столицѣ, выстрѣлы дѣлались слышнѣе, а нетерпѣніе *Лю-тина* возрастало болѣе и болѣе. Онъ думалъ, что между *Ду-суномъ* и маньчжурами завязалось жаркое дѣло и что, можетъ быть, въ сію минуту рѣшается судьба цѣлой войны и счастливый соперникъ его вѣнчается лаврами, похищенными у него однимъ разстояніемъ. Армія шла самымъ скорымъ маршемъ; но китайскому генералу казалось, что движеніе ея слишкомъ медленно, и потому сперва оставленъ былъ тяжкій лагерь, за нимъ брошены рогатки; наконецъ, при вступленіи на узкую дорогу, конница раздѣлена была на четыре полка, а пѣхота, вмѣстѣ съ корейцами, далеко отстала сзади, подъ начальствомъ *Канъ-инъ-цяна*.

Маньчжуры только и ждали этой минуты. Четвертый Бэйлэ явился съ своею конницею на высотахъ *Абудали*, гдѣ отдыхалъ отрядъ самого *Лю-тина*, и съ крикомъ и стрѣлами напалъ на изумленнаго непріятеля. Въ то же время Бэйлэ *Дай-шанъ*, съ распущенными знаменами *Ду-суна* и многочисленнымъ войскомъ, одѣтымъ въ платье китайскихъ солдатъ, приближался съ противоположной стороны къ обма-

путому *Лю-тину* и ударилъ на него съ тыла. Пораженіе было неизбѣжно; самъ полководецъ погибъ; его солдаты или захвачены въ плѣнъ, или истреблены, и даже пѣхота, успѣвшая занять выгодное мѣсто, была разбита и разсѣяна, а 5,000 корейцевъ сдались маньчжурамъ.

Такъ кончился первый походъ китайской арміи противъ Маньчжуріи, походъ, отъ котораго весьма многаго ожидали дворъ и государство. 50 тысячъ маньчжуръ сокрушили непріятеля, въ пять разъ превосходившаго ихъ числомъ, съ небольшимъ уронмъ въ своихъ рядахъ устлали поля трупами враговъ, получили въ добычу верблюдовъ, лошадей, латъ, пушекъ, багажа и всякихъ военныхъ снарядовъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ штукъ. Въ теченіи одного мѣсяца кампанія была совершенно окончена; ни одного воружепнаго китайца не осталось въ предѣлахъ *Цзянь-чжоу*, а въ слѣдующей лунѣ побѣдители, въ свою очередь, внесли оружіе въ границы Имперіи и *Малинъ* съ изумленіемъ увидѣлъ маньчжуръ подъ стѣнами *Кай-юаня*, куда скрылись остатки двухъ сотъ тысячной арміи. Городъ былъ взятъ; три дня воины Хана пересчитывали плѣнниковъ и, за наступленіемъ жаровъ, возвратились въ свою столицу; осенью того же года покорили *Вхэ* и въ цѣлой Маньчжуріи не осталось ни одного аймака, признававшаго надъ собою Китайское владычество.

Имперія не могла повѣрить своему несчастію. Главнокомандующаго, съ нарочнымъ курьеромъ и въ цѣпяхъ, вытребовали ко двору, гдѣ долженъ былъ начаться надъ нимъ самый жестокій и несправедливый судъ. Враги успѣли увѣрить правительство, что всѣ бѣдствія похода были злоумышленнымъ дѣломъ *Янъ-хао* и *Ли-жу-бо*, завидовавшихъ *Ду-суну*. Явились люди, которые говорили, что при самомъ переходѣ за границу *Ли-жу-бо* съ хитрою улыбкою сказалъ *Ду-суну*: «Вамъ предоставляемъ всю славу войны»; что *Ду-сунъ*, довѣрчивый по природѣ, съ удовольствіемъ принялъ такое предложеніе и горѣлъ желаніемъ осуществить его на дѣлѣ, а мѣжду тѣмъ *Янъ-хао* и *Ли-жу-бо* надѣлили простодушнаго генерала подкупленными проводниками, которые должны были навести его на гибельную засаду, и дали тайное извѣстіе маньчжурамъ о всѣхъ движеніяхъ *Ду-суна*, особенно страшнаго для непріятелей; что отступленіе *Ли-жу-бо* не было слѣдствіемъ приказанія, даннаго по случаю разбитія средняго корпуса, но такая же хитрость людей, рѣшившихся вмѣстѣ съ

Ду-сумомъ погубить и *Лю-тина*, затмѣвавшаго ихъ своими талантами и счастіемъ; что, еще до начала кампаніи, *Ли-жу-бо* получилъ отъ *Янъ-хао* это повелѣніе, для приведенія его въ исполненіе, при первомъ удобномъ случаѣ. Оправданія подсудимыхъ не были приняты и, по приговору враждебной партіи, *Янъ-хао* и *Ли-жу-бо*, должны были жизнью заплатить за жизнь *Ду-суна* и *Лю-тина*.

Преемникомъ несчастнаго главнокомандующаго былъ назначенъ *Сюнь-тинъ-би*, человѣкъ съ рѣдкими дарованіями, твердымъ характеромъ и тою опытностію, которой требовало опасное положеніе дѣлъ на восточной границѣ. Побѣды маньчжуръ распространили страхъ по всему *Ляо-дуну:* народъ и солдаты бѣжали изъ городовъ и крѣпостей; на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ ли не видно было человѣческаго слѣда и общая молва, какъ въ Пекинѣ, такъ и во всемъ Китаѣ, родила убѣжденіе, что потеря *Ляо-дуна* неизбѣжна.

Сюнь-тинъ-би, прибывши къ мѣсту своего назначенія, первымъ долгомъ своимъ поставилъ призвать бѣжавшихъ и переселившихся, сдѣлать войскамъ самый строгій разборъ, а главное обратить войну наступательную въ оборонительную. Собравши 180.000 воиновъ, онъ раздѣлилъ ихъ по городамъ и заставамъ: *Ай-инъ*, *Цинъ-хэ*, *Фу-шунь*, *Чай-хэ*, *Синь-ча* и *Чжэнь-цзянъ*. Каждое изъ этихъ укрѣпленій должно было собственными силами обороняться противъ непріятеля малочисленнаго и требовать помощи отъ другихъ, если могущество враговъ угрожало неизбѣжною опасностью; изъ самыхъ отборныхъ солдатъ образованы были летучіе отряды для того, чтобы, пользуясь оплошностью противниковъ, истреблять ихъ отдѣльные патрули, снимать пикеты и тревожить земледѣльцевъ и пастуховъ. Отряды должны были смѣняться по очереди, выходить въ поле только при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Такая охранная система принесла спокоствіе и миръ въ страну, прежде полную уныніе и страха. *Тай-цзу*, бѣдный осадными орудіями, не рѣшался итти на покореніе городовъ, защищаемыхъ многочисленными гарнизонами; непріятель не выходилъ въ чистое поле, гдѣ съ полнымъ успѣхомъ могла бы дѣйствовать конница, составлявшая главную силу маньчжуръ, а постоянная осторожность китайцевъ препятствовала безнаказанно грабить предѣлы Имперіи. Больше года царствовала тишина и, можетъ быть, она надолго остановила бы успѣхи *Тай-цзу*, если бы Китай самъ не разрушилъ своей защиты.

При дворѣ съ неудовольствіемъ смотрѣли на видимое бездѣйствіе главнокомандующаго, и низкія интриги, погубившія *Янъ-хао*, грозили его преемнику. Былъ сдѣланъ докладъ Китайскому Государю о странности распоряженій *Ляо-дунскаго* губернатора, и государственный стряпчій, никогда не видавшій непріятеля, не знавшій, что такое война, осмѣлился представить дѣйствіе опытнаго полководца въ самомъ превратномъ видѣ. Оскорбленный *Сюнь-тинъ-би* написалъ рѣзкое оправданіе всѣхъ дѣйствій, отказался отъ всѣхъ должностей, отослалъ къ Государю знаки своего достоинства и власти, и, какъ подсудимый, сѣлъ на рогожу, въ ожиданіи воли правительства. Рѣшеніе скоро послѣдовало; *Сюнь-тинъ-би* отставленъ и его мѣсто занялъ *Юань-инъ-тай*. Скоро одно неожиданное обстоятельство доказало двору всю бѣдственную важность его ошибочныхъ дѣйствій.

Среди восточныхъ монгольскихъ аймаковъ открылся жестокій голодъ; множество народа, вступивши въ китайскія границы, просило хлѣба и принятія въ подданство. *Юань-инъ-тай* доказывалъ, что если не будетъ исполнено желаніе пришлецовъ, то они немедленно отдадутся въ руки враговъ Имперіи, и, на основаніи такихъ соображеній, принялъ монголовъ подъ свое покровительство и поселилъ ихъ въ двухъ главныхъ городахъ *Ляо-дуна: Ляо-янѣ* и *Шэнъянѣ*. Мѣра, принятая главнокомандующимъ, подверглась общему порицанію; говорили, что принятіе въ подданство было сдѣлано безъ всякаго различія; что, вѣрно, въ толпѣ этихъ нищихъ кроются шпіоны, подосланные маньчжурами, и что, слѣдовательно, всего безопаснѣе возвратить ихъ на прежнія жилища. *Юань-инъ-тай* не обратилъ вниманія на возраженія, но пришлецы скоро отбили у жителей дома, женъ и дочерей; народъ негодовалъ и на самого главнокомандующаго и на правительство, дозволившее ворваться грабителямъ въ мирныя жилища гражданъ. Тайные приверженцы маньчжуръ старались всѣми мѣрами раздувать искры общихъ неудовольствій, такъ что, мало-по-малу, въ обоихъ городахъ образовалась весьма значительная партія въ пользу Хана, умѣвшаго своими дѣйствіями и обѣщаніями пріобрѣсти расположеніе и угнетенныхъ китайцевъ, и безчинствовавшихъ монголовъ. Когда, такимъ образомъ, умы жителей были предуготовлены къ измѣнѣ, *Тай-цзу*, весною 1621-го года, явился подъ стѣнами *Шэнь-яна*.

Маньчжурская армія разбила свой станъ въ 7 ли отъ города, который въ нѣсколько рядовъ обнесенъ былъ каналами и рвами, огражденъ тыномъ, батареями, щитами, телѣжными лагерями, и защищался 70,000 воиновъ, расположенныхъ внутри и внѣ стѣнъ. Оборона производилась съ самою строгою дисциплиною и взятіе *Шэнь-яна* стоило бы непріятелю чрезвычайныхъ потерь, еслибы случай и измѣна не помогли осаждавшимъ. Одинъ разъ пьяный комендантъ города, *Хэ-ши-сянь*, завидѣлъ нѣсколько маньчжурскихъ отрядовъ, далеко отдѣлившихся отъ главной своей арміи. *Хэ-ши-сяню* захотѣлось истребить удальцовъ, тысячи всадниковъ, казалось, достаточно для совершенія предпріятія и комендантъ, оставивши городъ, ввѣренный его защитѣ, поскакалъ въ погоню за отрядами. При видѣ, несущагося непріятеля, маньчжуры все подавались назадъ, доколѣ не привели китайскаго генерала къ засадѣ. Тогда *Хэ-ши-сянь*, въ свою очередь, принужденъ былъ отступать и сражаться, уже онъ достигъ самаго города и спасеніе было несомнѣннымъ, какъ монголы, преданные Хану, разрушили мосты и комендантъ, получившій 14 ранъ, палъ при воротахъ *Шэнь-яна*, который, съ потерею главнаго своего защитника, легко перешелъ въ руки маньчжуръ. Городъ былъ уже во власти *Тай-цзу*, когда прибылъ новый корпусъ на помощь осажденымъ. Не смотря на свою малочисленность и поздній приходъ, китайцы рѣшились дать сраженіе—и закипѣлъ бой, небывалый отъ самаго начала военныхъ дѣйствій, по лѣвую сторону рѣки *Ляо*. Окруженные въ нѣсколько рядовъ своими врагами, они дрались на смерть; но мужество должно было уступить числу—и побѣдоносные маньчжуры достигли *Ляо-яна*, гдѣ находился самъ главнокомандующій.

Юань-инъ-тай, собравши изъ всѣхъ ближайшихъ городовъ гарнизоны и войска, надѣялся дать сильный отпоръ приблизившемуся Хану, доколѣ первая неудачная битва, въ открытомъ полѣ, не заставила китайскаго полководца возратиться подъ прикрытіе городскихъ стѣнъ, скоро также оказавшихся непадежными противъ мужества и оружія враговъ. Послѣ кровопролитной осады, гдѣ съ той и другой стороны тысячи заплатили жизнью за свою неустрашимость, на одномъ углу городской стѣны водружено знамя *Тай-цзу*. При видѣ этого символа побѣды, жители пришли въ страшное волненіе; предъ

глазами своихъ воиновъ, еще съ ожесточеніемъ дравшихся на стѣнахъ и улицахъ, готовились къ великолѣпной встрѣчѣ Маньчжурскаго Хана. Цѣлую ночь длилась страшная сѣча; кто искалъ смерти, тотъ погибъ; кто искалъ спасенія, тотъ бѣжалъ. *Юань-инъ-тай* сжегъ себя на одной башнѣ, и съ разсвѣтомъ весь городъ былъ во власти маньчжуръ. Утромъ дома были увѣшаны красными шелковыми матеріями; разряженныя женщины стояли въ воротахъ своихъ жилищъ; мущины, съ куряшимися благовонными свѣчами и тріумфальною колесницею, вышли на встрѣчу *Тай-цзу*, который, въ сопровожденіи своей арміи, торжественно въѣхалъ въ покоренный *Ляо-янъ*, при громкихъ привѣтственныхъ крикахъ народа: «*Вань-нянь, Вань-суй*»! Слѣдствіемъ завоеванія главнаго города въ *Ляо-дунѣ* было то, что всѣ, лежавшіе на востокѣ отъ рѣки *Ляо-хэ*, крѣпости остроги, станціи, лагери, 5 округовъ и, наконецъ, свыше 70 большихъ и малыхъ городовъ, одинъ за другимъ, пали къ ногамъ побѣдителей.

Хану не хотѣлось разстаться съ такимъ множествомъ пріобрѣтеній. Рѣшившись прочно утвердить свое владычество въ новопокоренной странѣ, *Тай-цзу* собралъ всѣхъ своихъ бэйлъ и генераловъ на совѣтъ, для рѣшенія, общими силами, вопроса о томъ: должны ли маньчжуры возвратиться домой, или навсегда переселиться въ *Ляо-янъ*?—Совѣтники Хана не предавались честолюбивымъ мечтамъ; любовь къ родинѣ влекла ихъ подъ кровъ своихъ семействъ, и единодушнымъ отвѣтомъ былъ крикъ: «домой»!—«Какъ!» возразилъ *Тай-цзу:* «оставить землю полную городовъ и народа, откуда такъ легко итти войною и на Китай, и на Монголію, и на Корею; оставить для того, чтобы снова обагрять ее своею кровію? Нѣтъ! Само небо даровало мнѣ эту страну—и я поселюсь въ ней»!—«Воля Хана законъ для насъ» отвѣчали бэйлы, и переселеніе столицы въ *Ляоянъ* было рѣшено.

Непрестанныя потери, близкое сосѣдство маньчжуръ, наконецъ, заставили *Минскій* дворъ вспомнить о человѣкѣ, нѣкогда такъ несправедливо удаленномъ отъ важнаго поста. Китайскій Императоръ, повелѣвъ разжаловать людей, навѣтами и пристрастнымъ судомъ содѣйствовавшихъ паденію *Сюнь-тинъ-би*, одобрилъ дѣйствія низвергнутаго генерала, и предложилъ ему снова занять мѣсто, обратившее на себя вниманіе цѣлой Имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ прави-

тельство признало необходимымъ, учредить три новыхъ губернаторства, въ городахъ: *Дэнъ-чжоу*, *Лай-чжоу* и *Гуанъ-нинъ;* подчинить ихъ власти *Цзинъ-лю*, долженствовавшаго утвердить свою квартиру въ *Шанъ-хай-гуанъ;* а, до прибытія главнокомандующаго къ мѣсту назначенія, управленіе восточными дѣлами ввѣрить *Ванъ-хуа-чжэню*, губернатору *Гуанъ-нина.*

Какъ ни спѣшилъ *Сюнь-тинъ-би* скорѣе явиться въ *Ляо-дунъ;* но онъ не могъ предупредить распоряженій своего временнаго намѣстника, который основалъ шесть лагерей по берегамъ *Ляо-хэ* и разослалъ большую часть арміи по городамъ: *Сы-тинъ, Чжэнь-у, Люхэ* и *Пань-шанъ.* Главнокомандующему не нравился планъ, раздроблявшій военныя силы. «Въ настоящее время,—говорилъ *Сюнь-тинъ-би,*—болѣе всего должно защищать *Гуанъ-нинъ.* Учрежденіе лагерей только ослабило армію. Если маньчжуры сдѣлаютъ внезапный набѣгъ, тайно перейдутъ чрезъ *Ляо-хэ* и разобьютъ только одинъ какой нибудь лагерь; то изъ всѣхъ другихъ солдаты сами обратятся въ бѣгство. По моему мнѣнію, должно учредить при берегахъ разъѣздные патрули, ходить дозоромъ, попеременно, для скрытія числа ихъ; отъ рѣки до *Гуанънина* устроить маяки и при нихъ пикеты, для немедленной передачи извѣстій; а главную армію сосредоточить въ *Гуанъ-нинъ,* и здѣсь, подъ защитою глубокихъ рвовъ и высокихъ валовъ, ожидать непріятеля». Но губернаторъ самъ имѣлъ притязанія на стратегическую опытность; къ тому же, прежнія непріятныя отношенія къ *Сюнь-тинъ-би,* желаніе поддержать свой планъ и природное упрямство вооружили *Ванъ-хуа-чжэня* противъ всѣхъ мѣръ и предложеній главнокомандующаго. Даже губернатору казалось, что совершенно ненужно заботиться о морскихъ силахъ въ *Дэнъ-чжоу* и *Лай-чжоу,* ибо на островѣ *Пидао* живетъ китайскій генералъ *Мао-вынь-лунъ;* не зачѣмъ трудиться надъ наборомъ солдатъ, заготовленіемъ ремонта, латъ и военныхъ снарядовъ,—есть вспомогательный корпусъ изъ 40,000 Чахарскихъ монголовъ; напрасно запасать провіантъ для людей, кормъ для скота,—у жителей *Ляо* есть крупа и ведра, полныя воды и вина; излишнія были бы хлопоты искать проводниковъ,—у Маньчжурскаго Хана живетъ *Ли-юнъ-фанъ:* онъ поспѣшитъ выти на встрѣчу китайскимъ войскамъ, укажетъ имъ вѣрный и ближайшій путь къ славѣ и добычѣ; даже не должно поправлять городовъ и крѣпостей,—

непріятель, въ *Ляо-янѣ* и *Шэнь-янѣ*, много настроилъ новыхъ. Тщетно *Сюнь-тинъ-би* всѣми мѣрами старался доказать своему противнику, какъ опасно вѣрить преданности жителей *Ляо*, какъ,еще хуже того, возложить всѣ свои надежды и спасеніе на помощь монголовъ, или основывать свои планы и успѣхи на содѣйствіи измѣнника *Ли-юнъ-фана;* что въ самомъ *Гуанъ-нинѣ* много непріятельскихъ шпіоновъ и что, наконецъ, нельзя же не привести въ исправное положеніе рвы, валы, лагери, города и не защищать ихъ съ самою неусыпною осторожностью. «Что много разсуждать?—вскричалъ губернаторъ:—пусть только дадутъ мнѣ 60,000 корпусъ, и я смету непріятеля съ лица земли, разрушу города его до основанія». Послѣ такого разногласія въ мнѣніяхъ, дѣло было перенесено въ Пекинъ, на рѣшеніе самого правительства.

Къ несчастію Имперіи и *Сюнь-тинъ-би*, въ китайской столицѣ хорошо знали его строгій и прямодушный характеръ; при дворѣ было много людей, которые чувствовали себя неправыми предъ *Ляодунскимъ* главнокомандующимъ; внезапная милость Императора, вызвавшая изъ частной жизни несправедливо осужденнаго полководца, страшила виновныхъ любимцевъ и временщиковъ; предсѣдатель военной платы, *Чжанъ-хэнъ-минъ*, человѣкъ, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣло рѣшеніе вопроса, былъ на сторонѣ губернатора; самому сыну неба (Богдохану) нравилась воинственная отвага *Ванъ-хуа-чжэня:* и большинство голосовъ было на сторонѣ людей, вполнѣ увѣренныхъ, что великая китайская нація создана для войны наступательной. Слѣдствіемъ такого воззрѣнія на положеніе дѣлъ въ *Ляодунѣ* было то, что у *Ванъ-хуа-чжэня* находилась подъ командою 140,000 армія, а у *Сюнь-тинъ-би* ни одного солдата, за то имя главнокомандующаго.

Въ непродолжительномъ времени открылся губернатору случай доказать (предъ Китаемъ) мудрость своихъ распоряженій. Зимою 1621 года маньчжуры перешли рѣку; прибрежные жители, бѣжавшіе при видѣ враговъ, разнесли повсюду страшную молву о нашествіи многочисленнаго непріятеля. *Ванъ-хуа-чжэнь*, ввѣрившій всѣ свои войска любимцу своему *Сунъ-дэ-шуну*, просившему, чтобы дарованъ былъ ему этотъ случай покрыть свое имя безсмертною славою и заслугами, приказалъ этому генералу итти на помощь крѣпости

Сы-пинъ, осажденной Ханомъ. Гарнизоны всѣхъ ближайшихъ городовъ должны были соединиться съ главной китайской арміей, скоро встрѣтившейся съ маньчжурами. При самомъ началѣ сраженія *Сунъ-дэ-гунъ* первый обратился въ бѣгство, за нимъ разсѣялись войска изъ *Чжэнь-ву* и *Люй-юна*, а *Лю-цюй-ци*, одинъ вѣрно исполнявшій свой долгъ, погибъ во время боя. Маньчжуры сами не вѣрили своей побѣдѣ; страшась обмана и засады, они не двигались впередъ, доколѣ *Сунъ-дэ-гунъ*, трепетавшій отвѣта предъ правительствомъ, не вошелъ въ тайныя сношенія съ *Тай-цзу* и не убѣдилъ его въ дѣйствительности неожиданнаго торжества. Китайскій генералъ захотѣлъ оказать еще другую услугу своимъ новымъ друзьямъ; онъ распустилъ ложный слухъ, что маньчжуры уже вблизи *Гуанъ-нина*. Жители подняли ужасную тревогу; никто не хотѣлъ изслѣдовать справедливости молвы; самъ *Ванъ-хуа-чжэнь*, повелитель 140,000 арміи, не знавшій истиннаго положенія дѣлъ, ускакалъ изъ города, сопровождаемый только двумя слугами, бѣжавшими за своимъ господиномъ. При рѣкѣ *Да-линъ-хэ* бѣглецы встрѣтились съ *Сюнь-тинъ-би*, который, при извѣстіи о вторженіи маньчжуръ, собралъ изъ окрестностей нѣсколько тысячъ войска и спѣшилъ съ ними къ театру войны. *Ванъ-хуа-чжэнь* съ отчаяніемъ и горькими слезами объявилъ своему противнику объ ужасномъ несчастіи, постигшемъ армію. Главнокомандующій, выслушавъ печальный разсказъ, посовѣтовалъ генералу скорѣе бѣжать въ *Шань-хай-гуань*, а для безопасности и прикрытія съ тыла, велѣлъ пятитысячному курпусу проводить губернатора до самой Великой Стѣны; между тѣмъ самъ отправился впередъ, сжегъ все, что могло умножить добычу непріятеля, и наконецъ, охраняя нѣсколько десятковъ тысячъ народа, доведеннаго до крайности, удалился въ *Шань-хай-гуань*.

Уже спустя два дня послѣ бѣгства *Ванъ-хуа-чжэня*, маньчжуры вступили въ *Гуанъ-нинъ*, такъ дорого стоившій Китайскому правительству и такъ легко доставшійся непріятелю. *Цзинь-чжоу*, *Да-линъ-хэ*, *Сяо-линъ-хэ*, *Сунъ-шань*, *Сянь-шань*, *Ю-тунь*, *Цянь-тунь*, всего болѣе 40 городовъ и крѣпостей, безъ боя сдались маньчжурамъ, которые, опустошивъ страну до самаго *Чжунъ-цзо-со*, возвратились въ *Ляо-янъ*, обремененные безчисленною добычею. Чиновники, солдаты и народъ, жившіе по западную сторону рѣки, переселены были

съ имуществомъ и семействами на восточный берегъ и поступили въ число подданныхъ Хана. Набѣгъ, нанесшій Китаю такія ужасныя и невознаградимыя потери, всего продолжался только два мѣсяца,— и этого краткаго времени достаточно было, чтобы покрыть пепломъ и развалинами страну, населенную губернаторами, генералами, войсками; гдѣ на каждомъ шагу возвышались крѣпости, города, лагери, маяки и валы; гдѣ каждый клочекъ земли былъ изрѣзанъ каналами и рвами, обнесенъ тыномъ и сторожился пикетами!

Миньскій дворъ ужаснулся при вѣсти о внезапныхъ бѣдствіяхъ, поразившихъ *Ляо-дунъ*. Какъ прежде, такъ и нынѣ, сперва началось слѣдствіе о причинахъ новыхъ потерь; потомъ уже стали думать о средствахъ къ собственной защитѣ. *Сюнь-шинъ-би* и *Ванъ-хуа-чжэнь* были преданы строжайшему суду; но такъ какъ люди, разсматривавшіе настоящее дѣло, были тѣ же самые, кои недавно и такъ охотно раздѣляли мнѣніе губернатора: то естественно, что вся тяжесть приговора пала на одного главнокомандующаго, которому суждено было въ другой разъ испытать паденіе, еще оскорбительнѣйшее прежняго. Опасное мѣсто *Ляо-дунскаго Цзинь-лю* *) предоставлено было *Ванъ-цзай-цзиню;* но дворъ, страшившійся уже за спокойствіе самой губерніи *Чжили,* повелѣлъ и *Ванъ-сянь-цяню,* губернатору въ *Цзи-чжоу*, соединенными силами съ главнокомандующимъ дѣйствовать противъ маньчжуръ.

Ванъ-сянъ-цянь предложилъ правительству, какъ самое вѣрное и легкое средство остановить успѣхи враговъ, — деньгами и торговлею привлечь на свою сторону чахаровъ-монголовъ и изъ нихъ образовать оплотъ для границъ Имперіи. Между тѣмъ *Ванъ-цзай-цзинь* считалъ необходимымъ оставить весь *Ляо-дунъ* на жертву маньчжурамъ, и заботиться только о спасеніи городовъ, лежавшихъ уже въ предѣлахъ Великой Стѣны; съ этою цѣлью, онъ совѣтовалъ правительству основать, въ 4 ли отъ *Шань-хай-гуаня*, новый городъ, поселить, въ немъ 40,000 гарнизона и быть спокойнымъ зрителемъ, какъ непріятель станетъ селится на коренныхъ и древнихъ владѣніяхъ Китая. Какъ ни ве-

(* Цзинь-лю или главнокомандующій. Такъ называется у китайцевъ генералъ, которому во время войны правительство вѣряетъ власть надъ войсками, съ неограниченнымъ правомъ принимать всѣ мѣры, какія онъ признаетъ нужными.

лякъ былъ страхъ *Минъскаго* правительства; однакоже дворъ не могъ равнодушно принять такого предложенія; и министръ *Сунъ-чэнъ-цзунъ* самъ испросилъ себѣ у Императора разрѣшеніе отправиться въ *Шанъ-хай-гуань*, для принятія новыхъ и болѣе выгодныхъ мѣръ къ защитѣ мѣста, требовавшаго скорой и дѣятельной помощи. Планы *Вань-цзай-цзиня* были отвергнуты; самъ онъ отставленъ отъ должности; а его мѣсто предоставлено министру, который доказалъ равную опытность въ дѣлахъ мира и войны.

Прежде всего *Сунъ-чэнъ-цзунъ* рѣшилъ: непремѣнно защищать мѣста, лежащія по ту сторону заставы; *Гуанъ-нинъ* и *Цзю-хуа-дао* сдѣлать опорными пунктами противъ всѣхъ нападеній маньчжуръ; въ слѣдъ за тѣмъ выгналъ монголовъ, подъ предлогомъ охраны и помощи Китаю запявшихъ всѣ города и крѣпости, находившіеся на западъ отъ *Нинъ-юаня;* приказалъ губернатору *Юань-чунь-хуаню* поселиться въ этомъ городѣ и управлять мѣстами, лежащими впѣ *Шанъ-хай-гуаня*, на пространствѣ 200 ли; поселилъ сильные гарнизоны въ городахъ *Цзинь-чжоу*, *Да-линъ-хэ*, *Сяо-линъ-хэ*, *Сунъ-шань Синь-шань*, *Ю-тунь*, и возвратилъ почти всѣ древнія владѣнія Китая на западномъ берегу *Ляо*. Однимъ словомъ, *Сунь-чэнъ-цзунъ* въ теченіи четырехлѣтняго своего пребыванія въ *Шань-хай-гуань*, возобновилъ и возвратилъ нѣсколько десятковъ городовъ и крѣпостей, образовалъ 110,000 армію, благоразуміемъ и заботливостію сократилъ расходы правительства на 680,000 лянъ серебра (около 1,360,000 руб. сер.) несмотря на то, что въ то же время приготовилъ шлемовъ, латъ, военныхъ снарядовъ, луковъ, стрѣлъ, пушекъ, понтоновъ и большихъ щитовъ—нѣсколько милліоновъ штукъ, и открылъ земледѣліе на протяженіи пяти тысячъ десятинъ (цинъ) отъ самаго *Нинъ-юаня* до *Чэнъ-сюнъ-чжэня*. Пограничныя мѣста снова наслаждались давножеланнымъ миромъ; жители толпами стекались въ возстановленные города, и правительству оставалось только осыпать наградами человѣка, который своею глубокою опытностію и неутомимыми трудами оживилъ страну, испытавшую всѣ ужасы опустошенія.

Но въ это время *Минъскій* дворъ страдалъ тѣмъ ужаснымъ зломъ, которое такъ обыкновенно у восточныхъ повелителей. Въ лицѣ Богдохана управлялъ Поднебесною Державою евнухъ *Вэй-чжунъ-сянь;* такой человѣкъ не могъ равнодушно смотрѣть на истинныя

заслуги. Собственная безопасность и желаніе прочно утвердить свое владычество требовали, чтобы всѣ важнѣйшіе посты въ цѣломъ Китаѣ находились въ рукахъ его клевретовъ. Итакъ, завистливому евнуху необходимо было унизить славу и заслуги министра. *Гаоди* отправленъ былъ смѣнить *Сунъ-чэнъ-цзуна* и, въ угоду достойному покровителю, началъ свое управленіе тѣмъ, что разрушилъ всѣ плоды многолѣтнихъ и кровавыхъ трудовъ своего предшественника. Новый главнокомандующій рѣшилъ, что не нужно защищать городовъ, лежашихъ внѣ заставы, и потому *Цзинь-чжоу*, *Ю-тунь*, *Да-линъ-хэ*, *Сяолинъ-хэ*, *Сунъ-шанъ*, *Синъ-шанъ* были оставлены; болѣе 100,000 мѣшковъ крупы брошено, а войска уведены въ *Шанъ-хай-гуань*, даже положено было отказаться отъ *Нинъ-юаня* и *Цзинъ-туна;* но *Цзинъ-ши-дао* и *Юань-чунъ-хуань* рѣшились лучше умереть подъ стѣнами своихъ городовъ, чѣмъ оставить ихъ въ добычу врагамъ.

Маньчжуры, занятые перенесеніемъ своей столицы въ *Шэнь-янъ*, въ теченіе 4 лѣтъ не предпринимали ничего важнаго противъ Китайской Имперіи; притомъ же они не хотѣли вступать въ споръ съ такимъ опаснымъ противникомъ, каковъ былъ *Сунъ-чэнъ-цзунъ*. Но когда распоряженія новаго главнокомандующаго сами открывали широкій путь къ распространенію завоеваній, *Тай-цзу* снова взялся за оружіе, и 1626 года подошелъ къ стѣнамъ *Нинъ-юаня*. Защитникомъ города былъ *Юань-чунъ-хуань*, положившій—умереть или побѣдить. Написавши собственною кровью воззваніе къ солдатамъ и офицерамъ, разсѣяннымъ въ окрестности, онъ пригласилъ ихъ оставить открытыя мѣста, соединиться всѣмъ подъ защитою крѣпкаго города и мужественно сразиться за славу отчизны. Сюда же пришли войска, занимавшія *Цзинъ-тунъ*, и значительный отрядъ изъ *Шанъ-хай-гуаня* такимъ образомъ *Нинъ-юань* наполнился сильнымъ гарнизономъ. Строгія мѣры коменданта, внимательно слѣдившаго за всѣми, кто возбуждалъ подозрѣніе на счетъ своихъ чувствъ и замысловъ, пресѣкли въ зародышѣ попытки измѣны и шпіонства, а европейскія пушки, въ первый разъ появившіяся въ *Ляо-дунѣ*, нанесли маньчжурамъ такой жестокій уронъ, что они принуждены были отказаться отъ приступа и осады.

Раздосадованному Хану хотѣлось покрыть свои неудачи какимъ нибудь блистательнымъ дѣломъ; съ этою цѣлью онъ обратился

противъ *Цзю-хуа-дао*, гдѣ было складочное мѣсто припасовъ для всѣхъ китайскихъ войскъ, находившихся вић *Шань-хай-гуани*. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Два лагеря съ 40,000 солдатъ были разбиты; двѣ тѣсячи непріятельскихъ судовъ сожжены и, захвативши въ добычу нѣсколько ваней мѣшковъ крупы, Ханъ возвратился въ свою столицу.

Этотъ походъ противъ Китая—былъ послѣднимъ въ жизни *Тай-цзу*. Лѣта, непрестанные труды и заботы изнурили его мощную природу. Еще за мѣсяцъ до своей кончины, *Тай-цзу*, кажется уже предчувствовавшій близкую смерть, собралъ къ себѣ бэйлъ и вельможъ и, прощаясь съ ними на вѣки, просилъ ихъ не мѣнять трудовъ и тягостей дѣятельной жизни на нѣгу роскоши, хранить между собою миръ и согласіе; пещись о народѣ какъ о любимыхъ дѣтяхъ. «Небо, говорилъ престарѣлый Ханъ, видѣло страданія нашей отчизны и послало меня принять на себя ея печали, и я забылъ о себѣ, взялъ тяжелое бремя и далъ жизнь государству. Боюсь только, что вы не знаете всей горечи заботъ и трудовъ, подъятыхъ мною для общаго блага, боюсь, чтобы вы, предавшись наслажденіямъ, не удручили моего парода... Во всю свою жизнь, во всѣхъ своихъ дѣлахъ, я хранилъ самую строгую справедливость; не лишалъ награды и врагъ въ, если они были достойны ея; не освобождалъ отъ наказанія и родныхъ, если они были виновны, и небо, всегда милостиво взиравшее на дѣла мои, даровало мнѣ *Дао-дэ*. Если же вы не сохраните въ сердцѣ своемъ правды и чести, не будете дѣлать различія между истиною и ложью, не пойдете путемъ закона и долга,—небо лишитъ васъ своего благословенія, хранившаго меня во всякое время!»

1626 года, 21 сентября скончался *Тай-цзу* на 67 году бурной своей жизни, отъ начала до конца посвященной счастію и славѣ своего отечества. Народъ почтилъ память своего великаго государя искренними и горячими слезами, завѣщавши и будущимъ родамъ благоговѣйное поклоненіе праху усопшаго. До нынѣ потомки Хана, обладающіе исполинскою Китайскою Имперіею, окруженные роскошью и величіемъ многочисленнаго двора, съ смиреніемъ и признательностію приходятъ на могилу бывшаго сироты, изгнанника изъ родительскаго дома, обитавшаго въ жалкой хижинѣ *Хэту-ала*.— Самые враги и люди, не принадлежавшіе къ числу маньчжуръ,

приняли участіе въ ихъ потерѣ. Китай отправилъ посольство совершить возліяніе на гробѣ *Тай-цзу*; монгольскіе князья, иные сами явились отдать послѣдній долгъ скончавшемуся Хану, другіе прислали дружескія грамоты въ утѣшеніе скорбящимъ бэйламъ и народу. «И *Чжакравартинъ**) (писалъ Корщинскій *Тай-цзи*) Царь Чжамбудвипа, владыка четырехъ странъ, обладатель семи драгоцѣнностей,— и онъ непереходитъ за черту опредѣленныхъ ему лѣтъ; и бѣлый левъ, символъ крѣпости и могущества, обитатель горъ Гиммалая, умрастъ, когда пробьетъ для него урочный часъ; и всѣ сокровища глубокихъ морей не въ силахъ искупить *Нагарачжу*, (царя дракоповъ) отъ послѣдней минуты, потому что все сотвореппое должно разрушиться, и все получившее начало должно имѣть конецъ.—Такъ и покойный Маньчжурскій Ханъ, изъ ничего родившій величіе, соединившій подъ своею властію большія и малыя области, прыжками тигра пробѣгавшій свои и чужія владѣнія,—и онъ долженъ былъ имѣть предѣлъ, положенный ему самимъ небомъ. Но кто во время жизни былъ столько силенъ, чтобы изъ себя создать могущество, тотъ не умретъ и по смерти. Духъ его проявится въ слѣдующихъ перерожденіяхъ!»

Тай-цзу не назначилъ себѣ преемника; но, еще за четыре года до своей кончины, ввѣряя управленіе государственными дѣлами восьми бэйламъ, онъ сказалъ имъ: «Управляйте государствомъ общими силами и всѣ, но подъ главнымъ именемъ одного. Кто болѣе другихъ явится достойнымъ верховнаго владычества, тотъ и будетъ послѣ меня Ханомъ.» Личныя заслуги и дарованія, народное мнѣніе и особенная любавь *Тай-цзу*, давно возвысили надъ всѣми четвертаго бэйлэ *Абахая*, котораго съ рѣдкимъ единодушіемъ и самоотверженіемъ и возвели братья на престолъ отца. Первымъ дѣломъ новаго повелителя было произнести предъ всѣми торжественный обѣтъ: итти по стопамъ великаго своего родителя; уважать старшихъ и миловать младшихъ своихъ братьевъ; сообразоваться съ правдою и закономъ; въ дѣлахъ хранить безпристрастіе; пролить благодѣянія и счастіе на народъ. «И если,—говорилъ *Абахай*,—я нарушу свои клятвы: то да казнитъ меня небо.» Бэйлы и вельможи пре-

---

*) Чжакравартинъ. Такъ назывались, по буддистскимъ книгамъ, первые государи, царствовавшіе на Чжамбудвипѣ, въ началѣ настоящаго по мнѣнію ихъ мірозданія.

клонили колѣна предъ своимъ повелителемъ и съ 6 февраля 1627 года началось правленіе *Тянь-цуня*, государя, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ *Тай-цзуна*.

Новое царствованіе въ полномъ смыслѣ было продолженіемъ прежняго, съ тѣмъ различіемъ, что начала, положенныя и утвержденныя *Тай-цзу*, при его преемникѣ получили большую силу и размѣръ. Если основатель Маньчжурской династіи долженъ былъ прежде всего обратить вниманіе на сосредоточеніе однородныхъ племенъ подъ сѣнію общихъ законовъ и власти; то *Абахаю*, наслѣдовавшему прочно устроенное цѣлое, оставалось распространить свое вліяніе на владѣнія, окружавшія Маньчжурію. Борьба съ Китаемъ, поглотившая всю дѣятельность *Тай-цзу*, не позволяла ему принять живого участія во всемъ, что выходило изъ круга главныхъ предначертаній; но теперь, когда побѣды Хана заставили Имперію думать только о защитѣ собственныхъ границъ, когда Китай, отправившій посланника для принесенія жертвъ на гробъ умершаго своего врага, хотя и неискренно, однакоже самъ подавалъ руку мира,—теперь настало время пользоваться обстоятельствами, открывавшими широкій путь къ новымъ пріобрѣтеніямъ, вліянію и могуществу. Двѣ страны особенно должны были обратить на себя вниманіе маньчжуръ.

Начиная съ береговъ *Нонни-улы* до границъ *Туркестана* и отъ Великой Стѣны до подошвы *Алтая*, тянется необозримая полоса земли, бѣдной по своимъ произведеніямъ, не обыкновенной по своей исторіи. Племена, населяющія эту страну, не строютъ городовъ и деревень, не знаютъ домовъ и постоянныхъ жилищъ, не занимаются земледѣліемъ, обитаютъ въ тѣсныхъ и низкихъ юртахъ, кочуя съ своими стадами по мѣстамъ богатымъ водою и пажитями. Непрестанное скитальчество, точно также, какъ и однообразіе степей, были причиною того, что исторія, въ опредѣленіи границъ различныхъ поколѣній, не могла руководиться другимъ признакомъ, кромѣ положенія ихъ къ великой пустынѣ, извѣстной въ Китаѣ подъ именемъ песчаной степи *Ша-мо* или *Хань-хай*. Такъ при династіи *Хань*, домъ *Хуновъ* дѣлился на правый и лѣвый, во времена *Хоу-хань* и послѣ явились сѣверные и южные *Шань-юй Дунъ-ху* и *Си-ху*, восточные и западные *Тунъ*; внутренніе и внѣшніе *Хойхоры*; но всѣ эти племена, въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ заключавшіе и расторгавшіе меж-

ду собою союзы, упадавшіе и возраставшіе въ своемъ числѣ и могуществѣ, получали начало и оканчивали свое существованіе въ предѣлахъ аймаковъ *Шамо*. Династія *Танъ*, послѣ покоренія земель, принадлежавшихъ *Тупо*, хотѣла внести гражданственность въ эту дикую страну, заведеніемъ городовъ и уѣздовъ; въ то время дворъ думалъ, что его могущество достигло высшей степени; но обстоятельства скоро доказали его безсиліе управлять инородцами. Династіи *Ляо* и *Гинъ* основали среднюю и западную столицы; впрочемъ, власть и вліяніе этихъ двухъ домовъ простирались не далѣе восточныхъ и западныхъ *Хи*, не касаясь мѣстъ, лежавшихъ на сѣверѣ *Шамо*. Только *Юаньскій* домъ, возникшій на берегахъ *Толы* и *Кэрулуни* и мгновенно покорившій своему владычеству Китай, основалъ на югѣ *Шамо* округи: *Да-инъ*, *Шанъ-цзюнъ*, *Синъ-хэ*, *Да-тунъ*, на сѣверѣ *Хоринь*, гдѣ сосредоточено было управленіе всѣми мѣстами, лежавшими внѣ Великой Стѣны; а западный край и *Хухэноръ* раздѣлены были между вновь поставленными князьями и зятьями императорскими. Тогда въ первый разъ явилось различіе между древними и новыми границами *Жуновъ*, и племена получили общее названіе монголовъ, до сихъ поръ удержанное народомъ, несмотря на перемѣны, случившіяся въ его политической жизни.

Минъскій домъ, сокрушившій владычество монголовъ въ Китаѣ, прогналъ ихъ на сѣверъ *Шамо*; но жажда добычи снова привлекла кочевыя племена на южные предѣлы великой стѣны; съ ихъ приходомъ, открылись на границахъ Китайской Имперіи волненія, продолжавшіяся до новаго переворота въ ея судьбѣ. Впрочемъ, могущество и вліяніе царствовавшаго тамъ дома упадало съ каждымъ днемъ. Многочисленные потомки *Чингиса*, пользуясь безсиліемъ главы, стремились только къ своимъ частнымъ интересамъ, и къ началу XVII столѣтія изъ нѣкогда грозной Имперіи образовалось нѣсколько независимыхъ аймаковъ. Четыре *ойратскихъ* поколѣнія, занимавшія весь западъ Монголіи и *Хухэноръ*, совершенно отдѣлились отъ общей жизни своихъ единоплеменниковъ и *Гуши-ханъ*, непрестанно умножавшій число своихъ подданныхъ, еще только полагалъ начало новому могуществу, уже послѣ проявившемуся въ борьбѣ *чжунгаровъ* съ Имперіею. На сѣверѣ *халхасскіе* Ханы увлеклись вліяніемъ буддизма, разсуждали о преимуществахъ желтаго и краснаго закона,

и рѣшеніе этого труднаго вопроса находили только въ воспламеняющемъ вдохновеніи кумыса. Востокъ весь раздробился на мелкіе аймаки, не имѣвшіе никакого особеннаго значенія ни по своей численной силѣ, ни по вліянію на составъ и дѣла цѣлой Монголіи. Сами представители господствующей линіи, послѣ различныхъ перемѣнъ въ своей жизни и владѣніяхъ, должны были ограничиться именемъ и пространствомъ аймака *чахаровъ*, кочуя на границѣ Имперіи, вдоль Великой Стѣны. Конечно, орда еще страшна была для Китая и брала съ него тяжелую дань за безопасность предѣловъ; воля Хана простиралась еще на *Ордосъ* и *Тумотъ*, и самые восточные аймаки, бѣдные народонаселеніемъ и средствами, несовершенно отказались отъ повиновенія своему родовому главѣ; но мѣры, принятыя чахарами къ утвержденію колеблющагося владычества, и появленіе опасныхъ соперниковъ въ лицѣ маньчжуръ, грозили неизбѣжными перемѣнами въ судьбѣ разслабѣвшей Монголіи.

Линдань, послѣдній Ханъ дома *Чингисова*, хотѣлъ возстановить древнія права своего рода; но, опираясь на законности своихъ желаній, онъ требовалъ не союза, а безусловной покорности. Владѣльцы аймаковъ, уже привыкшіе руководиться однимъ своимъ произволомъ, не могли легко и добровольно отказаться отъ новаго своего положенія, доставившаго имъ независимость. Такимъ образомъ, борьба была неизбѣжна, и Ханъ, принявшійся за оружіе, желалъ достигнуть войною не одного утвержденія своего верховнаго вліянія надъ прочими владѣніями, но истребленія ослушныхъ вассаловъ, осмѣлившихся бороться съ своимъ повелителемъ. Слѣдствіемъ такой политики было то, что аймаки, ожесточенные самовластіемъ и непрестанными притѣсненіями со стороны *чахаровъ*, готовы были или погибнуть, защищая свою независимость, или признать чужое владычество, чтобы избѣгнуть подданства ненавистному имъ Хану.

Въ эти критическія минуты Китай, уже встревоженный непрестаннымъ возрастаніемъ маньчжурскаго могущества, предложилъ *Линдану* серебро и золото, съ тѣмъ, чтобы онъ составилъ съ этою Имперіею союзъ противъ новыхъ завоевателей. Чахарскій Ханъ отправилъ къ *Тай-цзу* грозное письмо, начинавшееся весьма странною надписью: «Верховный Владыка четырехъ сотъ тысячъ, обладатель Монголіи, *Батуръ-Чингисъ-Ханъ* посылаетъ грамоту къ Маньчжур-

скому Хану, повелителю тридцати тысячъ поморянъ». Затѣмъ *Линдань* требовалъ, чтобы *Тай-цзу* не нарушалъ спокойствія на предѣлахъ Имперіи, принятыхъ имъ подъ свою защиту и покровительство.

«Знаю, отвѣчалъ *Тай-цзу*, что въ то время, когда основатель *Минскаго* дома овладѣлъ Пекиномъ, изъ четырехъ милліоновъ монголовъ 600.000 спаслось бѣгствомъ въ свои степи; десять тысячъ изъ нихъ поселились въ *Ордосѣ;* десять тысячъ въ *Туматѣ*, десять тысячъ въ аймакахъ: *Асутѣ, Іонсибу* и *Карцинѣ;* всѣ они образовали отдѣльныя владѣнія и живутъ по своимъ закопамъ. Остаются еще тридцать тысячъ; но и тѣ, развѣ всѣ находятся подъ твою властію»?

«Ты пишешь: «неосаждай *Гуанъ-нина!* я взялъ за него откупъ; если пойдешь покорять этотъ городъ, я помѣшаю твоимъ успѣхамъ; что встрѣча наша на одной и той же дорогѣ будетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія».

«Но что будетъ худого, если мы общими силами ударимъ на Имперію? И какъ ты могъ сказать такія злыя рѣчи, вступаясь за Китай, государство, совершенно чуждое намъ»?

«Два раза ходилъ ты войной противъ Имперіи; а какія получилъ добычи, покорилъ какой знаменитый городъ?—При какомъ мѣстѣ разбилъ ты сильную армію? Какими чрезвычайными подарками жаловалъ тебя *Минскій* дворъ?... Только страхъ, наведенный на Китайцевъ моимъ оружіемъ и побѣдами, заставилъ Императора ихъ польстить тебѣ ничтожною поживою. Нѣтъ, если бы ты написалъ: соединимъ свои сердца и силы, пойдемъ войною противъ Китая; то это была бы рѣчь мудраго человѣка»!

Обладатель Монголіи *Батуръ-Чингисъ-Ханъ* не ожидалъ такого отвѣта, и маньчжурскій посланникъ заплатилъ жизнью за письмо своего Хана. *Тай-цзу* не имѣлъ времени мстить *Линданю;* но кровь и оскорбленіе положили начало непримиримой враждѣ между тѣмъ и другимъ владѣніемъ—и бэйлы восточныхъ аймаковъ, видѣвшіе въ маньчжурахъ вѣрную защиту противъ замысловъ и нападеній чахаровъ, спѣшили вступать въ родственные союзы съ *Тай-цзу*, льстили ему титулами, дружбою и подданствомъ. Смерть маньчжурскаго хана повергла въ недоумѣніе монгольскихъ князей на счетъ видовъ и дѣйствій его преемника; боязнь, быть оставленными на волю *Линданя,*

заставляла ихъ тѣснѣе соединиться съ сильными сосѣдями, и *Корчиньскій Тай-цзи*, игравшій болѣе значительную роль между другими владѣльцами, отправилъ письмо къ маньчжурскимъ бэйламъ, въ которомъ увѣрялъ въ своемъ дружественномъ отношеніи къ ихъ великому государству и въ своихъ надеждахъ, что духъ почившаго хана не умретъ въ его высокомъ наслѣдникѣ; въ то же время разные монгольскіе владѣльцы, лично явившіеся поклониться праху *Тай-цзу*, не пропустили случая выразить предъ новымъ повелителемъ маньчжуръ чувства своей преданности и покорности.

Тай-цзунъ рѣшился воспользоваться благопріятными минутами, и титулъ Хана послужилъ наградою для *Корчиньскаго Тай-цзи*; вскорѣ за тѣмъ былъ высланъ значительный корпусъ—сдѣлать нападеніе на Чахарскіе предѣлы. Обѣ эти мѣры увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ. Князья восточныхъ аймаковъ сами вели воиновъ *Тай-цзуна* противъ непримиримаго врага; вступивши однажды въ военный союзъ съ побѣдоноснымъ Маньчжурскимъ Ханомъ, они не смѣли ни оставить его знамена, ни противиться вліянію и диктаторскому тону своего покровителя, который такъ искусно и крѣпко опуталъ ихъ сѣтями своихъ глубоко разсчитанныхъ дѣйствій, что не далѣе 1629 года введенъ былъ Маньчжурскій военный уставъ въ аймакахъ: *Корчинь, Лохань, Наймань, Халха, Карчинъ* и въ другихъ, и почти вся Восточная Монголія навсегда соединила судьбу свою съ исторіею и жизнью Маньчжурскаго дома.

Другимъ государствомъ, совершенно подчинившимся волѣ *Тай-цзуна*, была *Корея*, границы которой начинаются отъ береговъ *Я-лу-цзяна* и оканчиваются въ волнахъ Желтаго моря, омывающихъ ее съ трехъ сторонъ. Начало этого государства относится къ весьма давнимъ временамъ и, по сказаніямъ туземныхъ писателей, ихъ отечество испытало много перемѣнъ въ своей жизни. Самая первая династія, носившая названіе *Тань-цзюнь*, единодержавно господствовала въ цѣлой странѣ, до прихода *Ци-цзы*, которому *У-ванъ*, Китайскій Государь изъ дома *Чжоу*, отдалъ Корею въ ленное владѣніе; тогда фамилія *Тань-цзюнь*, изгнанная изъ своей столицы, бывшей въ *Пи-жанѣ*, скрылась въ *Бо-ю;* это была первая *Чао-сянь*. *Цицзы* принесъ въ новое свое отечество Китайское образованіе и устройство; донынѣ близъ города *Ань-пинъ-фу* существуютъ остатки водоорошаемыхъ по-

лей, заведенныхъ въ этой странѣ родоначальникомъ новаго дома. Послѣ сорока одного поколѣнія, смѣнившихся въ теченіе періода отъ начала до конца династіи *Чжоу* новый выходецъ изъ Китая, *Вэй-манъ*, подчинилъ своей власти Корею, и съ паденіемъ дома *Ци-цзы* кончилась вторая *Чао-сянь*. *Вэй-манъ* основалъ свою резиденцію въ городѣ *Ванъ-сянъ-чэнъ* и возстановилъ въ своемъ государствѣ языкъ, обыкновенія и правы Срединной Имперіи; но внукъ его *Ю-цюй*, былъ свергнутъ государемъ *У-ди* изъ династіи *Хань*, *Ванъ-сянъ* превращенъ въ область *Лэй-ланъ*, и это событіе прекратило существованіе третьей и послѣдней *Чао-сянь*. Каждая изъ нихъ имѣла столицу въ *Пи-жанъ*. Послѣ того явились *Сань-хань*, *Синь-ло*, *Гао-цзюй-ли*, *Бо-цзи*, раздѣлившіе страну на нѣсколько частныхъ владѣній, враждовавшихъ между собою за право первенства и независимость; но наконецъ *Гунъ-и* положилъ начало новому дому и далъ названіе государству *Гао-ли*, имя, которымъ корейцы до сихъ поръ называютъ свое отечество. Несмотря на эти политическіе перевороты, во всѣ времена торговля, единство образованія и вѣрованій тѣсно соединяли Корею съ Китаемъ, къ которому она хранила почти такія же отношенія, какъ колонія къ своей митрополіи. Послѣ паденія владычества монголовъ, Имперія не утратила своей власти и вліянія на древнюю данницу; а борьба *Минскаго* дома съ Маньчжурами была новымъ доказательствомъ преданности корейцевъ къ Имперіи.

Корея рано угадала въ своихъ сосѣдяхъ опасныхъ враговъ, и потому пользовалась всѣми случаями положить предѣлы развитію новаго государства. Когда войска *Тай-цзу* проникли до самаго Восточнаго моря, корейцы вступили съ ними въ борьбу за аймакъ *Варка*, и нужно было посредничество *Минскаго* правительства, чтобы первый споръ не дошелъ до рѣшительной войны. По волѣ Имперіи, корейцы уступили маньчжурамъ; но во время несчастнаго похода *Янъ-хао* противъ *Синъ-цзина*, 20,000 корпусъ ихъ присоединился къ китайскимъ войскамъ, дабы общими силами отмстить общему врагу. Мы уже знаемъ слѣдствія этой войны, равно какъ и то, что 5000 корейцевъ положили оружіе къ ногамъ побѣдителей. Торжествующій *Тай-цзу* хотѣлъ показать свое великодушіе къ враждебному сосѣду, безъ причины вторгнувшемуся въ предѣлы Маньчжуріи; нѣсколько плѣнныхъ были возвращены въ свою отчизну, съ дружелюбнымъ пись-

момъ къ ихъ королю, которому *Тай-цзу* охотно процалъ несправедливость войны, напоминалъ о древнихъ союзахъ, связывавшихъ оба государства, и, наконецъ, предлагалъ ему сдѣлать окончательный выборъ между Маньчжуріею и Китаемъ; для большей же силы своихъ словъ, Ханъ прибѣгнулъ къ ложной молвѣ, будто Императоръ хочетъ отдать ихъ древнія владѣнія въ удѣлъ своимъ дѣтямъ, и имепемъ общей опасности убѣждалъ дружно и мужественно возстать противъ насильственной политики Имперіи. Король не отвѣчалъ на мирную грамоту Хана. Обидное молчаніе уже само собою рѣшало, какія должны были начаться отношенія между двумя государствами; несмотря на то, *Тай-цзу* еще не рѣшался прибѣгнуть къ оружію. Но когда *Мао-вынь-лунъ* поселился на одномъ изъ острововъ, принадлежавшихъ королевству, чтобы постоянно тревожить границы маньчжуръ и ихъ едва утвердившееся владычество въ *Ляо-дунѣ*, когда Корея, снабжавшая хлѣбомъ и оружіемъ китайскаго генерала, образовала съ нимъ два сторожевыхъ пункта противъ всѣхъ предпріятій неутомимаго Хана; когда одна она не хотѣла отправить своихъ пословъ для принесенія жертвъ въ честь скончавшагося *Тай-цзу:* тогда маньчжурамъ не оставалось ни какой надежды на миръ, и *Тай-цзунъ* въ первый же мѣсяцъ своего царствованія отправилъ стопхъ братьевъ «наказать» непріятеля.

Маньчжуры начали свои побѣды пораженіемъ *Мао-вынь-луна* при *Тѣ-шани;* въ слѣдъ за тѣмъ покорили города *И-чжоу, Динъ-чжоу, Хань-шань*, вырѣзали въ нихъ нѣсколько десятковъ тысячъ жителей и солдатъ, сожгли болѣе милліона мѣшковъ хлѣба, перешли черезъ *Цинъ-цюань-цзянъ*, взяли *Анъ-ши*, заняли *Шинъ-сянъ*, оставленный гарнизономъ и жителями, переправились чрезъ *Да-тунъ-цзянъ*, овладѣли *Чжунъ-ло* и на другой мѣсяцъ своего похода были уже при *Хуанъ-чжоу.*

Все государство затрепетало отъ успѣховъ маньчжурскаго оружія. Корейскій король *Ли-цзунъ* обратился съ просьбою о помощи къ Имперіи; но искусныя движенія *Тай-цзуна* отвлекли вниманіе и силы Китая; а между тѣмъ маньчжуры грозили самой столицѣ, и король, не видѣвшій спасенія на сушѣ, бѣжалъ съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ дворомъ на островъ *Цзянъ-хуа-дао*, покинувши на жертву врагамъ города и народъ, лишившіеся управленія и защиты. Остава-

лось побѣдителямъ сдѣлать еще одинъ рѣшительный шагъ, и паденіе Кореи было неизбѣжно; но они страшились слишкомъ углубляться во внутрь непріятельской страны, когда ихъ собственные предѣлы лишены были крѣпкой защиты и прикрытія. Китай и чахары могли воспользоваться отсутствіемъ большей половины военныхъ силъ Маньчжуріи и разгромить ее прежде, нежели побѣдители успѣли бы возвратиться для спасенія отчизны. Самъ *Тай-цзунъ* писалъ къ своимъ бэйламъ, чтобы они съ осторожностью подвигались впередъ и не шли на явную опасность, которая могла окончиться гибельнымъ потрясеніемъ цѣлаго государства. И такъ, бэйлы, послѣ общаго совѣщанія, рѣшили обнародовать прокламацію, что они пришли не для покоренія страны, но для совершенія мести за прежнія обиды и для заключенія мира.

Въ непродолжительномъ времени, въ лагерѣ побѣдителей явились корейцы умолять бэйлъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о дарованіи тишины раззореннному народу. «Государь нашъ,—говорилъ посланникъ,—созпается въ своихъ винахъ и искупитъ ихъ всѣми сокровищами, какія только можетъ собрать въ своемъ опустошенномъ государствѣ. Послѣ того, какъ приходъ вашихъ войскъ заставилъ короля бросить столицу и искать спасенія на морѣ,—богатства нашихъ городовъ и селъ разсѣялись и погибли въ смутахъ страха и переселеній.» Послѣ взаимныхъ совѣщаній, общимъ рѣшеніемъ положено было отправить маньчжурамъ полномочнаго къ Корейскому Государю для личныхъ переговоровъ. *Лю-синъ-цзу*, принявшій на себя это важное порученіе, явился на *Цзянъ-хуа-дао*, и былъ представленъ *Ли-цзуну*.

Долго стоялъ маньчжурскій посланникъ предъ королемъ и ждалъ привѣтствія и поклона; но *Ли-цзунъ* не дѣлалъ ни какихъ движеній и не говорилъ ни слова. «Не истуканъ ли ты, сбитый изъ глины?»—наконецъ сказалъ *Лю-синъ-цзу*, обратившись съ этимъ вопросомъ къ *Ли-цзуну*.—«Я въ траурѣ и оплакиваю смерть моей матери,» едва могъ проговорить *Ли-цзунъ*, пораженный такими словами.

«Вотъ плоды вашей гордости!—продолжалъ посланникъ:—народъ гибнетъ безъ правосудія, солдаты падаютъ подъ непріятельскимъ мечемъ! Впрочемъ, въ нынѣшній день можешь однимъ разомъ положить конецъ всѣмъ неустройствамъ. Если хочешь мира, посылай

скорѣе своего сына и брата произнести клятвенный договоръ; а, между тѣмъ, самъ опредѣли, какую будешь доставлять намъ ежегодную дань.»—«Но,—возразилъ король,—въ книгѣ *Чунь-цю* говорится: позоръ падетъ на голову того, кто заключитъ миръ съ непріятелемъ подъ стѣнами своего города.—Если есть въ васъ чувство справедливости и великодушія, наперед удалитесь съ войсками, потомъ уже будемъ говорить о мирѣ.»—«Искусно сказано,—замѣтилъ послапникъ;—днемъ позднѣе, днемъ болѣе страданій для твоего народа; и вечеръ спасетъ ли утро? Не за себя говорю, а за твоихъ подданныхъ. Посылай скорѣе своего брата, нечего медлить.»—Несчастный *Ли-цзунъ* долженъ былъ покориться своей судьбѣ и *Ли-цзю*, братъ его, явился въ маньчжурскомъ лагерѣ съ дарами и покорностью.

Уже оставалось только произнести торжественную клятву предъ небомъ, и миръ долженъ былъ даровать тишину потрясенной Кореѣ, какъ одинъ изъ бэйлъ, *Аминъ*, не довольный нашимъ заключеніемъ трактата, поразилъ своихъ товарищей страннымъ протестомъ, что онъ во всю свою жизнь мечталъ о томъ, какъ бы увидѣть дворцы Китайскаго Императора и Корейскаго короля, и что теперь, когда маньчжуры почти достигли уже воротъ столицы,—онъ не возвратится домой, не осуществивши своего всегдашняго желанія. «Пойдемъ впередъ, тамъ будемъ вести переговоры» повторялъ *Аминъ*, на всѣ возраженія бэйлъ, которые, отчаявшись побѣдить упрямство своего товарища, рѣшились тайно отъ него довершить начавшіеся переговоры. Дѣла были приведены къ концу, армія готовилась выступить въ обратный походъ,—одинъ *Аминъ*, оскорбленный дѣйствіями бэйлъ, не думалъ о мирѣ и, какъ человѣкъ не участвовавшій въ трактатѣ, поклялся грабить и разрушать все, что встрѣтится ему на пути. Слова его не были пустою угрозою, и, какъ ни странно было поведеніе генерала, однако же король принужденъ былъ заключить новый отдѣльный договоръ съ *Аминомъ*.

Корейскій Государь призналъ себя младшимъ братомъ въ отношеніи къ Маньчжурскому Хану; обязался ежегодно осенью и зимою представлять дань, принять гарнизоны въ два пограничные свои города и открыть взаимную торговлю. Таковы были главныя слѣдствія похода маньчжуръ противъ Кореи, продолжавшагося не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Восточная граница была обезпечена отъ вторженія

непріятелей; а счастливое окончаніе войны увеличило требованія маньчжуръ и ниспровергло надежды Имперіи на миръ.

Мы уже говорили, что Китай, по случаю кончины *Тай-цзу*, отправилъ въ Маньчжурію посольство; въ составѣ его былъ и одинъ лама, долженствовавшій силою буддизма подѣйствовать на душу новаго Хана. *Тай-цзунъ*, рѣшившійся предпринять походъ противъ Кореи, съ удовольствіемъ видѣлъ готовность Имперіи къ миролюбивымъ предложеніямъ и, желая выиграть время для выполненія своихъ замысловъ, спѣшилъ завязать переговоры, чтобы удалить *Минъскій* дворъ отъ участія въ восточной войнѣ. Съ этою цѣлью, по отъѣздѣ китайскихъ посланниковъ, Ханъ отправилъ дружественное письмо къ *Ляо-дунскому* губернатору, *Юань-чунъ-хуаню;* но, далекій отъ дѣйствительнаго заключенія мира съ Имперіею, Ханъ предложилъ ей такія неумѣренныя условія, что взаимные споры и уступки, съ той и другой стороны, должны были замедлить исполненіе дѣла на долгое время. Начавши свою грамоту повтореніемъ давнихъ семи обидъ, *Тай-цзунъ* требовалъ, чтобы Китай, въ удовлетвореніе за прежнія свои несправедливости и за добровольное предложеніе дружескаго трактата, заплатилъ маньчжурамъ: сто тысячъ лянъ золота, милліонъ лянъ серебра, милліонъ кусковъ шелковыхъ матерій, и десять милліоновъ кусковъ полотна. Ханъ обѣщался, по заключеніи договора, ежегодно представлять Императору—десять жемчужинъ, тысячу соболей и тысячу корней *жэнь-шэня;* а отъ Имперіи требовалъ, чтобы она присылала маньчжурамъ десять тысячъ лянъ золота, сто тысячъ лянъ серебра, сто тысячъ кусковъ шелковыхъ тканей и триста тысячъ кусковъ полотна.

Какъ ни велики были требованія *Тай-цзуна*, но губернаторъ, самъ нуждавшійся въ перемиріи, не хотѣлъ рѣшительнымъ отказомъ сократить срокъ взаимнаго бездѣйствія. Войска, находившіяся за стѣнами *Шань-хай-гуаня*, всегда терпѣли чрезвычайныя затрудненія въ полученіи провіанта, который, по неудобству путей сообщенія, не могъ достигать до арміи въ назначенное время и въ необходимомъ количествѣ. Для устраненія этого важнаго препятствія, еще *Сунъ-чэнъ-цзунъ* основалъ въ *Цзинь-чжоу*, *Чжунь-тунь*, *Да-линь-хэ* и другихъ мѣстахъ, военныя поселенія, долженствовавшія снабжать хлѣбомъ военные гарнизоны. Но со временъ *Гао-ди*, отказавшагося

отъ защиты *Ляо-дунскихъ* городовъ, труды мудраго министра были разрушены и до самаго *Инь-гоана* не было проведено границы. *Юань-чунь-хуань*, считавшій необходимымъ возстановить планъ *Сунь-цзы-цзуна*, тайно приступилъ къ поправкѣ и укрѣпленію оставленныхъ городовъ, и, чтобы безпрепятственно осуществить свои намѣренія, отвѣчалъ *Тай-цзуну* на неумѣренныя предложенія—мирными, но такими же неумѣренными требованіями.

Губернаторъ извинялся, что обиды, на которыя жалуется *Тай-цзунъ*, слишкомъ давни и напрасно поднимать ихъ «изъ подъ глубины девяти колодцевъ»; что маньчжуры, истребившіе *Хада*, *Ихэ*, опустошившіе весь *Ляо-дунъ*, гдѣ не осталось даже старухи, которая не бѣжала бы отъ непріятельскаго меча, не совсѣмъ правы предъ Китаемъ, и уже слишкомъ далеко простерли границы своего мщенія и завоеваній; въ заключеніе же своего письма, совѣтовалъ Хану возвратить Китаю всѣ его древнія владѣнія; тогда Имперія съ радостію заключитъ миръ съ своимъ близкимъ сосѣдомъ, но безъ тѣхъ унизительныхъ и ужасныхъ условій, какихъ желалъ бы *Тай-цзунъ*.

Къ письму губернатора было приложено посланіе отъ прежняго посланника—Ламы, который, со всѣмъ краснорѣчіемъ проповѣдника, старался доказать непреклонному Хану, какъ богопротивна страсть къ завоеваніямъ и побѣдамъ, какъ гремитъ угрозами *желтый* законъ противъ кровопроливцевъ и нарушителей мира, какъ легко отказаться отъ возмущающихъ помысловъ и беззаконныхъ желаній, по слову великаго учителя Будды: «безпредѣльно море бѣдствій, но стоитъ только отвратить свою голову—и увидишь берегъ», и сколько онъ, Лама, исполненъ желанія, чтобы голосъ истины смягчилъ милосердіемъ и любовію сердце Хана. Такимъ образомъ, между Китаемъ и Маньчжуріею завязалась переписка, которую та и другая сторона старалась продлить какъ можно болѣе, не отступая отъ главныхъ притязаній и не дѣлая рѣшительнаго шага къ окончанію дѣла.

Тай-цзунъ отвѣчалъ губернатору и Ламѣ огромными посланіями, которыя, главнымъ образомъ, были слѣдующаго содержанія: «когда, послѣ покоренія *Гуанъ-нина*, бойлы и генералы просили у *Тай-цзу* позволенія проникнуть въ самый *Шань-хай-гуань*, тогда мудрый родитель мой, основываясь на примѣрахъ и сказаніяхъ древней исторіи (какъ династіи *Ляо*, *Гинь* и *Юань*, оставившія свою

родную землю, забыли обычаи своихъ отцовъ), желалъ только чрезъ опредѣленіе границъ, по которымъ все, лежавшее на западъ отъ *Шань-хай-гуаня*, принадлежало бы Китаю, а мѣста, лежащія на востокъ отъ *Ляо*, оставались во владѣніи маньчжуръ, чтобы Китай и Маньчжурія составляли два отдѣльныхъ, самобытныхъ и независящихъ одно отъ другого государства;—потому великій отецъ мой, недумавшій оспаривать у Императора владычества надъ Поднебесной, запретилъ своимъ войскамъ итти къ заставѣ. Съ благоговѣніемъ повинуюсь священной волѣ покойнаго Хана, но никогда не откажусь отъ завоеваній, дарованныхъ самимъ небомъ моему родителю. Впрочемъ, для прекращенія всякихъ споровъ и движимый любовію къ миру, соглашаюсь, чтобы во всѣхъ грамотахъ и бумагахъ, имя Китайскаго Императора писалось выше моего одною буквою, съ тѣмъ, однако же, условіемъ, чтобы имена всѣхъ вашихъ правителей и вельможъ писались одною степенью ниже меня. Даже я готовъ, если Китай такъ обѣднѣлъ, сбавить половину той цѣны, за которую Имперія должна бы купить настоящій миръ; брать за свои ежегодные дары, сколько утвердитъ *Минскій* дворъ. Итакъ, —писалъ *Тай-цзунъ* Ламѣ,--тебѣ остается—совѣтъ, преподанный мнѣ, повторить предъ Китайскимъ Императоромъ; скажи ему: обрати свою голову къ справедливости, и миръ настанетъ для твоихъ владѣній».

Уступки, сдѣланныя Ханомъ, подавали Имперіи надежду, что твердая и гордая политика Китая, наконецъ, мало-по-малу, смиритъ нехитрыхъ маньчжуръ и что, можетъ быть, *Ляо-дунскія* дѣла придутъ, безъ жестокаго кровопролитія, къ желанному концу; но когда *Тай-цзунъ* получилъ извѣстіе, что *Юань-чунъ-хуань* занимается укрѣпленіемъ городовъ и границы, когда походъ въ Корею ознаменовался самымъ блистательнымъ успѣхомъ,—Ханъ разразился грозными упреками противъ китайскаго генерала за то, что онъ словами мира прикрылъ дѣла вражды, и съ ироническою торжественностью спрашивалъ своего противника: «не можетъ ли случиться, что небо снова увѣнчаетъ Хана побѣдами, отдастъ ему Пекинъ и что маньчжуры, покровительствуемые свыше, заставятъ Императора бѣжать въ *Нанкинъ*»?

Почти въ слѣдъ за письмомъ, *Тай-цзунъ* и самъ былъ уже на предѣлахъ Имперіи. 1627 года, въ іюнѣ мѣсяцѣ, маньчжуры при-

близились къ *Да-линъ-хэ*, гарнизонъ бѣжалъ въ *Цзинь-чжоу*, съ печальнымъ извѣстіемъ о потерѣ города и съ просьбою взять его подъ защиту крѣпкихъ стѣнъ. Но комендантъ, *Чжао-шуай-цзяо*, помнившій несчастныя событія при *Хунь-хэ* и *Шэнъ-янѣ*, не принялъ бѣглецевъ; ту же участь испытали и двѣ тысячи китайскихъ солдатъ, непріятелемъ добровольно возвращенныхъ изъ различныхъ покоренныхъ мѣстъ; даже послы, еще разъ приходившіе для мирныхъ переговоровъ, не были впущены въ городъ. Скоро явились подъ *Цзинь-чжоу* и сами маньчжуры; захватили одинъ уголъ городской стѣны, но были прогнаны и принуждены расположиться лагеремъ въ 5 ли отъ города. Не надѣясь легко овладѣть такимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, *Тай-цзунъ* перенесъ свои дѣйствія на *Ишгюань*, гдѣ находились китайскіе резервы.

Юань-чунъ-хуань защищалъ городъ изнутри; *Мань-гуй* и *Юши-лу* охраняли его извнѣ, расположившись въ лагерѣ, огражденномъ телѣгами, рвами и батареями.

Маньчжуры сдѣлали ложное отступленіе, съ цѣлію выманить непріятеля въ открытое поле; но китайцы не вышли изъ окоповъ. Осторожность непріятеля заставила Бэйлъ *Дай-шаня* и *Амина* просить Хана—оставить осаду, грозившую отчаянною борьбою съ противниками многочисленными и опытными. Вмѣсто отвѣта. *Тай-цзунъ* приказалъ своей свитѣ одѣться въ латы, взять щиты, и самъ поскакалъ къ китайскому лагерю; вся армія съ крикомъ бросилась въ слѣдъ за своимъ повелителемъ, врѣзалась въ непріятельскіе ряды и завязался ожесточенный, рукопашный бой. Нѣсколько бэйлъ было ранено и, не смотря на то, они продолжали сражаться; *Мань-гуй* также былъ раненъ, но не подавался назадъ; уронъ съ той и другой стороны былъ одинаковъ и чрезвычайный; рвы и канавы наполнились тѣлами убитыхъ. Наконецъ маньчжуры должны были возвратиться къ осадѣ *Цзинь-чжоу*, доколѣ неудачныя попытки, потеря въ людяхъ и наступившіе жары не заставили *Тай-цзуна* отправиться домой. удовольствовавшись разрушеніемъ только двухъ городовъ: *Далинъ-хэ* и *Сяо-линъ-хэ*.

Отъ начала борьбы между Имперіею и Маньчжуріею за *Ляодунъ* до сихъ поръ, китайскія войска, обыкновенно, при первомъ натискѣ непріятельской конницы, обращались въ бѣгство, не смѣя

думать о сопротивленіи и защитѣ городовъ; одинъ *Юань-чунъ-хуань* съ честью выдержалъ споръ въ открытомъ полѣ и на степахъ. Такой подвигъ былъ слишкомъ великъ для тогдашняго времени, и *Вэй-чжунъ-сянь*, низвергнувшій *Сунъ-чэнъ-цзуна*, былъ не въ силахъ простить генералу его славы и побѣдъ. Клевреты евнуха старались ослабить при дворѣ вліяніе успѣховъ *Юань-чунъ-хуаня;* даже нашли справедливымъ обвинять его за то, что онъ не пошелъ на помощь *Цзинь-чжоу*, города совершенно не имѣвшаго нужды въ пособіи. Генералъ понялъ, что ему нужно удалиться съ своего поста и вышелъ въ отставку, а посланный на его мѣсто, *Вань-чжи-чэнь*, положилъ снова оставить *Цзинь-чжоу* и защищать одинъ *Нинъ-юань.*

Не смотря на недавніе опыты, ясно доказавшіе, какъ странно и не умѣстно это добровольное отреченіе отъ древней своей собственности, правительство утвердило новый планъ, который окончился бы немедленною потерею всего *Ляо-дуна*, если бы восшествіе новаго Китайскаго Императора не положило предѣловъ владычеству и жизни евнуха *Вэй-чжунъ-сяня. Хуай-цзунъ*, знаменитый своими несчастіями въ исторіи *Миньскаго* дома, обратилъ съ признательностью свое вниманіе на *Юань-чунъ-хуаня* и возвелъ его въ главнокомандующіе восточной арміи, и этотъ полководецъ рѣшилъ защищать *Ляо-дунъ*, силами этой же страны и произведеніями ея содержать здѣшнія войска; первымъ оплотомъ противъ непріятеля—считать города и крѣпости, вторымъ—бой въ открытомъ полѣ, третьимъ и самымъ послѣднимъ—миръ.

Появленіе въ *Ляо-дунѣ* мужественнаго защитника *Нинъ-юаня* произвело сильное впечатлѣніе на маньчжуръ, которые хорошо знали виновника своихъ недавнихъ неудачъ и потерь, и съ безпокойствомъ смотрѣли на распоряженія новаго главнокомандующаго; даже, когда *Юань-чунъ-хуань* снова открылъ переговоры, *Тай-цзунъ*, искренно желавшій мира для утвержденія собственныхъ владѣній, отказывался отъ императорскаго титула, соглашался довольствоваться однимъ именемъ Хана, получить государственную печать изъ рукъ Повелителя Поднебесной, однимъ словомъ, почти рѣшался снова стать въ ряды вассаловъ Имперіи, съ тѣмъ, чтобы только удержать за собою всѣ земли, лежавшія на восточномъ берегу *Ляо. Миньскій* дворъ, думавшій, что для него уже настало время торжества, требовалъ

покорности и, какъ побѣдитель, хотѣлъ заключить миръ на условіяхъ одной своей воли. Переговоры кончились тѣмъ, что *Тай-цзунъ* далъ въ душѣ своей обѣтъ сокрушить надменность Имперіи и, какими ни было бы средствами, погубить *Юань-чунъ-хуаня*, котораго считалъ для себя единственнымъ опаснымъ соперникомъ.

1629 года объявленъ былъ походъ уже не противъ *Ляо-дуна*, опустошеннаго постоянными набѣгами, но противъ самой Имперіи, привлекавшей къ себѣ маньчжуръ надеждою на безчисленныя сокровища и на славный миръ подъ стѣнами Пекина. Многочисленная армія, подъ начальствомъ самого Хана, вступила въ восточные аймаки Монголіи, чтобы, съ помощію здѣшнихъ проводниковъ, миновать опасный *Шань-хай-цуань* и другою какою-нибудь заставою проникнуть за Великую Стѣну. Планъ *Тай-цзуна*: оставить Маньчжурію безъ всякой защиты, когда на границахъ ея стоялъ многочисленный непріятельскій корпусъ подъ командою предпріимчиваго и опытнаго полководца; пройти пустою и безводною степью, гдѣ *чахары* грозили на каждомъ шагу засадою и нападеніемъ; вторгнуться въ страну наполненную милліонами враговъ, которые, по всей вѣроятности, станутъ драться съ ожесточеніемъ за спасеніе своей отчизны, домовъ и семействъ, и сами, прикрытые крѣпкими городами, сильною артиллеріею, будутъ владѣть всѣми средствами отрѣзать маньчжурамъ обратный путь, между тѣмъ какъ *Ляо-дунскій* главнокомандующій могъ безпрепятственно покрыть пепломъ и трупами все пространство отъ *Ляо-хэ* до *Чанъ-ботани*: такой планъ изумилъ самыхъ отважныхъ бэйлъ дерзостію предпріятія. Когда *Тай-цзунъ* достигъ уже *Харахотона* въ *Корчинскомъ* аймакѣ, Бэйлы *Дай-шанъ* и *Мангултай* вечеромъ явились въ палатку Хана, чтобы отклонить его отъ продолженія похода, представляя отдаленность пути, утомленіе лошадей, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и, наконецъ, свои сильныя опасенія, что непріятель совершенно окружитъ маньчжуръ, далеко проникнувшихъ за чужой рубежъ и не допуститъ никого изъ нихъ увидѣть родные лѣса. Жаркій споръ длился за полночь и Ханъ, раздраженный противорѣчіемъ бэйлъ, заставилъ ихъ прекратить всѣ возраженія, словами. «Теперь уже поздно разсуждать; нужно было говорить ранѣе; а въ настоящее время остается только дѣйствовать!» —На другой день утромъ армія снова была на походѣ въ Китай;

въ октябрѣ мѣсяцѣ прорвалась сквозь Великую Стѣну, взяла *Цзюнь-хуа-чэнъ*, и подвигаясь все впередъ, грозила Пекину. Во всѣхъ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ обнародована была прокламація, въ которой *Тай-цзунъ* исчислялъ древнія и новыя обиды, нанесенныя *Минь-скимъ* правительствомъ Маньчжурскому дому, оправдывалъ свои враждебныя дѣйствія противъ Китая и убѣждалъ жителей добровольно присоединиться къ сторонѣ людей, покровительствуемыхъ небомъ.

«Не я (объявлялъ Ханъ) а вашъ Императоръ и вельможи, презирающіе войною, немилосердые къ народу, отвергли миръ. Они желали войны—и она пришла, но такъ ли легка, какъ они думали?—Дарую жизнь всѣмъ, чиновникамъ, ученымъ, народу и солдатамъ, которые добровольно покорятся моей волѣ, и смерть всякому, кто будетъ сражаться или только возмется за оружіе. Они погибнутъ не отъ моего меча: ихъ собственный повелитель обрекъ ихъ на гибель!»

«Вашъ дворъ говоритъ: Маньчжурія маленькое Государство; можно ли допустись, чтобы Ханъ назывался Императоромъ? Но династіи *Ляо*, *Гинь*, *Юань*, въ началѣ господствовали надъ небольшими владѣніями; а въ силахъ ли былъ Китай отнять у нихъ Императорское достоинство? Самъ *Тай-цзу* (предокъ) *Миньскаго* дома былъ не болѣе какъ хэшанъ (монахъ). Кто постигаетъ законы неба, которое одно только возводитъ ничтожныхъ и низлагаетъ сильныхъ? Небо сказало мнѣ: будь Императоромъ. Событія докажутъ—въ силахъ ли низложить меня Китай?»

Минское правительство такъ было поражено неожиданною дерзостію маньчжуръ, что, вмѣсто предписанія *Юань-чунъ-хуаню* внести огнь и мечъ въ предѣлы беззащитнаго *Шэнь-яна*, спѣшило призвать знаменитаго генерала—со всею арміею, на помощь столицѣ (Пекину), для спасенія которой дворъ считалъ недостаточными силы многочисленной гвардіи и войскъ, могшихъ притти изъ окрестныхъ мѣстъ и губерній. *Ляо-дунскій* главнокомандующій, вмѣстѣ съ генералами *Цзу-да-шоу* и Хэ-*жэ-ганомъ*, совершая каждый день двойные переходы, прибылъ къ столицѣ, еще до открытія противъ нее маньчжурами военныхъ дѣйствій, и принялъ начальство надъ всѣми охранными войсками. *Тай-цзунъ* расположился лагеремъ близъ звѣринца; *Юань-чунъ-хуань* за воротами *Шахэ*. Такимъ образомъ, не далѣе 20 ли отъ Пекина и неболѣе какъ на протяженіи 40 ли, сосредоточился

военный театръ, на которомъ должна была разыграться судьба многолюдной столицы и двора, трепетавшихъ за свою участь и честь. Немедленно, послѣ встрѣчи двухъ многочисленныхъ армій, дано было кровопролитное сраженіе, съ равнымъ урономъ для той и другой стороны и безъ всякаго видимаго перевѣса; несмотря на то, оно имѣло весьма важныя послѣдствія для китайскаго полководца.

Во время битвы, маньчжуры захватили въ плѣнъ одного придворнаго евнуха, человѣка, пользовавшагося довѣріемъ Императора. Брошенный безъ всякаго присмотра, среди солдатъ, не обращавшихъ на него никакого вниманія, плѣнникъ, обдумывая средства тайно бѣжать изъ непріятельскаго стана, услышалъ подлѣ себя таинственный разговоръ, на китайскомъ языкѣ, двухъ лицъ, изъ которыхъ одно поздравляло другое съ приходомъ *Юань-чунъ-хуаня*, какъ съ самымъ радостнымъ событіемъ для маньчжуръ. На возраженіе своего товарища, что появленіе такого страшнаго врага, каковъ *Ляо-дунскій* главнокомандующій, и его многочисленной арміи должно имѣть самыя пагубныя слѣдствія, первый отвѣчалъ положительно, что *Юань-чунъ-хуань* давно уже на ихъ сторонѣ—и походъ противъ Пекина рѣшенъ былъ съ общаго согласія. что иначе ихъ домы уже были бы въ огнѣ, а жены носили бы китайцамъ воду; что онъ самъ видѣлъ гонцовъ, тайно присланныхъ отъ *Ляо-дунскаго* главнокомандующаго немедленно послѣ его прихода подъ столицу; что они введены были въ ханскую ставку и возвратились въ свой лагерь, только послѣ долгихъ переговоровъ съ Ханомъ; что даже нынѣшнее сраженіе было дано для вида, дабы не возбудить подозрѣнія въ непріятеляхъ, и что, какъ онъ достовѣрно знаетъ, скоро знамя Хана будетъ развѣваться на Пекинскихъ башняхъ. Евнухъ, овладѣвшій такою важною тайною, горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе возвратить себѣ свободу; его желаніе исполнилось. На другой день, онъ уже повторялъ предъ самимъ Императоромъ ужасную клевету на великаго полководца, которую произнесли маньчжурскіе солдаты по наставленію *Тай-цзуна*, искавшаго гибели *Юань-чунъ-хуаня*.

Минъскій дворъ онѣмѣлъ отъ изумленія и ужаса. Теперь казалось всѣмъ понятнымъ, какимъ образомъ маньчжуры могли рѣшиться на такое отчаянное предпріятіе, каковъ былъ походъ ихъ противъ Пекина. Въ то же время припомнили, что *Ляо-дунскій* главнокоман-

дующій убилъ *Мао-вынъ-луна*, оказавшаго такъ много важныхъ услугъ Государству; причиною такого насильственнаго поступка всѣ считали давнюю измѣну *Юань-чунъ-хуаня*, его опасеніе, чтобы храбрый и проницательный генералъ не постигъ и не разрушилъ злодѣйскихъ замысловъ; однимъ словомъ, предательство главнокомандующаго сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ; не знали только средствъ, какъ схватить опаснаго врага. Наконецъ къ *Юань-чунъ-хуаню* прискакалъ гонецъ съ повелѣніемъ отъ Императора немедленно прибыть въ столицу, для важныхъ совѣщаній. Генералъ, не подозрѣвавшій опасности, безъ всякой свиты, явился во дворецъ, гдѣ въ то же время надѣли на него оковы. По доносу евнуха осудили на смертную казнь полководца, хранившаго своими талапта честь и счастіе Имперіи. На одной изъ Пекинскихъ улицъ совершился кровавый судъ и разъяренная чернь разорвала на части трупъ невиннаго генерала, котораго и по смерти несправедливые современники, въ своихъ сказаніяхъ, пятнали позоромъ измѣны, доколѣ маньчжуры, точнымъ раскрытіемъ всего дѣла, не освободили памяти великаго человѣка отъ ложныхъ укоровъ.

Вѣсть о злополучномъ жребіи главнокомандующаго взволновала всю *Ляо-дунскую* армію. *Хэ-кэ-Ганъ* и *Цзу-да-шоу*, страшившіеся за свою безопасность, ушли съ войсками за *Шань-хай-гуань*. Такимъ образомъ Богдоханъ, обманутый ложною молвою, самъ лишилъ себя храбрыхъ защитниковъ. Оборону столицы дворъ ввѣрилъ *Мань-гую*, *Да-тунскому* генералу; а для занятія мѣста *Ляо-дунскаго* главнокомандующаго, снова вызванъ былъ, низвергнутый прежде, *Сунъ-чэнъ-цзунъ* и отправленъ въ *Шань-хай-гуань*.

Мань-гуй, командовавшій 40,000 пѣхоты, расположился за *Юнъ-динъ-мыньскими* воротами Пекина, въ лагерѣ въ нѣсколько рядовъ обнесенномъ тыномъ, пушками и окруженномъ каналомъ. Обнадеженный крѣпостію занятой позиціи, генералъ слишкомъ былъ увѣренъ въ своей безопасности, не думая, чтобы непріятель рѣшился атаковать его въ окопахъ. Между тѣмъ маньчжуры, одѣвшись въ платье, похожее на костюмъ китайскихъ солдатъ, съ такими же знаменами и штандартами, вечеромъ приблизились къ лагерю *Мань-гуя*, который принялъ ихъ за одинъ изъ вспомогательныхъ корпусовъ, тогда наводнявшихъ окрестности столицы. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго

дня, маньчжуры ворвались въ окопы, разсѣяли непріятельскую, армію, убили *Мань-цуя*, захватили въ плѣнъ двухъ генераловъ и торжествовали побѣду у воротъ самаго Пекина.

Новое несчастіе повергло дворъ въ гибельное недоумѣніе, кому ввѣрить защиту столицы, почти уже доведенной до послѣдней крайности. Одинъ изъ ученыхъ сановниковъ доложилъ Императору, что въ городѣ живетъ скиталецъ монахъ, по имени *Цзя-фу*,—человѣкъ, который подъ смиреннымъ платьемъ отшельника таитъ богатырское сердце и великіе военные таланты. Правительство такъ радо было этому открытію, что безъизвѣстный ученикъ Будды, простой сборщикъ милостыни возведенъ былъ въ достоинство генерала, съ повелѣніемъ немедленно устроить древнія военныя колесницы, для скорѣйшаго истребленія враговъ. Въ то же время другой ученый, *Лю-чжи-лунъ*, получилъ должность предсѣдателя военной палаты и порученіе начертать планъ для продолженія военныхъ дѣйствій и защиты Пекина.

Оба эти странныя распоряженія *Минскаго* правительства даютъ самое лучшее понятіе о томъ ужасномъ положеніи, въ которое повержены были дворъ и столица успѣхами маньчжуръ. Опасность еще болѣе возрасла, когда *Цзя-фу* и *Лю-чжи-лунъ*, въ первый разъ въ своей жизни явившіеся на военномъ поприщѣ, были разбиты и погибли; съ ними исчезали и послѣднія надежды на спасеніе. Большая половина войскъ, вызванныхъ изъ разныхъ мѣстъ для защиты Пекина, была истреблена или разсѣяна; другія войска были еще далеки отъ столицы; притомъ же непрестанныя потери произвели гибельное вліяніе на армію и народъ, а въ случаѣ правильной осады, многолюдный городъ, не снабженный припасами, не въ силахъ былъ долго сопротивляться упорному непріятелю.

Но *Тай-цзунъ* самъ опасался долго оставаться вдали отъ своихъ владѣній, послѣ того, какъ *Сунъ-чэнъ-цзунъ* и *Цзу-да-шоу* ушли въ *Шань-хай-гуань*; богатая добыча изъ покоренныхъ городовъ, гибель *Юанъ-чунъ-хуана* и страхъ Китайскаго Императора—удовлетворяли главнымъ желаніямъ Маньчжурскаго Хана, который, повелѣвши разбросать у Пекинскихъ воротъ письма о мирѣ, предпринялъ обратный походъ. Въ февралѣ 1630 года маньчжуры, на пути въ свое отечество, покорили *Юнъ-пинъ-фу*, *Цянь-ань*, *Луанъ-чжоу* и, послѣ неудачной попытки овладѣть городомъ *Чанъ-ли*, *Тай-цзунъ* удалился

въ *Мукденъ*, оставивши Бэйлэ *Цзир-галана* съ десятью тысячами воиновъ въ *Юнъ-пинъ-фу* и небольшіе отряды въ городахъ *Цянь-ань*, *Луань-чжоу* и *Цзунь-хуа*, куда скоро посланъ былъ и Бэйлэ *Аминъ* съ 5,000 солдатъ, для усиленія гарнизона.

Распоряженія Хана ясно доказывали его твердое желаніе овладѣть крѣпкими пунктами, въ предѣлахъ Великой Стѣны, чтобы имѣть возможность во всякое время предписать законы Пекину. *Миньскій* дворъ, едва избавившійся отъ опасности, немогъ не видѣть, къ чему клопятся замыслы *Тай-цзуна*, и 20,000 армія, подъ начальствомъ *Маши-луна*, отправлена была на выручку городовъ занятыхъ непріятелемъ; въ то же время *Сунъ-чэнъ-цзунъ* получилъ повелѣніе дѣйствовать съ востока на маньчжуръ, оставшихся внутри заставы и которымъ, такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ грозило наизбѣжное истребленіе. Китайцы, воспользовавшись отступленіемъ главной непріятельской арміи, прежде всего приступили къ *Луань-чжоу*. Каждый солдатъ ихъ долженъ былъ срубить по одному ивовому дереву, которыми мгновенно сровняли ровъ, облегавшій стѣну, а батарейный огонь разрушилъ амбразуры. Тогда маньчжуры сдѣлали отчаянную вылазку, разорвали безчисленные ряды осаждавшихъ и ушли, оставивши въ рукахъ непріятеля одинъ опустошенный городъ. Бэйлэ *Аминъ*, узнавшій о чрезвычайныхъ силахъ китайской арміи, не осмѣлился итти на помощь *Луань-чжоу*: но остановился въ *Юнъ-пинъ-фу*, куда были переведены всѣ жители и гарнизонъ изъ *Цянь-аня*. Впрочемъ скоро, истребивши въ городѣ всѣхъ китайцевъ, солдатъ, мирныхъ гражданъ, даже признавшихъ маньчжурское подданство, ночью бѣжалъ онъ изъ *Юнъ-пинъ-фу*, давши повелѣніе и гарнизону *Цзунь-хуа* возвратится въ свои предѣлы. Отступленіе исполнено было съ такою поспѣшностью и безпорядкомъ, что непріятель, настигши маньчжурскій арріергардъ, нанесъ ему жестокій уронъ. Раздраженный потерею одного изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній своего Пекинскаго похода и неосторожными дѣйствіями Бэйлэ *Амина*. Ханъ предалъ своего брата строжайшему суду и заключилъ подъ крѣпкую стражу.

Настоящее несчастіе, прежняя неудачная осада *Чанъ-ли*, гдѣ соединенныя силы всей маньчжурской арміи, лично предводительствуемой *Тай-цзуномъ*, послѣ неоднократныхъ приступовъ и великаго урона въ людяхъ, не могли овладѣть городомъ,—котораго защита

состояла только въ малочисленномъ гарнизонѣ и нѣсколькихъ пушкахъ,—доказали Хану, какое важное значеніе имѣетъ артиллерія въ военномъ дѣлѣ: и 1631 года, въ первый разъ у маньчжуръ были отлиты пушки; а осенью того же года, *Тай-цзунъ* отправился противъ *Да-минъ-хэ*, испытать силу своего нововведенія.

Сунъ-чэнъ-цзунъ, послѣ возвращенія подъ владычество Имперіи четырехъ городовъ, лежавшихъ внутри заставы, хотѣлъ и восточную границу привести въ ея древніе предѣлы. Согласно съ своимъ предположеніемъ, онъ считалъ необходимымъ прежде всего возстановить и укрѣпить *Да-минъ-хэ;* между тѣмъ *Цю-хэ-цзя*, губернатору этого города, казалось нужнымъ немедленно возобновить и *Ю-тунъ*. Къ несчастію *Сунъ-чэнъ-цзуна, Линъ-тинъ-дунъ*, прежній предсѣдатель военной палаты былъ отставленъ отъ своей должности, а преемникъ его, совершенно ниспровергнувшій всѣ распоряженія своего предшественника, доказывалъ, что постройка городовъ нисколько не служитъ къ безопасности Имперіи,—и въ слѣдствіе такихъ соображеній, дано было повелѣніе возвратить изъ гарнизона *Да-минъ-хэ* 14,000 солдатъ во внутрь *Шань-хай-гуаня*, а оставшимся 10,000 стоять на стражѣ противъ маньчжуръ. *Сунъ-чэнъ-цзунъ*, опасавшійся, что уменьшенныхъ силъ будетъ недостаточно для отпора непріятеля предлагалъ совершенно отказаться отъ города, а находившійся здѣсь огромный запасъ хлѣба раздать войскамъ, чтобы не дать помощи и богатой добычи врагамъ; но *Цю-хэ-цзя* въ другой разъ не повиновался волѣ главнокомандующаго.

Когда, въ 8 лунѣ, *Тай-цзунъ* приблизился къ китайской границѣ, въ то время прошла только половина мѣсяца отъ начала работъ въ томъ и другомъ городѣ, и когда маньчжуры окружили съ четырехъ сторонъ *Да-минъ-хэ*, въ то время стѣны выведены были только до амбразуръ.

Цю-хэ-цзя, вмѣстѣ съ генералами *У-сянъ* и *Сунъ-вэй*, перешелъ чрезъ *Сяо-минъ-хэ* и ждалъ нападенія Хана. *Тай-цзунъ*, раздѣлившій армію на двѣ половины, подвинулся впередъ; но, видя, что непріятель занялъ весьма выгодное положеніе, отступилъ, выжидая того времени, когда противники разойдутся по лагерямъ и потеряютъ единство. Въ четвертую стражу китайцы перешли чрезъ *Да-минъ-хэ* и расположились при проходѣ *Чанъ-шанъ-коу*, въ пятнадцати ли

отъ города. *Тай-цзунъ*, спѣшилъ завязать жаркое дѣло; но непріятель устоялъ въ позиціи. Тогда Ханъ, выбравши изъ всего войска охотниковъ и смѣльчаковъ, самъ повелъ ихъ противъ лагеря *Сунъ-вэя*, несмотря на жестокій огонь и картечи, которыми поражала ихъ китайская артиллерія. Вслѣдъ за тѣмъ, лѣвое крыло, уклонившееся отъ выстрѣловъ, подвинулось за правымъ флангомъ, уже атаковавшимъ непріятеля; но *Сунъ-вэй* дрался на смерть и маньчжуры, съ жестокимъ урономъ въ передовыхъ рядахъ, должны были отказаться отъ своего предпріятія. Не сокрушенный потерями и неудачею— *Тай-цзунъ* перемѣнилъ планъ своихъ дѣйствій, приказавши лѣвому флангу ударить на лагерь *У-сяна*. Пушки и огненныя стрѣлы маньчжуръ произвели разстройство въ китайскихъ рядахъ; жестокій вѣтеръ несъ облака дыма, и пламя охватило лагерь съ четырехъ сторонъ; непріятель дрогнулъ и побѣжалъ. Въ то же время правое крыло, одушевленное успѣхами своихъ товарищей, еще разъ съ ожесточеніемъ бросилось на станъ *Сунъ-вэя;* до самаго вечера длилась кровавая битва; наконецъ китайскія войска были совершенно поражены и даже бѣжавшіе попались на засаду и погибли. Тогда крѣпость *Да-линъ-хэ* осталась безъ помощи и хлѣба. Въ 10-й лунѣ, жители принуждены были питаться человѣческимъ мясомъ и падалью, изъ трехъ частей народонаселенія, простиравшагося до 30,000 человѣкъ, осталась въ живыхъ только одна. Однажды осажденные услышали близъ стѣнъ своего города жестокую пальбу и вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣли, какъ густыя облака быстро неслись съ юга; гарнизонъ не сомнѣвался, что пришло вспомогательное войско и въ радости вышелъ на вылазку, чтобы съ двухъ сторонъ ударить на маньчжуръ. Скоро узналъ онъ свою ошибку подъ мечемъ непріятеля, который, воспользовавшись легковѣріемъ своихъ противниковъ, жестоко ударилъ на нихъ, и съ великимъ урономъ заставилъ спасаться бѣгствомъ въ беззащитный городъ. Гибельный обманъ лишилъ осажденныхъ всякой надежды на спасеніе, и, когда дѣйствительно пришелъ на выручку *Да-линъ-хэ* 40-тысячный корпусъ, жители, страшившіеся новой ошибки, не подали помощи своимъ и уже поздно догадались, что предъ ихъ глазами были разбиты и прогнаны спасители города, который наконецъ долженъ былъ предать свою судьбу волѣ Хана.

Паденіе *Да-линъ-хэ* было вмѣстѣ и паденіемъ главнокомандующаго. При дворѣ обвинили *Сунъ-чэнъ-цзуна* въ томъ, что онъ напрасною постройкою города погубилъ армію, своими потерями нанесъ безчестіе могуществу Китая. Главнокомандующій жаловался на *Цю-хэ-цзя*, неповиновеніе и ошибки котораго были причиною такихъ гибельныхъ слѣдствій, и просился въ отставку. Дворъ безъ сожалѣнія исполнилъ такое желаніе.

Такимъ образомъ силы и защита *Ляо-дуна* снова были сокрушены оружіемъ маньчжуръ. Одно *Цзинь-чжоу* оставалось непобѣдимымъ. Крѣпкія стѣны, многочисленный гарнизонъ, нѣсколько разъ спасали этотъ городъ отъ власти Хана; однакоже возможность защититься еще не давала средствъ къ предпринятію другихъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ. *Тай-цзунъ* не страшился непріятеля довольствовавшагося только собственною безопасностью, и, предоставивши китайцамъ полную свободу сидѣть за высокими валами, самъ предпринялъ новый походъ, увеличившій славу маньчжурскаго оружія и имени.

Линдань, въ надеждѣ на непрестанную борьбу Имперіи съ *Тай-цзуномъ*, думалъ воспользоваться этимъ случаемъ для возстановленія своего утраченнаго вліянія на сосѣдніе монгольскіе аймаки. Въ 1631 году чахары напали на *Арду-корчинь*, принадлежавшій *Далай-чухуру*, уже признавшему маньчжурское подданство: такихъ непріязненныхъ дѣйствій достаточно было, чтобы вызвать *Тай-цзуна* въ Монголію.

Собравши многочисленное войско, въ слѣдующемъ году Ханъ перешелъ *Хинганскій* хребетъ и далъ повелѣніе монгольскимъ князьямъ явиться съ своими войсками къ мѣсту дѣйствій. Настоящій походъ не столько важенъ по своимъ слѣдствіямъ, сколько по тому чрезвычайному вліянію маньчжуръ на монгольскихъ чжасаковъ, которое выразилось въ ихъ безусловной покорности повелѣніямъ *Тай-цзуна*. Каждый день приходили въ станъ его монгольскіе князья и владѣльцы съ предложеніемъ своихъ услугъ и оружія. *Тай-цзунъ* угощалъ вассаловъ пирами; милостиво давалъ имъ свои похвалы или наставленія; училъ военному порядку и закопамъ; винилъ Китай за его презрительную и оскорбительную политику; увѣрялъ всѣхъ въ своихъ миролюбивыхъ чувствахъ и своемъ искреннемъ желаніи

управлять Имперіею по законамъ неба и справедливости. Каждый день являлись гонцы съ радостными извѣстіями, что *чахары* бѣгутъ, не смѣя ни разу вступить въ борьбу съ маньчжурскими войсками; что въ страхѣ они покинули родныя кочевья, разсѣялись по китайскимъ границамъ и уклонились далеко на западъ, откуда вѣрно изгонитъ ихъ одно появленіе непобѣдимой маньчжурской арміи. До самаго *Гуй-хуа-чэна* *Тай-цзунъ* дошелъ не обнажая меча, какъ будто совершалъ путешествіе по собственнымъ владѣніямъ. Здѣсь Ханъ рѣшился прекратить погоню за безсильными бѣглецами, и отправить значительный корпусъ на границы Китая къ *Дай-туну*.

Неожиданный приходъ маньчжуръ такъ изумилъ здѣшняго губернатора, что, по первому требованію, онъ поспѣшилъ выдать чахарскихъ бѣглецовъ генераламъ *Тай-цзуна*, который объявилъ, что Монголія нѣкогда была владѣніемъ *Чингисъ-хана*, въ послѣдствіи времени стала добычею *чахаровъ*, наконецъ сдѣлалась достояніемъ Маньчжурскаго дома, и что Китаю неприлично удерживать подъ своею властію чужихъ подданныхъ. Готовность китайскаго правителя повиноваться волѣ Хана подала *Тай-цзуну* мысль сдѣлать губернатору другое, болѣе важное предложеніе.

Еще со временъ правленія *Тянь-ци*, 1621—1627 г., губернаторъ *Цзи-чжоу*, *Ванъ-сянь-цянь*, считавшій необходимымъ пріобрѣсти расположеніе монголовъ, убѣдилъ Китайское правительство, сверхъ ежемѣсячнаго жалованья по старому и новому окладу, платить имъ еще за промѣнъ лошадей, такъ что сумма годовыхъ расходовъ на монголовъ простиралась свыше 1.000,000 лянъ серебра (около 2 мил. руб. сер.). Торговлю лошадьми производили потомки *Шунъ-и-вана Ангды*, которые каждый годъ представляли Китаю до 52,000 лошадей, за что и получали отъ двора 320,000 лянъ серебра (640,000 р. сер.). Въ послѣднія времена, чахары, изгнавшіе потомковъ *Шунъ-и-вана*, обязались охранять китайскія границы отъ вторженія другихъ монгольскихъ поколѣній на прежнихъ условіяхъ, но съ тѣмъ договоромъ, что если они, по случаю голоднаго года или другихъ несчастій, не въ состояніи будутъ представить лошадей для промѣна, Китай долженъ заплатить имъ половину установленной цѣны. *Дайтунскій* губернаторъ сильно возставалъ противъ такой мѣры своего правительства, утверждая, что *чахары*, аймакъ весьма ничтожный по

своему могуществу, еще менѣе предпріимчивый и способный для какихъ либо важныхъ дѣлъ; что странно ежегодно тратить милліоны ланъ серебра для спасенія толпы голодныхъ разбойниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изложилъ 14 причинъ къ истребленію чахаръ и 14 средствъ къ осуществленію такого предпріятія. *Вань-сянь-цзянь*, надѣявшійся пособіемъ монголовъ сокрушить возраставшее могущество маньчжуръ, завелъ жестокій споръ съ *Да-тунскимъ* губернаторомъ и слѣдствіемъ этой безконечной тяжбы было то, что Китай по-прежнему платилъ дань кочевымъ ордамъ.

Теперь *Тай-цзунъ*, послѣ обращенія въ бѣгство *Лин-дана*, отправилъ къ китайскимъ пограничнымъ начальникамъ письмо, въ которомъ говорилъ: «Я слышалъ, что Имперія ежегодно платитъ чахарамъ болѣе милліона ланъ серебра; не лучше ли вамъ заключить договоръ со мною вмѣсто того, чтобы тратить такія деньги на безполезныхъ людей? Я уступаю первенство вашему Государству: за то и вы должны считать меня выше чахаровъ». *Да-тунскій* губернаторъ, *Шэнь-ци*, опасавшійся нападенія маньчжуръ на городъ, ввѣренный его защитѣ, не спрашивая разрѣшенія своего правительства, рѣшился принять предложеніе Хана и надъ кровью бѣлой лошади и черной коровы заключенъ былъ договоръ: производить конную торговлю въ городѣ *Чжанъ-цзя-коу* (Калгапъ) на прежнихъ условіяхъ; за что маньчжуры обязывались казнить смертію всякаго монгола, находящагося въ ихъ подданствѣ, за грабежъ, произведенный на китайской границѣ; съ своей стороны *Шэнь-ци* обѣщалъ устроить въ *Ляо-дунѣ* миръ между Имперіею и Ханомъ. Какъ ни страненъ былъ поступокъ *Да-тунскаго* губернатора, однакоже *Тай-цзунъ*, по возвращеніи въ *Мукденъ*, потребовалъ отъ Китайскаго правительства немедленнаго заключенія дружественнаго трактата между обоими Государствами и даже отправилъ прямо на имя Богдохана письмо, заключавшееся слѣдующими словами: «Я желаю мира, чтобы получать ежегодно изъ Китая подарки, безъ помѣхи тѣшиться облавою и общею тишиною».

Миньскій дворъ съ негодованіемъ отвергнулъ трактатъ, заключенный лицомъ, не имѣвшимъ никакого полномочія, не знавшимъ истинныхъ видовъ правительства и нисколько не дорожившимъ честью Имперіи. Самъ *Шэньци* былъ преданъ суду за то, что своимъ дерзкимъ

и неблагоразумнымъ поступкомъ только увеличилъ притязанія непріятелей и умножилъ преграды къ заключенію мира, сдѣлавшагося столь необходимымъ для блага Государства, которому грозила новая и близкая опасность.

Еще прежде настоящихъ событій, въ двухъ западныхъ провинціяхъ Китая, *Шань-си* и *Сань-си*, явились шайки разбойниковъ, внезапно возмутившихъ общее спокойствіе. Постоянные неурожаи и страшный голодъ быстро увеличивали число мятежной толпы; притѣсненія и корыстолюбіе мѣстныхъ властей, вышедшій изъ терпѣнія обѣднѣвшій и обремененный тяжелыми налогами народъ распространили противъ правительства общій ропотъ между жителями, тайно покровительствовавшими успѣхамъ тѣхъ шаекъ. Если регулярныя войска и легко одерживали побѣды надъ нестройною толпою, то съ другой стороны разбойники, пораженные въ одномъ мѣстѣ, разсыпались по всѣмъ окрестностямъ, скоро находили новыхъ и многочисленнѣйшихъ сообщниковъ, такъ что каждая побѣда, одержанная мѣстнымъ правительствомъ, только разсѣвала искры, повсюду распространявшія пожаръ; между тѣмъ какое-нибудь мгновенное торжество порождало при Пекинскомъ дворѣ, не знавшемъ истиннаго положенія дѣлъ, то гибельное презрѣніе къ непріятелю, которое довело *Минь-скій* домъ до совершеннаго паденія.

Когда въ 1629 году маньчжуры явились подъ стѣнами самаго Пекина, дворъ, трепетавшій за свою участь, далъ повелѣніе пяти генераламъ, занимавшимъ посты въ пяти важныхъ городахъ *Янь-суй*, *Гу-юань* Гань-су, *Линъ-тао*, *Нинъ-си*, итти на спасеніе Богдохана. Съ удаленіемъ войскъ, сила упомянутыхъ разбойниковъ, утвердившихся въ западномъ краѣ государства, оставленнаго безъ гарнизоновъ и защиты, достигла такого могущества, что только многочисленныя арміи достаточны были для успокоенія взволнованной области *Шань-си*. Въ тоже время и *Гэнъ-жу-ци*, губернаторъ области *Сань-си*, долженъ былъ съ 5,000 корпусомъ солдатъ отправиться на помощь столицѣ. По прибытіи его къ Пекину, военная палата повелѣла Гэнъ-*жу-ци* охранять *Тунъ-чжоу*, на другой день отправила его на защиту *Чанъ-пинъ-чжоу*, на третій приказала ему стеречь *Лянъ-сянъ*. Солдаты, въ теченіе трехъ сутокъ не получавшіе провіанта, мучимые голодомъ, стали грабить жителей и похи-

щать съѣстные припасы. Дворъ обвинилъ губернатора въ неумѣньи управлять своими подчиненными; а между тѣмъ солдаты, раздраженные начальствомъ и страшившіеся слѣдствія и допросовъ, разсѣялись, бѣжали въ свою родную *Сянь-си* и положили тамъ начало страшному могуществу мятежниковъ. Такимъ образомъ, востокъ и западъ въ одно время возстали противъ общаго спокойствія, и у *Минскаго* дома уже не было средствъ усмирить Поднебесное Государство.

Пламя, охватившее собою отдаленныя области Китая, скоро явилось вблизи самаго двора, почти на границахъ губерніи *Чжили*. *Кунъ-ю-дэ* и *Гэнъ-чжунъ-минъ*, управлявшіе войсками *Дэнъ-чжоу*, весьма важнаго прибрежнаго города, гдѣ сосредоточены были значительныя силы для дѣйствій противъ маньчжуръ съ моря, произвели бунтъ, провозгласили себя неограниченными полководцами и пригласили въ свой союзъ *Шинъ-кэ-си*, генерала, командовавшаго войсками на островѣ *Гуанъ-лу*. Многочисленная армія, посланная противъ мятежниковъ, окружила *Дэнъ-чжоу;* но *Кунъ-ю-дэ* и *Гэнъ-чжунъ-минъ*, не надѣявшіеся получить прощенія отъ Императора, пошли на вылазку, прорвались сквозь густые ряды осаждавшихъ, сѣли на суда и приплыли въ Маньчжурію. Примѣру ихъ послѣдовалъ и *Шанъ-кэ-си*, который, забравши солдатъ и островитянъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ семействъ, явился къ *Тай-цзуну*, съ просьбою о принятіи ихъ въ подданство. Ханъ осыпалъ бѣглецовъ необыкновенными почестями и клялся, что они никогда не раскаются въ своемъ поступкѣ. Новоприобрѣтенные подданные были такъ значительны въ своемъ числѣ, что образовали изъ себя два сильныхъ корпуса, извѣстные въ составѣ маньчжурской арміи подъ именемъ: *Учжэнь-Чоха*, по-китайски: *Хань-цзюнь*.

Настоящія событія въ первый разъ ясно раскрыли *Тай-цзуну*, какъ шатко видимое могущество Имперіи, какъ велико вліяніе маньчжурскихъ завоеваній на умы китайцевъ, когда цѣлыя тысячи ихъ спѣшили укрыться отъ преслѣдованій своего правительства подъ сѣнію чуждаго для нихъ Государя, и какъ легко нанести *Минскому* дому послѣдніе и рѣшительные удары. Отказъ Китая подтвердить мирный договоръ снова открывалъ обширное поприще для военныхъ дѣйствій—и *Тай-цзунъ*, хорошо понимавшій ходъ

современныхъ происшествій, предложилъ своимъ бойламъ и вельможамъ вопросъ о томъ: противъ кого итти напередъ войною, противъ Китая или противъ чахаръ и Кореи, снова обнаружившей непріязненныя чувства къ маньчжурамъ? Всѣ единодушно представляли Хану, что опасный врагъ для нихъ—Китай, что если только наблюдать за *Цзинь-чжоу* и *Нинъ-юанемъ*, лежащими внѣ заставы, то это значитъ исполнять свой планъ только по немногу и отчасти; но, если окольными путями проникнуть въ самое сердце сего Государства, овладѣть его внутренними городами и областями, то это значитъ однимъ ударомъ сразить Китай и покорить всѣ внѣшнія владѣнія, признающія себя вассалами *Минскаго* дома. Итакъ, на этомъ собраніи въ первый разъ была обрисована идея той исполинской Имперіи, которою владѣетъ настоящая Маньчжурская династія, и въ первый разъ неопредѣленная мысль—царствовать надъ Китаемъ озарятся яснымъ сознаніемъ возможности ея исполненія, подчинятся плану и расчетамъ. Отсюда начинается рядъ непрерывныхъ вторженій въ предѣлы *Поднебесной*, съ цѣлью постепенно сокрушать ея независимость и послѣднее могущество.

1634 года *Тай-цзунъ* далъ повелѣніе своимъ войскамъ четырмя дорогами проникнуть за Великую Стѣну и опустошить окрестности Пекина. Предпріятіе исполнилось съ успѣхомъ. Маньчжуры, въ августѣ мѣсяцѣ выступившіе въ походъ, въ октябрѣ уже возвратились домой, обремененные добычею, собранною ими въ виду многочисленной китайской арміи, не смѣвшей вступить въ рѣшительный бой съ непріятельскою конницею. Несмотря на свое бездѣйствіе, *Минскіе* полководцы обольщали свое правительство ложными донесеніями, въ которыхъ увѣряли Богдохана, что непобѣдимое мужество арміи заставило маньчжуръ съ урономъ и страхомъ скрыться въ свои дремучіе лѣса. *Цао-вынь-чжао* оканчивалъ донесеніе о своихъ побѣдахъ, словами: «Нельзя исчислить, сколько погибло непріятелей отъ мѣткихъ выстрѣловъ нашей артиллеріи, поколебавшей все небо своимъ громомъ; не подношу двору непріятельскихъ головъ; мы не собирали ихъ за безчисленнымъ множествомъ; довольствуюсь только, въ знакъ торжества, представить одно знамя, которое и повергаю въ ногамъ *сына неба*».—Быстрота вторженія и удаленія маньчжуръ, повидимому, подтверждала справедливость донесеній, и *Минскій* дворъ

готовъ былъ опочить на лаврахъ, какъ *Тай-цзунъ*, получившій къ свои руки списокъ съ реляціи китайскаго генерала, новымъ и грознымъ письмомъ разрушилъ минутное очарованіе двора. Ханъ жалѣлъ о горестномъ положеніи повелителя Поднебесной, окруженнаго безсовѣстными вельможами, которые ежечасно и грубо пользуются легковѣріемъ своего повелителя, рубятъ головы бритымъ китайцамъ, чтобы сказать, сколько непріятельскихъ головъ пало отъ лѣзвія ихъ побѣдоноснаго меча, и увѣрялъ, что одно желаніе мира и состраданіе къ бѣдственному невѣдѣнію *сына неба* заставили Хана сообщить Императору истинныя свѣдѣнія о ходѣ борьбы между Китаемъ и маньчжурами. *Минъскій* дворъ не отвѣчалъ на горькія истины, высказанныя *Тай-цзуномъ*, и въ слѣдующемъ году войска Хана снова явились въ предѣлахъ Великой Стѣны.

Бэйлэ *Дорконъ* проникнулъ въ Китай чрезъ заставу *Шанъ-гуань*, ограбилъ города *Дай-чжоу*, *Сюнь-чжоу*, *Инъ-чжоу* и *Чунь-чжоу*, положилъ на мѣстѣ свыше шести тысячъ китайскихъ солдатъ, захватилъ въ плѣнъ много людей, а въ добычу скота до 70,000 головъ, и возвратился къ Хану съ подаркомъ, умножившимъ значеніе и важность маньчжурскаго вождя.

Еще въ прошедшемъ 1634 году, *Тай-цзунъ* ходилъ войною противъ чахаръ и почти совершенно завоевалъ этотъ аймакъ, давно утративній свое могущество. *Линдань*, оставленный своими чжасаками и подданными, принужденъ былъ бѣжать въ *Хухэ-норъ*, гдѣ и скончался въ урочищѣ *Да-цао-тань*. Съ смертію *Линданя* совершенно пала независимость и Ханское достоинство потомковъ *Юаньской* династіи, а большая часть чахаръ признала надъ собою владычество маньчжуръ. Но, съ удаленіемъ *Тай-цзуна* въ свои предѣлы, *Эжэ*, сынъ *Линданя*, возвратился на древнія кочевья и собралъ подъ свою власть людей, еще хранившихъ преданность къ его дому. Эта новая попытка, возстановить самобытность Чахарскаго аймака, не укрылась отъ вниманія *Тай-цзуна*, который, отправивши *Дорконя* противъ Китая, повелѣлъ этому Бэйлэ прежде всего довершить судьбу покореннаго аймака, а потомъ внести оружіе въ предѣлы Имперіи. *Дорконю* предоставлена была честь, вмѣстѣ съ китайскими плѣнниками, представить Хану побѣжденнаго *Эжэ*, со всѣми его подданными, и даже государственную печать Имперіи, которую унесли съ собою изъ Китая изгнанные потомки *Хубилая*.

Маньчжуры съ восторгомъ привѣтствовали символъ владычества надъ Поднебесною Имперіею; народъ, солдаты и вельможи открыто говорили, что пріобрѣтеніе печати есть прямое повелѣніе неба маньчжурамъ наслѣдовать могущество *Юаньскаго* дома. Немедленно бэйлы и высшіе государственные чины, соединившись съ различными монгольскимм князьями, явившимися съ ежегодною данью, обратились къ Хану съ просьбою принять новый титулъ, достойный славы великаго дома. *Тай-цзунъ*, прежде, въ угоду Китаю, нѣсколько разъ отказывавшійся отъ имени Императора, нынѣ и самъ желалъ утвердить за собою достоинство, самовластно принятое *Тай-цзу* и не признанное общимъ согласіемъ сосѣднихъ владѣній. «Посовѣтуйтесь объ этомъ дѣлѣ съ младшимъ моимъ братомъ, Корейскимъ Королемъ, отвѣчалъ Ханъ на лестное предложеніе своихъ вассаловъ и подданныхъ, и, въ слѣдствіе такой воли *Тай-цзуна*, маньчжурскіе и монгольскіе князья, каждые лично отъ себя, отправили къ *Лицзуну* письма, съ просьбою принять живое участіе въ общемъ желаніи цѣлаго Государства и прислать отъ себя депутатовъ для поднесенія Хану адреса.

1636 года, мая 5 дня, *Тай-цзунъ*, сопровождаемый монгольскими 49 князьями изъ 26 аймаковъ, маньчжурскими бэйлами, военными и гражданскими чинами, корпусами восьми знаменъ, отправился въ храмъ неба испросить свыше благословенія на новое достоинство и принести великую жертву за благо народа. Освятивши свои чувства и замыслы религіею и молитвами, Ханъ возсѣлъ на золотомъ престолѣ, принялъ государственную большую печать и титулъ *Любвеобильнаго, Милосердаго Императора*, и далъ названіе своей династіи *Дай-цинъ*, своему правленію *Чунъ-дэ*. При оглушительныхъ звукахъ трубъ и раковинъ, при единодушныхъ крикахъ «царствуй на вѣки, къ общему счастью» все собраніе девять разъ било челомъ предъ новымъ Императоромъ, которому суждено было даровать Китаю новую династію, до сихъ поръ удержавшую имя, завѣщанное ей великимъ основателемъ. *Тай-цзунъ*, признательный къ заслугамъ своихъ сподвижниковъ на ратномъ полѣ и въ управленіи дѣлами государства, спѣшилъ осыпать ихъ наградами и милостями, и въ первый разъ при Маньчжурскомъ дворѣ явилось достоинство *Вановъ*, степень, ставившая бэйлъ на ряду съ государями данническихъ владѣній и послужившая основаніемъ

той несмѣшной аристократіи, которой, вопреки вѣковымъ узаконеніямъ Китая, предоставлено, въ восьми домахъ, право: старшему въ каждомъ изъ этихъ домовъ наслѣдовать достоинство князя первой степени, во всѣхъ колѣнахъ, какого права не имѣютъ самые ближайшіе члены царствующей линіи.

Новому правленію должно было начать тѣмъ же, чѣмъ ознаменовалось и первое вступленіе *Тай-цзуна* на престолъ. Корея, принужденная въ 1627 году заключить миръ на условіяхъ побѣдителя, не могла забыть своего утѣсненія, а ложная надежда на силы Китая и его раннее или позднее торжество надъ горстью маньчжуръ, побудили *Ли-цзуна* къ нарушенію трактата, заключеннаго почти подъ мечемъ непріятеля. Когда въ 1631 году *Тай-цзунъ* отправилъ въ Корею посланника съ просьбою о содѣйствіи морскими силами къ покоренію острововъ въ *Ляо-дунскомъ* заливѣ, занятыхъ *минскими* войсками, *Ли-цзунъ*, три дня не допускавшій посланника на аудіенцію, наконецъ объявилъ Хану, что Китай—отецъ Кореи и потому она не можетъ помогать людямъ, возставшимъ противъ ея метрополіи. Молчаніе съ которымъ *Тай-цзунъ* перенесъ этотъ непріязненный отвѣтъ, увеличило смѣлость короля, который рѣшился уменьшить число вещей, представляемыхъ имъ въ дань Маньчжурскому двору и предложить ему—совершенно прекратить взаимныя посольства между тѣмъ и другимъ государствомъ. Грозное письмо *Тай-цзуна* заставило Корею подчиниться условіямъ трактата, но не подавило враждебныхъ чувствъ, одушевлявшихъ *Ли-цзуна* противъ Маньчжуріи. Плѣнники, возвращенные Ханомъ, были преданы смертной казни за то, что позволили обезоружить себя непріятелю и не искупили жизнію чести отечества. Всѣ китайскіе перебѣжчики, скрывавшіеся въ Корею изъ мѣстъ, покоренныхъ маньчжурами въ *Ляо-дунъ*, передавались пограничнымъ начальникамъ Имперіи; точно также корейскія суда, крейсировавшія на водахъ залива, перехватывали островитянъ и китайцевъ, плывшихъ въ Маньчжурію съ желаніемъ вступить въ подданство хана, и возвращали ихъ *Минскому* правительству. Когда *Гэнъ-чжунъ-минъ* и *Шанъ-кэ-си*, съ единоземцами въ числѣ 20,000 человѣкъ удалившіеся изъ Китая, во время пути своего въ Маньчжурію отправили въ Корею посольство съ просьбою, чтобы, на основаніи братскаго мира, заключеннаго между ха-

номъ и королемъ, оказано было имъ пособіе въ хлѣбныхъ припасахъ, корейцы выслали эту помощь не ранѣе, какъ когда уже бѣглецы достигли *Мукдена*. Въ слѣдъ за тѣмъ *Ли-цзунъ*, несмотря на многократныя требованія *Тай-цзуна*, отказалъ ему въ выдачѣ перебѣжчиковъ изъ *Хой-нина* и прежняго аймака *Ула* и, оспаривая права маньчжурскаго владычества надъ аймакомъ *Барка*, на всѣ доказательства Хана, что *варкацы* искони составляли родовое владѣніе *Нюйчжэнэй*, Король отвѣчалъ *Тай-цзуну* совѣтомъ—внимательнѣе прочитать исторію династій *Ляо* и *Гинь*. Подобную участь испытали предложенія Маньчжурскаго двора Кореѣ о томъ, чтобы она приняла посредничество въ заключеніи мирнаго договора между Китаемъ и Ханомъ.

Согласно съ трактатомъ 1627 года, Корейскій Король долженъ былъ признавать себя, въ отношеніи къ Маньчжурскому Государю, только младшимъ братомъ; несмотря на то, во всѣхъ дипломатическихъ дѣлахъ сохранялось почти совершенное равенство между тѣмъ и другимъ владѣніемъ. Маньчжуры на корейскія посольства отвѣчали своими; по случаю кончины какого-нибудь лица изъ членовъ королевской фамиліи, отправляли они нарочнаго посланника для совершенія жертвъ надъ прахомъ умершаго. Каждая сторона, при взаимной перепискѣ, употребляла имя своего сосѣда не иначе. какъ съ, прибавкою слова «почтенное государство», между тѣмъ какъ о себѣ говорила съ унизительнымъ эпитетомъ «ничтожное владѣніе». Сами государи въ письмахъ своихъ, для соблюденія равенства и вѣжливости, прилагали къ своимъ особамъ одинъ титулъ «бездарный» даже дань, доставляемая корейцами, не носила на себѣ оскорбительнаго имени «дань», но называлась «ежегодными тканями». Несмотря однако на скромную и благоразумную политику маньчжуръ, Корея считала обиднымъ для своего достоинства—равенство съ едва образовавшеюся ордою, и *Ли-цзунъ* 1634 года отправилъ къ Хану посланника съ предложеніями, чтобы Маньчжурія отказалась отъ своихъ требованій касательно выдачи перебѣжчиковъ, прекратила взаимную торговлю и предписала своимъ посланникамъ при королевскомъ дворѣ занимать мѣсто ниже корейскихъ вельможъ. *Тай-цзунъ*, оскорбленный желаніями *Ли-цзуна*, отвергнулъ дань, представленную кореею, и задержалъ при своемъ дворѣ посланника, надѣясь, что такая

строгая мѣра смиритъ Короля; но дѣло о подпесеніи Хану Императорскаго титула наконецъ раскрыло замыслы и чувства Корейскаго Государя.

Инултай, отправленный въ Корею съ письмами маньчжурскихъ и монгольскихъ бэйлъ, не былъ допущенъ на аудіенцію къ *Ли-цзуну*; вмѣсто свиданія съ самимъ королемъ, посланнику предложено было явиться для переговоровъ къ первому министру и объявить ему цѣль своего пріѣзда; квартира *Инултая* была окружена стражею, и въ Государствѣ обнародовано повелѣніе готовиться къ войнѣ. Посланникъ, узнавши враждебные замыслы Корейскаго правительства, тайно бѣжалъ изъ столицы, и нарочный отрядъ долженъ былъ гнаться за *Инултаемъ*, чтобы вручить ему отвѣтныя грамоты на письма бэйлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить пограничнымъ корейскимъ начальникамъ строжайшее повелѣніе Короля—немедленно привести въ самое крѣпкое положеніе предѣлы Государства. *Инултаю* удалось захватить въ свои руки одно изъ этихъ тайныхъ повелѣній *Ли-цзуна*, который торжественно объявлялъ, что миръ, заключенный съ маньчжурами, былъ дѣломъ самой несчастной поспѣшности и что теперь настало время разорвать договоръ, оскорбляющій честь ихъ отечества.

Впрочемъ *Корея*, не желавшая принять на себя обвиненія въ нарушеніи трактата и самой, добровольно, начать опасной борьбы съ маньчжурами, по прежнему отправила посольство къ Хану, для представленія дани и обычнаго поздравленія съ новымъ годомъ; но посланнику даны были такія инструкціи, которыя непремѣнно должны были оскорбить *Тай-цзуна* и привести его къ разрушенію мира. Когда маньчжурскіе и монгольскіе князья, во время торжественной церемоніи принятія *Тай-цзуномъ* почетнаго титула, пали на колѣна и восторженными криками единодушно привѣтствовали Императора, одинъ корейскій посланникъ отказался поздравить Хана съ новымъ достоинствомъ. Оскорбленіе, нанесенное тѣмъ Хану въ присутствіи цѣлаго двора, наконецъ заставило *Тай-цзуна* потребовать у Корейскаго правительства строгаго отчета во всѣхъ его дѣйствіяхъ и заложниковъ въ доказательство миролюбивыхъ чувствъ и покорности Короля. Письмо Императора оставлено было безъ отвѣта. Тогда маньчжуры рѣшились мстить оружіемъ за обиду, нанесенную ихъ повели-

телю; а, чтобы воспрепятствовать Китаю подать какую-нибудь помощь Кореѣ, положено было напередъ сдѣлать набѣгъ на Имперію.

Согласно съ такимъ предначертаніемъ, *Ацзиэ* проникнулъ чрезъ *Ду-ши-коу* въ *Чжилійскую* равнину, взялъ *Чанъ-пинъ-чжоу*, подходилъ къ стѣнамъ самаго Пекина, прошелъ *Бао-динъ-фу*, покорилъ 12 городовъ, одержалъ побѣду въ 56 сраженіяхъ и сшибкахъ и безнаказанно возвратился въ свои предѣлы, потому что *Миньскій* главнокомандующій *Чжанъ-фынъ-и* и губернаторъ *Лянъ-тинъ-дунъ*, не смѣвшіе отрѣзать непріятелю обратнаго пути, сидѣли въ *Тунъ-чжоу*, заперши городскія ворота, и каждый день поглощали огромные пріемы ревеня, пища смерти для спасенія отъ суда и позора. Счастливое исполненіе перваго предпріятія ускорило судьбу Корен.

1636 года, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, *Тай-цзунъ* объявилъ въ храмѣ неба и предковъ преступленія *Ли-цзуна;* въ декабрѣ явились монгольскіе князья съ войсками, для соединенія съ маньчжурскою арміею, которая, въ томъ же году и въ числѣ ста тысячъ человѣкъ, вторгнулась въ Корею. *Жуй-цинь-ванъ*, *Дорионъ*, Бэйлэ *Хоуэ*, предводители лѣваго крыла, выступили изъ *Куанъ-дяня* на *Чанъ-шань-коу; Цинь-ванъ Дони*, съ полуторатысячью солдатъ изъ передоваго корпуса, шелъ прямо на непріятельскую столицу, подкрѣпляемый трехтысячнымъ авангардомъ Бэйлы *Іото*; остальными войсками командовалъ самъ *Тай-цзунъ*, который, послѣ переправы чрезъ *Чжэнь-цзянъ*, прошелъ *Го-шань-гэнъ*, покорилъ *Дэнъ-чжоу*, *Ань-чжоу* и достигъ *Линь-цзинъ-цзяна*, протекающаго только во ста ли отъ самой столицы, уже приведенной въ волненіе и страхъ.

Еще до приближенія самаго Хана, *Мафута*, изъ корпуса *Дони*, съ 300 человѣкъ отправился впередъ, для полученія вѣстей, гдѣ скрывается *Ли-цзунъ*. Маньчжуры, въ видѣ каравана странствующихъ купцовъ, идя только ночью и проселочными дорогами, безпрепятственно совершили свое путешествіе и, не ранѣе, какъ почти подъ стѣнами самой столицы, встрѣтились съ непріятельскимъ отрядомъ, истребили его до одного человѣка и немедленно явились къ воротамъ города, неприготовленнаго къ такому событію. Корейцы, думавшіе, что въ слѣдъ за этою горстью удальцовъ явится и вся маньчжурская армія, желали переговорами выиграть время для спасенія своего Государя.

Къ предводителю небольшаго отряда явились депутаты, подъ начальствомъ одного изъ высшихъ сановниковъ,—спросить маньчжуръ о причинѣ ихъ прихода. «Я имѣю повелѣніе переговорить съ королемъ» отвѣчалъ *Мафута*. «Если такъ,-возразили депутаты,-то мы должны исполнить всѣ обряды, усвоенные сану посланника» и роскошный ширъ, подъ стѣнами непріятельской столицы, былъ первымъ торжествомъ отважнаго воина. Въ то время, когда враги старались побѣдить другъ друга взаимными вѣжливостями и миролюбивыми чувствами, въ городѣ поднялась всеобщая тревога отъ самаго поспѣшнаго переселенія двора. Жены, дѣти и важнѣйшіе сановники *Ли-цзуна* бѣжали на *Цзянъ-хуа-дао*; самъ Государь скрылся въ *Нань-хань-шань*, самое укрѣпленное мѣсто въ цѣлой Кореѣ. Чрезвычайное движеніе въ столицѣ немогло укрыться отъ *Мафуты*, который скоро понялъ причину общаго смятенія и пустился въ погоню за королемъ. Только изумленію и чрезвычайному замѣшательству корейцевъ можно приписать то странное обстоятельство, что никому не представилась мыслъ обезоружить малочисленный отрядъ, осмѣлившійся такъ далеко проникнуть во внутрь непріятельской страны.

Столица, оставленная своимъ повелителемъ, не могла противиться маньчжурскимъ войскамъ—и знамя Хана водружено надъ опустѣлыми дворцами *Ли-цзуна*. Вѣстью объ этой важной потерѣ потрясены были такъ сильно надежды короля на неприступность *Нань-хань-шаня*, что онъ рѣшился предпринять другое бѣгство въ самый южный край своего государства, въ укѣпленности, что отдаленность и трудность пути остановятъ успѣхи непріятелей; но при самомъ началѣ своего поспѣшнаго путешествія, *Ли-цзунъ* упалъ съ лошади и жестокая боль, слѣдствіе ушиба, заставила короля возвратиться въ прежнее убѣжище. Еще не успѣли возстановиться разстроенныя силы *Ли-цзуна*, какъ маньчжурскіе военные отряды, одинъ за другимъ, приблизились къ стѣнамъ *Нань-хань-шаня*—и Государь, окруженный непріятелями, не могъ сдѣлать новой попытки къ своему спасенію.

Городъ, гдѣ неожиданно война застигла Корейскаго повелителя, несмотря на искуственныя и природныя укрѣпленія, не могъ дать вѣрной защиты многочисленнымъ жителямъ и гарнизону. При самомъ

началѣ осады, въ *Нань-хань-шанѣ* оказалась скудость въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что солдаты должны были получать одну порцію на двоихъ. Еще ощутительнѣе былъ недостатокъ въ водѣ, послѣ того, какъ непріятель пресѣкъ осажденнымъ путь къ четыремъ источникамъ, наиболѣе снабжавшимъ городъ водою. Надежды на приходъ вспомогательныхъ войскъ изъ другихъ областей совершенно были разрушены послѣ жестокаго пораженія, нанесеннаго тремъ арміямъ, шедшимъ на выручку своего Государя; притомъ же многочисленные отряды непріятелей разсѣялись по всей странѣ и каждый шагъ ихъ ознаменованъ былъ побѣдами и опустошеніемъ: солдаты или гибли въ неровной борьбѣ, или при одномъ видѣ враговъ, бросали оружіе, сдавали города и крѣпости, безусловно ввѣряя свою судьбу волѣ побѣдителей. Двѣ неудачныхъ вылазки, дорого стоившія осажденнымъ, ясно доказали *Ли-цзуну*, что онъ плѣнникъ маньчжуръ, которыхъ силы и мужество особенно возрасли съ приходомъ *Тай-цзуна*, расположившагося лагеремъ недалеко отъ *Нань-хань-шаня*, а прибытіе маньчжурской артиллеріи погасило въ корейцахъ послѣднюю надежду на продолжительность осады и утомленіе непріятеля. Итакъ рѣшено было искать спасенія въ новыхъ средствахъ: въ покорности и переговорахъ.

Предъ лицо *Тай-цзуна* предстали послы короля съ униженною просьбою даровать милость бѣдствующему ихъ Государю; вмѣстѣ съ тѣмъ они представили Маньчжурскому Хану собственноручное письмо *Ли-цзуна*, который умолялъ Императора «покрыть великодушнымъ забвеніемъ неблагодарные поступки своего младшаго брата». Слова депутатовъ и письмо *Ли-цзуна* остались безъ отвѣта. Чрезъ десять дней, король отправилъ другихъ пословъ, объявить побѣдителямъ «что его силы разсыпались, мысли изсякли, что онъ съ протянутою шеею и занесенною ногою, ожидаетъ милостиваго слова». «Хотите жить—выходите изъ города и покоритесь; хотите драться —выходите изъ города и дайте сраженіе» отвѣчалъ *Тай-цзунъ*. Такія лаконическія слова, нисколько не опредѣлявшія судьбу осажденныхъ, заставили *Ли-цзуна* обратиться къ Хану съ новыми мольбами. «Подлинно,—писалъ еще разъ Король—въ оцѣпеняющемъ холодѣ осени таится залогъ живительной весенней теплоты; въ повелѣніи Вашего Величества—явиться въ станъ—кроется глубина небеснаго

милосердія... Но войска еще окружаютъ мое убѣжище; пора гнѣва не миновалась. Буду ли защищать свои стѣны, покину ли ограду, —тамъ и здѣсь ожидаетъ меня одна участь— смерть... Итакъ погибну, взирая только издали на знамя дракона. Древніе покланялись сыну неба со стѣнъ своего города, чтобы только не нарушить долга покорности. Можетъ быть Императоръ, какъ небо и земля, одушевленный одною готовностію питать все существующее, писпошлетъ защиту, жизнь и милость бѣдному государству». *Тай-цзунъ* увѣрялъ своимъ словомъ, даровать *Ли-цзуну* жизнь и пощаду, оставить его по прежнему повелителемъ своего владѣнія, если только Король явится въ станъ новаго Императора и произнесетъ предъ нимъ раскаяніе въ своихъ винахъ.

Корейскому Государю трудно было согласиться на предложеніе, унижающее высокое достоинство его. Явиться плѣнникомъ въ непріятельскій станъ, получить жизнь и царство изъ рукъ врага, когда оставалось еще—оружіе, чтобы дорого отмстить за свои бѣдствія и оскорбленія, нѣсколько крупы, чтобы продлить свою защиту; когда все королевское семейство было свободно и, съ гибелью самаго *Ли-цзуна*, Государству не грозила опасность потерять законныхъ обладателей престола; когда, сегодня или завтра, придутъ вспомогательныя войска изъ Китая, уже давно знавшаго о бѣдственномъ состояніи Кореи, рѣшиться на такой поступокъ,—значило добровольно предать свое имя позору, а *Ли-цзунъ* хотѣлъ испить чашу несчастій до послѣдней капли. Итакъ переговоры должны были смѣниться военными дѣйствіями.

Но Имперія, занятая собственною безопасностью, не въ силахъ была подать значительнаго пособія древней своей союзницѣ; нѣсколько китайскихъ судовъ, отправленныхъ къ берегамъ Кореи, были задержаны противными вѣтрами и не смѣли пуститься въ открытое море. Маньчжуры разгадали тайныя чувства Короля, и мгновенно сооруженная небольшая флотилія поплыла къ *Цзянъ-хуа-дао*, сдѣлала высадку на островъ, разбила здѣшнія войска и взяла въ плѣнъ супругу Корейскаго Государя, съ двумя сыновьями и всѣми лицами, принадлежавшими къ владѣтельному семейству, а равно одного министра съ множествомъ другихъ лицъ, занимавшихъ важныя мѣста въ Государствѣ.

Тай-цзунъ извѣстилъ осажденныхъ о новомъ своемъ торжествѣ, грозными словами: «если Король еще будетъ медлить изъявленіемъ своей покорности; то пусть совершитъ поминальныя жертвы по своемъ семействѣ». Но *Ли-цзунъ* отказался явиться въ непріятельскій станъ.

Твердость несчастнаго Государя изумила самихъ маньчжуръ. Хану казалось, что, для заключенія мира, лучше избрать кроткія мѣры, чѣмъ рѣшительный бой, грозившій ужасными потерями той и другой сторонѣ. Итакъ, 12-го февраля 1637 года отправлено было письмо къ осажденнымъ, въ которомъ—*Тай-цзунъ* подробно излагалъ условія, на какихъ онъ согласенъ даровать миръ королю. «Ты хочешь сохранить честь своего Государства; но я не откажусь отъ повелѣнія, однажды произнесеннаго мною. Желаю, утвержденіемъ вѣчныхъ постановленій, даровать тебѣ, всѣмъ будущимъ поколѣніямъ, преемникамъ твоимъ и подданнымъ, миръ, безопасность и правду. А ты, для того чтобы изгладить всѣ прежнія свои вины и достойно возблагодарить меня за мои милости,—долженъ отказаться отъ китайскаго календаря и на мѣсто его принять маньчжурскій; отправить ко мнѣ въ заложники старшаго и второго сыновей твоихъ, вмѣстѣ съ дѣтьми или младшими братьями важнѣйшихъ твоихъ сановниковъ;—въ исполненіи обрядовъ поклоненія и представленія ко двору—неуклонно слѣдовать китайскому церемоніалу; въ случаѣ похода моего противъ Имперіи, къ назначенному сроку и мѣсту высылать свои морскія и сухопутныя войска, конницу и пѣхоту; содѣйствовать къ заключенію взаимныхъ браковъ и родства между подданными нашихъ государствъ, какъ вельможами, такъ и простолюдинами. Я позволяю поправлять старые города, но отнюдь не строить новыхъ; повелѣваю—пословъ изъ *Вирка* отсылать въ Маньчжурію и запретить своимъ подданнымъ всякую торговлю съ этимъ аймакомъ; а за то, что я снова дарую тебѣ жизнь, предоставляю въ твою власть достояніе твоихъ отцовъ и возвращаю все пріобрѣтенное моимъ оружіемъ,—ты, дѣти, внуки и всѣ потомки твои должны хранить непарушимо настоящій договоръ; только на такомъ условіи существованіе Кореи—продлится на вѣки». Почти въ слѣдъ за письмомъ отправлены были обратно одинъ евнухъ и одинъ родственникъ *Ли-цзуна* возвѣстить королю, что семейство его цѣло и невредимо, пользуется покровительствомъ великодушнаго

побѣдителя, который повелѣлъ оказывать своимъ плѣнницамъ и плѣнникамъ всѣ почести и уваженіе, должныя ихъ высокому сану. Благородный поступокъ *Тай-цзуна* и крайнее положеніе города и Государства заставили Короля покориться необходимости.

14-го февраля произошло свиданіе между обоими Государями. На восточномъ берегу *Хань-цзяна*, въ урочищѣ *Сань-тянь-ду*, раскинута была желтая палатка, куда скоро прибылъ *Тай-цзунъ*, окруженный блестящею свитою ванновъ и бэйлъ, сопровождаемый всадниками и пѣхотою, выстроившеюся въ двѣ линіи внизу императорскаго шатра, стоявшаго на значительномъ возвышеніи. Знамена, зонты, музыка, безчисленные ряды воиновъ, все было соединено, чтобы придать особенную торжественность начинавшейся церемоніи.

Едва *Тай-цзунъ* возсѣлъ на приготовленномъ для него престолѣ,—отворились ворота *Цань-хань-шаня* и изъ города показалась печальная процессія Корейскаго Короля. *Ли-цзунъ*, облеченный во всѣ одежды своего высокаго сана, держа въ рукахъ *минскую* печать и жалованную грамоту на Королевское достоинство, со свитою важнѣйшихъ своихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, медленно и пѣшкомъ приближался къ ханской ставкѣ. Пять ли должно было пройти Ли-цзуну и только за полверсты до палатки нѣсколько чиновниковъ встрѣтили побѣжденнаго Государя. Съ приближеніемъ *Ли-цзуна* къ маньчжурскимъ рядамъ, Императоръ всталъ съ своего престола и совершилъ девятикратное поклоненіе небу; примѣру его послѣдовалъ и Король; но по окончаніи священнаго обряда, *Тай-цзунъ* занялъ прежнее мѣсто, а *Ли-цзунъ*,со всею своею свитою, палъ на колѣни и съ преклоненною головою, обратившись къ маньчжурскимъ вельможамъ, молилъ ихъ упросить Великаго Императора, чтобы онъ, по необыкновенной милости своей, простилъ виновному Королю—его тысячи преступленій, не лишилъ жизни и достоянія отцовъ, положилъ предѣлы своему мщенію и пролилъ радость на погибающій народъ. «Отнынѣ,—говорилъ плѣнникъ,—обновлю свое сердце и дѣла, а дѣти и внуки мои во вѣки не забудутъ великаго благодѣянія».

„Корейскій Король,—отвѣчалъ *Тай-цзунъ* съ своего престола,-пришелъ къ намъ сознаться въ прежнихъ своихъ винахъ—и мы прощаемъ его. Пусть наслаждается жизнію и руководится во всѣхъ своихъ поступкахъ—только мыслію о справедливости и благодарнымъ

воспоминаніемъ о нашемъ великодушіи!» — «Милости священнѣйшаго повелителя пребудутъ незабвенными» сказалъ *Ли-цзунъ*, снова преклонившій колѣна предъ своимъ побѣдителемъ.

Итакъ, вражда между Маньчжуріею и Кореею была погашена; жизнь и миръ дарованы были потрясенному Государству. Но еще оставалось опредѣлить одинъ важный пунктъ о томъ, какое значеніе долженъ былъ имѣть Корейскій Король при дворѣ Маньчжурскаго Хана, среди вановъ и бэйлъ, сейчасъ бывшихъ зрителями горестнаго униженія повелителя Кореи? Самъ *Ли-цзунъ*, еще стоявшій за чертою солдатъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта на вопросъ, немедленно предложенный для разрѣшенія Императору. Слова, которыми Ханъ окончательно рѣшилъ судьбу своего плѣнника, достойны исторіи и *Тай-цзуна*: «Покорять лучше милостію, чѣмъ страхомъ; потому повелѣваю воздавать Корейскому Королю всѣ почести и уваженіе, должныя повелителю иностраннаго Государства».

Съ этой минуты кончилось тяжелое испытаніе *Ли-цзуна*. Государю, возстановленному во всѣхъ своихъ правахъ, предложено было мѣсто рядомъ съ *Тай-цзу-номъ*, который угощалъ по-царски своего высокаго посѣтителя. По окончаніи стола, когда настало время той и другой сторонѣ возвратиться къ своимъ мѣстамъ, въ ханскую палатку вошли жены, наложницы и дѣти *Ли-цзуна*, съ семействами важнѣйшихъ корейскихъ сановниковъ—и пали на колѣна предъ Императоромъ. *Тай-цзунъ* возвратилъ сіи драгоцѣнные залоги своимъ гостямъ, и *Ли-цзунъ*, мужественно перенесшій всѣ тревоги бѣдственнаго дня, не могъ удержаться отъ слезъ при неожиданной встрѣчѣ со всѣмъ, что такъ дорого было для его сердца. «Государь,—сказалъ онъ при общемъ рыданіи своей свиты,—въ одинъ разъ ты излилъ на насъ всѣ твои милости; но продли гнѣвъ твой только на день, и мы давно были бы прахомъ и пепломъ»!

Такимъ торжественнымъ явленіемъ заключена была драматическая корейская война. 16-го февраля маньчжуры предприняли обратный походъ и 7 апрѣля достигли *Мукдена*. Первымъ дѣломъ побѣдителя было явиться въ храмъ неба и, только послѣ благодарственной жертвы тѣнямъ предковъ за счастливое окончаніе войны, *Тай-цзунъ* возвратился во дворецъ, гдѣ ожидали его данники изъ *Ордоса*. Самымъ главнымъ плодомъ настоящаго похода было то, что Корея,

совершенно отдѣлившись отъ *Минъскаго* дома, тѣсно соединилась съ новою покровительствующею державою и доселѣ, болѣе двухъ сотъ лѣтъ, неизмѣнно хранитъ данническія отношенія къ Маньчжурскому престолу; Китай утратилъ послѣднихъ своихъ союзниковъ, а слава побѣдъ распространила имя *Тай-цзуна* такъ далеко, что даже *Гуши-хана* съ предѣловъ *Хухэнора* отправилъ посольство засвидѣтельствовать предъ новымъ Императоромъ чувства преданности и покорности отъ повелителя *элютовъ* (калмыковъ.)

Борьба маньчжуръ съ Кореею даровала Китаю нѣсколько мѣсяцевъ, свободныхъ отъ вторженія. Должно было думать, что Имперія воспользуется этимъ временемъ для укрѣпленія своихъ границъ, уже нѣсколько разъ испытывавшихъ на себѣ силу маньчжурскаго оружія; но, какъ будто сама судьба влекла *Минъскій* домъ къ неизбѣжному паденію, и въ минуты критической опасности странная бездѣйственность усыпила Имперію, уже стоявшую на краю гибели. Когда, на другой годъ послѣ покоренія Кореи, маньчжуры подъ начальствомъ *Дорюня* приблизились къ Великой Стѣнѣ, чтобы чрезъ заставы *Цянь-цзы-ли* и *Цинъ-шанъ-гуанъ* спуститься въ *Чжилійскую* долину, они нашли эти важныя мѣста почти безъ защиты. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, опустошая окрестности, маньчжуры прошли въ разстояніи 20-ти ли отъ Пекина до самаго *Чжо-чжоу*, гдѣ, раздѣлившись на восемь корпусовъ, предприняли дальнѣйшій походъ на югъ. Часть шла по направленію горъ, огибающихъ Пекинскую долину, другая по теченію *Юнь-хэ*, прочія подвигались шестью дорогами между рѣкою и горами.

Минъскій дворъ спѣшилъ противоставить непріятелю сильную армію подъ начальствомъ главнокомандующаго *Лу-сянъ-шэна*, человѣка, который дѣйствительно могъ жестоко отмстить маньчжурамъ за ихъ отважную предпріимчивость. Но Китайское правительство, умѣвшее угадать дарованіе, не умѣло имъ воспользоваться.

Янъ-цы-чанъ, предсѣдатель военной палаты, отъ котораго зависѣли всѣ важнѣйшія распоряженія по арміи, поссорился съ главнокомандующимъ. Слѣдствіемъ вражды двухъ лицъ, рѣшавшихъ судьбу настоящей войны, было то, что почти всѣ войска ввѣрены были *Гао-ци-цяну*, а *Лу-сянъ-шэнъ* долженъ былъ ограничиться только 20,000 корпусомъ, изъ котораго, въ послѣдствіи времени, почти

половина отдѣлена была другому генералу *Чэнъ-синь-цзя*. Главнокомандующій, утратившій вліяніе на прочія войска, при ограниченности собственныхъ силъ, не могъ предпринять никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; однакоже *Лу-сянъ-шэнъ* выступилъ къ *Бао-динъ-фу*, нагналъ непріятеля и далъ при *Цинъ-ду* сраженіе, гдѣ уронъ съ той и другой стороны былъ весьма значителенъ и равенъ. Несмотря на большую потерю въ людяхъ, китайскій генералъ еще подвинулся впередъ къ *Инъ-лу*; но половина отряда, устрашенная своею малочисленностью, бросила знамена и разсѣялась. Не болѣе какъ съ 5,000 человѣкъ онъ долженъ былъ еще разъ встрѣтиться съ непріятельскою арміею, далеко превосходившею числомъ своихъ противниковъ. Маньчжуры въ нѣсколько рядовъ окружили *Лу-сянъ-шэна*, цѣлыхъ два дня отчаянно боровшагося за свое спасеніе; когда не стало ни пороха, ни стрѣлъ, главнокомандующій самъ бросился въ рукопашный бой и нашелъ геройскую смерть подъ мечами враговъ, между тѣмъ какъ *Гао-ци-цянъ*, шедшій со всѣми войсками въ томъ же самомъ направленіи и въ разстояніи только пятидесяти ли, не подалъ помощи своему товарищу.

Съ кончиною *Лу-сянъ-шэна* торжеству маньчжуръ уже не грозило болѣе никакой опасности. Раззорившіи *Чжэнъ-динъ*, *Гуанъ-пинъ*, *Шунъ-дэ* и *Да-минъ*, они вступили въ предѣлы *Шанъ-дуна*, гдѣ неудачныя распоряженія Китайскаго правительства снова открывали непріятелю широкій путь къ побѣдамъ. *Янъ-цы-чанъ* думалъ, что маньчжуры, непокорившіи *Дэ-чжоу*, не осмѣлятся итти далѣе на Югъ; въ слѣдствіе такихъ соображеній, въ одномъ городѣ собраны были войска цѣлой области, съ строжайшимъ предписаніемъ не отлучаться ни на шагъ отъ своего поста. Но непріятель, послѣ покоренія *Линь-цинъ-чжоу* и переправы чрезъ *Юнь-хэ*, обратился прямо на *Цзи-нань*, которая, будучи неприготовлена къ защитѣ, немедленно сдалась; а новый главнокомандующій *Лю-юй-лянъ*, вмѣстѣ съ *Чэнь-синь-цзя* и всѣми войсками, пришедшими изъ разныхъ мѣстъ на помощь Богдохану, довольствовался тѣмъ, что шелъ по пятамъ маньчжуръ. Каковъ былъ духъ и дѣйствія китайскихъ полководцевъ, можно судить о томъ изъ одного факта, особенно замѣчательнаго въ настоящей войнѣ. Когда, во второй лунѣ слѣдующаго года, непріятель на обратномъ пути своемъ достигъ *Тянь-цзина*, въ то время

рѣка *Юнь-хэ* была въ полномъ разливѣ и представляла большія затрудненія для переправы арміи, обремененной огромнымъ обозомъ и добычею. Нѣсколько офицеровъ предлагали своимъ вождямъ, воспользоваться такимъ выгоднымъ для нихъ обстоятельствомъ и отрѣзать непріятелю возвращеніе на сѣверъ. Но три корпусныхъ генерала, стоявшіе съ своими войсками при берегахъ рѣки, только смотрѣли другъ на друга, охотно отказываясь отъ чести разбить маньчжуръ. *Доргонь*, проникнувшій болѣе нежели на тысячу ли южнѣе Пекина, взволновавшій губерніи *Чжи-ли*, *Шань-дунъ* и часть *Сань-си*, послѣ покоренія 58 китайскихъ городовъ, съ добычею, состоявшею свыше нежели изъ 450,000 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и *Дэ-ванъ*, ближайшій родственникъ *Минъскаго* Императора, безопасно возвратился въ свое отечество.

Такой блистательный успѣхъ, естественно, долженъ былъ воодушевить *Тай-цзуна* къ новымъ предпріятіямъ. Ханъ былъ увѣренъ, что до покоренія городовъ, лежавшихъ внѣ заставы *Шань-хай-гуань*, составлявшей самую крѣпкую опору для Китая и самую трудную преграду для маньчжуръ, всѣ дѣйствія противъ Имперіи должны ограничиться однимъ опустошительнымъ набѣгами, нисколько не утверждающими владычества надъ мѣстами, находящимися внутри Великой Стѣны; что прежній планъ болѣе отваженъ, чѣмъ основанъ на прочныхъ и вѣрныхъ началахъ, и что слѣдовательно, для совершеннаго потрясенія своихъ противниковъ, необходимо окончательное завоеваніе *Ляо-дуна*, который долженъ служить самымъ ближайшимъ и необходимымъ путемъ въ нѣдра Имперіи. Въ слѣдствіе такого убѣжденія, въ 1641 году *Тай-цзунъ* отправилъ *Доргоня* для покоренія *Цзинь-чжоу*, съ непремѣннымъ повелѣніемъ, во чтобы ни стало, овладѣть этимъ городомъ.

Распоряженія *Доргоня* такъ были неудачны и медленны что Ханъ, раздраженный неуспѣшностью осады, смѣнилъ своего полководца, назначивши на его мѣсто *Цзиргалана*, который, окруживши городъ валами, скоро привелъ его въ критическое положеніе. Осажденнымъ должно было отправить въ Пекинъ извѣстіе о настоящихъ намѣреніяхъ маньчжуръ; и *Цзу-да-шоу*, комендантъ города, изобразивши въ яркихъ чертахъ опасность, какой подвергалась Имперія съ окончательною потерею *Ляо-дуна*, требовалъ самой значительной

и немедленной помощи. Дворъ, вполнѣ сознававшій важность настоящихъ обстоятельствъ, рѣшился еще разъ собрать всѣ свои силы, чтобы вступить еще разъ въ послѣдній кровавый споръ за честь и существованіе.

Хунъ-чэнъ-чоу, губернаторъ округовъ *Цзи* и *Ляо*, съ 130,000 арміею, раздѣленною на восемь корпусовъ, съ полнымъ ремонтомъ и хлѣбнымъ запасомъ на цѣлый годъ, въ маѣ мѣсяцѣ выступилъ изъ *Нинъюаня* на спасеніе *Цзинъ-чжоу*. Тревожимый печальными опытами прошедшихъ битвъ, *Цзу-да-шоу* отправилъ нарочнаго гонца къ главнокомандующему объявить, что *Цзинъ-чжоу* еще довольно долго можетъ противиться непріятелю и что потому онъ проситъ *Хунъ-чэнъ-чоу*, не вдаваясь въ опасную поспѣшность, подвигаться впередъ съ самыми строгими предосторожностями и подъ прикрытіемъ телѣжныхъ лагерей. По совѣту *Цзу-да-шоу*, главнокомандующій положилъ, подъ сильнымъ прикрытіемъ переслать провіантъ первоначально въ *Синъ-шань*, потомъ въ *Сунъ-шань*, отсюда же препроводить въ *Цзинъ-чжоу*; на всей операціонной линіи разставить лагери и сражаться только для защиты. Но предсѣдателя военной палаты *Чэнь-синь-цзя* страшило опасеніе, что отъ продолжительности военныхъ дѣйствій скоро истощатся хлѣбные запасы, и потому онъ отправилъ въ армію одного своего чиновника, по имени *Чжанъ-жо-ци*, съ наказомъ представить *Хунъ-чэнъ-чоу*, какъ небходимое, скорѣйшее окончаніе настоящаго похода.

Явленіе этого человѣка повело къ умноженію несчастій Имперіи. По общему правилу, господствующему въ Китаѣ, лицо, отправленное отъ правительства съ парочными повелѣніями, пользуется особеннымъ полномочіемъ, поставляющимъ его, нѣкоторымъ образомъ, выше мѣстныхъ властей. *Чжанъ-жо-ци* казалось, что теперь настало для него время изумить весь свѣтъ своими необыкновенными талантами, для которыхъ до сихъ поръ еще не открывалось достойнаго поприща. Съ самаго прибытія къ войскамъ, онъ постарался распространить свое вліяніе на генераловъ и солдатъ, подчинить тѣхъ и другихъ своимъ планамъ. Непрестанные гонцы летали изъ *Ляодуна* въ Пекинъ съ вымышленными извѣстіями объ ежедневныхъ сраженіяхъ и побѣдахъ; въ концѣ каждой реляціи, *Чжанъ-жо-ци* выражалъ свое неудовольствіе на излишнюю медленность главно-

командующаго, который гибельною своею мнительностью теряетъ время и случай покрыть китайское оружіе безсмертною славою. Изъ Пекина отвѣчали выговорами и побужденіями *Хунъ-чэнъ-чоу*, который, выведенный изъ терпѣнія непрерывными повтореніями съ той и другой стороны, отказался отъ первопачальнаго плана и, оставивши провіантъ въ *Нинъ-юанъ*, *Синъ-шани*, и при *Би-цзя-шанъ*, внѣ *Та-шани*, отправился впередъ; за нимъ послѣдовали и другія войска. По достиженіи *Сунъ-шани*, конница расположилась передъ городомъ, пѣхота 7-ю лагерями при *Жу-фынъ-шанъ*. Здѣсь *Хунъ-чэнъ-чоу* долженъ былъ встрѣтиться съ маньчжурами, которые преградили ему главную дорогу отъ горъ до моря, пресѣкли доставку припасовъ изъ *Синъ-шани*, и, отдѣливши часть своихъ силъ, для истребленія солдатъ, охранявшихъ провіантъ при *Та-шани*, завладѣли всѣмъ хлѣбомъ въ *Би-цзя-шанъ*. Первая важная потеря произвела сильное впечатлѣніе на китайскую армію, которая уже начала страшиться за свою безопасность, и пѣхота, оставившая 7 лагерей, расположилась позади *Сунъ-шани;* впрочемъ новая позиція нисколько не обезпечивала судьбы войска, имѣвшаго съ собою провіанта только на пять дней. Маньчжурамъ хорошо извѣстно было положеніе противниковъ и *Тай-цзунъ*, предполагавшій, что непріятель немедленно отступитъ, послалъ значительный корпусъ сдѣлать засады при мѣстахъ *Та-танъ*, *Синъ-шанъ* и *Сяо-линъ-ха*: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усилилъ гарнизонъ, охранявшій хлѣбъ при *Би-цзя-шанъ*, и самъ, занявши главную дорогу, ожидалъ движенія китайской арміи.

Въ самомъ дѣлѣ, на вторую ночь *У-сань-гуй*, съ пятью другими корпусными генералами, постоянно смѣняясь въ аріергардѣ, въ строгомъ порядкѣ началъ отступленіе; но когда дошла очередь до генерала *Ванъ-ну* занять первые ряды, солдаты его бросились бѣжать; примѣру ихъ послѣдовали и другія войска, какъ бы оспаривая другъ у друга, кто прежде достигнетъ *Синъ-шани*. Главная маньчжурская армія поражала бѣглецовъ съ тыла; засада преградила имъ путь. Китайскіе солдаты, покрывшіе собою огороды и поля, то отступали, то дрались, доколѣ наконецъ, при ужасномъ безпорядкѣ и уронѣ, корпуса шести генераловъ не скрылись въ *Синъ-шани*, а *Цао-бянь-цзяо* вмѣстѣ съ *Хунъ-чэнъ-чоу* въ *Сунъ-шани*; послѣдніе, будучи стѣснены со всѣхъ сторонъ маньчжурами, пять разъ дѣлали отчаянныя усилія

разорвать осадную линію, но безъ успѣха. Однажды *Цао-бянь-цзяо* ворвался въ самый непріятельскій лагерь, но былъ раненъ и принужденъ спасаться бѣгствомъ.

Тай-цзунъ, увѣренный, что китайскія войска, запершіяся въ *Синъ-шани*, предпримутъ новое отступленіе, послалъ самыхъ отважныхъ солдатъ засѣсть при *Гао-цяо* и крѣпости *Сапарци*; эти отряды, занявшіе опасныя мѣста, выждавши появленія непріятеля, довершили истребленіе китайской арміи. *Вунъ-пу* и *У-сань-гуй* спасли только самихъ себя; *Чжанъ-жо-ци*, въ рыбачьей лодкѣ, возвратился моремъ. Во время пораженій, слѣдовавшихъ одно за другимъ, китайцы потеряли болѣе 53,780 человѣкъ, оставивши маньчжурамъ въ добычу верблюдовъ, лошадей, латъ, огнестрѣльныхъ и другихъ орудій нѣсколько десятковъ тысячъ штукъ. Отъ *Синъ-шани* до *Та-шани*, на всемъ протяженіи, валялись тѣла убитыхъ и раненыхъ; а трупы потопувшихъ въ морѣ, по словамъ маньчжурскихъ историковъ, носились на поверхности волнъ, какъ стаи дикихъ гусей. Въ слѣдующемъ году рѣшилась судьба и *Сунъ-шани*, гдѣ еще мужественно защищался *Хунъ-чэнъ-чоу*. *Ся-чэнъ-дэ*, одинъ изъ генераловъ, принадлежавшихъ къ корпусу главнокомандующаго, отправилъ своего сына въ лагерь осаждающихъ, съ торжественнымъ обѣщаніемъ возмутить гарнизонъ въ пользу маньчжуръ; предложеніе было принято; измѣна совершилась удачно. *Хунъ-чэнъ-чоу* суждено было украсить собою тріумфъ *Тай-цзуна*, рѣшившаго на поляхъ *Сунъ-шани* участь Имперіи. *Цзинь-чжоу*, цѣлый годъ удачно выдерживавшая осаду, сама отворила свои ворота побѣдителю; а *Та-шань* и *Синъ-шань* взяты были въ непродолжительномъ времени.

Послѣ такихъ жестокихъ потерь, Китаю оставалось только прибѣгнуть къ великодушію побѣдителя. Богдоханъ гадалъ въ *Фынсянь-дянѣ* о томъ, какъ поступить ему въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, и духи возвѣстили сыну неба, что должно приступить къ немедленнымъ переговорамъ. Итакъ, *Минъскій* дворъ, столько разъ отвергавшій всѣ предложенія маньчжуръ, отправилъ въ *Цзинь-чжоу* своихъ повѣренныхъ для заключенія дружескаго трактата между двумя враждующими Государствами. Но усвоенный вѣками при китайскомъ дворѣ этикетъ воспрещалъ сыну неба низойти до просьбы о мирѣ; притомъ же думали, что маньчжуры, полудикіе вар-

вары, не въ состояніи будутъ понять всей тонкости дипломатическихъ сношеній Срединнаго Государства; такимъ образомъ нашли достаточнымъ отправить полномочныхъ съ однимъ неопредѣленнымъ повелѣніемъ, даннымъ на имя предсѣдателя военной палаты *Чэнь-синь-цзя*, который будто бы докладывалъ Императору, что маньчжуры, утомленные продолжительною войною, наконецъ желаютъ насладиться спокойствіемъ прочнаго мира. Весь этотъ дипломатическій указъ состоялъ въ слѣдующихъ не многихъ словахъ: «Изъ доклада военной палаты мы увидѣли, что въ *Шэнь-янѣ* дѣйствительно существуетъ мысль о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій и дарованіи народу тишины. Недостаточность донесеній прежнихъ губернаторовъ не позволяла намъ вѣрить искренности такого намѣренія. Но, послѣ неоднократныхъ представленій палаты, что знаки расположенія и чистосердечія съ нашей стороны непремѣнно приведутъ къ покорности отдаленные народы,—мы, руководимые высокимъ милосердіемъ верховнаго неба и желаніемъ возвратить подъ нашу державу древнее достояніе, пріобрѣтенное правосудіемъ и кротостію нашихъ предковъ, наконецъ ниспосылаемъ повелѣніе палатѣ исполнить настоящее дѣло, обнародовать въ *Шэнь-янѣ* нашу волю и представить на наше разсмотрѣніе всѣ вѣрныя извѣстія о дальнѣйшемъ ходѣ событій». Съ такимъ полномочіемъ явились китайскіе посланники на маньчжурскую границу. «Что это значитъ?—спросилъ *Тай-цзунъ*, прочитавши кредитивныя грамоты посланниковъ,—«письмо прислано на мое имя, а между тѣмъ оно не болѣе, какъ указъ, данный предсѣдателю военной палаты *Чэнь-синь-цзя*. Если это вѣрющая грамота, то при ней нѣтъ императорской печати; притомъ же подобнаго рода выраженія: «приведутъ къ покорности отдаленные народы, возвратить подъ нашу державу древнее достояніе»—только оскорбляютъ достоинство нашего Государства. Не такъ заключаютъ миръ»! сказалъ Ханъ, и съ этимъ непріятнымъ отвѣтомъ послы должны были возвратиться въ Пекинъ.

Такая неудача заставила *Минъскій* дворъ отправить другое посольство, уже отъ имени Китайскаго Императора и уже съ самыми положительными предложеніями мира. Въ этотъ разъ Ханъ милостиво принялъ китайскихъ повѣренныхъ, и даже въ собственноручномъ письмѣ изложилъ Императору условія трактата. «Милостію

неба, мы, наслѣдовавши престолъ послѣ родителя нашего *Тай-цзу*, распространили предѣлы нашего Государства отъ Сѣверовосточнаго моря до Сѣверозападнаго. И племена, ѣздящія на собакахъ и оленяхъ и ловцы черныхъ соболей и лисицъ, и люди, не сѣющіе хлѣба, питающіеся только мясомъ звѣрей и рыбъ, и аймаки *Элютовъ*, и аймаки, обитающіе при берегахъ *Онона*, и владѣнія *Юаньскаго* дома и *Кореи*, всѣ соединились подъ нашею высокою державою, и всѣ, князья, вельможи и народъ, единодушно поднесли намъ почетный титулъ и нашему правленію имя *Чунъ-дэ*. Неоднократныя вторженія въ предѣлы Имперіи, покореніе городовъ и крѣпостей, пораженіе арміи, доказали самому Китаю, что нѣтъ у него ни одной твердыни, которая могла бы противостать силѣ нашего оружія. Итакъ, если мы заключаемъ миръ, то въ этомъ случаѣ руководимся однимъ искреннимъ нашимъ желаніемъ даровать покой и благодѣтельствіе милліонамъ людей, и если Императору угодно постановить прочный договоръ, то онъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ условій: отнынѣ должны быть преданы забвенію всѣ прежнія неудовольствія, прекратиться всякіе споры о первенствѣ того или другого Государства; посланники имѣть личный доступъ къ повелителямъ обѣихъ державъ, и отказъ въ аудіенціи будетъ считаться признакомъ излишней гордости и нарушеніемъ трактата: отправлять нарочныя посольства по случаю особенно радостныхъ или печальныхъ событій при томъ и другомъ дворѣ. Китай обязывается ежегодно присылать Маньчжуріи 10,000 лянъ золота, милліонъ лянъ серебра, за что она, съ своей стороны, доставитъ Китаю тысячу фунтовъ корня *жэнь-шэнь* и тысячу собольихъ шкуръ. Взаимные перебѣжчики возвращаются своимъ владѣтелямъ, границею владѣній Китайской Имперіи постановляется хребетъ, лежащій между *Инъ-хоанемъ* и *Шунъ-ту*, а Маньчжурскихъ,—гора *Та-шанъ*, а *Ляо-шанъ* будетъ считаться нейтральною землею. Всѣ переходы за положенную черту подвергаются слѣдствію и суду; рыбные промыслы, плаваніе по заливу должны строго сообразоваться съ раздѣломъ владѣній на сушѣ и непростираться далѣе постановленныхъ предѣловъ; наконецъ, должна открыться взаимная торговля между обоими Государствами. Итакъ, если будете согласны принять настоящія условія, то или мы сами назначимъ другъ другу личное свиданіе и утвердимъ клятвою договоръ, или

отправимъ высшихъ своихъ сановниковъ для исполненія священнаго обряда. Если же предложенія мои будутъ отвергнуты; то отнынѣ прекращаются всякія посольства и переговоры—и не я буду виною, что милліоны сдѣлаются жертвами войны»!

Китайскій Императоръ, озабоченный ужасными внутренними волненіями, возмутившими всю Поднебесную, искренно желалъ мира съ маньчжурами, для поддержанія уже потрясеннаго могущества. Но начавшіеся переговоры, первоначально бывшіе государственною тайною, получили общую гласность. Между людьми, не принадлежавшими ко двору, обнаружился явный ропотъ противъ намѣренія, принятаго правительствомъ. Неудовольствіе отразилось и въ областяхъ, откуда каждый день летѣли доклады, чтобы отклонить Императора отъ мира, долженствовавшаго покрыть честь Небесной державы неизгладимымъ и вѣчнымъ стыдомъ. Ученые политики всего Китая, многочисленными ссылками на великихъ мудрецовъ, на примѣры сѣдой древности, старались доказать правительству, какъ опасно вѣрить искренности иноплеменниковъ и какъ виновенъ министръ, осмѣлившійся оскорбить величіе своего повелителя предложеніемъ мира съ презрѣнными варварами. Общее мнѣніе огласило *Чэнь-синь-цзя* единственнымъ виновникомъ такого унизительнаго проекта и требовало подвергнуть его строжайшему суду. Слѣдствіемъ этихъ докладовъ было то, что *Чэнь-синь-цзя* низверженъ былъ съ своего мѣста, переговоры прекращены.

Маньчжуры, выведенные изъ терпѣнія молчаніемъ Китая, снова готовились къ войнѣ. Общее желаніе, овладѣть потрясенною Имперіею, достигло такой силы, что генералы *Тай-цзуна* сами умоляли своего повелителя послать ихъ на Срединное Государство. «Миръ полезенъ Китаю—не намъ докладывалъ Хану одинъ изъ его высшихъ сановниковъ. «Китай воспользуется тишиною, чтобы тайно приготовиться къ войнѣ; между тѣмъ какъ мы, привыкнувши къ миру, забудемъ военныя доблести и труды. Если обширность и многолюдство Китая приводятъ насъ въ недоумѣніе; то должно вспомнить, что мятежники возстали на четырехъ предѣлахъ Имперіи, что Китай сталъ государствомъ, пожирающимъ самого себя. Стоитъ только пресѣчь подвозъ хлѣба изъ *Тянь-цзина*, каменнаго угля изъ западныхъ горъ, и Пекинъ будетъ у нашихъ ногъ. Прежде всего завладѣемъ

Шань-хай-гуанемъ, тогда сами собою падутъ города, лежащіе за заставою. Вотъ способъ поразить самое сердце и сдавить горло непріятеля»!

Въ ноябрѣ 1642 года *Тай-цзунъ* опять отправилъ войска опустошать Китай. Маньчжуры раздѣлились на два крыла; лѣвое вступило въ предѣлы Имперіи при *Цзы-шани* черезъ проломъ, сдѣланный ими въ Великой Стѣнѣ; правое проникло чрезъ *Янь-минь-гуань* и *Хуанъ-янь-коу*. Оба корпуса соединились въ *Цзи-чжоу*, дошли до *Янь-чжоу* въ *Шань-дунской* губерніи и возвратились уже лѣтомъ 1643 года. Во время настоящаго вторженія, маньчжуры покорили 3 области, 18 округовъ, 67 уѣздовъ, обратили въ бѣгство *Минъскаго* князя *Лу-вана*, захватили въ плѣнъ и добычу 369, 000 человѣкъ, 550, 000 штукъ скота, съ множествомъ золота, серебра, жемчуга, шелковыхъ матерій и другихъ цѣнныхъ вещей. Отъ вступленія въ предѣлы Имперіи, зимою, маньчжуры не снимали съ себя латъ, не разсѣдлывали лошадей до самаго апрѣля 1643 года и прибытія своего въ *Цзюй-чжоу*, гдѣ въ первый разъ дали себѣ отдыхъ. Въ то время горы покрылись весенною травою и побѣдители, прельщенные картинами, напоминавшими ихъ родную страну, своротивши недалеко отъ главной дороги, спокойно расположились пасти своихъ коней. Мѣста, гдѣ маньчжуры такъ привольно закочевали, прежде кипѣвшія жизнію и народомъ, теперь были безлюдны. По дорогѣ, соединяющей сѣверъ съ югомъ Имперіи, не прошло ни одного человѣка, который увидѣлъ бы мирныя занятія своихъ страшныхъ враговъ, такъ что китайцы, изумленные внезапною потерею изъ глазъ непріятеля, уже думали, что онъ былъ далеко за Великою Стѣною. Изумленіе и страхъ достигли высшей степени, когда маньчжуры, возвращаясь съ юга, снова явились подъ *Тянь-цзинемъ*. Начиная съ этого города до *Чжо-чжоу* и моста *Лу-гоу-цяо*, на протяженіи 300 ли, непрывною линіею тянулись верблюды и повозки обремененные пожитками и добычею: болѣе 20 дней переправлялся сей огромный обозъ чрезъ мостъ, лежащій въ виду самаго Пекина, и недалеко отъ *Тунъ-чжоу*, гдѣ собраны были подъ начальствомъ министра *Чжоу-янь-жу* всѣ войска, приведшія на помощь Богдохану. Главнокомандующій сидѣлъ за крѣпкими стѣнами и посылалъ въ столицу извѣстія о своихъ побѣдахъ. Маньчжуры сами возвращались домой:

китайскимъ генераламъ казалось опаснымъ и ненужнымъ торопить непріятеля къ поспѣшному удаленію за границу.

Только съ уходомъ Маньчжуръ, дворъ обнаружилъ живую дѣятельность для огражденія своей безопасности. Начиная съ *Шань-хай-гуаня* до Пекина и его окрестностей, на протяженіи лишь тысячи ли, поставлены были 4 генералъ-губернатора, 6 губернаторовъ, 8 корпусныхъ начальниковъ, долженствовавшихъ защищать только сѣверовосточные предѣлы губерніи *Чжи-ли*. Генералы и войска были разбросаны, какъ зерна на небѣ и шашки на доскѣ,—и, между тѣмъ, ни одинъ изъ нихъ не управлялъ теченіемъ дѣлъ. Надъ всею громадною массою силъ возвышался евнухъ, самовластно управлявшій арміею и полководцами. Грозный судъ именемъ Богдохана безъ милости каралъ виновныхъ и невинныхъ. Генералъ-губернаторы *Чжао-цзинь-бянь* и *Фань-чжи-вынь* и министръ *Чжоу-янь-жу*, одинъ за другимъ, пали подъ ножемъ палача. Чрезвычайныя усилія Китайскаго правительства истощили послѣднія средства сего Государства. Въ концѣ правленія *Ваньли* (около 1615 года) расходы на содержаніе арміи въ *Ляо* ежегодно простирались только до 6.600,000, но послѣ половины правленія *Чунь-чжэнь*, (около 1635 года) они возросли до 16.600,000 лянъ серебра, то есть большая часть суммъ, опредѣленныхъ на военные расходы въ цѣлой Имперіи, издерживалась только въ мѣстахъ, лежащихъ на востокъ *Шань-хай-гуаня*. Между тѣмъ внутри самаго Китая поднялись сотни тысячъ мятежниковъ, предъ которыми сокрушалось все могущество Богдоханскихъ войскъ, падали крѣпкіе города, преклонялись цѣлыя области. Такимъ образомъ, одновременно на востокѣ и западѣ, была ниспровергнута власть правительства. Пекинскій дворъ раздѣлился на партіи, съ ожесточеніемъ преслѣдовавшія одна другую; измѣна окружала самого Богдохана, отъ котораго тщательно скрывалось бѣдственное положеніе Государства. Большая часть вельможъ совѣтовали повелителю Поднебесной примириться съ шайками мятежниковъ и подавить въ себѣ всякую мысль о какомъ нибудь договорѣ съ маньчжурами; а маньчжуры, отъ перваго князя до послѣдняго солдата, всѣ горѣли желаніемъ — разбить свои шатры въ самомъ сердцѣ Имперіи. Но *Тай-цзунъ* еще медлилъ нанести послѣдній ударъ Китаю, выжидая то говремени, когда Поднебесная, истощенная собственными волненія-

ми, сама падетъ подъ бременемъ безпачалія и междоусобій,—событіе, совершившееся уже въ царствованіе новаго Государя *Шн-цзу*.

10-го сентября 1643 года скончался *Тай-цзунъ* и заключилъ своею смертію первый періодъ исторіи маньчжуръ. Ровно черезъ годъ послѣ кончины Хана, преемникъ его перенесъ свою столицу въ Пекинъ, и этимъ важнымъ событіемъ началъ новую страницу въ лѣтописяхъ своей династіи и народа.

Какой великій шагъ, и въ теченіе только двухъ царствованій, совершила Маньчжурія,—этотъ бѣдный аймакъ, простиравшійся не болѣе какъ на двѣсти ли, и потомъ разросшійся въ могущественное Государство, охватившее своимъ вліяніемъ Китай, Корею, Монголію до предѣловъ Тибета и Хухэнора! И какое неизмѣримое разстояніе между маленькимъ *Нурхаци* и *Тай-цзуномъ*, предъ которымъ самъ сынъ неба нисходитъ до просьбы о мирѣ, преклоняетъ колѣна владѣтель Кореи съ мольбою о пощадѣ, бьютъ челомъ, какъ вассалы и данники, монгольскіе князья и ханы, которому даже изъ Тибета два главныхъ представителя буддизма, Далай Лама и Банычэнь Эрдэни, шлютъ свои благословенія и воззванія—быть покровителемъ *эхел-таго* закона!

О ПРОИСХОЖДЕНІИ РОДОНАЧАЛЬНИКА

НЫНѢ ЦАРСТВУЮЩЕЙ ВЪ КИТАѢ

ДИНАСТІИ ЦИНЪ

И ИМЕНИ НАРОДА МАНЬЧЖУ.

Кто былъ родоначальникомъ дома *Цинъ* и откуда произошло имя народа *Маньчжу?*—Оба эти вопроса занимаютъ первое мѣсто въ исторіи династіи, нынѣ царствующей въ Китаѣ; но, несмотря на свою важность, раннюю извѣстность, труды и изысканія европейскихъ ученыхъ,до сихъ поръ еще не приведены къ надлежащей ясности и рѣшенію. Маньчжуры отвѣчаютъ на нихъ сагою, которая гласитъ, что родоначальникомъ дома *Цинъ* *) былъ сынъ небесной дѣвы, свыше получившій себѣ прозваніе *Айжинь Гіоро* и самъ нарѣкшій свой народъ именемъ *Маньчжу*. Какъ ни мало рѣшаетъ задачу такое преданіе: однакоже оно драгоцѣнно, какъ единственное положительное свидѣтельство о нашемъ вопросѣ; и сколько ни покрыто туманомъ миѳическихъ чудесъ, суевѣрія и фантазіи,—нельзя еще сказать, чтобы критика и исторія не могли приблизить насъ къ истинѣ и разгадкѣ. Путь, которымъ мы пойдемъ къ нашей цѣли, по самому естественному порядку, долженъ начаться разборомъ самой саги въ ея происхожденіи, составныхъ элементахъ и приложеніи къ заданнымъ вопросамъ.

По свидѣтельству *Па-ци-тунъ-чжи* и *Кайго-фанъ-лю*, двухъ важныхъ историческихъ сочиненій, обнародованныхъ самимъ Маньчжурскимъ правительствомъ, преданіе объ *Айжинь-гіоро*, хранившееся только въ устахъ народа, въ первый разъ сдѣлалось письменнымъ въ 1636 году, когда составлено было на маньчжурскомъ, китайскомъ

---

*) Такъ называется домъ *Маньчжу* съ 1636 года, когда Государь *Тай-цзунъ* переименовалъ свое государство *Маньчжу* —въ государство *Дай-цинъ*.

и монгольскомъ языкахъ жизнеописаніе Государя *Тай-цзу*. Изъ одного мѣста, встрѣчающагося въ *Кайго-фанъ-лю*, мы видимъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя подробности преданія были извѣстны и самому *Тай-цзу*. Въ разсказѣ о походѣ маньчжуръ въ 1612 году противъ *Вучжаньтая* Бэйлы—владѣтеля аймака *Ула*, приводятся слѣдующія слова *Тай-цзу* своему непокорному родственнику. «Я потомокъ *Айжинь-гіоро*, человѣка божественнаго происхожденія; нашъ домъ во всѣхъ своимъ дѣйствіяхъ руководился волею неба и законами высшей справедливости; за то, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, ближніе и дальніе съ почтеніемъ признавали надъ собою наше владычество и искони не бывало, чтобы кому-нибудь нанесено было оскорбленіе. Ты можешь не знать исторіи ста поколѣній; но ужели не извѣстны тебѣ и событія, простирающіяся не далѣе десяти родовъ»? Итакъ, если нельзя точно опредѣлить, когда именно преданіе получило свое начало, то очевидно, по крайней мѣрѣ, то, что оно не восходитъ свыше десяти родовъ, считая *Тай-цзу*; и если вышеприведенныя нами свидѣтельства *Па-ци-тунъ-чжи* и *Кайго-фанъ-лю* нисколько не рѣшаютъ, въ какомъ видѣ первоначально существовало преданіе, по крайней мѣрѣ, по ихъ словамъ, оно достигло окончательнаго развитія не позже 2 года *Чунъ-дэ*: 1637 года.

Послѣдній выводъ могъ бы играть весьма важную роль въ рѣшеніи нашей задачи, если бы онъ самъ утверждался на несомнѣнныхъ началахъ. *Па-ци-тунъ-чжи* и *Кайго-фанъ-лю*, въ подтвержденіе своихъ словъ, ссылаются на *Ши-лу* *), т. е. частную исторію нынѣ царствующаго въ Китаѣ дома, исторію, которую пишетъ сама же династія для славы своей въ потомствѣ и которую она хранитъ отъ современниковъ, какъ государственную тайну. При всемъ довѣріи къ искренности маньчжурскихъ лѣтописцевъ, можно еще желать новыхъ доказательствъ, въ пользу нѣкоторыхъ неясныхъ мѣстъ, весьма тѣсно связанныхъ съ интересами царствующаго тамъ дома. Итакъ, чтобы найти этотъ необходимый критерій pro или contra, мы обратимся къ исторіи обнародованія саги и, слѣдя за нею шагъ за шагомъ, наконецъ дойдемъ до заключеній, основанныхъ уже не на безусловной вѣрѣ.

---

*) См. Па-ци-тунъ-чжи, глав. 1 листъ 7 Кайго-фанъ-лю гл. 1 л. 38 на оборотѣ и 39 (въ Маньч. пер.)

Въ 1708 году, въ правленіе *Канъ-си*, по собственному повелѣнію китайскаго императора, изданъ былъ въ Пекинѣ аналогическій маньчжурскій словарь, извѣстный подъ названіемъ: *Маньчжу гизунь-и булэку битхэ*. Здѣсь въ опредѣленіи слова *Маньчжу* сказано: «*Тай-цзу* происходилъ изъ фамиліи *Гіоро*, получившей свое начало при горѣ *Чанъ-бо-шанъ*, которая простирается въ вышину на двѣсти, въ окружность на тысячу ли. На вѣршинѣ ея находится озеро *Тамунъ*, заключающее въ своихъ берегахъ 80 ли; при подошвѣ берутъ начало свое три рѣки *Ялу, Хунь-тунъ* и *Айху*. *Айжинь-гіоро* поселился на восточной сторонѣ *Чанъ-бо-шани*, въ степи *Омохой*, городѣ *Одоли*, усмирилъ мятежи и далъ государству названіе *Маньчжу*. Въ послѣдствіи времени, резиденція переселена была въ *Хэтуала*, нынѣшній *Бндэнъ*, (по-китайски *Синъ-цзинъ*).

Спустя 30 лѣтъ послѣ изданія словаря, вышло въ свѣтъ *Па-ци-тунъ-чжи* описаніе восьми знаменъ, составленное еще по повелѣнію Императора правленія *Юнъ-чжэнъ* и обнародованное не ранѣе 4 года правленія *Цянь-лунъ* (1739). Сочиненіе, предположившее своею цѣлію показать происхожденіе, развитіе и устройство маньчжурскаго народа, необходимо должно было начать свое повѣствованіе сагою объ *Айжинь-гіоро*. «На восточной сторонѣ горы Чанъ-бо-шань (говорится въ *Па-ци-тунъ-чжи*) возвышается гора *Букури*; у подошвы ея лежитъ озеро *Булхури*. Дошло до нашихъ временъ преданіе, что однажды небесная дѣва спустилась на берега озера, вкусила отъ красныхъ плодовъ и родила чуднаго сына. Младенецъ, явившійся на свѣтъ по волѣ самого Неба, при самомъ рожденіи умѣлъ уже говорить, во всѣхъ чертахъ своихъ проявлялъ свое необыкновенное происхожденіе, а когда достигъ полнаго возраста, сѣлъ на лодку и приплылъ на ней къ одной пристани, куда туземцы приходили за водою. Въ окрестности этого мѣста жили три фамиліи, враждовавшія за право владычества надъ Государствомъ; каждый день кипѣли жаркія битвы между соперниками, но споръ не приходилъ къ концу. Случилось, что одинъ изъ нихъ отправился на пристань за водою, увидѣлъ тамъ чуднаго странника и, возвратившись домой, сказалъ враждовавшимъ: бросьте свои распри, къ намъ явился человѣкъ дивнаго происхожденія и, думается мнѣ, что небо не напрасно произвело его на свѣтъ. Когда жители, собравшіеся на берегъ

взглянуть на странника, спросили его: кто онъ?—Сынъ небесной дѣвы, отвѣчалъ пришлецъ; моя фамилія *Айжинь-гіоро*, мое имя *Букури Іонгіонь*, мое назначеніе положить конецъ вашимъ раздорамъ!—Да, это необыкновенный человѣкъ, сказали изумленные жители; отнесли его на рукахъ къ себѣ въ жилище, сдѣлали между собою совѣтъ, на которомъ положено было: прекратить всякія распри о владычествѣ надъ Государствомъ, поставить царемъ чуднаго пришлеца, и, вслѣдъ за тѣмъ, немедленно предложили ему дѣвицу въ супруги и титулъ Бэйлы. Съ этой минуты исчезли раздоры. *Айжинь-гіоро* поселился на степи *Омохой*, въ городѣ *Одоли* и далъ своему Государству названіе *Маньчжу*. Въ послѣдствіи времени, *Чжао-цзу* завладѣлъ *Хэтуала* при *Улань-Хада*, и сюда перенесъ свою резиденцію, въ 1500 ли отъ *Одоли*».

Прошло еще слишкомъ 30 лѣтъ, и правительство издало *Маньчжу-юань-лю-као*, сочиненіе, исключительно посвященное рѣшенію вопроса о происхожденіи и древнемъ бытѣ маньчжурскихъ племенъ; почти въ слѣдъ за этимъ критическимъ розысканіемъ, въ 1791 году, вышла и *Кайго-фанъ-лю*—исторія о началѣ Маньчжурскаго Государства. Въ томъ и другомъ сочиненіи изложена, и почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ, сага объ *Айжинь-гіоро*, но весьма много отличающаяся отъ саги, приведенной въ *Па-ци-тунъ-чжи*. Для избѣжанія повтореній, мы укажемъ здѣсь только на тѣ мѣста, которыми позднѣйшій разсказъ разнится отъ предшествовавшихъ.

«Есть преданіе, говоритъ *Манъ-чжу-юань-лю-као*,-что три небесныхъ дѣвы, старшая *Энгулэнь*, средняя *Чжэнгулонь*, младшая *Фекулэнь*, спустившіяся на берега *Булхури*, купались въ его водахъ. Въ то время пролетавшая надъ озеромъ дивная сорака бросила находившійся у нее въ клювѣ красный плодъ на платье младшей изъ дѣвъ. Она вкусила отъ небеснаго дара и мгновенно почувствовала беременность. Тогда (прибавляетъ *Кайго-фанъ-лю*) *Фэкулэнь* сказала: —я отяжелѣла и уже не могу болѣе воспарить на небо.—Духамъ ли страшиться чего нибудь? Видно небу угодно даровать тебѣ сына; сверши свое дѣло и возвращайся къ намъ!—отвѣчали дѣвы, сдѣлали прощальный поклонъ и ушли... Когда подросло чудное дитя, мать объяснила ему исторію его рожденія, дала маленькую лодку и сказала —да будетъ тебѣ прозваніе *Айжинь-гіоро*, а имя *Букури Іонгіонь!*

Небо родило тебя усмирить мятущееся царство, итакъ, иди управлять имъ! Плыви по теченію рѣки—и ты достигнешь предназначенной тебѣ страны.—Эти слова были послѣднимъ завѣщаніемъ дѣвы. Она взлетѣла на небо, а *Айжинь-гіеро* пустился куда влекла его судьба.» Дальнѣйшій ходъ разсказа совершенно одинъ и тотъ же во всѣхъ трехъ сочиненіяхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что *Кайо-фанъ-лю* и въ изложеніи событій, слѣдовавшихъ послѣ водворенія *Айжинь-гіеро* въ *Одоли*, сохраняетъ еще тонъ и характеръ саги, чего нѣтъ ни въ *Пацн-тунъ-чжи*, ни въ *Манъ-чжу-гоанъ-лю-као*.

По *Кайо-фанъ-лю*, спустя нѣсколько поколѣній, смѣнившихся послѣ *Айжинь-гіоро*, въ государствѣ снова открылись неустройства; подданные возстали противъ господствовавшаго дома, истребили всѣхъ родственниковъ владѣтельной фамиліи и только одинъ отрокъ успѣлъ отъ неминуемой гибели скрыться въ дикую степь. Уже погоня настигала бѣглеца, какъ вдругъ налетѣвшія чудныя сороки насѣли на голову мальчика, и мятежники, обманутые такимъ явленіемъ, рѣшили, что вдали предъ ними виднѣется простой пень и возвратились безъ успѣха. Чудно спасшійся отрокъ до конца своей жизни скрывался въ неизвѣстности и не ранѣе, какъ послѣ нѣсколькихъ поколѣній, является *Чжао-цзу*, одинъ изъ потомковъ бѣглеца, наказываетъ болѣе 40 человѣкъ, принадлежавшихъ къ фамиліямъ, нѣкогда возставшимъ противъ законной власти, и утверждаетъ свою резиденцію въ 1,500 ли отъ того мѣста, гдѣ постигла такая несчастная судьба предковъ его. Здѣсь мы оканчиваемъ исторію обнародованія саги, потому что всѣ позднѣйшіе писатели, говоря о происхожденіи Маньчжурской династіи, только повторяютъ слова своихъ предшественниковъ, не умножая ихъ сказаній ни объясненіями, ни новыми миѳами.

Если обратимъ вниманіе на данныя, къ которымъ привело насъ настоящее обозрѣніе, то невольно предложимъ себѣ вопросы: отъ чего, по мѣрѣ удаленія отъ времени событій, сказанія объ *Айжинь-гіоро* болѣе теряютъ простоту, постепенно замѣняя ее ложнымъ блескомъ миѳическихъ чудесъ? Если преданіе еще въ 1636 году сдѣлалось уже достояніемъ исторіи, то почему въ каждомъ новомъ сочиненіи, гдѣ только приводится сага, она получаетъ новые оттѣнки и подробности? Если всѣ историческіе и миѳическіе элементы преданія

давно уже существовали — были готовы, то почему, или лучше для чего сага, которая, какъ преданіе, взятое изъ устъ народа, могла быть совершенно извѣстною для всѣхъ, обнародывается съ такою видимою постепенностью, какъ будто правительство желало мало-помалу приготовить умы къ принятію за истину чуднаго начала возстановленія фамиліи *Гіоро?* По нашему мнѣнію, на всѣ эти вопросы можно удовлетворительно отвѣтить только тѣмъ, что сага первоначально не существовала въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется въ позднѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ Маньчжурской династіи, что миѳическій элементъ преданія не есть произвольное созданіе народной фантазіи, но слѣдствіе постепенно развившейся въ потомкахъ *Айжинь-гіоро* необходимости или самолюбиваго желанія—возвысить таинственное происхожденіе своего родоначальника; что постоянное возрастаніе саги есть произведеніе обстоятельствъ и идей, современныхъ ея обнародованію.

Мы уже говорили ,что самое первое печатное свидѣтельство объ *Айжинь-гіоро* помѣщено въ словарѣ, при составленіи котораго свѣрялось каждое слово съ письменными памятниками, исторіею и показаніями старожиловъ. Краткость, простота и совершенное отсутствіе въ сказаніи всего чудеснаго, всѣ эти важныя условія даютъ свидѣтельству словаря право на первенство не по одному времени, но и по историческому значенію. Покореніе Китая было еще такъ свѣжо, кровавый судъ надъ китайскою партіею въ лицѣ *У-сань-гуя* —такъ недавенъ, что торжествующему новому Императору изъ маньчжуръ не было нужды и не приходило на мысль дѣйствовать на толпу мишурнымъ величіемъ миѳическаго происхожденія; отъ того въ словарѣ *Айжинь-гіоро* является самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ; Но вторая половина шестидесятилѣтняго правленія *Канъ-си* даровала Китаю глубокій, внутренній миръ; народъ, забывшій старыя раны, освободился отъ ужаснаго впечатлѣнія, произведеннаго на него первыми завоеваніями маньчжуръ; побѣдоносное поколѣніе давно смѣнилось, а его преемники сами побѣждены были духомъ китайскихъ нравовъ и жизни; при самомъ дворѣ, съ началомъ правленія *Юнъ-чжэнъ*, 1723 года, открылась ожесточенная борьба сего Богдохана съ его братьями; въ арміи маньчжурскія знаменитости подавлены были славою китайскаго генерала *Іо-чжунъ-ци*, обратившаго

на себя вниманіе всего Государства, а крутой и суровый характеръ новаго повелителя Китая порождалъ во многихъ желаніе перемѣнъ. При такихъ обстоятельствахъ, весьма невыгодныхъ для покорителей Китая, родился вопросъ: кто же маньчжуры, такъ сильно охватившіе своимъ владычествомъ эту Имперію? И вскорѣ во всемъ Государствѣ стали появляться сочиненія, направленныя противъ новой династіи и особы самого Богдохана. Китайцы говорили, писали и печатали, что «маньчжуры варвары, дикари, не заслуживаютъ человѣческаго имени; что они случайно завладѣли праздными престоломъ, не принадлежавшимъ имъ ни по какимъ правамъ»; а нѣкоторые даже обратились къ *Іо-чжунъ-ци* съ прямыми намеками, что отечество ожидаетъ отъ него той минуты, когда его оружіе навсегда изгонитъ варваровъ въ ихъ дремучіе лѣса. Въ отвращеніе вліянія на толпу нелѣпыхъ порицаній противъ Маньчжурскаго дома, Богдоханъ рѣшился самъ опровергнуть ихъ, и по всему Государству обнародовано было сочиненіе—*Да-и-цзіо-ми-лу* (т. е. великая правда, просвѣщающая ослѣпленныхъ), въ которомъ, защищая честь династіи и своего происхожденія, торжественно, во услышаніе всего Китая, Императоръ сказалъ: «Основателемъ нашей династіи былъ человѣкъ, рожденный самимъ небомъ и явившійся на горѣ *Чанъ-бо-шанъ*». Сколько намъ извѣстно, это первое свидѣтельство, въ которомъ *Айжинъ-гіоро* достигаетъ миѳической высоты. Споръ, возникнувшій между народомъ и Пекинскимъ дворомъ, показалъ послѣднему необходимость изгладить всѣ невыгодныя предубѣжденія толпы и покрыть славою имя, напоминавшее китайцамъ прежнихъ дикарей. Отселѣ начинается новой періодъ въ литературѣ нынѣшней династіи, до сихъ поръ, большею частію, занимавшейся только переводами китайскихъ сочиненій, періодъ различныхъ исторій, изслѣдованій, воспоминаній, замѣтокъ, описаній, длинныхъ и краткихъ, въ стихахъ и прозѣ, посвященныхъ древнимъ, прошедшимъ и настоящимъ временамъ и славѣ Маньчжурскаго народа и дома. Два Императора въ теченіи 70 лѣтъ поучали Китай, что хотя маньчжуры явились въ странѣ варваровъ и мрака; однакоже такое темное происхожденіе не безславитъ великой династіи, потому что и *Шунъ* знаменитый Государь древняго Китая, происходилъ отъ восточныхъ иноплеменниковъ, а *Вынъ-ванъ*, основатель династіи *Чжоу*, отъ западныхъ, что

предки династіи Цинъ, хотя и не управляли Поднебесною, однакоже почтеннѣе и выше какого-нибудь деревенскаго старосты или отшельника. Для подтвержденія такихъ поученій необходимо было преобразить и самого родоначальника своего *Айжинь-гіоро*, изъ простого смертнаго представить его сыномъ духовъ или неба, облечь всѣми прикрасами народной миѳологіи—и вотъ идея о божественномъ происхожденіи *Гіоро*, высказанная Императоромъ еще въ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ, въ *Ца-ци-тунъ-чжи* является уже сагою, съ поэтическимъ описаніемъ горы *Чанъ-бо-шанъ*, съ озеромъ и дѣвою. Скоро маньчжурамъ показалось, что для матери *Айжинь-гіоро* мало простого имени: небесная дѣва, и *Гао-цзунъ*, Государь правленія *Цянь-луня*, въ знаменитомъ своемъ стихотвореніи «*Мукдэнь и Фучжурунь*» придалъ своей прародительницѣ титулъ божественной дѣвы, младшей сестры неба. Черезъ 30 лѣтъ и вся сага, помѣщенная въ *Ца-ци-тунъ-чжи*, сдѣлалась слишкомъ обыкновенною и простою; въ *Маньчжу-юань-лю-као*, вмѣсто одной дѣвы, доселѣ игравшей безъимянную и нѣмую роль, выходятъ на сцену уже три съ именемъ, рѣчами и миѳомъ о сорокѣ; мать *Айжинь-гіоро*, прежде исчезавшая не извѣстно куда, теперь улетаетъ на небо. Наконецъ въ *Кайго-фанъ-лю* развита вторая часть саги, чудное спасеніе фамиліи *Гіоро*, и, въ подтвержденіе древности преданія, къ словамъ Государя *Тай-цзу*, о родоначальникѣ Маньчжурскаго дома, прибавлено названіе божественнаго *) Тогда *Гао-цзунъ* съ торжествомъ объявилъ Поднебесной (Китаю), что начало Маньчжурскаго дома также таинственно и необыкновенно, какъ начало самыхъ знамени-

*) Мы не считаемъ словъ *Тай-цзу* совершенно вымышленными и позднѣйшаго происхожденія, напротивъ, признаемъ весьма естественнымъ, что *Тай-цзу*, въ упрекъ непокорному *бэйлэ*, сослався на *Айжинь-гіоро*, въ доказательство своего происхожденія отъ владѣтельнаго дома и упомянулъ о десяти родахъ въ подтвержденіе, что его родословная весьма недавняя и слѣдовательно *Бучжань-тай* самъ могъ хорошо знать законность притязаній *Тай-цзу* на повиновеніе окрестныхъ владѣльцевъ. Точно также, согласно съ *Вэй-Юанемъ*, авторомъ *Шенъ-у-цзи*, однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и критическихъ новѣйшихъ писателей Китая, принимаемъ указаніе на 10 родовъ—единственнымъ, вѣрнымъ и историческимъ средствомъ къ опредѣленію времени явленія *Айжинь-гіоро*. Но можно ли повѣрить, чтобы *Тай-цзу*, еще въ то время бывшій ничтожнымъ владѣльцемъ, сталъ хвалиться происхожденіемъ отъ божественнаго предка? И передъ кѣмъ? Передъ своимъ зятемъ, которому, по словамъ самого же *Тай-цзу*, извѣстна вся исторія дома *Гіоро*' «Въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, ближніе и дальніе съ почтеніемъ признавали надъ собою наше владычество» такія слова приличны потомку его *Тай-цзуну*, возсѣдавшему на престолѣ Китайской Имперіи, а не *Тай-цзу*, котораго отецъ и дѣдъ,

тыхъ Китайскихъ династій, окруженныхъ всегда сверхъ—естественными и невѣроятными преданіями. Верховное мнѣніе Богдохана скрѣпило сагу печатію непреложности, и съ сихъ поръ преданіе вошло въ рядъ вѣчныхъ маньчжурскихъ истинъ, не развиваемыхъ и не сокращающихся.

Самый разборъ главныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ саги, приведетъ насъ къ тому же заключенію, что преданіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится въ *Кайго-фанъ-лю*, есть сводъ различныхъ миѳическихъ идей, маньчжурскихъ и китайскихъ, направленныхъ къ одной цѣли возвысить происхожденіе царствующаго тамъ дома, и, наконецъ, что оно во многомъ носитъ на себѣ слѣды недавняго происхожденія.

Айжинь-гіоро сходитъ съ горы *Чанъ-бо-шанъ*, маньчжурскаго Олимпа, средоточія жизненной силы, творящей геніевъ героевъ и великихъ людей. Китайцы давно знали о необыкновенномъ уваженіи, какое питали восточныя племена къ чудной горѣ, которую, по словамъ исторіи *Бэй-ши*, они называли верховною и царственною, которую, какъ говорится въ исторіи *Вэй-шу*, переходили не иначе, какъ со всѣми признаками благоговѣнія и страха. Государи династіи *Гинь* (царствовавшей въ сѣверномъ Китаѣ съ 1115 по 1234 годъ по Р. Х.) учредили жертвоприношенія духу горы *Чанъ-бо-шанъ*, какъ великому покровителю ихъ отечества. Географія, изданная при династіи *Юанъ*, въ первый разъ пронесла по всей Поднебесной молву, что гора

погибли отъ навѣтовъ *Никаньсайлиня*, который получилъ въ наслѣдство только *Хэту-ала* и 14 латниковъ, между тѣмъ какъ всѣ другіе аймаки и города отложились отъ юнаго Бойлы; который самъ едва еще спасся отъ ножей наемныхъ убійцъ и котораго его же собственные родственники хотѣли принудить къ подданству и присягѣ врагу его дома. Совершенно въ другомъ положеніи, чѣмъ *Тай-цзу*, былъ *Тай-цзунъ*, когда онъ стоялъ съ побѣдоносными своими войсками подъ стѣнами Пекина; но *Тай-цзунъ* на возраженіе *Миньскаго* правительства, что такой ничтожный и незнаменитый владѣлецъ, каковъ Ханъ, не можетъ носить на себѣ Императорскаго титула, отвѣчалъ только, что основатели династіи *Ляо*, *Гинь*, *Юанъ* въ началѣ были небольшими владѣльцами наслѣдственныхъ аймаковъ; что самъ *Тай-цзу Миньскаго* дома былъ небольше, какъ отшельникъ и что никто не предписалъ законовъ небу, которое одно только возводитъ ничтожныхъ и низлагаетъ сильныхъ. *Тай-цзунъ* не ссылался на свое божественное происхожденіе, хотя это и было бы совершенно въ духѣ китайцевъ, которые почти каждую свою династію сводятъ съ небесъ. Если миѳъ о чудесномъ рожденіи *Айжинь-гіоро* былъ извѣстенъ и даже внесенъ въ исторію еще во времена *Тай-цзуна;* то почему мы не встрѣчаемъ въ упомянутомъ словарѣ никакого намека на такое важное сказаніе? Въ немъ описаны и гора *Чанъ-бо-шанъ* и племена, вошедшія въ составъ Маньчжурскаго Государства; ужели не нашлось бы мѣста для одного слова—божественный *Гіоро?*

Чанъ-бо-шанъ простирается на 200 ли въ вышину и на тысячу ли въ длину; что на вершинѣ горы бездонное озеро, занимающее собою пространство въ 80 ли и что его водами питаются три великія рѣки: *Ялу*, *Хуньтунъ* и *Айху*. *Минъскій* Императоръ правленія *Юнъ-лэ*, во время похода своего въ Монголію, съ изумленіемъ разсказывалъ своимъ приближеннымъ, что въ странѣ *Нюйчжэнь* есть гора *Чанъ-бо-шанъ*, на которой вода, деревья, трава, тигры, медвѣди—все бѣлаго цвѣта; отъ чего она и называется длинною бѣлою горою*). Итакъ, спрашивается, есть ли въ цѣлой Маньчжуріи другое какое нибудь мѣсто, также знаменитое, какъ *Чанъ-бо-шанъ*, откуда бы прилично и со славою могъ явиться великій основатель Маньчжурскаго дома? Сага говоритъ, что *Айжинь-гіоро* родился при горѣ *Букури* и озерѣ *Булхури*; но маньчжуры сами не знаютъ, гдѣ эти священныя мѣста ихъ первой славы. Ни на одной картѣ, ни въ какомъ географическомъ описаніи не опредѣлено положеніе *Букури* и *Булхури*. Когда въ 1677 году, въ правленіе *Кань-си*, отправленъ былъ *Умунэ* для принесенія жертвы горѣ *Чанъ-бо-шанъ*: только крикъ журавлей привелъ императорскаго посланца къ подошвѣ ея; а *Букури* и *Булхури*, какъ недостижимое эльдорадо, навсегда сокрылись отъ человѣческаго взора. Такъ извѣстна въ Маньчжуріи колыбель нынѣшней династіи! Очевидно, что приходъ *Айжинь-гіоро* съ вершинъ *Чанъ-бо-шани*—есть миѳъ, и только городъ *Одоли* есть исторически и географически извѣстное мѣсто перваго явленія фамиліи *Гіоро*.

Мы не говоримъ уже о томъ, какъ необходимо было основателю Маньчжурскаго дома родиться отъ небесной дѣвы;—у китайцевъ всѣ великіе люди по мужеской линіи не принадлежатъ человѣческому роду. Скажемъ только, что миѳъ о птицахъ, принимающихъ живое участіе въ явленіи на свѣтъ основателей династій, весьма не новъ въ Китаѣ; что весь разсказъ о трехъ дѣвахъ и чудной сорокѣ перенесенъ маньчжурами въ свою исторію изъ древнихъ лѣтописей Срединной Имперіи. Раскрываемъ исторію *Ши-цзи*—и вотъ что читаемъ на 1 листѣ 5-й главы: *Нюй-сю*, мать основателя дома *Цинь*, занималась ткапьемъ, какъ вдругъ ласточка уронила къ ней яйцо, *Нюй-сю* его съѣла и родила *Да-ль*». Открываемъ четвертую главу и здѣсь исто-

*) См. Бэй-чжанъ-лу.

рикъ *Сы-ма-цянь* сообщаетъ такой же анекдотъ. «Однажды (говоритъ онъ) *Цзянь-ди*, мать *Ци*, основателя дома *Шанъ*, вмѣстѣ съ другими двумя дѣвицами отправилась на озеро купаться, и здѣсь увидѣла, что ласточка уронила предъ ними яйцо; *Цзянь-ди* взяла его, съѣла, почувствовала беременность и родила *Ци*». Самъ Императоръ правленія *Цянь-лунъ*, въ указѣ своемъ по случаю изданія книги *Маньчжу-юань-лю-као*, гдѣ въ первый разъ помѣщенъ былъ миѳъ о трехъ дѣвахъ и сорокѣ, признался, что начало дома *Шанъ* и начало дома *Гіоро* имѣютъ между собою удивительное сходство.

Не знаемъ, что значатъ и откуда взяты имена трехъ дѣвъ. Извѣстный оріенталистъ Клапротъ*), въ извлеченіи своемъ изъ *Дунъ-хуа-лу*, вмѣсто *Энгулэнь*, *Чжэнгулэнь* и *Фэкулэнь* пишетъ *Энгурунь*, *Чжэнгурунь* и *Фэгурунь*, то есть конечные слоги *гулэнь* и *кулэнь* онъ принимаетъ за маньчжурское слово *гурунь*—государство, и, такимъ образомъ, переводитъ: государство *Энь*, государство *Чжэнъ* и государство *Фэ*. Безъ сомнѣнія, основаніемъ для такого чтенія была мысль, что китайцы, не имѣя въ своемъ языкѣ для выраженія чистаго звука буквы *р*, замѣняютъ ихъ знаками звука *л*; но мы должны замѣтить, что это основаніе, весьма приложимое въ другихъ случаяхъ, не имѣетъ мѣста въ настоящемъ. Въ маньчжурскомъ текстѣ сочиненія *Кайю-фань-лю* имена дѣвъ пишутся сходно съ китайскимъ, то есть *Энгулэнь*, *Чжэнгулэнь*, *Фекулэнь*. Разсматривая составъ именъ, нельзя не убѣдиться, что дѣйствительно конечные слоги *гулэнь* и *кулэнь* принадлежатъ къ одному и тому же корню; что начальныя буквы ихъ *г* и *к* измѣнились въ слѣдствіе разности предшествующихъ слоговъ, изъ которыхъ *энь* и *чжэнъ* требовали мягкаго *гулэнь*, а грубое *фэ* превратило *г* въ твердое *к*. Единство во всѣхъ трехъ именахъ послѣднихъ слоговъ и разность начальныхъ не должны ли привести къ заключенію, что *гулэнь* составляетъ общую фамилію дѣвъ, а *энь*, *чжэнъ* и *фэ* частное имя каждой? По крайней мѣрѣ, всѣ эти три слова не имѣющія никакого значенія на маньчжурскомъ языкѣ, невольно указываютъ на китайское происхожденіе; потому что въ древнемъ

*) Memoires relatifs à l'Asie tom. 1 p. 440.

маньчжурскомъ языкѣ нѣтъ ни одного слова, которое начиналось бы слогомъ *чжэнъ**). Сюда же относится и *Гоншонь*, приданное къ имени *Айжинъ-гіоро*, потому что оно несродно маньчжурскому языку и, очевидно, образовалось изъ китайскаго *Юнъ-шунь*. Такое неумѣстное вмѣшательство китайскаго языка въ маньчжурскую сагу не покажется для насъ страннымъ, если припомнимъ, что небесныя дѣвы, какъ будто читавшія въ древней классической книгѣ Китая—*Ли-цзи* главу о вѣжливостяхъ, разставаясь съ *Фэкулэнь*, раскланиваются по-китайски, или, что *Айжинъ-гіоро*, явившись къ тремъ фамиліямъ, начинаетъ свою рѣчь объявленіемъ прозванія, какъ это дѣлаютъ китайцы, а не имени, какъ это слѣдовало бы коренному маньчжуру. Въ этихъ обмолвкахъ, не смотря на ихъ маловажность, весьма ясно отразилось позднее происхожденіе саги, потому что онѣ напоминаютъ то время, когда побѣдители Китая, подавленные неотразимымъ вліяніемъ новой для нихъ жизни, утратили свой характеръ и забыли древніе обычаи.

Труднѣе, чѣмъ самый миѳъ о рожденіи *Айжинъ-гіоро*, объяснать и опредѣлить историческое достоинство разсказа о водвореніи Маньчжурскаго дома въ городѣ *Одоли*. Какъ повѣрить, чтобы люди, каждый день проливавшіе свою кровь за право владычества, добровольна отказались отъ предмета своихъ исканій,въ пользу неизвѣстнаго пришлеца котораго весь авторитетъ основывался на одномъ имени *Айжинъгіоро* и баснѣ о небесной дѣвѣ? Правда, въ *Кайго-фанъ-лю* говорится, что жители изумлены были необыкновеннымъ видомъ странника, что они нашли его сидящимъ въ положеніи Будды (сидѣлъ неподвижно,говоритъ Кайго-фанъ-лю); но такое объясненіе можетъ имѣть мѣсто въ области поэзіи, а не исторіи. Или надобно допустить, что весь этотъ разсказъ имѣетъ такую же цѣну, какъ сага о первомъ Тибетскомъ Государѣ, которому достаточно было указать на небо и сказать, что онъ сынъ *Тэгри*, чтобы его немедленно возвели на престолъ, или что *Айжинъ-гіоро* самымъ именемъ своимъ уже высказывалъ свои, хотя теперь еще и непонятныя для насъ, права на владычество. По крайней мѣрѣ ясно, что въ сказаніи объ изгнаніи и возстановленіи фамиліи *Гіоро* снова

---

*) Въ самомъ древнемъ маньчжурскомъ словарѣ: *Дай-цинъ-цюанъ-шу* правелены только два слова, которыя начинаются слогомъ *чжэнъ* и тѣ китайскаго происхожденія.

является мифическій элементъ и снова напоминаетъ, въ главной идеѣ своей, китайскія преданія, и именно чудное спасеніе родоначальника дома *Чжоу* отъ неизбѣжной смерти*).

Такимъ образомъ, большая часть того, чѣмъ позднѣйшіе историки дополнили и украсили повѣсть объ *Айжинь-гіоро*, оказывается миѳическимъ: гдѣ истина или искажена, или подавлена, или даже совершенно вытѣснена чуждыми идеями, несродными ни мѣсту, ни лицамъ саги; при всемъ томъ, было бы излишнимъ скептицизмомъ совершенно отвергать историческое значеніе ея. Почти всякое государство въ Азіи начинаетъ свою родословную съ боговъ и героевъ, но странно было бы допустить и согласиться, чтобы народъ, сохранившій хотя темное представленіе о своемъ происхожденіи и началѣ, рѣшился отказаться отъ своихъ отцовъ и предковъ, отъ своей священной старины въ пользу фантастическихъ событій и существъ, которыя, даже въ его собственныхъ глазахъ, останутся одними призраками мечты. Время, протекшее между началомъ фамиліи *Гіоро* и явленіемъ письменности у маньчжуръ, не могло быть такъ отдаленно, чтобы преданію нельзя было сохранить хотя нѣсколько фактовъ изъ ранней жизни народа и царствующаго дома. По нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ правдивости саги тамъ, гдѣ она не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго, либо хотя сколько-нибудь подтверждается современными событіями или посторонними свидѣтельствами.

Такъ, согласно съ преданіемъ, мы признаемъ *Айжинь-гіоро* лицомъ историческимъ. Вся Маньчжурская династія, до сихъ поръ сохранившая прозваніе Г*іоро*, служитъ неоспоримымъ опроверженіемъ всякихъ сомнѣній. Изъ описанія родовъ, вошедшихъ въ составъ 8 знаменъ, мы знаемъ, что фамилія *Гіоро* еще во времена *Тай-цзу* была уже многочисленна, жила въ мѣстахъ *Мукэ*, *Вхэ*, *Гемуху*, *Хинганъ*, *Сарху*, *Ала*, *Хада*, *Ванцинъ* и другихъ, и что всѣ эти разрозненные члены одного семейства снова соединились въ одно цѣлое, когда Маньчжурскій домъ восторжествовалъ надъ другими

*) Тамъ и здѣсь играютъ главную роль птицы; для спасенія *Чжао-цзу* отъ непріятелей налетѣли сороки и скрыли его подъ своими крыльями; для спасенія родоначальника дома *Чжоу*, выброшеннаго на ледъ, налетѣли птицы, обвили его своими крыльями и защитили отъ гибельнаго вліянія холода.

племенами. На сѣверовостокъ отъ *Мукдена*, изъ предѣловъ *Гирина*, течетъ рѣчка *Гіоро* и впадаетъ въ рѣку *Дай-цинъ*,—странное сочетаніе двухъ именъ, такъ важныхъ въ исторіи нынѣшней династіи Китая. На югозападъ отъ *Ишуты*, въ 4 ли отъ развалинъ *Шанъ-цзина*, древней столицы дома *Гинь*, донынѣ существуетъ небольшое укрѣпленіе, которое носитъ на себѣ названіе «стараго города *Гіоро*». Близость послѣдняго мѣста къ *Одоли* подтверждаетъ сказаніе сами о водвореніи родоначальника Маньчжурскаго дома въ этомъ городѣ, лежащемъ отъ *Ишуты* въ 330 ли. Аміотъ, Абель Ремюза, и Платъ *) неправильно причисляютъ *Одоли* къ городамъ *Амурской* области, между тѣмъ какъ по управленію, *Одоли* принадлежитъ къ *Синъ-цзинскому* округу; по своему мѣстоположенію находится въ центрѣ коренныхъ *Нюйчжэньскихъ* владѣній, именно въ предѣлахъ древняго *Цзянь-чжоу*, по словамъ *Юаньской* географіи, лежавшаго на югъ отъ верхней столицы династіи *Гинь*, котораго имя у *Минъскихъ* писателей употреблялось или какъ общее названіе всей страны, начиная съ *Гирина* до предѣловъ *Ляо-дуна*, или какъ названіе одного только ближайшаго округа, граничившаго съ рѣкою *Ляо-хэ*. Такимъ образомъ и *Хэту-ала*, куда въ послѣдствіи перенесъ свою резиденцію *Чжао-цзу*, и *Одоли*, гдѣ первоначально жили предки нынѣшней Маньчжурской династіи, будутъ оба принадлежать къ *Цзянь-чжоу*, станемъ ли принимать это слово въ обширномъ или тѣсномъ его значеніи.

Къ какому времени должно отнести рожденіе *Айжинь-гіоро?* Клапротъ отвѣчаетъ: а) къ послѣдней половинѣ 13 или началу 14-го вѣка: но какъ это рѣшеніе такъ неопредѣленно и притомъ высказано, какъ простая догадка, безъ всякихъ доказательствъ, то мы и проходимъ его молчаніемъ. Абель Ремюза полагаетъ, б) что водвореніе *Айжинь-гіоро* въ *Одоли* не восходитъ ранѣе 1520 года, то есть случилось за 39 лѣтъ до *Тай-цзу:* но мы исторически знаемъ, что между *Чжао-цзу* и *Тай-цзу* смѣнилось шесть поколѣній, которыхъ существованіе не подвержено ни какому сомнѣнію. Ужели для смѣны

---

*) Eloge de la ville de Moukden. p. 327. Rem. Rech. 1 p. 14 Völ. der Mand. p. 230.

a) Chresl. Prèf p. 1.

б) Rech. 1 p. 17.

этихъ шести поколѣній достаточно такого краткаго періода, каковы 40 лѣтъ? Мы не говоримъ уже о поколѣніяхъ, предшествовавшихъ Чжао-цзу. По мнѣнію Плата, в) вопросъ долженъ остаться неразрѣшимъ, потому что слова преданія: «нѣсколько поколѣній» не сообщаютъ намъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ; но намъ кажется, что нѣтъ никакого основанія не вѣрить ясному свидѣтельству книги *Кайю-фанъ-лю*, въ которой прямо говорится, что отъ *Тай-цзу* до Айжинь-*гіоро* прошло неболѣе десяти родовъ. Китайскіе писатели принимаютъ такое показаніе и, основываясь на немъ, авторъ *Шэнъ-вуцзи* относитъ рожденіе *Айжинь-гіоро* къ послѣднимъ временамъ династій *Ляо* и *Гинь*, то есть, покрайней мѣрѣ, къ 1201 году, въ которомъ пала западная династія *Ляо*, а черезъ 33 года палъ и домъ *Гинь*.

При всемъ нашемъ уваженіи къ уму и глубокимъ историческимъ познаніямъ автора, мы, однакоже, сомнѣваемся, чтобы въ то время, когда еще существовала династія *Гинь*, въ самомъ центрѣ кореннныхъ ея владѣній, недалѣе какъ въ 200 ли отъ столицы, могло образоваться новое независимое поколѣніе и новый домъ; чтобы монголы, съ такою жестокостію сокрушившіе владычество *нюйчжэнэй*, предоставили племенамъ полную свободу—жить подъ властію собственнаго повелителя. Когда, по свидѣтельству *юаньской* географіи, въ предѣлахъ *Миньской* столицы жилъ монгольскій темникъ, когда въ нынѣшней *Нингуть* и *Одоли* были водворены монгольскіе гарнизоны и народъ, хотя по прежнему, въ частной своей жизни повиновался своимъ старшинамъ, по покинулъ города, скитался по селамъ, промышлялъ одною звѣриною охотою и не занимался торговлею: въ такое время немогло быть даже идеи объ образованіи какого-нибудь независимаго аймака. Все предположеніе утверждается только на средней пропорціи лѣтъ, которыхъ, если принять въ расчетъ только періодъ, протекшій отъ 1201—1559 годъ, придется болѣе 35 лѣтъ на каждаго изъ главныхъ представителей дома *Гіоро*—теорія, совершенно не приложимая къ жизни одной фамиліи. Такъ, начиная съ 1-го года правленія *Шунь-чжи*, 1644, по 25-й правленія Даогуана 1845, въ теченіи 200 лѣтъ на китайскомъ престолѣ смѣнилось

в) Vol. p. 235.

только пять государей; между тѣмъ при династіи *Минъ*, въ продолженіе такого же періода, съ 1368 года по 1568, царствовало 12 государей; при династіи *Юань*—9 въ теченіи 87 лѣтъ. Изъ таблицы поколѣній, предшествовавшихъ *Тай-цзу*, мы видимъ, что послѣ *Чжао-цзу* наслѣдовалъ его правнукъ, что самъ *Тай-цзу* былъ преемникомъ дѣда, и если припомнимъ сказаніе саги объ истребленіи фамиліи *Гіоро*, то всѣ эти данныя убѣдятъ насъ, что періодъ, прошедшій въ теченіе 10 родовъ, не могъ быть слишкомъ продолжительнымъ. Намъ кажется, что въ рѣшеніи нашего вопроса, лучше обратиться къ другому вѣроятному началу, къ теоріи о бракахъ.

Извѣстно, что, по китайскимъ и маньчжурскимъ законамъ, достигнувшій шестнадцатилѣтняго возраста считается уже совершеннолѣтнимъ; слѣдовательно уже можетъ принять на себя обязанности семейной жизни. Ранняя женитьба также обыкновенна между маньчжурами, какъ и между китайцами. Всѣ государи нынѣшней династіи вступали въ бракъ не позже 17 лѣтъ и каждый изъ нихъ считалъ обязанностью пріискать супругу для своего сына, когда исполнялись ему законныя лѣта. Что такой обычай существовалъ и въ Маньчжуріи, это доказываетъ *Чжао-цзу*, передавшій свою власть правнуку; фактъ, возможный только при раннихъ бракахъ. Итакъ, если предположить, что каждый изъ десяти представителей фамиліи *Гіоро* по крайней мѣрѣ на 20 лѣтнемъ возрастѣ былъ уже главою семейства и новаго поколѣнія; то періодъ, предшествовавшій *Тай-цзу*, будетъ заключаться въ предѣлахъ 200 лѣтъ, рожденіе *Айжинь-гіоро* относится къ концу *Юаньской* династіи, его явленіе въ *Одоли* къ началу *Миньскаго* дома. Допустимъ на время, что наше предположеніе близко къ истинѣ и продолжимъ изслѣдованіе.

Сага и всѣ маньчжурскіе историки единодушно утверждаютъ, что родоначальникъ нынѣшней династіи назывался *Айжинь-гіоро*. Нѣтъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы объяснить слово *Гіоро*, покрайней мѣрѣ очевидно, что *Айжинь* тождественно съ фамильнымъ прозваніемъ *Пойчжэньскаго* дома, царствовавшаго въ сѣверномъ Китаѣ съ 1115 по 1234 годъ подъ китайскимъ именемъ *Гинь* и подъ своимъ народнымъ, нынѣшнимъ маньчжурскимъ, названіемъ: *Айжинь*. Такое тождество двухъ династій въ мѣстѣ явленія и именахъ, даже съ перваго взгляда, не можетъ назваться

простою случайностью. Въ Китаѣ, Монголіи и Маньчжуріи свято хранятся родовыя прозванія и отъ самыхъ отдаленныхъ предковъ переходятъ неизмѣнными къ самымъ поздиѣйшимъ потомкамъ. Такое уваженіе къ фамиліи своего дома въ Китаѣ утверждается на религіозныхъ вѣрованіяхъ народа и желаніи каждаго доказать древность своего дома; въ остальныхъ же двухъ государствахъ на коренныхъ началахъ управленія. По свидѣтельству китайскихъ историковъ, въ Маньчжуріи всегда существовало одно право, право рода и дома; вся власть сосредоточивалась въ рукахъ старѣйшинъ; сами основатели домовъ *Бо-хай* и *Нюй-чжэнь* были наслѣдственными главами своихъ поколѣній. Итакъ, кто изъ людей, принадлежавшихъ къ господствующему дому, добровольно отказался бы отъ имени, съ которымъ сопряжены такія права? Мы знаемъ, что даже у *сушэней*, въ теченіе болѣе нежели тысячи лѣтъ, сохранялось преемство главныхъ родовъ *); что при началѣ дома *Гинь* родственники *Нюйчжэньскихъ* бэйлъ, въ отличіе отъ другихъ низшихъ родовъ, носили титулъ *Лань-цзюнь* (благородный господинъ) и самые знаменитые люди въ аймакѣ преклонялись предъ простымъ однофамильцемъ бэйлы. Сама Маньчжурская династія, воцарившись въ Китаѣ, почла священною обязанностью составить генеалогическія таблицы всѣхъ родовъ, вошедшихъ въ составъ 8 знаменъ; и, несмотря на то, что этотъ трудъ былъ совершенъ почти черезъ сто лѣтъ послѣ водворенія маньчжуръ въ Китаѣ, потомки самыхъ незначительныхъ фамилій могли сказать правительству, въ какихъ мѣстахъ жили ихъ предки, въ какое время признали надъ собою власть *Тай-цзу*. Итакъ, естественно заключить, что присоединеніе къ *Гіоро* слова *Айжинь* не было произвольною выдумкою или пустымъ украшеніемъ; что этотъ эпитетъ маньчжурскаго родопачальника указывалъ на его близкія отношенія къ дому *Гинь*, и здѣсь, можетъ быть, скрывается объясненіе той загадочной покорности, которую показали три фамиліи при имени *Айжинь-гіоро*. До какой степени основательны прежде сдѣланное нами предположеніе и настоящій выводъ,—мы докажемъ это историческими свидѣтельствами, которыя объяснятъ намъ и другія темныя мѣста саги.

---

*) См. Мань-чжу-юань-лю-као.

При концѣ *Миньской* династіи издана была одна историческая книга подъ названіемъ: *Бо-у-дянь-хой*, сочиненіе *Хуанъ-дао-чжоу*, человѣка весьма знаменитаго въ свое время .Авторъ преимущественно занимался событіями времепъ правленія *Вань-ли* съ 1583 по 1620 годъ; но такъ какъ съ этого же правленія начинаются и первыя дѣйствія Тай-цзу противъ Китая, то по этому случаю *Хуанъ-дао-чжоу* посвятилъ одну главу на изслѣдованіе о маньчжурской области *Цзянь-чжоу*. Къ сожалѣнію, это весьма важное сочиненіе въ настоящее время сдѣлалось такою рѣдкостью, что мы не могли имѣть его подъ руками и должны ограничиться только нѣсколькими отрывками, приведенными въ *Кайю-фанъ-лю*. Вотъ что говоритъ *Хуанъ-дао-чжоу*: «*Цзянь-чжоу*— другой аймакъ дома *Гинь*—при династіи *Юань* управлялся темникомъ; при нынѣшней былъ раздѣленъ на три части, на собственное *Цзянь-чжоу*, *Хай-си* и *Б-жэнь*; впрочемъ, не смотря на раздробленіе, *Цзянь-чжоу*, занимавшее самый центръ страны, господствовало надъ другими аймаками и было неприступно по своему положенію. Въ 1 годъ правленія *Юнъ-лэ*, 1403 года, старшина сейма *Б-жэнь* представлялся ко двору; въ слѣдъ за тѣмъ *Цзянь-чжоу* и *Хай-си* признали свою зависимость. Тогда они раздѣлены были болѣе нежели на двѣсти округовъ, подчиненныхъ одному коммисару; всѣ управлявшіе старшины, начиная съ *ду-ду* и нисходя до *чжэнь-фу*, получили отъ Китайскаго двора чины; вмѣстѣ съ симъ постановлено было, чтобы изъ *Цзянь-чжоу* и *Хай-си* ежегодно, въ 10-й лунѣ, доставлялась дань; такому правилу не подлежало одно *Б-жэнь*, для котораго, за отдаленностью мѣста, не назначено было срока. Въ началѣ правленія *Чжэнъ-тунъ*, 1436 года, семь фамилій аймака *Б-жэнь* убили, *Цзянь-чжоускаго ду-ду*; тогда младшій братъ и старшій сынъ убитаго бѣжали въ Корею, потеряли свои печати, а между тѣмъ второй сынъ наслѣдовалъ въ управленіи *Цзянь-чжоу*. По возвращеніи же старшаго сына, *Миньское* правительство отдѣлило отъ *Цзянь-чжоу* еще правый округъ, дало обоимъ братьямъ печати, повелѣвши каждому владѣть своимъ участкомъ.»—Какъ ни кратко сказаніе *Хуанъ-дао-чжоу*, но оно проливаетъ свѣтъ на сагу.

Мы уже выше замѣтили, что подъ именемъ *Цзянь-чжоу* разумѣются именно тѣ мѣста, гдѣ водворился *Лйжинь-гіоро*, и куда въ

послѣдствіи переселились его потомки, и что, слѣдовательно, родъ, господствовавшій въ *Цзянь-чжоу*, былъ собственно Маньчжурскій домъ; теперь, для устраненія всякихъ возраженій и сомнѣній, укажемъ на основанія, на которыхъ утверждается наше замѣчаніе. Въ книгѣ *Мань-чжу-юань-мю-као* говорится: «Первымъ мѣстомъ явленія настоящей династіи былъ городъ *Одоли*, или *Одо-лянь* у писателей династіи *Юань*, и *Одоли* или *Одолунь* у *Миньскихъ*; когда же Домъ нашъ утвердилъ свое владычество въ предѣлахъ *Во-хайскаго Цзянь-чжоу*—*Миньскіе* писатели дали нашему Государству новое названіе *Цзянь-чжоу.*» По свидѣтельству книги *Минъ-ци-бэйлю, Тай-цзу* въ бумагѣ, посланной имъ въ китайскій пограничный городъ *Цинъ-хэ* съ мирными предложеніями, придалъ себѣ титулъ *Хана* Государства *Цзянь-чжоу*. Наконецъ, что самъ *Хуанъ-дао-чжоу* подъ *Цзянь-чжоу* разумѣлъ собственно маньчжуръ, это доказывается тѣмъ, что въ дальнѣйшемъ разсказѣ своемъ онъ излагаетъ исторію *Цзинъ-цзу* и *Гай-цзу*. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что сага и *Хуанъ-дао-чжоу* говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ, и слѣдовательно мы имѣемъ право объяснять и повѣрять преданіе свидѣтельствомъ *Миньскаго* историка.

Если сличимъ оба свидѣтельства, то откроется:

1) что предки Маньчжурскаго дома были *Цзянь-чжоускіе ду-бу*. Что значило это достоинство и могли ли нѣсколько лицъ въ одно и тоже, время, въ одномъ и томъ же аймакѣ, пользоваться этимъ титуломъ? На оба эти вопроса исторія сохранила намъ весьма ясный отвѣтъ. Когда *Тай-цзу* потребовалъ у *Миньскаго* посланника выдачи *Никанъ-вайланя*, какъ главнаго виновника смерти *Цзинъ-цзу* и *Сянь-цзу*; то посланникъ сказалъ: «Наше правительство прислало тебѣ дипломъ на званіе *ду-ду*; если же и послѣ того, ты останешься еще недовольнымъ, то мы возведемъ въ Маньчжурскіе Государи *Никанъ-Вай-ланя*» значитъ *ду-ду* былъ главнымъ повелителемъ *Цзянь-чжоу* и слѣдовательно—тоже что у маньчжуръ *бэйлэ*. Изъ книги *Дунъ-хуа-лу* мы знаемъ, что не одинъ *Тай цзу*, но и *Синъ-цзу* и *Чжао-цзу* были *ду-ду*,—новое доказательство, что преданіе и *Хуанъ-дао-чжоу* говорятъ совершенно объ однихъ и тѣхъ же лицахъ.

2) Что *Айжинь-гіоро*, какъ глава и основатель аймака, не могъ существовать ранѣе правленія *Хунъ-ву*, между 1368 и 1398 годами,

потому что только съ началомъ *Минъской* династіи пало въ Маньчжуріи монгольское владычество и племена возвратили себѣ права древней аймачной жизни, управляясь своими родовыми старшинами и по коренным законамъ своей страны. *Ду-ду*, а слѣдовательно и всѣ владѣльцы, обязаны были своимъ значеніемъ и политическимъ существованіемъ только *Минъскому* двору, который рѣшился даровать имъ власть и утвердить ихъ права; такимъ образомъ всякое предположеніе, что *Айжинь-гіоро* водворился въ *Одоли* ранѣе паденія *Юаньской* династіи—будетъ или совершеннымъ анахронизмомъ, или должно ниспровергнуть всѣ свидѣтельства объ историческомъ существованіи основателя Маньчжурскаго Государства.

3) Три фамиліи, къ которымъ явился *Айжинь-гіоро*, должны быть фамиліи трехъ главныхъ аймаковъ Маньчжуріи, изъ которыхъ каждая хотѣла присвоить себѣ первенство, но съ появленіемъ *Айжинь-гіоро* признавшія его своимъ общимъ главою *). Такое объясненіе основывается на томъ, что -по словамъ саги—три фамиліи, признавшія Гіоро своимъ главою, составили собою подданныхъ новаго государя, слѣдовательно онѣ же и произвели возмущеніе, окончившееся истребленіемъ и изгнаніемъ воцарившагося дома, а по *Хуанъ-дао-чжоу—Цзянь-чжоускій ду-ду* погибъ въ аймакѣ *Ѣ-жэнь*. Такое ясное свидѣтельство прямо опредѣляетъ, какъ должно понимать темныя и общія выраженія саги, что же касается до мнѣнія, будто три фамиліи или *сань-синъ*, по маньчжурски *илань-хала*, составляли особенное маньчжурское поколѣніе и обитали, по мнѣнію Дюгальда а), Клапрота б), и Плата в), начиная почти отъ впаденія рѣки *Хурхи* въ *Сунари-ула* до сліянія послѣдней съ *Амуромъ*, то мы замѣтимъ, что поколѣніе *сань-синъ* существуетъ, скитается, переселяется съ сѣвера на югъ, отъ *Амура* къ *Нингутъ*, словомъ: совершаетъ всѣ необходимыя операціи, приличныя бродячимъ племенамъ —только въ европейскихъ описаніяхъ, исторіяхъ и картахъ Мань-

*) Нельзя думать, чтобы *Айжинь-гіоро* пользовался какими—нибудь большими правами, чѣмъ глава сейма; а исторія маньчжуръ представляетъ множество примѣровъ, что начальники сеймовъ были весьма ограничены въ своей власти.

а) Du Hald tom. IV pag. 16.

б) Chrest. viij

в) Völk. p. 234.

чжуріи. Въ поименномъ спискѣ племенъ г), вошедшихъ въ составъ маньчжурскаго народа, мы не встрѣчаемъ этого неизвѣстнаго поколѣнія; самый городъ *Сань-синъ* существуетъ весьма недавно, именно съ 54-го года правленія *Канъ-си*, 1715 года *).

4) Что возстановитель фамиліи *Гіоро* и есть тотъ старшій сынъ убитаго *ду-ду*, возвратившійся въ *Цзянь-чжоу*, о которомъ разсказываетъ *Хуанъ-дао-чжоу*. Противъ такого заключенія, безъ сомнѣнія, намъ возразятъ, что между словами саги и *Хуанъ-дао-чжоу* есть весьма рѣзкое разногласіе. Первая говоритъ, что изъ всей фамиліи *Гіоро* спасся только одинъ отрокъ и что не ранѣе, какъ уже послѣ нѣсколькихъ поколѣній, явился *Чжао-цзу* и возстановилъ права своего Дома; между тѣмъ какъ по словамъ китайскаго историка, сынъ *ду-ду* спасается не одинъ и есть непосредственный наслѣдникъ убитаго владѣльца. Мы скажемъ, преданіе оказало уже важную услугу, если въ немъ сохранилась хотя часть истины;— дѣло критики отсѣчь отъ него все ложное и чуждое, и немного нужно проницательности, чтобы видѣть, изъ какихъ источниковъ сага взяла свои сказанія. По словамъ ея, отрокъ бѣжитъ въ дикую степь; всю жизнь скрывается въ пустынѣ и между тѣмъ у пустынника является, неизвѣстно откуда, потомство, цѣлыя поколѣнія; люди, истребившіе фамилію *Гіоро*, давно сошли въ могилу; но правнукъ бѣглеца, родившійся и жившій въ степи, хорошо знаетъ своихъ наслѣдственныхъ враговъ; какимъ то чудомъ встрѣчаетъ ихъ за 1,500 ли отъ родины; владѣетъ непостижимыми средствами наказать потомковъ мятежниковъ, водвориться въ чуждомъ мѣстѣ и основать здѣсь государство. Сага не объясняетъ всѣхъ этихъ загадокъ: иначе *Тянь-минъ* (воля неба) превратилось бы въ повседневную исторію, въ обыкновенный случай; неговоритъ и о спасеніи другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ владѣтельному дому; тогда утратилось бы величіе картины, на которой рисуется одна таинственная фигура бѣглеца.

По свидѣтельству саги, отъ *Айжинь-гіоро* до переворота въ

г) Кому любопытно будетъ узнать имена этихъ племенъ, тотъ можетъ справиться въ обстоятельномъ описаніи маньчжурскаго народа въ примѣчаніи ст. 150 Klapr. Mem. tom, 1 pag. 288—Plath. p. 449.

*) См. Географію Маньчжуріи Шэнъ-цзи-тунъ- чжи 31 гл. 60 л.

судьбѣ его потомковъ прошло нѣсколько поколѣній, и отъ переворота до появленія *Чжао-цзу* также смѣнилось нѣсколко поколѣній. Итакъ, если, въ томъ и другомъ случаѣ, подъ неопредѣленнымъ выраженіемъ «*нѣсколько поколѣній*» разумѣть только четыре, то отъ *Айжинь-гіоро* до *Чжао-цзу* пройдетъ восемь; къ нимъ должно присоединить еще шесть историческихъ поколѣній, предшествовавшихъ Тай-цзу; слѣдовательно по преданію вся генеалогическая линія Маньчжурскаго дома до Тай-цзу будетъ заключаться въ 14 поколѣніяхъ: очевидное противорѣчіе историческому свидѣтельству книги Кайго-фанъ-лю. При томъ же точныя свѣдѣнія, какія Чжао-цзу имѣлъ о врагахъ своего дома, кровавый судъ надъ ними, не прямо ли намѣкаютъ на то, что изгнаніе и возстановленіе фамиліи Гіоро были событіями, весьма близко слѣдовавшими одно за другимъ; что вражда, одушевлявшая обѣ партіи, была еще свѣжа и могла угаснуть только въ крови противниковъ, и что, слѣдовательно, послѣднія «нѣсколько поколѣній» саги должны быть отсѣчены вмѣстѣ съ миѳомъ о чудной сорокѣ, спасающей Чжао-цзу. По Кайго-фанъ-лю, отъ основателя до возстановителя фамиліи Гіоро должно смѣниться только четыре поколѣнія. Хуанъ-дао-чжоу говоритъ, что Цзянь-чжоускій владѣлецъ былъ убитъ въ 1-й годъ правленія Чжэнь-тунъ (1136), то есть черезъ 67 лѣтъ послѣ воцаренія Миньской династіи; такимъ образомъ, и по Хуанъ-дао-чжоу, до Айжинь-гіоро не могло пройти болѣе двухъ родовъ— и 4-й послѣ него есть тотъ самый, при которомъ совершился переворотъ въ жизни Маньчжурскаго дома. Итакъ, тождество лицъ, какъ убитыхъ такъ и переселившихся, несомнѣнно. По маньчжурскимъ писателямъ, Чжао-цзу первый переселился въ Хэту-ала за 1,500 ли отъ древней резиденціи своего рода; и по Хуанъ-дао-чжоу*), возвратившійся старшій сынъ первый водворился въ новоучрежденномъ правомъ округѣ, слѣдовательно не тамъ, гдѣ жили его предки; между тѣмъ въ географіи Шэнъ-цзинъ-тунъ-чжи**) есть замѣчаніе, что Хэту-ала, гдѣ Чжао-цзу основалъ свою столицу,

*) *Хуанъ-дан-чжоу* говоритъ, что отъ лѣваго округа отдѣленъ былъ правый; значитъ: послѣдній и есть новообразовавшійся, между тѣмъ какъ первый представляется уже имѣющимъ повелителя.

**) См. гл. 100 листъ 1.

и есть то самое мѣсто, которое называлось правымъ округомъ Цзянь-чжоу. У маньчжурскихъ историковъ находимъ указаніе также и на то, что Цзянь-чжоу дѣлилось на двѣ части, на собственно Маньчжурскую, состоявшую изъ аймаковъ Суксуху, Хунь-хэ, Вангянь-донго и Чжэчэнь, и Чанъ-до-шаньскую—изъ аймаковъ Нэйѣнь и Ялу.

Съ опредѣленіемъ главныхъ пунктовъ саги, ея времени, мѣста и лицъ, легко рѣшается вопросъ и о томъ, кто былъ Айжинь-гіоро. По Хуанъ-дао-чжоу:—Цзянь-чжоу было аймакомъ Гиньской династіи, управлялось своимъ родовымъ ду-ду; итакъ, по наслѣдственному праву, коренному закону въ управленіи восточныхъ племенъ, родоначальникъ Маньчжурскаго дома, воцарившійся въ Цзянь-чжоу, долженъ принадлежать къ фамиліи Гиньской династіи. По сагѣ, Айжинь-гіоро явился къ тремъ фамиліямъ, какъ пришлецъ; итакъ, онъ долженъ быть потомкомъ Гиньскаго дома, возвратившимся въ отчизну послѣ кроваваго переворота, низвергнувшаго владычество Нюй-чжэней въ Китаѣ.

Мы знаемъ, что домъ Чингиса, не смотря на всѣ потрясенія и перемѣны въ своей судьбѣ, не утратилъ ни своего существованія, ни своей власти въ коренныхъ своихъ аймакахъ—и почти всѣ нынѣшніе ханы, князья и чжасаки Монголіи принадлежатъ къ обширной семьѣ великаго завоевателя. Потомки дома Сунъ, не смотря на ожесточеніе, съ которымъ преслѣдовали ихъ монголы, пережили паденіе своихъ непримиримыхъ враговъ, болѣе нежели двухъ сотълѣтнее существованіе Миньской династіи и, наконецъ, новое завоеваніе и опустошеніе Китая—уже маньчжурами. Ужели только многочисленной фамиліи дома Гинь суждено было безъ остатка погибнуть? Но нѣкоторые изъ родственниковъ этой фамиліи, еще до совершеннаго паденія Нюй-чжэней, принуждены были вступить въ монгольскую службу; другіе захвачены въ плѣнъ и уведены въ Монголію; даже двѣ супруги послѣдняго Гиньскаго Государя переселены были въ Хоринь: всѣ эти лица должны были избѣгнуть пораженія. Ужели съ изгнаніемъ монголовъ изъ Китая, когда враги Нюй-чжэней должны были заботиться только о своей безопасности, ни одинъ изъ плѣнниковъ не могъ бѣжать въ свою отчизну, также освободившуюся отъ ига?—87 лѣтъ, протекшихъ отъ начала дома Юань до

начала дома Минъ, періодъ весьма непродолжительный—и нельзя думать, чтобы въ такое короткое время потомки Гиньской династіи могли совершенно забыть о своемъ происхожденіи; чтобы маньчжурскія племена потеряли любовь и преданность къ дому, возвеличившему ихъ отечество, и съ радостью не приняли спасшуюся отрасль своихъ природныхъ и законныхъ повелителей; а имя маньчжурскаго родоначальника, время, мѣсто и обстоятельства его появленія прямо говорятъ, что Айжинь гіоро былъ—спасшійся потомокъ династіи Гинь.

Возраженія, какія обыкновенно дѣлаются противъ такого заключенія, главнымъ образомъ опираются на письмѣ Тай-цзуна къ Цзу-дошоу, защищающему Далинъ-хэ. Начавши свое письмо исчисленіемъ, сколько разъ маньчжуры предлагали Китаю заключить взаимный договоръ, Тай-цзунъ продолжаетъ: «Ваше правительство руководится въ своей политикѣ событіями Сунской династіи и не шлетъ къ намъ отвѣта. Но Минскій домъ не родня Тунскому, а я не родственныхъ династіи Гинь. То было время, а нынѣ другое!»*) Смыслъ этихъ словъ весьма простъ и ясенъ, болѣе дипломатическій, чѣмъ генеалогическій. Сунскій Императоръ, правленія Сюань-хэ, въ 1120 году заключилъ договоръ съ Нюй-чжэнями, по которому Китай обязался платить имъ ежегодную дань, съ тѣмъ условіемъ, чтобы нюй-чжэни соединились съ Имперіею для выручки всѣхъ сѣверныхъ областей Китая, захваченныхъ домомъ Ляо. Но, при исполненіи плана, китайскія войска бѣжали съ позоромъ. Агуда, владѣтель Нюй-чжэньскій, безъ всякой помощи своихъ союзниковъ, изгналъ киданей за предѣлы Великой Стѣны; тогда, утверждаясь на правѣ завоеванія, онъ отказался возвратить имперіи отнятыя области и этотъ поступокъ, весьма естественный со стороны побѣдителей, былъ началомъ непримиримой ненависти между тѣмъ и другимъ дворомъ. Китайскій Императоръ упрекалъ нюй-чжэней въ вѣроломномъ присвоеніи чужой собственности, а китайская исторія обвинила своего повелителя въ излишней довѣрчивости къ варварамъ. Въ исторіи Тунъ-цзянь-ганъ-му,

*). См. Кайго-фанъ-лю. 15. гл.

послѣ разсказа о союзѣ, который былъ заключенъ Сунскимъ дворомъ съ монголами уже противъ нюй-чжэней, сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: «Договоръ, заключенный въ правленіе Сюань-хэ, уже долженъ былъ показать правительству, сколь вѣроломны варвары и сколь опасно съ ними сближаться, но, не смотря на то, дворъ рѣшился на новый трактатъ и военный союзъ.» Этимъ урокомъ воспользовался Миньскій домъ, видѣвшій въ маньчжурахъ и Ханѣ новыхъ нюй-чжэней и агуду. На всѣ дружескія предложенія сосѣдняго двора Китай отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ и Тай-цзунъ, чтобы разрушить непріязненное предубѣжденіе Имперіи, устранить всякое воспоминаніе о давней враждѣ двухъ правительствъ, долженъ былъ сказать: «Домъ Миньскій не родня Сунскому, а я не родственникъ Гинь. То было время, а нынѣ другое!»

Послѣ такого замѣчанія, мы считаемъ излишними всякія объясненія о томъ, какъ должно понимать слова Тай-цзуна, тѣмъ болѣе, что ни Китай не повѣрилъ такому простодушному признанію Хана, ни сами маньчжуры, въ рѣшеніи вопроса о своемъ происхожденіи, совершенно не думали отречься отъ родства съ нюй-чжэнями. Императоръ правленія Цянь-лунъ, царствовавшій съ 1736 по 1795 годъ, въ повелѣніи своемъ объ изданіи Маньчжу-юань-лю-као говоритъ: «Основатель дома Гинь происходилъ изъ аймака Вангянь, занимавшаго собою земли отъ горы Чанъ-бо-шань до рѣки Амура; наша династія получила свое начало въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ явился домъ Гинь,—и весьма ограниченъ взглядъ тѣхъ людей которые, изъ чрезмѣрнаго уваженія къ нашей династіи, говорятъ: хотя оба дома возникли на востокѣ, однакоже не принадлежатъ къ одному и тому же роду. Уже то, что нашъ домъ получилъ себѣ фамилію Айжинь-гіоро, а династія Гинь называлась Айжинь, служитъ доказательствомъ, что мы одного и того же происхожденія съ династіею Гинь.»— Въ подтвержденіе же того, что оба дома были не родственными только фамиліями, но что одинъ изъ нихъ былъ родоначальникомъ другого—мы приведемъ два положительныя и ясныя свидѣтельства, которыя считаемъ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса. Цзи-люци, еще въ 10 году правленія Канъ-си, въ 1671 году, написав-

шій исторію сѣвернаго Китая при концѣ Миньской династіи, начинаетъ свое сказаніе словами: «44-й годъ правленія Ваньли, 1616, есть первый правленія Тянь-минъ Дайцинской династіи— время, съ котораго Маньчжурія стала признавать Китай только южнымъ дворомъ, Тайцзу началъ носить желтое платье и говорить о себѣ Чжэнь: Мы. Впрочемъ династія, еще по-прежнему, называлась Хоу-гинь и уже въ послѣдствіи она перемѣнила это имя на Дай-цинъ.» Другое свидѣтельство мы находимъ у Сапаньсэцэна, который, приступая къ изложенію дѣлъ нынѣшней династіи Китая, говоритъ: «около того времени родился Багадурътайцзу, потомокъ древняго Маньчжурскаго Алтанъ-Хана»...

Итакъ, мы имѣемъ полное право сказать, что Айжинь-гіоро былъ одинъ изъ потомковъ династіи Гинь, и что Маньчжурскій домъ есть только возрожденіе и продолженіе Нюй-чжэньскаго.

Рѣшеніе перваго вопроса уже само собою опредѣляетъ, какъ должны мы смотрѣть и на происхожденіе слова Мань-чжу. Если Айжинь-гіоро былъ основателемъ Маньчжурскаго дома и Государства, то всего естественнѣе думать, что отъ него же получило свое начало и названіе Маньчжу. Но такъ какъ сага не объясняетъ намъ значенія этого слова, а мнѣнія оріенталистовъ, занимавшихся настоящею задачею, весьма разногласны между собою; то мы снова должны итти путемъ критики и изслѣдованій, чтобы приблизиться къ истинѣ и разгадкѣ. Впрочемъ мы не будемъ говорить ни о городѣ Маньчжу, а) ни о Мань-чжу-Ханѣ, б) ни о Махачудри; в) всѣ эти гипотезы, основанныя на родной этимологіи, погибли при самомъ своемъ рожденіи и даже не пережили славы своихъ авторовъ. Болѣе заслуживаютъ вниманія и разбора мнѣнія двухъ знаменитыхъ оріенталистовъ, Клапрота и Шмидта, которыя носятъ на себѣ характеръ видимой вѣроятности и истины.

Клапротъ, г) въ своемъ разсужденіи о языкѣ и письмѣ уйгуровъ, говоритъ: «Айжинь-гіоро, поселившись въ городѣ Одоли, расположенномъ въ степи Омохой, на восточной сторонѣ горы

а) Atlas Sin. preff. p. 19.

б) Bentink. p. 50.

в) Lang. Alph. Man. p. 5.

г) См. Ab. Remus. Rech. I. 1. p. 19.

Чанъ-бо-шань, далъ всей этой окрестности почетное китайское названіе: Маньчжу, Маньчжоу, то есть «населенная страна;» въ подтвержденіе такого толкованія, Клапротъ ссылается на книгу Па-ци-тунъ-чжи, въ которой, будто бы, находится такое объясненіе. Когда Абель Ремюза, въ Recherches sur les langues, Tartares, представилъ свои возраженія противъ иностраннаго происхожденія слова Маньчжу и прямо замѣтилъ, что объясненіе Па-ци-тунъ-чжи, должно относиться къ китайскимъ знакамъ Маньчжоу, которые, по его мнѣнію, только звукоподражаніе коренному Мань-чжу, утратившему для насъ свое первоначальное значеніе.» Клапротъ, въ своей Chrestomatie Mandchou, повторилъ свою гипотезу уже съ слѣдующимъ объясненіемъ: «Айжинь-гіоро, избранный тремя фамиліями и другими племенами въ повелители, далъ новому народу, соединившемуся подъ его державою, имя Маньчжоу 滿洲, или лучше Мань-чжу. Значеніе его неизвѣстно. Если судить по китайскимъ знакамъ, оно означаетъ весьма населенную провинцію, и вѣроятно это слово китайскаго происхожденія; потому что татарскія орды нѣкогда любили присвоять себѣ названія, приходившія къ нимъ изъ Китая, страны, всегда славившейся просвѣщеніемъ.

Итакъ, главное основаніе гипотезы г. Клапрота—свидѣтельство Па-ци-тунъ-чжи; но во всемъ этомъ обширномъ твореніи, заключающемъ въ себѣ 250 главъ, нѣтъ и намека на китайское происхожденіе слова Мань-чжу. Откуда же г. Клапротъ почерпнулъ и свою гипотезу, и свое свидѣтельство? Изъ Па-ци-тунъ-чжи, но не въ ея оригиналѣ, а въ русскомъ переводѣ Леонтьева и Россохина, изданномъ еще въ 1784 году, подъ названіемъ: Обстоятельное описаніе происхожденія и состоянія маньчжурскаго народа и войска.

Въ примѣчаніяхъ, которыми переводчики дополнили свой трудъ, подъ словомъ Одоли мы находимъ слѣдующее предположеніе Россохина о происхожденіи слова Мань-чжу: «Праотецъ Маньчжурскихъ Хановъ, усмиривъ мятежъ между тремя фамиліями, первое владѣнію своему положилъ основаніе и со всѣми своими сообщниками назвался Мань-чжу; а что сіе слово Мань-чжу значитъ, того нигдѣ, ни въ маньчжурскихъ, ни въ китайскихъ книгахъ не

истолковано; но ежели толковать его по китайскимъ характерамъ, то знаменуетъ: наполнены страны свѣта. А понеже сіи слова не токмо не свойственны маньчжурскому языку, но и ни какого на ихъ языкѣ не можно произвесть знаменованія; то не безъ основанія думать должно что Мань-чжу выдумано отъ тѣхъ китайцевъ, коихъ, первые владѣльцы маньчжурскіе привлекли обманами на свою сторону, тѣмъ больше, что страна Ляо-дунъ изъ древнѣйшихъ лѣтъ наполнена китайцами, да и обычай при основаніи новаго правительства или царства давать титулъ своему владѣнію—есть самый древній, китайскій, и проч».

Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что Клапротъ принялъ догадку русскаго автора за маньчжурскій текстъ и давнее, чужое мнѣніе о томъ, какъ татарскія орды любили украшаться титулами и именами, приходившими къ нимъ изъ китая, приписалъ себѣ. Если династіи Ляо, Гинь, Юань и приняли китайскіе титулы, то уже тогда, когда стали простирать свои виды на Китайскую Имперію, и, сверхъ того, они сами нарекали себѣ почетныя имена, а не получали ихъ отъ Китая. Не думаемъ, чтобы Айжинь-гіоро «давшій своему народу имя Мань-чжоу»—уже хотѣлъ спорить съ сыномъ неба о владычествѣ надъ Поднебесною, и рѣшительно отвергаемъ мысль, чтобы Китай самъ далъ названіе маньчжурамъ потому, что этой догадки нельзя подтвердить никакимъ историческимъ свидѣтельствомъ, между тѣмъ какъ она противорѣчитъ другимъ, яснымъ указаніямъ на происхожденіе слова Мань-чжу. Впрочемъ, гипотеза въ томъ видѣ, въ какомъ она находится у русскаго автора, хотя и не опирается ни на какой несомнѣнной цитатѣ, однако же такъ вѣроподобна въ своей основной идеѣ, и такъ близка къ исторіи, что мы остановились бы на такомъ рѣшеніи, еслибы вопросъ нашъ принадлежалъ къ числу задачъ, для которыхъ существуютъ только одинѣ догадки.

Совершенно въ другую страну переноситъ насъ предположеніе Шмидта, который еще въ своихъ Forschungen задалъ вопросъ: «не происходитъ ли слово Мань-чжу отъ санскритскаго слова Мань-чжушри и слѣдовательно не буддизмъ ли былъ источникомъ, откуда нынѣшніе повелители Китая заняли свое названіе?....» Въ самомъ дѣлѣ, изъ свидѣтельства книгъ Вай-фань-вань-гунъ-бяо-чжуань мы знаемъ, что въ 7-мъ году Чунъ-дэ (1642) Далай-

лама, Ваньчэнь-эрдэни, Цзанба и Гуши-Ханъ отправили въ Мукденъ общее посольство, для поднесенія Маньчжурскому Хану дани и адреса съ титуломъ Маньчжушри-да-хуань-ди. Сочинители книгъ: Кайго-фань-лю и Маньчжу-юань-лю-као замѣчаютъ, что того времени тибетцы, во всѣхъ поздравительныхъ докладахъ, ежегодно присылаемыхъ ко двору, по нынѣ придаютъ Китайскому Императору титулъ, поднесенный Тай-цзуну. Самъ Гао-цзунъ въ своемъ стихотвореніи, гдѣ воспѣваетъ онъ начало Маньчжурскаго дома, говоритъ: «На востокѣ явился Маньчжушри-да-хуанъ-ди,» и въ маньчжурскомъ переводѣ буддійской книги, подъ названіемъ: «42 главы изреченій Будды», сказано, что переводъ сдѣланъ по повелѣнію Маньчжушри-хуанъ-ди. Итакъ, не справедливо ли заключеніе, что маньчжуры обязаны своимъ именемъ буддизму и санскритскому языку? Отвѣчаемъ— нѣтъ!

По всѣмъ китайскимъ извѣстіямъ, самыя первыя сношенія Тибета съ Маньчжуріею начинаются только съ 1637 года; между тѣмъ въ бумагахъ грамотахъ и актахъ, дошедшихъ до насъ еще отъ временъ Тай-цзу, мы уже встрѣчаемъ названія: Маньчжурское Государство, маньчжурскій народъ, маньчжурскій языкъ. Намъ скажутъ, что мы знаемъ эти памятники не въ оригинальномъ ихъ видѣ, но въ позднѣйшихъ изданіяхъ правительства, и кто поручится, что встрѣчающееся въ нихъ слово Маньчжу не новѣйшаго происхожденія?... Но можно ли допустить, чтобы народъ, образовавшій уже государство, называвшій своихъ повелителей Императорами, создавшій себѣ письменность, былъ скопищемъ бродягъ, неимѣвшихъ даже общаго имени? Тай-цзу, въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ Монголо-Чахарскому Хану, жалуется, что Ханъ назвалъ себя Государемъ 400,000 монголовъ а ему даетъ титулъ повелителя только 30,000 прибрежныхъ маньчжуръ,—доказательство, что слово Маньчжу было извѣстно и монголамъ. Съ другой стороны, если допустить, что Маньчжу-юань-лю-као и Кайго-фанъ-лю, разсказомъ своимъ о поднесеніи тибетцами титула Маньчжу-шри, указываютъ на источникъ, откуда образовалось имя народа маньчжу; то какъ объяснить противорѣчащее свидѣтельство сихъ обоихъ сочиненій о томъ, что Айжинь-Гіоро далъ государству имя Маньчжу? Обратимся къ текстамъ, чтобы рѣшить всѣ недоумѣнія.

Въ Мань-чжу-юань-лю-као говорится: «Айжинь-гіоро, поселившись въ Одоли, далъ государству названіе Мань-чжу— вотъ самое первое начало нашего дома. Изслѣдывая наши письменные памятники, мы видимъ, что *Мань-чжу* 滿洲 первоначально писалось китайскими знаками 滿珠 ,которые оба читаются подъ равнымъ удареніемъ. Когда наша династія озарила своею славою востокъ, тибетцы въ ежегодныхъ докладахъ своихъ стали употреблять титулъ: Мань-чжу-шри-да-хуанъ-ди».—Въ Фанъ-и-минъ-и-цзи говорится: «*Мань-чжу* 曼珠 значитъ благовѣщій. Маньчжу-шири 曼珠師利大皇帝 пишется еще и 曼殊室利大敎王. Въ буддійскихъ каноническихъ книгахъ есть изреченіе: Учителемъ Шакь-ямуни былъ Будда Вайрочана, а учителемъ Вайрочаны былъ *Да-шэнъ-маньчжушири* 大聖曼室利殊.—

Въ томъ и другомъ начертаніи знаки 珠 и 殊 室 и 師, имѣютъ одинаковое произношеніе (первые читаются чжу, послѣдніе ши). Вотъ истинный источникъ, откуда въ то время заняли великій титулъ».

Свидѣтельство Мань-чжу-юань-лю-као ясно опредѣляетъ точку воззрѣнія на предметъ, то есть не должно смѣшивать два совершенно различныхъ и разновременныхъ факта: начало имени народа или Государства Маньчжу, и происхожденіе новаго титула Маньчжурскихъ Императоровъ. Маньчжу, какъ имя Государства, прежде писалось 滿珠 нынѣ 滿洲, а какъ титутъ Императорскій 曼珠 первое получило начало отъ Айжинь-гіоро; второе занято у тибетцевъ, которые, въ свою очередь, взяли его изъ буддизма, съ имени Маньчжу-шри 𑖨𑖽𑖝𑖿𑖨𑖾𑖪𑖽. Въ Кай-го-фанъ-лю мы находимъ и объясніе, почему тибетцы придали Китайскимъ Императорамъ такой титулъ: потому, говоритъ она, что Мань-чжу-ши-ри—созвучно съ Мань-чжу-сэрэ; такимъ образомъ, какъ говорится въ Ванъ-гунъ-бяо-чжуань, если смотрѣть на смыслъ слова, то оно будетъ значить Бодисатву-маньчжушри, если же только на звуки и соединить ихъ между собою, то будетъ только Маньчжу-сэрэ, то есть Маньчжурскій *) Императоръ. Очевидно, что весь этотъ ти-

*) Что маньчжурское слово *сэрэ* въ настоящемъ случаѣ имѣетъ только одно значеніе, именно замѣняетъ для несклоняемаго слова *маньчжу* членъ родительнаго падежа и такимъ образомъ сообщаетъ ему качество прилагательнаго, это доказывается тѣмъ, что въ китайскомъ языкѣ слово *сэрэ* замѣнено частицею.

тулъ—остроумная игра словъ, которою тибетцы съ одной стороны льстили Императору, величая его именемъ Бодисатва, признаваемаго олицетвореніемъ мудрости Будды; съ другой придавали ему самое обыкновенное и простое имя.

Откуда же произошло названіе народа маньчжу?—Въ Маньчжу-юань-лю-као говорится: Маньчжу не есть названіе какой нибудь страны, но аймака, и нынѣшнее начертаніе этого слова 滿洲 *манъ-чжоу* неправильно, именно потому, что 洲 чжоу заключаетъ въ себѣ идею мѣста. Итакъ, гипотеза о происхожденіи слова маньчжу 滿洲 отъ *манъ-чжоу* 滿洲 падаетъ сама собою. Если же Маньчжу есть имя аймака, а аймаки, какъ извѣстно, большею частію получаютъ себѣ названія отъ главныхъ родовъ, которые, въ свою очередь, удерживаютъ за собою имя, фамилію или даже прозвища своихъ основателей; то естественно думать, что подобнымъ же образомъ явилось и имя Маньчжу. Дѣйствительно, Гао-цзунъ говоритъ, что въ первыя времена его династіи подданные или подвластные не назывались маньчжу, а чжушэнь (рабами), и уже въ послѣдствіи даровано было имъ раво именоваться маньчжу; такимъ образомъ, наше предположеніе оправдалось симъ историческимъ свидѣтельствомъ Императора правленія Цянь-лунъ, котораго слова ведутъ къ прямому заключенію, что Маньчжу—первоначально было только именемъ господствовавшаго рода, и слѣдовательно аймакъ и государство получили себѣ такое названіе именно потому, что основатель усилившейся фамиліи самъ носилъ прозваніе Маньчжу. Но, спрашивается: существовало ли это имя прежде явленія Айжинь-гіоро, и почему онъ, кромѣ извѣстныхъ намъ его фамиліи и имени, назывался еще и Маньчжу?—объяснить эти оба вопроса, отъ которыхъ зависитъ и рѣшеніе нашей задачи,—по нашему мнѣнію, можно только изъ лѣтописей Кореи и Китая, двухъ Государствъ, которыя непосредственно могли и даже должны были наблюдать за жизнію сосѣднихъ съ ними племенъ. Корейская исторія—еще зарытый кладъ, и ея богатства не извѣстны; а у китайскихъ писателей мы находимъ слѣдующія извѣстія. У поколѣнія Мохэ, говорится въ исторіи Бэй-ши, главный правитель называется Да-мо-фу-мань-чу; у южныхъ Ши-вэй, замѣчаетъ Ма-дуань-линь, онъ называется Мо-бу-мань-чу и значитъ тоже, что

чжанъ 長 (старшина, глава аймака или рода). Тотъ же авторъ сообщаетъ, что у сѣверныхъ ши-вэй глава аймака носитъ титулъ Цишпь-мо-хэ-чу; въ описаніи же поколѣнія улохоу, Ма-дуань-линь прибавляетъ, что въ немъ есть наслѣдственные Мо-фу.

Если о всѣхъ этихъ названіяхъ будемъ судить только на основаніи тѣхъ авторовъ, у которыхъ мы нашли ихъ; то увидимъ: во 1) что эти имена древнія, такъ напримѣръ названіе да-мо-фу-маньчу еще въ V и VI вѣкахъ было имъ извѣстно; во 2) общія, потому что мохэ и шивэй, у которыхъ мы встрѣчаемъ эти названія, обнимали собою самыя многочисленныя и могущественныя племена Маньчжуріи; въ 3) заключаютъ въ себѣ идею власти, потому что означаютъ или главу аймака, или стрѣйшину.

Если же обратимъ вниманіе на самый составъ имени, то увидимъ: 1) что въ словахъ да-мо-фу-маньчу находятся почти всѣ элементы трехъ послѣдующихъ названій, хотя одно изъ нихъ, мо-хэ-чу, весьма много пострадало отъ китайскихъ писателей; 2) что да есть маньчжурское 大 и значитъ главный, старшій; мофу 爸 маньчжурское мафа дѣдъ, предокъ; маньчу тождественно съ маньчжу. - Совершенно согласно съ нашимъ толкованіемъ говорится въ книгѣ Маньчжуюань-лю-као, въ замѣчаніи на свидѣтельство исторіи Бэй-ши, «На нашемъ языкѣ (то есть маньчжурскомъ)-(говоритъ она) высшій или старшій называются да или сакда-мафа, когда говорится въ почтительномъ тонѣ (въ смыслѣ господинъ); такимъ образомъ да-мо-фу будетъ ни- что иное, какъ да-мафа; что же касается до маньчу, то оно сходно съ маньчжу».

Что значило маньчу, это объясняется изъ текста исторіи Бэй-ши, которая да-мо-фу-маньчу переводитъ словомъ: главный начальникъ. По объясненному нами смыслу словъ да-мафа, и по свойству маньчжурскаго языка, въ которомъ предикаты, будутъ ли они выражены именемъ прилагательнымъ или формою родительнаго падежа, предшествуютъ имени, къ которому они относятся, уже можно видѣть, что выраженіе китайскаго писателя «главный» должно соотвѣтствовать, словамъ да-мо-фу, и что слѣдовательно маньчу значило - начальникъ. Точно такой же смыслъ имѣло и слово маньчжу, какъ это видно изъ свидѣтельства Гао-цзуна, Государя правленія Цзянь-луня, который противоставитъ имени Маньчжу—названіе чжушэнь рабъ;

такимъ образомъ становится яснымъ, почему Айжинь-гіоро носилъ титулъ Маньчжу, отъ котораго получилъ себѣ имя народъ нынѣ господствующій въ Китаѣ, и который въ V и VI вѣкахъ былъ уже извѣстенъ Китаю.

Итакъ, на основаніи вышеприведенныхъ свидѣтельствъ китайской исторіи, мы въ правѣ заключить: 1) что нынѣ царствующая въ Китаѣ Маньчжурская династія происходитъ отъ потомковъ Нюйчжэньскаго, дома въ XII и XIII вѣкахъ христіанской эры, владѣвшаго сѣвернымъ Китаемъ подъ именемъ династіи Айжинь, по-китайски Гинь, и 2) что господствующій нынѣ въ Китаѣ маньчжурскій народъ получилъ свое имя отъ титула, который съ давнихъ временъ принадлежалъ владѣтелямъ страны, нынѣ называемой Маньчжуріею.

ИСТОРИЧЕСКО ОБОЗРѢНІЕ

НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ КИТАЯ.

Изумительпа многочисленность китайскаго парода, въ теченіе столькихъ вѣковъ имѣвшаго важное политическое значеніе и теперь еще имѣющаго вліяніе на міръ. Сличая цыфру поверхности земли, на которой гнѣздится, подобно муравейнику, это племя, оградившее мнимую свою безопаспость Великою Стѣною, съ данными цыфрами числа обитателей, невольно изумляешься множеству послѣдпихъ. Чувство это тѣмъ болѣе доступно, если принять во вниманіе и сильныя препятствія, долженствовавшія полагать неодолимую преграду быстрому умноженію народной массы. Нельзя сказать, что страна, занимаемая симъ народомъ, въ физическомъ отношеніи имѣетъ важные недостатки сравнительно съ другими: безплодіе почвы, вредный климатъ и тому подобные. Но извѣстно всякому просвѣщенному мыслителю, что народъ, въ общей сложности, множится только при достаточныхъ средствахъ къ существованію и упроченію благосостоянія, что средства народнаго продовольствія главнымъ образомъ зависятъ отъ производительности земли, которая и при самыхъ большихъ успѣхахъ наукъ и промышленности, помогающихъ человѣку извлекать большія выгоды изъ нея, наконецъ имѣетъ предѣлъ, за который ничто не можетъ ее подвинуть; что торговля и произведенія искусствъ могутъ только на время замѣнить произведенія земли, и не въ силахъ отвратить недостатокъ продовольствія и нищету, коль скоро послѣдуетъ быстрое умноженіе народонаселенія, находящагося въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ. Между тѣмъ въ Китаѣ, несмотря на то, что всякій клочекъ земли, намѣстахъ неприступныхъ и повидимому неудобныхъ, давно уже трудолюбіемъ и нуждою жителей распаханъ и доставляетъ имъ средства жизни,—количество способной къ обработыванію земли, при ограниченномъ географическомъ пространствѣ, во всѣхъ направленіяхъ перерѣзанномъ хребтами горъ, слишкомъ несоразмѣрно съ количествомъ народонаселенія. По этой

причинѣ,—хотя милліоны рукъ снискиваютъ себѣ средства жизни добываніемъ предметовъ необходимости и роскоши: металловъ, каменнаго угля, чая и прочаго; хотя внутренняя торговля (отчасти и внѣшняя) сего государства развита до крайнихъ предѣловъ,—бѣдность и нищета, при всеобщей наклонности къ воздержности, въ ужасномъ видѣ тяготѣютъ надъ симъ государствомъ. Но при такой нищетѣ, при всей несоразмѣрности пространства годныхъ для хлѣбопашества земель съ чрезмѣрнымъ множествомъ обитателей,—съ каждымъ днемъ масса народа умножается и возрастаетъ въ своемъ числѣ.

Европеецъ, посѣтившій приморскіе города Китая, всегда изумлялся многолюдству оныхъ. Впечатлѣніе это перешло въ Европу и любопытные изслѣдователи желали рѣшить и съ точностью опредѣлить: до чего простирается весь итогъ китайскаго народонаселенія; но, при всѣхъ усиліяхъ и стараніи ихъ, рѣшеніе сего вопроса всегда было неудовлетворительно. Одни, къ которымъ принадлежатъ всѣ путешественники, ошибались потому, что за источникъ для своихъ извѣстій принимали мутную воду—разсказы маклеровъ, факторовъ и толмачей—людей, съ которыми только они и могли свести дружбу и знакомство въ приморскихъ городахъ Китая; но это люди, при своемъ невѣжествѣ и необразованности (даже китайской), больше думаютъ о томъ, какъ-бы лучше нажиться отъ любопытныхъ европейскихъ посѣтителей, чѣмъ о народонаселеніи своего отечества, тѣмъ болѣе, что этимъ вопросомъ и въ самомъ Китаѣ мало занимаются даже ученые труженики. Другіе въ рѣшеніи сего вопроса не имѣли успѣха потому, что могли пріобрѣсти или только часть оффиціальныхъ документовъ, или таблицы народонаселенія только въ извѣстную эпоху и на основаніи ихъ дѣлали выкладки по началамъ и правиламъ науки, образовавшейся въ Европѣ изъ быта и состоянія только новыхъ европейскихъ государствъ. Безъ сомнѣнія успѣхъ ихъ былъ бы вѣрнѣе, если бы они имѣли подъ руками лучшихъ китайскихъ авторовъ и полные оффиціальные документы.

Во Франціи г. Біо основательно занялся было этимъ предметомъ; по превосходному китайскому сочиненію: Вынь-сянь-тунъ-као представилъ ходъ народонаселенія Китая съ древнихъ временъ до начала нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи Цинъ. Къ со-

жалѣнію, краткость и неполность въ текстѣ китайскаго автора, недостаточныя знанія переводчика въ китайскомъ языкѣ и литературѣ, и неимѣніе другихъ китайскихъ сочиненій, особенно о временахъ послѣ XIII вѣка, поставляли г. Біо въ затрудненіе на каждой строкѣ и привели его къ ложному заключенію, будто въ означенномъ сочиненіи предложены итоги только податныхъ душъ, а не всего народонаселенія и отъ того онъ, сбившись на первомъ шагу, надѣлалъ своихъ расчисленій и выкладокъ, и по нимъ населилъ Китай. Впрочемъ изслѣдованіе его, не смотря на ошибочность заключенія, которую я покажу въ своемъ мѣстѣ, заслуживаетъ вниманія. Оно основано на лучшемъ сочиненіи китайскаго автора, пользовавшагося, для собранія свѣдѣній, государственною исторіею своего отечества. Притомъ и самый планъ, заимствованный г. Біо у китайскаго писателя, есть самый лучшій, потому что, при историческомъ обозрѣніи народонаселенія Китая, лѣтописи протекшихъ вѣковъ ясно покажутъ намъ, что и въ древнія времена населенность Китая была гораздо значительнѣе, чѣмъ другихъ народовъ въ первые періоды гражданственности, что настоящее состояніе его имѣло зародышъ въ прошедшемъ; покажутъ намъ, до какой степени числа нынѣшняго народонаселенія имѣютъ силу достовѣрности. Съ такою цѣлью и мы, по примѣру китайскихъ писателей, предприняли исторически обозрѣть ходъ народонаселенія Китая, показать его численность во всѣ вѣка, возрастаніе и упадокъ и причины такого обратнаго отношенія *).

Мы намѣрены обозрѣть народонаселеніе Китая, страны, которая съ сѣверовостока, сѣвера и частію сѣверозапада ограждена Великою Стѣною, съ востока и юга омывается моремъ, а съ запада замыкается

*) Источники, которые послужили основаніемъ сей статьи суть:

1, Нянь-сань-ши 23 исторіи династій, царствовавшихъ въ Китаѣ.

2, Вынь-сянь-тунъ-као, сочиненіе знаменитаго китайскаго писателя XIII вѣка, *Ма-дуань-линя*.

3, Сюй-вынь-сянь-тунъ-као, продолженіе того же сочиненія ученымъ комитетомъ при настоящей *Цинъ-ской* династіи, доведенное до конца *Минъ-ской* династіи.

4, Хуанъ-чао-вынь-сянь-тунъ-као. Дальнѣйшее продолженіе того же сочиненія, касающееся временъ и исторія настоящей династіи.

5, Тунь дянь, сочиненіе *Ду ю* автора IX вѣка съ подобными же двумя продолженіями онаго.

6, Хуанъ-чао-цзинь-ли-вынь-дянь. Собраніе трактатовъ объ разныхъ предметахъ, писанныхъ учеными и государственными людьми при настоящей Манъчжурской династіи.

Примѣчаніе. Сочиненія сіи послужили источниками и для статьи о поземельной собственности въ Китаѣ.

Индѣйскими и Тангутскими племенами, то есть оканчивается губерніями Сы-чуань, Юнь-нань и Гуанъ-си. Безъ сомнѣнія страна сія не всегда была въ такихъ обширныхъ предѣлахъ, особенно въ первыя времена основанія государства и развитія благоустройства его; но исторически извѣстно, что по крайней мѣрѣ за 200 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. страна эта составляла уже одно могущественное государство, котораго предѣлы не очень многимъ разнились съ послѣдующимъ, собственно называемымъ Китаемъ. Династіи: Ханъ, Суй, Танъ, Юань, Минъ, въ царствованіе которыхъ Китай былъ въ самыхъ обширныхъ предѣлахъ, владѣли почти такимъ же пространствомъ земли внутри Великой Стѣны, какое находится и при настоящей династіи Цинъ.

Подобное показаніе границъ Китая, при разныхъ династіяхъ и въ различные періоды повело бы насъ въ слишкомъ долгія отступленія отъ избраннаго нами предмета, между тѣмъ какъ опущеніе этого не можетъ произвести особеннаго вліянія на повышеніе и пониженіе итоговъ народонаселенія, потому что западныя области нынѣшняго Китая, въ которыхъ преимущественно и происходила, при сильныхъ династіяхъ, перестановка границъ государства, издавна и до сего времени гораздо менѣе были населены сравнительно съ восточными, и что инородческія тамошнія племена доселѣ еще не вполнѣ зависятъ отъ правительства и, слѣдовательно, не подлежатъ переписи. Всѣ племена и народы, обитавшіе за Великою Стѣною и даже внутри ея,—вообще всѣ такъ называемыя внѣшнія владѣнія и инородцы не входятъ въ кругъ нашего обозрѣнія, потому что сіи народы, хотя въ разное время и принадлежали Китаю, состояли только на правахъ зависимости, а не въ совершенномъ подданствѣ; отъ того китайское правительство, не имѣя силы и власти располагать означенными народами по своей волѣ, облагать податью и употреблять на казенную службу, не считало нужнымъ да и не могло знать число ихъ, и не сохранило въ своей исторіи свѣдѣній о населенности этихъ странъ.

Такимъ образомъ предметомъ нашего обозрѣнія будетъ преимущественно народъ китайскаго племени, какъ самаго многочисленнѣйшаго. Въ теченіе двухтысячелѣтняго, достовѣрно-историческаго существованія Китая, множество заграничныхъ племенъ

силою вторгались въ это государство и, сдѣлавшись повелителями изнуреннаго Китая, навсегда основывали здѣсь свое жительство. Народъ дикій, необразованный, съ приходомъ въ страну, стоявшую на высшей степени гражданственности, скоро оставлялъ свои отечественные нравы, обычаи; чрезъ нѣсколько колѣнъ забывалъ свой родной языкъ, и, наконецъ, уже ничѣмъ не отличался отъ туземцевъ и совершенно сливался съ китайцами. Такимъ образомъ проходили десятки, сотни лѣтъ, и заграничные пришлецы испытывали участь побѣжденнаго ими народа:—дѣлались подданными или новыхъ кочевыхъ завоевателей, или, въ свою очередь, рабами китайцевъ. Если они по приходѣ въ Китай и составляли какой-нибудь отдѣльный классъ; то, съ потерею власти надъ китайцами, эта особенность скоро исчезала. Они, не желая спокойствія и удобства осѣдлой жизни промѣнять на суровыя кочевья, навсегда оставались съ покореннымъ прежде народомъ, съ которымъ уже такъ сродпились по образу жизни и языку, и своею массою увеличивали только число китайскаго племени. Итакъ, предметомъ нашего обозрѣнія будетъ собственно Китай и преимущественно китайскій народъ.

Китаскіе писатели, говоря о народонаселеніи своего государства, вообще начинаютъ съ весьма древнихъ временъ и полагаютъ, что въ 2275 году до Р. Х., когда Юй, основатель первой въ Китаѣ династіи Ся, окончилъ осушеніе страны отъ великаго наводненія, распредѣлилъ пашни и подати,—тогда уже населеніе Китая простиралось до 13.553,923 душъ, и что по смерти Государя Шунь, (2205 г. до Р. Х.), когда этотъ Юй принималъ престолъ отъ собравшихся удѣльныхъ князей, послѣднихъ было болѣе 10,000. Число сихъ удѣловъ въ послѣдствіи времени убавлялось съ каждымъ новымъ царствующимъ домомъ: чѣмъ были ближе времена къ эпохамъ, въ которыя жили историки, и, слѣдовательно, чѣмъ правдоподобнѣе становились историческія извѣстія, тѣмъ болѣе это число сокращалось. При началѣ второй династіи Шанъ (въ 1766) удѣловъ было только 3000, а когда (1122) домъ Чжоу утвердился на престолѣ имперіи, въ это время вѣрныхъ вассаловъ считалось только 1773; въ такой же пропорціи уменьшалось и народонаселеніе.

Съ утвержденіемъ третьей династіи Чжоу на престолѣ имперіи положено прочное основаніе гражданскаго устройства. Все вниманіе

государей этого дома, правительственныхъ лицъ и мудрецовъ устремлено было къ тому, чтобы утвердить спокойствіе и благодепствіе государства: всѣ заняты были политикою, то есть мѣрами и правилами, которыя могли бы составить счастіе цѣлаго народа. Въ это время правительство пришло къ той мысли, что гдѣ численность, тамъ и сила, слѣдовательно многочисленность населенія государства можетъ открыть ему возможность располагать большими доходами и людьми на свои службы. Почему оно ясно сознало необходимость знать народъ, его численность, бытъ и состояніе, имущество,—знать его во всѣхъ отношеніяхъ; отъ того перепись народа въ первый разъ, при сей только династіи, получила важное значеніе. Съ такою цѣлью были учреждены особенные чиновники, которые ежегодно обязаны были повѣрять число народа, различать возрастъ и лѣта каждаго, имущество и прочее, какъ въ Срединномъ царствѣ, такъ и въ удѣлахъ.

По постановленію этой династіи, въ перепись уже вносились дѣти, у которыхъ начинали падать молочные зубы, и имена обоего пола писались на доскахъ, отъ чего и нынѣшнія ихъ ревизскія сказки называются б а н ъ - ц з и, то есть списки на доскахъ. Для удобнѣйшаго и точнѣйшаго исполненія этого дѣла опредѣлены были многіе чиновники, изъ коихъ каждый завѣдывалъ только извѣстною частью, отдѣльнымъ классомъ народа. Названія этихъ должностей сохранились въ классическихъ книгахъ и слѣдовательно подобное учрежденіе не подвержено сомнѣнію, если только безъ ограниченія принимать цѣлость и неповрежденность этихъ книгъ. Всеобщая народная перепись производилась черезъ каждые три года и сверхъ того земскіе начальники, всегда при началѣ года, повѣряли число ввѣреннаго ихъ управленію народа, такъ что къ концу года поступали ко двору списки всего народонаселенія государства. Списки эти, во время жертвоприношенія небу въ зимній поворотъ, представлялись государемъ небу, въ знакъ того, что онъ, какъ сынъ и намѣстникъ его, обязывается пещись объ этомъ народѣ, ввѣренномъ верховнымъ существомъ его управленію*).

*) Религіозный обычай этотъ имѣлъ силу свою при всѣхъ династіяхъ. И нынѣшняя Маньчжурская династія слѣдуетъ тому же обыкновенію съ небольшимъ исключеніемъ, имѣнно: при восшествіи на престолъ новаго государя, когда онъ совершаетъ жертвоприношеніе на жертвенникѣ неба въ знакъ извѣщенія о своемъ вступленіи на престолъ, и въ продолженіе царствованія этого государя это повторяется нѣсколько разъ, смотря по обстоятельствамъ.

Такія постановленія касательно переписи народа, сдѣланныя династіею Чжоу, послужили образцомъ и правиломъ для послѣдующихъ поколѣній. Какъ они приводимы были въ исполненіе? Какія проистекли отъ нихъ слѣдствія? Какъ значительно было народонаселеніе Китая въ то время? Положительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы не осталось въ исторіи. Можно думать, что упомянутыя постановленія произвели самое благодѣтельное вліяніе на гражданское устройство, и начала всеобщаго образованія, положенныя этою династіею, очень успѣшно дѣйствовали на размноженіе народа. По окончаніи войны за престолъ съ прежнею династіею, въ государствѣ настало глубокое спокойствіе, такъ что У-ванъ, первый изъ этого дома государь, могъ сказать: «я однажды только надѣлъ военное платье и Поднебесная восприяла спокойствіе; теперь, опустивъ полы платья до земли и сложа руки, управляю государствомъ». И это мирное состояніе государства продолжалось болѣе 350 лѣтъ. Очевидно, при такихъ обстоятельствахъ народонаселеніе должно было возвыситься и, если вѣрить позднѣйшимъ историкамъ, предположительно впрочемъ вычислившимъ населенность Китая въ эти счастливыя времена, оно въ XI вѣкѣ представляло 13.704,923 души.

Но съ половины династіи Чжоу, съ того времени, какъ Пинъ-ванъ (770 719), тѣсимый западными инородцами си-жунъ, принужденъ былъ перенести свой дворъ на востокъ въ Ло *), и, въ слѣдствіе бывшихъ до него безпорядковъ по управленію, государство стало клониться къ упадку. Это стало обнаруживаться и на числѣ народа, такъ что въ 685 году за предѣлами 500 ли уже небыло подданныхъ «сына неба» и въ такой же соотвѣтственности понизилось и народонаселеніе. Въ томъ же году, «начиная съ дѣтей государя до послѣдняго подданнаго» всего считаютъ только 11.911,923 души. Такимъ образомъ, чрезъ 430 слишкомъ лѣтъ, уменьшеніе оказалось въ 1.763,000 душъ.

Наступаетъ періодъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ: весна и осень (чунь-цю), и наноситъ еще сильнѣйшій ударъ народонаселенію. Удѣльные князья, забывъ обязанности свои къ главѣ имперіи, вступили между собою въ кровопролитную войну; предводительствуя

*) Нынѣ Ляо-нинъ-сянь въ губерніи Хэ-нань.

цѣлыми арміями, переходили изъ одной области въ другую, не дорожили ни засѣянными пашнями, ни жизнію беззащитнаго народа. Такое состояніе государства продолжалось 242 года, въ которые 52 удѣла кончили свое существованіе и погибло великое множество жителей. Послѣ такого потрясенія государства, Чжоускіе Государи уже ни какъ немогли возвратить прежней своей власти и силы. Удѣльные князья, усилившись въ періодъ весны и осени, получили сильное вліяніе на судьбу своего повелителя; избраніе и поддержаніе его на престолѣ зависѣло отъ воли сильнѣйшаго, и онъ пося одно только названіе главы имперіи, не могъ положить конца раздорамъ и кровопролитнымъ войнамъ между своими вассалами. Такимъ образомъ кровопролитіе, окончившееся въ 480 году, при безсиліи князей, снова началось еще съ большимъ ожесточеніемъ. Удѣльные князья притворно поддерживали главу имперіи, а тайно старались захватить въ свои руки это достоинство; почему всѣ цѣли и намѣренія каждаго направлены были къ тому, чтобы склонить болѣе народа въ свое подданство, и каждый старался отрѣзать часть владѣній у другого. Цѣлыя области или удѣлы воевали другъ противъ друга, десятитысячныя арміи приводимы были въ движеніе, не было пощады ни полямъ, ни жизни народа. Ожесточеніе было таково, что послѣ одного сраженія отрѣзано было болѣе 240,000 головъ. Это ожесточеніе еще болѣе усилилось, когда всѣ удѣлы превратились въ 7 царствъ, когда владѣтели ихъ, почитая уже болѣе непужнымъ поддерживать главу имперіи изъ потомковъ Чжоускаго дома, открыто боролись между собою за верховный престолъ въ теченіи 33 лѣтъ (255—222); когда весь Китай взволновался и всякій мущина былъ уже солдатъ; когда, если вѣрить полководцамъ Су-цинь и Чжанъ-и, дѣлавшимъ счетъ народу, въ 7 означенныхъ царствахъ было 5.000,000 ратниковъ, а всего народонаселенія болѣе 10.000,000.

Государь династіи Цинь Ши-хуанъ-ди положилъ конецъ періоду, извѣстному въ исторіи подъ именемъ враждебныхъ царствъ (чжань-го). Удѣльные князья или кончили свою жизнь, или вступили въ разрядъ обыкновенныхъ подданныхъ, и ихъ владѣнія сдѣлались собственностью государства и самодержца, потому что Ши-хуанъ-ди уничтожилъ феодальную систему управленія, бывшую источникомъ долговременныхъ кровопролитій. Переходъ отъ удѣловъ

къ единодержавію, по свидѣтельству исторіи, стоилъ государству трети народонаселенія всего Китая тогдашняго времени. Къ этому присоединились неудовольствія и ропотъ, возбуждаемые бродячими мнимоучеными грамотѣями на новый порядокъ вещей, ропотъ, переходившій въ бунты, для угашенія которыхъ требовалось принести много жертвъ. Кромѣ того государство было обезпокоиваемо извнѣ усилившимися тогда гуннами.

Ши-хуанъ-ди для того, чтобы преградить имъ путь въ предѣлы Китая, предпринялъ построеніе Великой Стѣны, на что потребовалось болѣе 400,000 взрослыхъ мущинъ; югъ требовалъ крѣпкой охранительной линіи, куда и собрано до 500,000 солдатъ; охранная стража государева дворца и кладбища состояла изъ 700,000 солдатъ. При этомъ государѣ, по плану министра Панъ-яна, не совсѣмъ справедливо заслужившаго проклятіе въ потомствѣ, установлены тяжкія повинности. Вмѣсто того, чтобы посредствомъ общественной работы воздѣлывать опредѣленный на государя участокъ земли, всѣ поля обложены десятиннымъ взносомъ въ казну сырыхъ произведеній, а касательно служебной повинности введено ежемѣсячное перемѣщеніе изъ одного мѣста въ другое: одинъ мѣсяцъ въ областныхъ городахъ, другой въ уѣздныхъ, третій въ столицѣ; одинъ годъ на военныхъ поселеніяхъ, другой въ работахъ на казну, и тѣмъ служебная повинность увеличилась противъ прежняго въ 30 разъ. Такъ какъ къ сей повинности обязаны были всѣ, не исключая даже дѣтей министра, которые должны были прослужить опредѣленный срокъ на пограничныхъ караулахъ: то позволено было достаточнымъ лицамъ откупаться отъ такой обязанности взносомъ въ казну 300 мѣдныхъ монетъ. Но бѣдные, не въ состояніи будучи заплатить такую по тогдашнему времени значительную сумму, отправлялись на свой постъ; отсюда черезъ мѣсяцъ ѣхали въ другое мѣсто и на другую службу, такъ что большая часть времени проходила въ однихъ переѣздахъ; наконецъ они принуждены были наниматься за другихъ и тѣмъ снискивать себѣ пропитаніе, оставляя на произволъ судьбы свои семейства. Почему нисколько не удивительно, когда говоритъ исторія, что трупы цѣлыми рядами лежали по дорогамъ.

Съ смертію Ши-хуанъ-ди рушилось зданіе, воздвигнутое его геніемъ и мощною волею; поднялись возмущенія и изъ уничтожен-

ныхъ удѣловъ снова возникъ удѣлъ Чу, вступившій въ борьбу съ наслѣдниками Ши-хуанъ-ди за свои права и независимость (въ 209). Безчеловѣчіе и жестокость, съ которыми производилась эта борьба, были такъ велики, что въ одинъ разъ «зарыто было въ ямы болѣе 200,000 воиновъ; въ сраженіи около города Пынъ-чэнъ *) запружена была рѣка трупами». Наконецъ, при такихъ смутныхъ обстоятельствахъ, усиливается одинъ деревенскій старшина и основываетъ удѣлъ Хань, которому удалось захватить утомленную кровопролитіями имперію въ свою власть (202). Такой подвигъ доставилъ знаменитость дому Хань, царствовавшему со славою, но не безъ сильныхъ кровопролитій. Утвердиться на престолѣ имперіи—основателю сей новой династіи стоило милліона однихъ убитыхъ и раненыхъ, такъ что изъ 10.000,000 душъ, составлявшихъ народонаселеніе Китая во время семицарствія, не стало трехъ частей.

Съ основанія государства до воцаренія Ханьской династіи у позднѣйшихъ китайскихъ историковъ означены четыре итога для народонаселенія китая, въ четыре же различныя эпохи сумма средняго количества жителей восходитъ выше 10,000,000. Этотъ итогъ показался г. Біо **) еще не очень увеличеннымъ и онъ, по своимъ собственнымъ, ни на чемъ неоснованнымъ, соображеніямъ, вопреки всѣмъ китайскимъ писателямъ, возвысилъ его почти вдвое. Древняя историческая книга Шу-цзинъ представляетъ намъ страну, гдѣ начала развиваться осѣдлость и благоустройство государства, дикою, поросшею дремучими, непроходимыми лѣсами, такъ что для расчистки мѣста подъ пашни, требовалось вырубать лѣса на протяженіи цѣлой страны. При третьей династіи Чжоу, когда государство стало уже самостоятельнымъ, только половина, едва ли не треть, нынѣшняго Китая была обитаема, и эта часть неравно была населена. Народонаселеніе скоплялось около рѣкъ и земледѣліе, при всѣхъ неудобоисполнимыхъ распоряженіяхъ, шло не очень успѣшно, какъ видно изъ Мынъ-цзы. Но и эти населенныя мѣста представляли деревеньки, разбросанныя на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. По замѣчанію Гуань-цзы, пастухи стадъ жили врозь, на разстояніи десяти

*) Въ нынѣшней губерніи Цзянъ-су, въ области Сюй-чжоу-фу.

**) Journal Asiatique, tome. 1 1836. Memoire sur la population de la Chine...

ли вокругъ не было жителей и каждая деревня по распредѣленію содержала только 8 семействъ. Самые удѣлы, по свидѣтельству Мынъ-цзы, были не обширны: удѣлъ Шанъ, смѣнившій династію Ся, заключалъ только десять квадратныхъ ли, а удѣлъ Чжоу, уничтожившій династію Шанъ, только семь ли. По всему видно, что деревни и города стали умножаться только со временени династіи Чжоу и то только съ той эпохи, когда дворъ перенесенъ былъ на востокъ, въ Ло-янъ, нынѣшнюю Хэ-нанъскую губернію. Весь югъ былъ обитаемъ дикими независимыми племенами. Теперь, гдѣ помѣстить эти 10,000 удѣловъ, если допустить это число, какъ историческое данное, а не въ значеніи собирательномъ—въ смыслѣ множества, по свойственнымъ китайскому языку оборотамъ рѣчи, или какъ число семействъ и главныхъ родовъ, изъ коихъ составилось государство? Откуда взять такую массу народа? Извѣстно, что государство расширилось во всѣ стороны на значительныя протяженія, только со времени династіи Цинь, въ III вѣкѣ до Р. Х. Между тѣмъ позднѣйшіе писатели, временъ около Рождества Христова, основываясь на лоскуткахъ, какими-то чудесами уцѣлѣвшихъ отъ времени и всеобщаго истребленія историческихъ книгъ при Ши-хуанъ ди, вычислили количество жителей при первыхъ трехъ династіяхъ.

Два основанія представились китайскимъ писателямъ достаточными для рѣшенія задачи численности народа въ счастливыя времена при государяхъ Яо, Шунь, прославленныя Кун-фу-цзы и его учениками, какъ эпоха высшаго гражданскаго устройства. Эти основанія суть: земскій распорядокъ управленія и пахатныя земли. Первое могло бы подтвердить предлежавшую задачу, если бы въ древнихъ книгахъ означено было, сколько въ то время находилось главныхъ областей, къ коимъ низшія инстанціи относились, какъ къ своему центру. Если принять число 9 главныхъ областей, учрежденныхъ княземъ Юй, тогда народонаселеніе будетъ незначительно въ XXIII вѣкѣ: не болѣе 100, 000 семействъ и по самой большей мѣрѣ милліонъ душъ. Выкладка по пахатнымъ землямъ ничего не можетъ доказывать, потому что классическія книги лишь показываютъ сколько на душу давалось десятинъ, а полнаго количества обрабатываемой земли нѣтъ, для опредѣленія котораго нужно взять произвольно допущенное число душъ.

Замѣчательно, что въXXIII и XI вѣкахъ до Р. Х. число жителей почти одно и тоже, болѣе 13,000000, и разность между ними заключается въ немногомъ—въ 150.000; значитъ: только такимъ ничтожнымъ количествомъ возросло народонаселеніе въ теченіи тысячи слишкомъ лѣтъ; самыя дроби въ первыхъ трехъ итогахъ одинѣ и тѣ же (923). Все это доказываетъ, что данныя, или основанія, принятыя историками для вычисленія, были одни и тѣ же, слѣдовательно произвольны. Безъ сомнѣнія, народонаселеніе при династіи Чжоу должно было быть уже довольно значительно. если принять во вниманіе народонаселеніе Китая, оказавшееся по переписи, сдѣланной при Ханьской династіи, чрезъ 200 лѣтъ впрочемъ послѣ утвержденія ея на престолѣ и по распространеніи предѣловъ государства; но можно съ увѣренностью полагать, что въ XXIII вѣкѣ, при началѣ образованія государства, народонаселеніе не могло стоять такъ высоко, какъ значится у позднѣйшихъ писатей.

Съ утвержденіемъ Ханьскаго дома на престолѣ имперіи, государство, утомленное кровопролитіями въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, воспріяло спокойствіе, особенно при государяхъ, все вниманіе обращавшихъ на внутреннее устройство, распространеніе просвѣщенія, и чуждыхъ военнымъ предпріятіямъ. Всѣ почти преобразованія, сдѣланныя Цинь-скимъ Государемъ Ши-Хуанъ-ди, возбуждавшія повсюду ропотъ и кончившіяся паденіемъ его дома, при династіи Хань, напротивъ, были усвоены и получили настоящій ходъ. Откупъ, или взносъ монетою за слѣдовавшую очередь на службѣ, подалъ идею установить постоянный поголовный налогъ или подушную подать, и тѣмъ избавить народъ отъ обязанности являться на службу, которой отправленіе требовало менѣе времени, чѣмъ самая явка, то есть время, проведенное въ дорогѣ. Между тѣмъ, при началѣ этой династіи бѣдность и нищета такъ были всеобщи. что первый государь изъ этого дома, чтобы доставить какія-нибудь средства къ пропитанію бѣдному классу народа, позволилъ ему продавать или закладывать собственныхъ дѣтей или самихъ себя въ рабство. Постановленіе это положило начало кабалѣ, до сего времени существующей въ Китаѣ и терпимой правительствомъ. При такомъ состояніи нельзя уже было думать о брачномъ союзѣ, когда и для одного лица не доставало пропитанія; отъ того, какъ всюду замѣчено, раз-

множеніе народа нисколько не подвигалось впередъ и повсюду замѣчался ощутительный недостатокъ въ людяхъ, произведенный прежними опустошительными войнами. Почему правительство въ 189 г. до Р. Х. принуждено было обложить дѣвицъ, съ 15 до 30 лѣтъ невышедшихъ замужъ, тяжелою пенею или повинностью, въ пять разъ большею противъ взрослаго мущины; такому налогу не подвергались даже рабы и купцы, платившіе только двойную подать противъ полновозрастныхъ поселянъ. Чтобы отвратить нищету и бѣдность, тяготѣвшую надъ народомъ, и тѣмъ болѣе способствовать его благоденствію и спокойному размноженію, правительство уменьшило подушную подать до третьей части, то есть изъ трехъ частей дозволило платить только одну, а поземельный налогъ до 30-й части, то есть изъ 30 человѣкъ взносилъ поземельную подать только одинъ.

Спокойствіе государства и такія льготы, данныя народу, распространили повсюду довольство и значительно подняли итогъ народонаселенія. Правда, съ 140 года до Р. Х. Государемъ У-ди предприняты были войны съ заграничными народами, каковы жуны и особенно усилившіеся тогда, гунны. Войны сіи, длившіяся въ теченіи 50 слишкомъ лѣтъ, стоили большихъ пожертвованій: государство лишилось безчисленнаго множества народа, а народъ прежняго довольства. Хотя этимъ предпріятіемъ Китай распространилъ предѣлы свои и отодвинулъ непріятелей отъ границъ, но эти пріобрѣтенія не вознаградили вполнѣ потерь, понесенныхъ государствомъ. Преемники У-ди оставили военныя предпріятія, народъ съ особеннымъ стараніемъ и спокойно принялся за земледѣліе, мало-по-малу стало возвышаться народонаселеніе государства и во 2-мъ году по Р. Х. итогъ его простирался до такого количества, какого до сего времени и въ остальное время существованія этой династіи не было. Этотъ итогъ: 12.233,062 семейства и 59.594,978 душъ! Такимъ образомъ въ самую счастливую эпоху, при западной династіи Ханъ народонаселеніе Китая возвысилось до такой великой значительности, а отношеніе числа душъ къ семействамъ—круглымъ счетомъ по 48 или почти по 49 душъ на 10 семействъ—ясно доказываетъ благопріятствующія размноженію народа обстоятельства того времени.

Скоро исчезло спокойствіе и благоденствіе, которымъ такъ долго наслаждалось государство. Въ 5-мъ году по Р. Х. явился человѣкъ съ

планами на престолъ: это министръ Ванъ-манъ, который въ 9-мъ году, (по Р. Х.) достигъ своей цѣли. Такое престолохищничество произвело на 15 лѣтъ во всемъ государствѣ смятенія, которыя скоро смѣнились новыми, поднятыми мятежниками, извѣстными подъ именемъ краснобровыхъ. Смятенія и бунты, продолжавшіеся по всему государству 16 лѣтъ, были столь опустошительны для народонаселенія, что, по свидѣтельству исторіи, изъ 10 частей осталось только двѣ, много три, и что послѣ возстановленія Ханьскаго дома, когда война прекратилась и государство наслаждалось спокойствіемъ, кромѣ впрочемъ землетрясенія въ 46 г. по Р. Х., произведшаго всюду ужаснѣйшія опустошенія, чрезъ 32 года послѣ тѣхъ переворотовъ, въ 57 году, во всемъ государствѣ считалось только: 4.276,631 семейства и 21.007,820 душъ. Такимъ образомъ народонаселеніе упало до третьей части, сравнительно съ итогомъ, какой представила перепись 2-го года христіанской эры.

Такой чувствительный упадокъ народонаселенія побудилъ правительство принять мѣры, которыя могли бы возстановить прежнюю численность народа и способствовать размноженію его. Съ этою цѣлью очень часто оно прощало народу подати, избавляло отъ повинностей, и, въ особенности семейнымъ людямъ, оказывало вспомоществованіе; такъ въ 85 г. по Р. Х. постановлено: каждой женщинѣ, носящей подвязку въ послѣднемъ предѣлѣ беременности, выдавать изъ казны три мѣшка пшена, а мужа ея избавлять на одинъ годъ отъ подушной подати. При такой заботливости правительства и при томъ глубокомъ спокойствіи, которымъ наслаждалось государство безпрерывно въ теченіи ста лѣтъ послѣ переворотовъ, происходившихъ въ первой четверти христіанской эры, народонаселеніе стало умножаться и это приращеніе шло даже очень быстро. Всѣ переписи, которыя по постановленію этой династіи (Восточной Хань) поголовно производились въ самый годъ кончины государей, представляли самые отрадные результаты — постоянное приращеніе народа, и въ 157 году итогъ всего народонаселенія состоялъ изъ 10.677,960 семействъ и 56.486,856 душъ *).

*) Въ исторіи династіи *Хоу-хань* значится: 16.070,906 семействъ и 50.066,836 душъ; но позднѣйшіе писатели, на основаніи одного историческаго свидѣтельства, что въ счастливую эпоху для народонаселенія при этой династіи въ 10 семействахъ считалось 52 души, исправили итоги, показанные въ исторіи, въ которыхъ замѣчалась несообразность числа душъ съ числомъ семействъ, именно: на одно семейство приходится только по три души. Въ текстѣ предложены выправленные итоги.

Послѣ продолжительнаго спокойствія въ государствѣ и счастливой эпохи для увеличенія народонаселенія, снова запылала междоусобная война, которую въ 184 году произвели мятежники, извѣстные подъ именемъ желтыхъ колпаковъ. Бунтовщики сіе опустошили столицы, сожгли дворцы, принудили государя удаляться изъ одной области въ другую и, наконецъ, совсѣмъ переселиться на западъ; опустошеніе и истребленіе повсюду представляло ужасное зрѣлище: трупы въ безчисленномъ множествѣ валялись по дорогамъ и полямъ безъ погребенія; по свидѣтельству исторіи, въ нынѣшней губерніи Шань-си метлами мели отрубленные пальцы. Недовольствуясь тѣмъ, мятежники призывали къ себѣ на помощь заграничныя кочевыя племена, которыя еще съ большею свирѣпостью грабили, убивали жителей и всюду оставляли слѣды своего посѣщенія. Въ теченіи 30 слишкомъ лѣтъ происходили такія смуты на всемъ протяженіи государства; отъ того народъ на могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ, земледѣліе остановилось, голодъ сдѣлался всеобщимъ и принудилъ народъ, покинувъ свои жилища, разсѣяться для сисканія пищи. Между тѣмъ правительство обременяло остальной народъ тяжкими налогами;—всѣ сіи обстоятельства до того уменьшили народонаселеніе государства, что изъ десяти частей въ спискахъ значилось только двѣ, и ускорили паденіе Ханьской династіи.

Три основателя домовъ: У, Вэй, Шу, пользуясь такимъ разстройствомъ государства, успѣли захватить себѣ часть онаго и на развалинахъ Ханьской Имперіи утвердить троецарствіе. Но такъ какъ всякій изъ нихъ хотѣлъ владѣть не извѣстною только частью, но цѣлымъ Китаемъ—быть государемъ такой же обширной имперіи, какою владѣлъ домъ Хань: то междоусобная война еще длилась слишкомъ 60 лѣтъ и имѣла пагубное вліяніе на народонаселеніе Китая. Каждое изъ этихъ государствъ старалось пріобрѣсти болѣе народа, которымъ могло бы располагать для своихъ цѣлей съ большою надеждою на успѣхъ въ междоусобной войнѣ, и большими государственными доходами, которые могли возрастать при численномъ перевѣсѣ народонаселенія сравнительно съ непріятельскими государствами. Но долговременное кровопролитіе уменьшало число народа крѣпкаго и здороваго, который преимущественно могъ соотвѣт-

ствовать видамъ правительства; притомъ въ это бурное время множество народа скрывалось и бродило изъ мѣста въ мѣсто для избѣжанія тягостныхъ налоговъ. При такомъ чувствительномъ недостаткѣ въ людяхъ, правительства царствъ Шу и У принуждены были отправлять суда на смежные съ материкомъ острова для того, чтобы брать въ плѣнъ тамошнихъ жителей и привозить на твердую землю для обработыванія полей или употребленія на службу. При всемъ томъ народонаселеніе Китая, при такихъ кровопролитіяхъ и смутахъ, еще далеко было отъ той степени, на которой оно стояло даже въ злосчастное время при династіи Хань. Дѣйствительно, по сохранившимся спискамъ, составленнымъ тремя правительствами въ разное время между 221 и 240 годами христіанской эры, общій итогъ народонаселенія Китая во время утвержденія троецарствія показываетъ только: 1.473,433 семейства и 7.672.881 душу, считая въ семъ итогѣ мужчинъ и женщинъ всякаго класса народа, чиновниковъ и простолюдиновъ.

Надобно впрочемъ замѣтить, что, несмотря ни на какія государственныя неустройства и междоусобія, дѣйствительное народонаселеніе тогдашней эпохи должно было бы показывать бо́льшій итогъ. Незначительность его объясняется смятеніями государства, при которыхъ была не возможна правильная перепись народа, принужденнаго внутренними безпокойствами покинуть свои жилища и для собственной безопасности, спискапія пропитанія, и для избѣжанія паловъ и податей бродить изъ одного мѣста въ другое. Мысль эта потверждается послѣдующими обстоятельствами. Когда домъ Цзинь въ 280 году соединилъ весь Китай подъ одну державу и когда бѣглые, послѣ дарованнаго имъ прощенія, возвратились на прежнее жительство,— списки тогдашняго народонаселенія государства представляли 2.459,804 семейства и 16.163,863 души. Слѣдовательно вдвое болѣе, чѣмъ сколько значилось въ періодъ троецарствія.

Цѣлость Китая, какъ имперіи, и спокойствіе государства, возстановленныя домомъ Цзинь, не очень долго существовали. Чрезъ 25 лѣтъ, въ 305 году, уже образовалось два независимыхъ отъ Цзиньскаго дома царства внутри имперіи. Примѣръ этотъ подалъ поводъ и другимъ потомкамъ прежнихъ царскихъ домовъ, или заграничнымъ кочевымъ племенамъ отваживаться, съ оружіемъ въ рукахъ, отыскивать

скивать себѣ владѣнія и подданныхъ внутри Китайской Имперіи, такъ что въ остальное время существованія дома Цзинь (305—419), въ Китаѣ образовалось 16 независимыхъ царствъ. Исторія этого 114-лѣтняго періода представляетъ долгій рядъ смятеній и междоусобныхъ войнъ. Цзиньскій домъ, истощенный борьбою съ такимъ многоцарствіемъ, въ 420 году принужденъ былъ передать престолъ своему полководцу, положившему основаніе дому Сунъ, который также не могъ возстановить прежней цѣлости имперіи; ибо въ это время монгольскій домъ Вэй (Тоба), чрезъ уничтоженіе 16 царствъ, овладѣлъ всѣмъ сѣвероиъ Китая и такимъ образомъ въ 440 году имперія управлялась двумя династіями. Но такъ какъ оба сіи дома стремились къ обладанію цѣлымъ Китаемъ, то подданные сѣверной и южной династіи не видали спокойствія и облегченія, война не утихала, большіе расходы требовали соотвѣтственныхъ доходовъ, и потому на народъ наложены еще тягчайшія повинности и подати, особенно въ южномъ государствѣ Сунъ.

Вообще въ періодъ многоцарствія IV и V вѣковъ христіанской эры тягостные двойные налоги, обременительныя службы на казну, жестокость правителей мелкихъ царствъ, лѣность, безпечность а иногда и самовольство чиновниковъ—все это нравственно и физически угнетало народъ. Правда, государи сего времени издали много превосходныхъ постановленій, которыя, бывъ усвоены позднѣйшими династіями, во время мира составили счастіе подданныхъ; но въ эпоху, когда раны, нанесенныя государству долговременными кровопролитіями, были очень глубоки и народъ не имѣлъ опредѣленнаго и постояннаго жительства, самыя мудрыя постановленія не могли спасти народа отъ тогдашнихъ бѣдствій: при всеобщихъ злоупотребленіяхъ законы скоро теряли свою силу. При такомъ положеніи дѣлъ, всеобщая нищета и бѣдность породили такое бродяжничество, какого до того времени не было въ Китаѣ, не смотря ни на какіе политическіе перевороты. Низшій податной классъ народа, чтобы спасти свою жизнь отъ военныхъ смутъ, чтобы избавиться слишкомъ обременительныхъ налоговъ, похищавшихъ труды и достояніе его, а нѣкоторые, очень вѣроятно по привычкѣ къ праздности и худымъ наклонностямъ, покидали казенныя пашни, собственный домъ и родину и бродили изъ мѣста въ мѣсто, снискивая себѣ пропитаніе всякими средствами.

Такимъ положеніемъ и крайнею бѣдностью низшаго класса, а равно и слабостью правительствъ, воспользовались съ великою выгодою для себя сильные и богатые дома. Улучивъ разные случаи, во время политическихъ перемѣнъ, пріобрѣсти множество земли, они предлагали бѣдному бродячему классу народа брать у нихъ земли въ аренду за половинный, противъ казеннаго, оброкъ. Народъ, изнуренный казенными повинностями, съ радостью принималъ такія предложенія отъ богачей; а нѣкоторые, для снисканія пропитанія, приставали къ сильнымъ и богатымъ домамъ въ качествѣ слугъ. Злоупотребленіе распространилось въ такой силѣ, что въ одномъ богатомъ домѣ можно было насчитать сто семействъ, а въ нѣкоторыхъ даже до тысячи; такимъ образомъ весь этотъ народъ, прикрываемый богатыми домами отъ поисковъ правительства, избѣгалъ переписи и государственныхъ налоговъ.

Правительство, послѣ произведенной переписи получивъ свѣдѣнія, что многія семейства оставили свое жительство и скрылись, чтобы пресѣчь это зло, возложило всѣ повинности бѣглецовъ на родственниковъ и сосѣдей ихъ, оставшихся на мѣстѣ жительства и, хотя съ трудомъ, еще приносившихъ пользу государству. Мѣра сія, принятая, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы заставить родственниковъ и сосѣдей помогать правительству въ отысканіи бѣглецовъ,— произвела слѣдствія совершенно неожиданныя. Поселяне, и безъ того обремененные налогами за себя и свои семейства, теперь, будучи обязаны вносить двойную подать —за себя и за бѣглецовъ, противъ воли покидали свое жительство и слѣдовали примѣру своихъ давно скрывшихся родственниковъ и сосѣдей.

Такое положеніе самой значительной части народа и внутреннія войны почти въ теченіи двухъ столѣтій не могли неуменьшить народонаселенія Китая. Переписи, сдѣланныя въ разное время IV, V и частью VI вѣковъ христіанской эры правительствами малыхъ династій, кратковременно царствовавшихъ, частью погибли во время переворотовъ государства, а частью хотя и уцѣлѣли отъ истребленія, но изъ нихъ нельзя вывести заключенія касательно народонаселенія цѣлаго Китая той эпохи, и нельзя сказать положительно, до какого количества упала численность его жителей. Даже соединеніе Китая подъ одну державу новою династіею Суй не можетъ

вполнѣ рѣшить этой задачи: въ 581 году династіею Чжоу было передано основателю Суйскаго дома 3 599,604 семейства и 9.009.604 души, а въ 589 году, послѣ покоренія царства Чэнь, списки покореннаго народа показывали 500,000 семействъ*). Такимъ образомъ, въ эпоху соединенія Китая подъ одну державу итогъ народонаселенія его заключался въ 4.099,601 семействахъ и около 11.000,000 душъ.

Единодержавіе положило конецъ всѣмъ смятеніямъ и войнамъ, колебавшимъ государство въ теченіи двухъ съ половиною столѣтій, повсемѣстный миръ и спокойствіе настали для Китая; но численность народонаселенія его стояла еще очень низко сравнительно съ тѣмъ, какъ было за 500 слишкомъ лѣтъ, при династіи Хань. Правительство скоро постигло истинную причину такой чрезмѣрной убыли народа. Первая и самая важная причина состояла въ чрезвычайно обременительныхъ налогахъ, кои неизбѣжны были при многоцарствіи, когда одинъ домъ былъ въ постоянной враждѣ и войнѣ съ другимъ, налогахъ, побудившихъ податной классъ народа оставлять свою родину, домъ, имущество, для избѣжанія переписей и податей; такое скитальчество породило всеобщую бѣдность и препятствовало спокойному размноженію народа. Второю причиною было усиленіе частныхъ богатыхъ домовъ, которые открыли у себя пристанодержательство для скитальцевъ и, обязывая ихъ обработывать свои поля за извѣстный оброкъ, нерѣдко поступали съ ними жестоко и притѣснительно; почему ни для бѣдныхъ, ни для правительства не было ни какой пользы; первые, состоя въ совершенной зависимости у своихъ землехозяевъ и лишившись прежней своей недвижимой собственности, не могли поправить своего состоянія, а послѣднее не получало законныхъ податей.

При такомъ положеніи дѣлъ Гао-цзюнь—министръ Суйскаго дома предложилъ мѣры для уничтоженія бродяжничества, вкравшагося при раздѣльныхъ и безсильныхъ правительствахъ. Онъ отправилъ чиновниковъ составить вѣрную перепись народа, въ которую повелѣно непремѣнно внести всѣхъ тѣхъ, кои скрывались въ богатыхъ домахъ; за малѣйшую погрѣшность—пропускъ или намѣ-

*) А душъ должно полагать по три на одно семейство. итого на 500,000 должно считать 1.500,000 душъ.

репное укрывательство душъ —подвергалъ строгой отвѣтственности, какъ посланныхъ для ревизіи чиновниковъ, такъ и пристанодержателей, а открывшему пропущеннаго человѣка позволялось употребить его на казенную службу вмѣсто себя. Чтобы въ послѣдствіи не подать опять повода народу къ бродяжничеству, Гао-цзюнь облегчилъ подати и повинности, а кромѣ того учредилъ постановленія, доставившія народу спокойствіе, довольство и изобиліе и заслужившія особенное вниманіе и подражаніе въ послѣдующихъ вѣкахъ. Бѣдные скитальцы, внесенные въ списки, всѣ возвратились на прежнее жительство; народъ, при легкихъ налогахъ, спокойно занимаясь земледѣліемъ и другими промыслами, почувствовалъ во всемъ облегченіе, довольство и росъ въ числѣ; отъ того народонаселеніе, чрезъ 18 лѣтъ послѣ утвержденія Суйскаго дома на престолѣ всей Китайской Имперіи, возвысилось до двойного количества семействъ противъ 589 года. Переписи, произведенныя по новымъ постановленіямъ, представляли отрадные результаты и показали великое достоинство принятыхъ мѣръ; исторія сохранила намъ результаты переписи 606 года, произведенной съ особенною строгостью и стараніемъ; по ней оказалось: 8.907,536 семействъ и 46.019,956 душъ. Это самый большой итогъ населенія Китая въ VII вѣкѣ. и послѣ паденія Ханьской династіи.

Но столь высокая численность народонаселенія Китая, послѣ быстраго возвышенія, быстро и упала. Въ 605 году вступилъ на престолъ Янъ-ди, и тотчасъ предприняты огромныя роботы: построеніе столицы въ Ло *), на что ежемѣсячно требовалось до 2.000,000 рабочихъ; соединеніе рѣки Ло-шуй съ Хуанъ-хэ (Желтою и Хуай); проводъ рѣки Цинъ-хэ для соединенія съ Желтою же рѣкою, постройка Великой Стѣны отъ востока къ западу на 1.000 ли, на всѣ сіи работы собрано еще болѣе 1.000.000 народу; за недостаткомъ мужчинъ, употребляли въ сіи работы и женщинъ, изъ всего этого количества померло болѣе половины. Вскорѣ открытъ былъ походъ въ Хухэноръ противъ Тогонскаго королевства, гдѣ погибло изъ 10 частей арміи—три; три раза предпринимаемъ былъ походъ противъ восточныхъ инородцевъ, и всего употреблено войска болѣе

*) *Ло-янъ* въ губерніи Хэ-нань.

1.000,000, а состоявшихъ при обозахъ было вдвое болѣе. Такія предпріятія требовали большихъ расходовъ, для покрытія которыхъ собрана была подать за нѣсколько лѣтъ впередъ. Народъ, приведенный въ крайность такими безвременными и обременительными сборами и частыми требованіями на казенныя работы, снова разсѣялся и сталъ жить бродяжнически; снова возвратилась прежняя нищета и бѣдность; отъ того въ государствѣ вскорѣ изъ 10 человѣкъ только одинъ жилъ честнымъ образомъ, а прочіе девять доставали себѣ пропитаніе воровствомъ, грабежемъ и разбоемъ. Такимъ разстройствомъ государства воспользовались сильные князья, потомки прежнихъ династій и главнокомандующіе войскъ; снова явились покушенія основать новыя династіи, поднялись мятежи, породившіе кровопролитныя междоусобія внутри имперіи. Народъ, для избѣжанія опасностей отъ такихъ смятеній, такъ разбѣжался, что когда палъ Суйскій домъ, и новая династія Танъ, послѣ истребленія всѣхъ притязателей на независимое царство, утвердалась на престолѣ всей имперіи, то могла внести въ списки только третью часть—3.000.000 семействъ.

Не смотря на то, что съ воцаренія Таньской династіи предпринятыя войны противъ заграничныхъ племенъ, жителей Туркестана, Кореи, коихъ плѣнными пополнено населеніе по рѣкамъ Цзянъ и Хуай, и противъ другихъ народовъ, обитавшихъ внѣ Великой Стѣны, кончались успѣшно и доставили случай распространить предѣлы имперіи и подчинить ей нѣсколько милліоновъ народа; не смотря на это, численность населенія Китая въ первой половинѣ VII вѣка была еще очень далека отъ той степени, на которой она стояла при Суйской династіи.

Правительство было очень озабочено чрезвычайною несообразностью пространства земель съ малочисленностью даннаго населенія. Для облегченія средствъ къ пропитанію народа, установлена была опредѣленная цѣна на всѣ предметы; къ тому же нѣсколько лѣтъ сряду былъ повсемѣстный урожай и жизненные припасы продавались по самой низкой цѣнѣ. При такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ и довольствѣ, народонаселеніе стало значительно возвышаться въ своемъ итогѣ. Но въ 682 году въ столичной области большіе дожди произвели великій голодъ и цѣна на хлѣбъ возвысилась до 100 процен-

товъ; къ этому присоединились болѣзни и всеобщее повѣтріе, похитившія великое множество народа. Однако же народонаселеніе умножалось и приближалось къ итогу династіи Суй. Перепись, произведенная при Императрицѣ У-тай-хоу, представила 6.356,141 семейство, что вдвое болѣе противъ того, сколько значилось при началѣ этой династіи.

Между тѣмъ злоупотребленія чиновниковъ, достигшія крайняго предѣла, опустошенія, произведенныя саранчею во многихъ областяхъ имперіи, подали поводъ народу къ бродяжничеству. Для пресѣченія столь великаго зла, постановлены особые чиновники для надзора за поселянами и земледѣліемъ; всѣмъ властямъ вмѣнено въ обязанность увѣщевать бродячій классъ народа оставаться на постоянное жительство; а въ случаѣ, если эти временные жители не возвратятся на прежнія мѣста къ опредѣленному сроку, оставлять и приписывать ихъ тамъ, гдѣ застало ихъ окончаніе срока. На пустопорожнія мѣста вызванъ народъ изъ другихъ областей съ предоставленіемъ ему льготы—легкихъ повинностей въ теченіи шести лѣтъ; вообще работы на казну сокращены тремя днями въ мѣсяцъ; поземельная подать значительно понижена; строжайше запрещено чиновникамъ, завѣдывающимъ хлѣбными магазинами, самовольно расходовать хлѣбъ, для того, чтобы, въ случаѣ неурожая, помочь народу и воспрепятствовать возвышенію цѣны на жизненныя потребности Такія распоряженія вскорѣ увѣнчались желаемымъ успѣхомъ: жизненные припасы опять повсюду стали очень дешевы и дороговизна на всѣ предметы исчезла во всемъ государствѣ; сверхъ того въ самый дальній путь, за нѣсколько тысячъ ли, не нужно было запасаться оружіемъ; такъ было мирно и спокойно повсюду.

При такомъ народномъ довольствѣ и спокойствіи государства, народонаселеніе его постоянно возвышалось. Въ 742 году значилось 8.348,395 семействъ и 45.311,272 души; а въ 755, не смотря на ужаснѣйшія опустошенія, произведенныя (754) разлитіемъ горныхъ потоковъ въ обѣихъ столичныхъ областяхъ, Шань-си и Хэ-нань, когда дома и стѣны цѣлыми кварталами были разрушены, когда жители этихъ областей, кромѣ того, гибли и отъ ужаснѣйшаго голода, распространившагося въ слѣдствіе чрезвычайной дороговизны, – не смотря на это, перепись, составленная въ этомъ году, представляла

8.914.709 семействъ и 52.909.309 душъ. Это самый большой итогъ, до котораго только могла достигнуть численность народонаселенія Китая при Танъской династіи.

Впрочемъ, такъ какъ бѣглецы и бродяги умножались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе и не поступали въ списки: то, принимая во вниманіе, неизбѣжныя при такомъ состояніи народа, значительныя опущенія и пропуски душъ и семействъ, необходимо должно увеличить итогъ населенія, и справедливо можно полагать народонаселеніе этой эпохи по крайней мѣрѣ въ 75.400,000 душъ; но это будетъ вычисленіе, для котораго положительныхъ историческихъ данныхъ нѣтъ.

Послѣ такого счастливаго періода народонаселенія Танъской Имперіи, наступило время перелома, послѣ котораго оно при этой династіи стало уменьшаться и никогда уже не могло возвыситься до прежняго количества. Въ томъ же 755 году Ань-лу-шань, генералъ-губернаторъ сѣверовосточныхъ провинцій и предводитель 150—тысячной арміи, стоявшей противъ Ки-данъ, поднялъ бунтъ противъ правительства. Происшедшія отъ того смятенія оставили глубокія раны въ государствѣ и причинили гибель милліонамъ людей. Народъ, при такихъ междоусобіяхъ, снова нашелъ случай, для избѣжанія повинностей, безнаказанно оставлять свое жительство и бродить изъ мѣста въ мѣсто; изъ этого бродячаго класса образовались разбойничьи шайки. Вскорѣ послѣ того началась 150-лѣтняя борьба съ Тибетскимъ Государствомъ. Война эта производилась большею частію на западныхъ предѣлахъ имперіи и сопровождалась значительными потерями для Китая не только многочисленнаго войска, но и цѣлыхъ областей. Число солдатъ въ цѣломъ государствѣ увеличено противъ прежняго до одной трети—всего было 830.000, которые всѣ жили и содержались на счетъ поселянъ; государственные доходы далеко не покрывали издержекъ, увеличивавшихся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Народъ, видя слабость правительства, смѣлѣе отваживался скрываться отъ податей, и бродяжничество вошло во всеобщее обыкновеніе, не смотря на постановленіе правительства лишать убѣжавшихъ съ мѣста жительства имущества движимаго и недвижимаго, если только они не возратятся на родину къ опредѣленному сроку. Отъ того списки народонаселенія скоро понизились въ своихъ итогахъ; по переписи,

произведенной въ 780 году нарочно отправленными дворомъ вельможами, оказалось только 3.805,076 семействъ.

При такомъ маломъ количествѣ внесеннаго въ списки народа, трудно было ограничиться обыкновенными, не слишкомъ обременительными, сборами, тѣмъ болѣе, что, еще въ 760 году, съ пониженіемъ итога народонаселенія, уменьшилось число податныхъ душъ. По сей причинѣ правительство, для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вынужденнымъ нашло удвоить прежніе налоги, измѣнивъ и прежнюю систему податей и повинностей. Эта мѣра и усилившіяся злоупотребленія чиновниковъ, которые, по выраженію лѣтописей, иссушали озера, не думая о томъ, что и рыбы не стнетъ,—повели къ всеобщей нищетѣ, и бродяжничество еще болѣе усилилось, такъ что въ иныхъ областяхъ осталась только половина жителей а въ другихъ и того менѣе. Чтобы остановить бродяжничество, правительство постановило возвращать собственность бѣглецамъ, послѣ двухлѣтняго отсутствія возвратившимся на прежнее жительство; а до времени ихъ возвращенія, повелѣно взносить за нихъ подать родственникамъ и сосѣдямъ. Такою мѣрою нѣсколько пріостановлено бродяжничество, потому что семейства и лица, обязанныя взносить подать за бѣглыхъ, помогали правительству отыскивать ихъ убѣжища и возвращать къ своему долгу. Равно, для пополненія народонаселенія, положена преграда сильно распространившемуся буддизму, котораго послѣдователи,—одни по набожности, другіе для избѣжанія государственныхъ повинностей, —дѣлались монахами; почему въ 845 году возвращено въ міряне болѣе 265.000 душъ обоего пола. Впрочемъ, всѣ старанія правительства возвысить численность народонаселенія увѣнчались маловажными успѣхами. Оно въ теченіи 150 лѣтъ—остальнаго времени смутнаго существованія этой династіи-когда государство бѣдствовало отъ внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ, пылавшихъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ, отъ неурожаевъ и худого управленія, постоянно представляло весьма незначительные итоги: отъ 2 до 5 милліоновъ семействъ; слѣдовательно, къ концу этой династіи число семействъ уменьшилось до трехъ слишкомъ милліоновъ.

Танъская династія, приведенная въ совершенное безсиліе, кончила свое почти трехвѣковое существованіе въ 907 году. Съ паденіемъ ея снова уничтожилась и цѣлость политическаго суще-

ствованія Китая. Новая династія Ляпъ не въ силахъ была утвердить свою власть надъ всею имперіею, которою думалъ овладѣть основатель этого дома, умертвившій своего государя; снова Китай раздробился на части между разными правительствами, снова открылась обширная дорога для кочевыхъ завоевателей во внутрь имперіи. Въ теченіе 53 лѣтъ пять династій смѣнили одна другую; между тѣмъ въ то же время десять домовъ отдѣльно и независимо владѣли своими удѣлами, по случаю и незаслуженно пріобрѣтенными.

Во все это время пылала междоусобная война, похитившая безчисленное множество народа, но не сохранилось никакихъ списковъ населенности тогдашняго времени. Въ 960 году престолъ достался Сунъскому дому; но и онъ, во все долговременное свое существованіе, не могъ соединить раздробленныхъ частей имперіи въ одно цѣлое политическое тѣло; потому что Кидань на сѣверовостокѣ, а Тунгутскій домъ Ся въ Ордосѣ, уже составляли сильныя государства въ то время, когда Сунъскій домъ боролся на югѣ съ мелкими владѣтелями за цѣлость имперіи.

Два государства сіи, возникшія при концѣ Таньской династіи, когда правительство занято было преимущественно западомъ и внутренними смятеніями, и усилившіяся во время пяти династій (908—960), по мѣрѣ возрастанія своего могущества, подавались внутрь Великой Стѣны; съ каждымъ годомъ они пріобрѣтали цѣлыя области Китая и увеличивали число своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ всѣ сѣверовосточныя и сѣверныя провинціи Чжи-ли, Шань-дунъ и Сань-си достались во власть кидапей; а Шань-си, Гань-су, часть Сань-си и даже Хэ-нань дому Ся. При такомъ состояніи, пространство имперіи значительно сократилось въ своихъ предѣлахъ и, слѣдовательно, населенность Китая при Сунъской династіи должна стоять ниже того количества жителей, какое было при Таньской.

Сунъскій домъ, послѣ уничтоженія мелкихъ владѣній на югѣ въ 997 году, по своимъ народнымъ спискамъ считалъ только 4.132,576 семействъ. Послѣ того на время все стихло въ государствѣ; народонаселеніе стало мало-по-малу размножаться при заботливости правительства о благосостояніи народа, особенно когда оно приняло мѣры къ огражденію личности подданныхъ.

Мы видѣли, что послѣ паденія Ханьскаго дома, когда имперія раздробилась на нѣсколько частей,—тягостные налоги принудили жителей бродить изъ мѣста въ мѣсто и брать земли въ аренду у частныхъ владѣльцевъ. Бродяжничество сіе существовало при всѣхъ династіяхъ; постановленія и мѣры, принимаемыя въ разное время, не въ состояніи были совершенно искоренить его. Кромѣ того, что означенный классъ народа, нанимая земли у частныхъ владѣльцевъ, оставлялъ казенныя, которыя не приносили никакой пользы правительству; но, постояннымъ бродяжничествомъ доведенный до крайней нищеты, онъ нерѣдко принужденъ былъ богатымъ домамъ закладывать своихъ дѣтей или младшихъ родственниковъ, и даже самихъ себя. Кабала эта дѣлала человѣка совершенно потеряннымъ и лишала его всякой возможности пріобрѣсти собственность и чрезъ то составить довольство и счастіе своей жизни и семейства. Между тѣмъ бродяжничество и кабала, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, вошли между народомъ въ такое обыкновеніе и такъ слились съ правами жителей, что правительства никакими мѣрами не могли остановить этого потока.

Сунъскій домъ предпринялъ другими средствами облегчить участь скитальцевъ и бѣдняковъ. Зная, что возвращеніе на прежнее жительство для бѣдныхъ не очень легко, а для казны обременительно, правительство сдѣлало распоряженія, которыя клонились къ тому, чтобы воспрепятствовать частому переселенію народа изъ одного мѣста въ другое. Съ этою цѣлію оно вмѣнило въ обязанность земскимъ начальникамъ увѣщевать бѣдный бродячій классъ людей оставаться на всегдашнее жительство въ его округѣ, и тотъ изъ чиновниковъ, который большее количество временныхъ жителей водворялъ въ своемъ округѣ, имѣлъ право на большія награды. Чтобы бѣдные и вообще временные жители, въ крайнихъ обстоятельствахъ, не кабалили себя на-вѣчно или временно своему хозяину и такимъ образомъ не дѣлались рабами, правительство опредѣлило наказаніе всѣмъ, которые вздумали бы пріобрѣтать себѣ всегдашнихъ слугъ посредствомъ кабалы; а за тѣхъ, которые по причинѣ крайней бѣдности давно уже заложили себя, выдавало выкупъ хозяевамъ.

Мѣры сіи увеличили число податного народа и возвысили народонаселеніе государства. Въ 1021 считалось 8.677.677 семействъ и 19.930.320 душъ; въ 1080 возвысилось уже до двойного содержанія—

14.852,684 семействъ и 33.303,889 душъ; а въ 1102 году населенность Сунъскаго государства состояла изъ такого количества, какого уже не было въ послѣдніе періоды существованія этой династіи: итогъ сей заключается въ 20.019,050 семействахъ и 43.820,769 душахъ.

Къ сожалѣнію, плутовство и обманъ были очень знакомы Сунъскимъ чиновникамъ. Хотя правительство поставило въ обязанность земскимъ властямъ стараться о водвореніи бродячаго класса народа въ своемъ округѣ и опредѣлило награды, соотвѣтствующія количеству водворенныхъ семействъ; но чиновники другимъ образомъ привели въ исполненіе благодѣтельное намѣреніе правительства. Вмѣсто того, чтобы останавливать бродячій только классъ народа и способствовать довольству и спокойствію пришельцевъ, чиновники заботились только объ увеличеніи итога семействъ или домовъ въ своемъ вѣдомствѣ и тѣмъ открыть себѣ путь къ повышенію и милостямъ правительства. Съ этою цѣлью они раздѣляли дома, имѣвшіе въ семействѣ нѣсколько душъ мужескаго пола, не позволяли двумъ взрослымъ братьямъ жить вмѣстѣ и составлять одно семейство; отъ такого повсемѣстнаго злоупотребленія естественно увеличивалось число семействъ, но число душъ было не значительно по отношенію къ количеству домовъ, потому что дѣйствительно существующее число душъ нельзя замѣнить вымышленнымъ, иначе съ возвышеніемъ количества душъ должно прибавиться количество податей и число народа, способнаго нести государственныя службы. Всѣ переписи, произведенныя при Сунъской династіи, носятъ на себѣ отпечатокъ такого злоупотребленія тогдашнихъ земскихъ властей. По всѣмъ историческимъ даннымъ количество душъ относится къ числу семействъ какъ 2: 1 и слѣдовательно на одно семейство приходилось только по двѣ души, иногда слишкомъ, но никогда не приходилось по три; почему только списки душъ имѣютъ официальную достовѣрность, напротивъ итоги семействъ не заслуживаютъ никакого вниманія *).

Выше сказано было, что при династіи Сунъ народонаселеніе никогда не было такъ велико, какъ въ 1102 году; но съ этого вре-

*) Эта странность въ переписяхъ *Сунской* династіи, замѣченная г. Біо, повела его къ ложнымъ и страннымъ предположеніямъ. Не принявъ во вниманіе того, что Китай при *Сунъской* династіи значительно сократился въ своихъ предѣлахъ, сравнительно съ предшествовавшими великими династіями,

мени стало клониться къ упадку. Причина такого уменьшенія народа должна заключаться въ тогдашнихъ обстоятельствахъ государства. Два внѣшнія государства Кидань и Ся, покоривъ многія области внутри Великой Стѣны, были очень опасны для Сунъскаго дома. Обстоятельство это, чрезвычайно безпокоившее Китайскую династію, побуждало правительство не пренебрегать никакими средствами для того, чтобы вытѣснить ихъ за предѣлы Великой Стѣны. Еще въ 979 году Сунъское правительство начало предпринимать войны то съ Ордосскимъ ханстомъ Ся, то съ сѣвернымъ дворомъ Китая киданями. Цѣлыя сотни тысячъ приводимы были въ движеніе, и такою же массою солдаты гибли отъ меча непріятельскаго; пораженіе слѣдовало за пораженіемъ. Каждая война почти всегда окапчивалась потерею многочисленнаго войска, уступкою цѣлыхъ областей и, что еще хуже, «безчестіемъ» для Сунъскаго дома представлять этимъ государствамъ ежегодную, довольно тягостную дань, извѣстную подъ пристойнымъ и смягченнымъ названіемъ подарковъ. Естественно, такія неудачи и униженія для Сунъскаго дома побуждали его выискивать всѣ возможные случаи, при которыхъ бы можно было возвратить потери чувствительныя для государства и смыть пятно униженія, нанесеннаго варварами. Слѣдуя ложному направленію вѣка и той мысли, что святость договоровъ въ отношеніи къ иностраннымъ государствамъ не существуетъ для Китайской Имперіи, Сунъское правительство очень часто, и почти всегда первое, нарушало только что заключенный мирный договоръ съ сими

слѣдовательно въ такой же соотвѣтственности уменьшилось число жителей, и не понявъ замѣчанія китайскаго автора касательно вышеизложеннаго нами злоупотребленія чиновниковъ, г. Біо сталъ дѣлать вычисленія полнаго количества жителей; а означенное у китайскихъ писателей приняль за итогъ податныхъ душъ. Между тѣмъ, въ переписи 1080 года, выставленной во всей подробности у *Ма-дуань-линя* (которымъ и пользовался г. Біо) ясно означено число семействъ и душъ постоянныхъ жителей и временныхъ, каждыхъ отдѣльно; а въ слѣдъ за тѣмъ показано число недѣлимыхъ, подлежащихъ казеннымъ повинностямъ. Противъ такихъ данныхъ, и имѣя другія основанія, строго было бы возставать. Сверхъ того, въ подтвержденіе своей мысли, г. Біо приводитъ перепись 1290 года, когда весь Китай соединенъ былъ монголами подъ одну державу. Очевидно, переписи эти должны представлять значительнѣйшій итогъ народонаселенія противъ *Сунъскаго* дома, владѣвшаго половиною Китая. Если соединить показанные итоги народонаселенія *Сунъскаго* дома, владѣвшаго южнымъ Китаемъ, и династіи *Гинь*, покорившей подъ свою власть весь сѣверъ; то народонаселеніе въ этомъ вѣкѣ нарождавшихъ двухъ династій составляетъ даже значительнѣйшее количество противъ того, какое значилось въ 1290 году – въ эпоху соединенія Китая подъ одну державу. Вообще г. Біо нигдѣ въ своемъ изслѣдованіи не отступалъ такъ отъ истины и не дѣлалъ такихъ произвольныхъ догадокъ, какъ при обозрѣніи народонаселенія династіи *Сунъ*.

государствами, и подобная несправедливость всегда сопровождалась новыми потерями для Китая.

Тунгусы—нюйчжэнь возгали противъ киданей, и Сунъ-скій домъ, желая сдѣлать ихъ орудіемъ своей политики истреблять варваровъ варварами—тайно заключилъ договоръ съ ними противъ киданей. Но такъ какъ, при исполненіи договора, китайцы не сдѣлали ничего противъ общихъ враговъ, то тунгусы, понявъ коварство Сунъскаго дома, по праву побѣдителей не только не возвратили ему земель внутри Великой Стѣны, напротивъ, изгнавъ киданей изъ сѣвернаго Китая, отрѣзали значительную часть владѣній у Сунъскаго дома. Китайское правительство снова предприняло войну за собственныя владѣнія; но и здѣсь также было несчастливо: два государя отвезены плѣнниками на рѣку Амуръ, многія области вновь отошли къ тунгусамъ, и въ этой крайности Сунъ-скій домъ принужденъ былъ заключить еще поносительнѣйшій миръ для своей фамиліи—признать себя вассалами Гиньской династіи и ежегодно представлять дань, а не подарки.

Такія войны, веденыя Китаемъ почти безпрерывно въ XI и XII вѣкахъ, оставили глубокія раны въ государствѣ. Народонаселеніе его чрезвычайно уменьшилось: не только гибли солдаты въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, чрезъ что останавливалось размноженіе его; но жители цѣлыхъ областей гибли отъ опустошительныхъ дѣйствій войны, или по договору отходили къ новому правительству, слѣдовательно были потеряны для Сунъскаго дома. Снова предписано земскимъ начальникамъ употреблять все стараніе на то, чтобы возвысить численность населенія и отыскивать избѣгавшихъ переписи, и обѣщаны награды за эти заслуги. Наконецъ постановлено: земскимъ начальникамъ, вновь пріѣхавшимъ на должность, составлять списокъ народа, ввѣряемаго ихъ управленію, и за печатью хранить до окончанія срока, послѣ котораго, при передачѣ должности новому лицу, также обязанному тотчасъ по пріѣздѣ произвести новую перепись, сличать объ переписи и по числу народа судить о заслугахъ перваго. Страхъ подпасть отвѣтственности, или потерять случай къ повышенію, побудилъ чиновниковъ вносить малолѣтнихъ въ списки полновозрастныхъ—способныхъ нести казенныя повинности, и брать за нихъ подать; этимъ они довели народъ до того, что простолюдины

стали лишать жизни собственныхъ дѣтей, лишь бы избавиться отъ платежа новыхъ податей. Правительство, узнавъ объ этомъ, положило выдавать бѣднымъ, послѣ рожденія младенца, денежное вспомоществованіе (4000 мѣдныхъ монетъ), разумѣется, деньги сіи шли въ руки чиновниковъ, а имѣвшіе право на помощь бѣдствовали по прежнему и въ этой крайности продолжали дѣтоубійство. Къ тому присоединились заразы, повѣтрія, наводненія или засухи въ юговосточныхъ провинціяхъ. Бѣдствія сіи довели народъ до такой крайности, что изъ 10 частей двѣ или три частію обратились въ монашество, другіе сдѣлались солдатами, но большая часть разбойниками. При такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ государства, народонаселеніе уменьшилось до половины противъ того, сколько значилось въ переписи 1102 года. Въ 1160 произведенная перепись показывала только: 11.375.733 семейства и 19.229,008 душъ *).

При такомъ упадкѣ народонаселенія въ южномъ Китаѣ, сѣверный, находившійся во власти тунгусовъ, своею населенностью браль значительный перевѣсъ надъ числомъ жителей Сунъскаго дома. Всѣ обстоятельства благопріятствовали подданнымъ династіи Гинь: постоянныя удачи въ войнѣ, менѣе гибельной своими слѣдствіями для побѣдителей; благоденствіе и довольство народное, обитавшія въ Тунгусскомъ царствѣ; постановленія правительства, уничтожавшія всѣ препятствія къ размноженію народа. Предшественники тунгусовъ на престолѣ сѣвернаго Китая - киданьцы чрезвычайно предались буддійской религіи, и по набожности приносили великія пожертвованія храмамъ и монастырямъ этой вѣры; государи и богатые знаменитые дома, кромѣ дорогихъ приношеній деньгами и вещами, приписывали къ монастырямъ поселянъ, обязанныхъ къ двойной подати—одну часть взносить въ казну, а другую въ монастырь, такъ что нѣкоторые изъ монастырей считали въ своемъ владѣніи до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ. При такомъ богатомъ состояніи монастырей, естественно множество народа покидало свои дома и вступало въ монашеское братство, тѣмъ болѣе, что этимъ переходомъ изъ міра человѣкъ отрѣшался и отъ

*) Эта перепись еще яснѣе показываетъ злоупотребленія тогдашнихъ чиновниковъ, по ней и двухъ душъ не приходится на одно семейство.

мірскихъ отношеній--избавлялся отъ казенныхъ податей и повинностей. Тунгусы, послѣ покоренія сѣвернаго Китая, рѣшились уничтожить это обыкновеніе: имѣнія всѣ отобраны въ казну, исключая немногихъ монастырей, которые могли представить жалованную грамоту на обладаніе крестьянами—грамоту, данную только государями китайскими; всѣ монахи, не имѣвшіе грамоты, утверждавшей ихъ въ семъ званіи, возвращены въ міряне, и сверхъ того запрещено кому бы то ни было вступать въ это сословіе безъ предварительнаго разрѣшенія начальства. Такія распоряженія и счастливыя обстоятельства государства произвели самое благодѣтельное вліяніе на народонаселеніе Тунгусской Имперіи, совершенно противоположное состоянію населенности въ южномъ Китаѣ. Такъ въ 1193 году у Сунъскаго дома считалось: 12.302,873 семейства и 27.845,085 душъ, а у Тунгусской династіи въ 1195 было: 7 223,400 семействъ и 48.490,400 душъ *). Такимъ образомъ народонаселеніе Китая, состоявшаго подъ двумя державами въ исходѣ XII вѣка простиралось до 76 335,485 душъ.

Съ этого времени—1195 года—исторія показываетъ обратное отношеніе между населеніемъ того и другого государства. Неурожаи и другія бѣдствія все еще тяготѣли надъ южнымъ Китаемъ. Жители, доведенные до крайности этими бѣдствіями и обременительными налогами, почитали единственнымъ средствомъ къ спасенію, сдѣлавшееся обыкновеннымъ, дѣтоубійство, или выбрасываніе дѣтей изъ дома. Хотя Сунъское правительство и издавало повелѣнія собирать выброшенныхъ дѣтей и воспитывать на казенный счетъ, хотя и заведены были хлѣбные магазины, изъ которыхъ бы преимущественно выдавать вспомоществаніе бѣднымъ, неимѣющимъ средствъ къ пропитанію своего семейства; но столь благодѣтельное учрежденіе не исполнялось. Оно доставляло пользу только чиновникамъ, а бѣдные, имѣвшіе право на эту помощь, невидя ни какой подмоги къ пропитанію, отъ чего дѣтоубійство, по-прежнему, было въ обыкновеніи между бѣднымъ классомъ народа, котораго число было очень велико. Для прекращенія злоупотребленій чиновни-

*) Въ этомъ итогѣ должно считать и жителей Маньчжуріи; но число народа въ кочевыхъ аймакахъ, состоявшихъ на правахъ зависимости, не входитъ въ этотъ счетъ.

ковъ, наконецъ приняты самыя строгія мѣры; постановлено: такимъ бѣднякамъ процентъ казенныя подати и избавлять отъ повинностей; волостнымъ главамъ вмѣнено въ обязанность доносить начальству о тѣхъ семействахъ, которыя чрезвычайно нуждаются въ пропитаніи, а тѣмъ, которые примутъ выброшенное дитя, повелѣно выдавать изъ казны на его содержаніе. Такими средствами множество народа обращено къ осѣдлой жизни. Чиновники обязаны убѣждать бродячій классъ народа оставаться на постоянное жительство; сверхъ того предписано земскимъ властямъ заботиться о пропитаніи бѣдныхъ беременныхъ женщинъ.

Такія распоряженія, несмотря на предшествовавшія бѣдствія, похитившія значительную часть народа, скоро увѣнчались желаемымъ успѣхомъ: народонаселеніе южнаго государства стало возвышаться. Между тѣмъ въ сѣверномъ Китаѣ оно стало упадать. Неизвѣстны причины такого упадка: бѣдствія ли государства, или короткое знакомство простыхъ тунгусскихъ чиновниковъ съ утонченностью злоупотребленій и испорченностью нравовъ въ южномъ царствѣ произвели пониженіе въ итогахъ народонаселенія; только въ эпоху возстанія монголовъ, въ сѣверномъ Китаѣ считалось тремя милліонами душъ менѣе противъ прежняго, тогда какъ у Сунъскаго дома оказалось приращеніе почти въ милліонъ. Такъ въ 1207 году въ Тунгусскомъ царствѣ было 7.684.838 семействъ и 45 816,079 душъ, а въ Сунъскомъ въ 1223 считалось 12.670,801 семейство и 28.320,085 душъ. Сложивъ въ одно обѣ данныя, сумма народонаселенія Китая въ первой четверти XIII вѣка составитъ 74.136,161 души.

1207 годъ—эпоха возстанія Чингисъ-Хана противъ тунгусовъ—былъ эпохою, съ которой династія Гинь начала быстрыми шагами клониться къ упадку, а съ тѣмъ вмѣстѣ стало уменьшаться и народонаселеніе государства. Кромѣ внѣшнихъ непріятелей—монголовъ, производившихъ войну самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, похищавшихъ одну область за другою и тѣмъ сокращавшихъ число подданныхъ Тунгусской династіи—были и внутренніе, которые причиняли еще большій вредъ жителямъ. Сѣверныя провинціи преимущественно требовали сильной защиты противъ стремительнаго вторженія Монголовъ; для чего вызвана большая часть войскъ изъ другихъ областей. Переводъ этихъ войскъ для туземцевъ былъ страш-

нѣс самыхъ внѣшнихъ враговъ: проходившія войска всюду оставляли слѣды своего посѣщенія, производили грабежи и ужасныя опустошенія, какъ бы въ непріятельской землѣ. Народъ, уже встревженный прибавкою податей по случаю войны, при такомъ насиліи отъ своихъ соотечественниковъ покидалъ дома, имущество и бѣжалъ въ скрытныя и безопасныя мѣста. Бродяжничество снова возымѣло свою силу, такъ что въ округахъ изъ 10 частей только одна, и вѣроятно самая бѣднѣйшая, оставалась на своей родинѣ проводить жизнь между надеждою и страхомъ; а около столицы—Пекина, гдѣ скоплялось самое большое и зажиточное населеніе, въ одинъ разъ, по случаю прихода войскъ, разбѣжалось народа до милліона душъ.

Со времени переселенія двора на югъ (1213) всѣ взоры обратились на Хэ-нань и туда устремился народъ; губернія Чжи-ли оставлена была или въ добычу непріятелямъ или собственной судьбѣ; отъ того водворилась нищета и крайняя бѣдность, такъ что вся страна опустѣла. При такомъ положеніи дѣлъ, число податныхъ душъ значительно сократилось, и, слѣдовательно, правительству въ такое критическое время недоставало доходовъ, далеко не покрывавшихъ чрезмѣрныхъ издержекъ. Чтобы поправить это обстоятельство, оно сдѣлало измѣненіе въ монетной системѣ, скоро оказавшейся неудобною; перемѣны слѣдовали за перемѣнами, что привело народъ въ недоумѣніе и внушило недовѣрчивость къ правительству; почему, для поправленія финансовъ, прибѣгли еще къ большему возвышенію податей и налоговъ. Такія мѣры еще болѣе заставили народъ искать спасенія въ одномъ бѣгствѣ, и бродяжничество сдѣлалось всеобщимъ при взаимномъ вспомоществованіи и укрывательствѣ другъ друга, тѣмъ болѣе, что къ чрезмѣрнымъ налогамъ присоединились неурожаи и голодъ въ самой Хэ-нань—житницѣ государства. Правительство, чтобы расположить къ себѣ народъ и извлечь для себя пользу, столь важную въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ государства, повелѣло выдать бѣднымъ пищу и одежду, прощало имъ подати за одинъ годъ, обѣщало возвратить бѣглымъ собственность, если они явятся на прежнее жительство прежде окончанія назначеннаго срока. Когда все это не принесло ожидаемыхъ слѣдствій, положено наказаніе всѣмъ, которые не возвратятся на жительство къ опредѣленному времени, а пока, до возвращенія бѣглецовъ, оставшимся на мѣстѣ жительства взносить за

нихъ подати. Распоряженіемъ этимъ правительство еще болѣе отдалило отъ себя народъ; никто уже не смѣлъ воротиться на родину страшась двойныхъ податей—за себя и за другихъ. Наконецъ, изъ опасенія смятеній, отмѣнены строгія мѣры; но и этимъ правительство не могло пріостановить бродяжничества. Когда монголы, которые впрочемъ и сами наводили ужасъ на побѣжденный народъ своими лютыми и безчеловѣчными поступками, въ 1234 году совершенно покорили своей власти весь сѣверный Китай, находившійся подъ державою Тунгусской династіи; то въ 36 дорогахъ или областяхъ могли внести въ списки только 4.754,975 душъ.

Суньскій домъ и послѣ паденія Тунгусскаго царства продолжилъ еще на нѣсколько лѣтъ сомнительное свое существованіе въ сосѣдствѣ съ такимъ сильнымъ государствомъ, каковы были въ то время монголы. Такое шаткое положеніе южнаго двора требовало чрезвычайныхъ пожертвованій: увеличилась потребность въ большемъ противъ прежняго количествѣ людей, обязанныхъ нести личную службу, или въ работахъ на казну, или въ лагеряхъ; государственные доходы, далеко не покрывавшіе издержекъ, не имѣли другого вѣрнаго источника для своего пополненія, кромѣ возвышенія и увеличенія податей и налоговъ. Коль скоро эта мѣра приводима была въ исполненіе, народъ, изнуренный прежними тяжкими взносами въ казну, по обыкновенію, покидалъ дома и земли и разбѣгался; почему оставались безъ пользы для правительства и тѣ земли, которыя прежде приносили вѣрный доходъ. Бродяжничество распространилось повсюду, какъ и предъ концомъ сѣверной династіи Гинь; къ этому присоединилось нерасположеніе къ правительству народа, потерявшаго вѣру въ правосудіе. Казенныя службы несли одни только бѣдные, а богатые въ такое опасное время почли за лучшее разными происками и подкупами избавить себя отъ всякихъ повинностей и заниматься торговыми предпріятіями, въ такія несчастныя времена приносившими самыя вѣрныя и большія выгоды; отъ того бѣдный классъ народа, образовавъ шайки, сталъ искать средствъ къ своему существованію въ грабежѣ и разбоѣ. Бѣдность и нищета тяготѣли надъ большею частью жителей, такъ что даже въ урожайные годы, когда цѣны на хлѣбъ были очень низки, народъ скорбѣлъ о томъ, какъ достать ему одинъ гарнецъ пшена. Особенно въ юговосточныхъ

провинціяхъ Минь и Чжэ, то есть нынѣшнихъ губерніяхъ Фу-цзянь и Чжэ-цзянъ, гдѣ въ эту эпоху умноженіе народонаселенія достигло конечнаго своего предѣла, гдѣ, по выраженію китайскихъ писателей, плечо сходилось съ плечемъ и рукавъ, терся объ рукавъ, гдѣ потребности жителей давно уже превышали силы и производительность страны, почитавшейся вертепомъ подлаго и развращеннѣйшаго народа—въ этихъ областяхъ народъ проводилъ самую горестную и бѣдственную жизнь. Между тѣмъ провинціи Цзинъ и Чу—нынѣшнія Ху-бэй и Ху-нань, потеряли свою силу и значительность народонаселенія со времени внутреннихъ войнъ въ періодъ троецарствія (220—280); отъ такой малочисленности жителей правительство лишалось выгодъ, которыя могла приносить страна, способная къ земледѣлію—основѣ благосостоянія государства. Несчастное положеніе государства, и крайняя нищета, тяготѣвшая надъ областями, гдѣ народонаселеніе умножилось не соразмѣрно съ производительностію земли, убѣдили наконецъ Китайское правительство и мудрецовъ, «что сила государства не всегда зависитъ отъ многочисленности народа, что излишнее населеніе, несоразмѣрное съ произведеніями страны и средствами продовольствія, умножая классъ негодяевъ и нищихъ, составляетъ бремя для общества и есть внутренній врагъ государства.»

Къ тому же при концѣ Сунъской династіи большая часть полей принадлежала частнымъ владѣльцамъ, обработывавшимъ ихъ чужими руками, тогда какъ способные воздѣлывать землю не имѣли этой собственности и лишь дорогими пожертвованіями могли получать ее въ аренду отъ богатыхъ и жестокихъ владѣтелей. Припасы и необходимыя потребности жизни чрезвычайно поднялись въ цѣнѣ: иныя стали дороже противъ прежняго въ три или пять разъ, а земли и дома въ десять кратъ: подати до того возвысились, что народъ изъ трехъ частей едва могъ вносить одну. При такихъ трудностяхъ для народа, очевидно—бѣдные, снискавшіе только насущный хлѣбъ, не могли обзаводиться семействомъ; отъ того многіе стали вести безбрачную жизнь; отъ того народонаселеніе не могло не только возвышаться въ своемъ числѣ, но даже удерживаться на прежней степени.

Въ послѣднее время существованія Сунъскаго дома переписи

показывали чрезвычайный упадокъ числа жителей, сравнительно съ прежними временами; такъ по докладу палаты финансовъ въ 1264 народонаселеніе южнаго Китая оказалось только въ 5.696.989 семействъ и 13.026.532 души. Чрезъ 16 лѣтъ послѣ сего Сунъскій домъ кончилъ свое существованіе; монголы овладѣли его государствомъ въ 1280 году и такимъ образомъ Китай, въ теченіи почти четырехъ вѣковъ раздѣленный на части, снова соединился подъ одну державу Юаньскаго дома.

До XIII вѣка Китайская Имперія никогда не была такъ обширна въ своихъ предѣлахъ, какъ при династіи, основанной Чингисъ-Ханомъ. Но эта обширность имперіи не имѣла, впрочемъ, вліянія на повышеніе итога народонаселенія при монголахъ, потому что всѣ внѣшнія, на правахъ зависимости состоявшія владѣнія, весь аймачный, раздѣленный между разными владѣтелями народъ, однимъ словомъ жители странъ, находившихся внѣ Великой Стѣны, не вносились въ одни списки съ народомъ, обитавшимъ внутри оной—жителями собственно Китая. Число народа во внѣшнихъ владѣніяхъ или не было извѣстно и самому тогдашнему правительству, или потеряно для исторіи. Впрочемъ и самый Китай при Юаньской династіи получилъ большее единство, и обитатели его тѣснѣе были связаны съ правительствомъ, чѣмъ въ прежнія времена. При Танъской династіи правительство еще не могло свободно и совершенно располагать народомъ провинцій Юнь-нань, Сы-чуань, Гань-су, Хубэй, Ху-нань и Ляо-дунъ; но при Монгольской династіи жители этихъ губерній совершенно подчинены были волѣ его, вносили подати, исполняли повинности на ряду съ прочими обитателями Китая.

Такой перевѣсъ и сила Юаньскаго правительства должны были усилить народонаселеніе Китая сравнительно съ прежними вѣками. Царствованіе Хубилая, послѣ соединенія Китая подъ одну державу, почитается самою блистательною эпохою владычества Юаньскаго дома; перепись, произведенная при немъ въ 1290 году, показываетъ значительную населенность тогдашняго Китая. Но смуты и внутреннія неустройства при концѣ династій Гиньи Сунъ, въ разное время уничтоженныхъ монголами, заставили великое множество народа разсѣяться и вести бродяжническую жизнь; жестокіе и безчеловѣчные поступки монголовъ при покореніи Китая еще

болѣе побудили народъ скрываться отъ новыхъ повелителей. При прежнихъ династіяхъ вошло въ обычай у народа, изнуреннаго тяжкими налогами и во время смятеній искавшаго безопатности, устроивать такіе дома, которые удобно было бы передвигать съ одного мѣста на другое, то есть жить на судахъ. При Юаньской это стало неизбѣжною необходимостью и получило какъ бы законную силу: множество народа строило суда на рѣкахъ и озерахъ и въ этихъ подвижныхъ домахъ основывало свое жительство со всѣмъ семействомъ, а нѣкоторые удалялись въ непроходимыя горы и тамъ селились. Весь этотъ народъ, такимъ образомъ, избѣгалъ строгаго надзора начальства и никогда не былъ внесенъ въ списки.

Къ тому же Монгольская династія распространила въ Китаѣ систему рабства между покоренными китайцами. Государи, на основаніи степныхъ обычаевъ, въ Монголіи имѣвшихъ силу закона, жаловали своимъ родственникамъ обоего пола, женамъ и наложницамъ, князьямъ и заслуженнымъ людямъ, множество народа въ домашніе рабы, и эта раздача производилась довольно щедро, такъ что въ 1281 году, послѣ покоренія провинціи Цзянъ-нанъ, пожаловано было 16 князьямъ отъ 10,000 до 100,000 семействъ каждому; а 36 заслуженнымъ вельможамъ отъ 40,000, до 100,000 семействъ каждому, смотря по заслугамъ. Весь этотъ народъ, если не состоялъ въ числѣ домашнихъ слугъ своего господина, обязанъ былъ платить ему извѣстный оброкъ. Какъ по новости такого распоряженія, такъ и по обременительности его, число бѣглыхъ и бродягъ еще болѣе увеличилось въ государствѣ.

Не смотря на строгіе указы, предававшіе казни и конфискаціи имѣнія всѣхъ тѣхъ, которые станутъ покидать прежнее жительство, не смотря на старанія чиновниковъ, коимъ положено наказаніе за уменьшеніе народа, убѣдить бродягъ возвратиться на родину или приписываться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они имѣютъ временное жительство,—не смотря на все это, великое множество народа проводило жизнь въ бродяжничествѣ и чрезъ то избѣгало внесенія въ списки. Такимъ образомъ перепись 1290 года обнимаетъ только 13.196,206 семействъ и 58.834,711 душъ; въ этотъ итогъ не вошли жившіе въ горахъ, по рѣкамъ и озерамъ на судахъ.

Послѣдующіе государи Юаньскаго дома много прилагали за-

ботливости о народѣ, и своими благодѣтельными распоряженіями и вниманіемъ къ земледѣлію и шелководству, запрещеніемъ продавать своихъ дѣтей въ рабство или кабалить, лишеніемъ монастырей приписанныхъ къ нимъ крестьянъ—много способствовали размноженію населенія и довольству народа. Въ исторіи вездѣ говорится, что народонаселеніе прибавилось въ такое-то время, при такомъ-то государѣ, но не показывается ни общаго итога жителей, ни количества приращенія; почему должно, и съ довольною вѣроятностію можно думать, что народонаселеніе при Юаньской династіи, во время самаго высшаго возрастанія и при счастливыхъ обстоятельствахъ, милліонами десятью и даже двадцатью превышало то количество, какое оказалось по переписи 1290 года.

Основаніе для такого предположенія можно найти: 1) въ географіи Китая того времени, приложенной къ исторіи Юаньской династіи, гдѣ помѣщено подробное исчисленіе народа въ областяхъ и округахъ, отдѣльно въ каждомъ. По этому историческому памятнику, несмотря на то, что затеряны списки многихъ областей и округовъ и даже цѣлыхъ шести губерній Юнь-нань, Гуанъ-дунъ, Фуцзянь, Чжэ-цзянъ, Цзянь-нань, Шань-дунъ, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показано только число семействъ, а опущено число душъ или означено число только податныхъ душъ,—несмотря на все это, общій итогъ представляетъ большее противъ прежняго количество; по этой географіи значится: 13.689,294 семейства и 59.908,969 душъ. 2) Въ томъ, что послѣ всѣхъ внутреннихъ смятеній, при концѣ Юаньской династіи и воцареніи Минъской, народонаселеніе въ 1381 году только нѣсколькими десятками тысячъ было ниже того количества, какое означено въ географіи. Кромѣ сего, если принять во вниманіе народонаселеніе Китая при династіяхъ Гинь и Сунъ, смѣненныхъ Монгольскою, въ 76 слишкомъ, милліоновъ, раздѣленныхъ между двумя правительствами; то во время соединенія Китая подъ Юаньскою державою на означенное количество должно быть приращеніе.

Время вступленія на престолъ Тогонъ-тэмура (1333) составляетъ эпоху, съ которой начались страданія народа. Почти ежегодно являлись естественныя бѣдствія, наносившія гибель народу; засуха или наводненіе, нашествіе саранчи повсюду распространяли голодъ,

сопровождавшійся моровою язвою и землетрясеніями; эти несчастія похитили значительную часть народонаселенія. При такихъ бѣдствіяхъ народъ разсѣялся для снисканія себѣ пропитанія какими бы то ни было средствами; изъ бродягъ скоро образовались шайки разбойниковъ и грабителей, силою достававшихъ себѣ нужное. Несмотря на льготы, оказанныя правительствомъ—прощеніе нѣкоторыхъ повинностей, бродяжничество и волненіе народа не утихало и разбойничьи шайки приняли грозный видъ: губерніи Хэ-нань, Гуанъ-дунъ, Сычуань, Ху-нань, Ху-бэй, Шань-дунъ и даже южная часть Чжи-ли подняли знамя бунта и наполнились мятежниками. Смятенія сіи еще болѣе увеличились, когда въ 1351 году большіе прорывы Желтой рѣки потребовали на поправку множество народа, который собранъ былъ изъ разныхъ губерній на эту казенную повинность, и когда многіе, оставивъ работы, разбѣжались и образовали особенныя шайки или присоединились къ существовавшимъ уже. Предводители скопищъ до того усилились, что у нихъ образовались цѣлыя арміи; увлеченные успѣхомъ, они начали объявлять себя или владѣтельными князьями, или императорами. Примѣромъ ихъ привлечено было много и другихъ соискателей, и потому между предводителями этихъ полчищъ возгорѣлась кровопролитная война. Войска монгольскаго правительства, «отъ изнѣженности и испорченности нравовъ» потерявшія прежнюю храбрость, дѣйствовали неудачно даже противъ отдѣльныхъ партій мятежниковъ. Кровопролитное междоусобіе длилось нѣсколько лѣтъ; наконецъ Чжу-юань-чжанъ восторжествовалъ надъ своими соперниками на югѣ, успѣлъ занять оставленный монголами престолъ имперіи и положилъ начало новой династіи Минъ. Этотъ 30 лѣтній періодъ, въ который весь Китай сдѣлался театромъ безпрерывныхъ кровопролитій, былъ самый пагубный для народонаселенія Китая.

Съ того времени, какъ монголы удалились въ свое отечество, настали тишина и спокойствіе внутри Китая, управляемаго новою династіею Минъ, хотя пограничныя безпокойства и войны еще очень долго длились. Первый государь Миньскаго дома снова подтвердилъ древній обычай—ежегодно во время жертвоприношенія небу въ зимній поворотъ полагать списокъ народонаселенія цѣлаго государства у подножія жертвенника и, по окончаніи жертвоприношенія,

хранить его въ южной столицѣ (Нань-цзинъ, извѣстный Нанкинъ), въ особо устроенномъ для того залѣ. Для чего опредѣлено было производить перепись народа ежегодно; а чрезъ десять лѣтъ повѣрять число народа, означеннаго въ ежегодныхъ переписяхъ, или производить всеобщую ревизію. При началѣ Минъской династіи, не смотря на внутреннія войны и потрясенія государства при концѣ Юаньскаго дома, народонаселеніе Китая представляло довольно значительную численность; по переписи, произведенной въ 1381 году, оказалось 10.654.362 семейства и 59.873,305 душъ.

Между тѣмъ монголы и изъ-за Великой Стѣны не отлагали своего намѣренія возвратить престолъ китая. Чтобы остановить всѣ ихъ попытки—вторгнуться внутрь Великой Стѣны и когда-нибудь достигнуть своей цѣли, Минъскій домъ долженъ былъ предпринять великія усилія и сдѣлать чрезвычайныя пожертвованія. Не только нужно было возобновить или вновь продолжить Великую Стѣну на всемъ протяженіи, начиная отъ восточнаго моря до предѣловъ Хухэнора—для какого предпріятія потребовались милліоны рукъ, не только нужно было укрѣпить этотъ мнимый оплотъ противъ вторженій кочевыхъ завоевателей сильными гарнизонами, которые для укомплектованія требовали болѣе милліона людей; но еще необходимо было предпринять походы внутрь Монголіи на сѣверъ, гдѣ была главная ставка монгольскаго хана. Походы сіи не всегда увѣнчивались успѣхомъ, стотысячныя арміи гибли въ песчаныхъ степяхъ. А между тѣмъ, въ продолженіи почти двухъ съ половиною столѣтій, пограничныя мѣста рѣдко видѣли спокойствіе; набѣги и вторженія монголовъ въ какую-нибудь заставу производили ужасное опустошеніе въ ближайшихъ городахъ и селеніяхъ. По свидѣтельству исторіи, послѣ сраженія въ Калганской долинѣ, 500-тысячная армія исчезла частію въ битвѣ, а частію уведена была въ плѣнъ въ Монголію вмѣстѣ съ своимъ государемъ.

Для того, чтобы содержать въ исправности границу и съ успѣхомъ противодѣйствовать частымъ вторженіямъ монголовъ, съ самаго воцаренія Минъскаго дома учреждены военныя поселенія по всему протяженію Великой Стѣны. Солдаты обязаны были въ мирное время обработывать землю частью на себя, частью на казну; а въ случаѣ вторженія непріятелей, выступать на защиту—нести настоящую воен-

ную службу. Такая двойная повинность для военнопашцевъ была очень обременительна и особенно становилась невыносимою отъ главныхъ начальниковъ, которые, бывъ назначаемы дворомъ, большею частію пріѣзжали изъ столицы съ ничтожными свѣдѣніями въ военномъ дѣлѣ, съ незнаніемъ мѣстности и положенія обстоятельствъ; они только производили безпорядокъ и измѣненіе въ прежнихъ учрежденіяхъ и обременяли подчиненныхъ распоряженіями, приносившими государству и солдатамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. При такой тягостной службѣ, солдаты начали объявлять себя умершими, или убѣгать отъ своего поста внутрь государства, гдѣ вступали въ монастыри, или дѣлались слугами въ богатыхъ домахъ, которые могли защитить ихъ отъ поисковъ начальства; а многіе рѣшились снискивать себѣ пропитаніе собственными силами, посредствомъ грабежа и разбоя. Этотъ бѣглый классъ народа подалъ пагубный примѣръ всѣмъ, которые подлежали казеннымъ повинностямъ. Бродяжничество, какъ и при прежнихъ династіяхъ, распространилось всюду, особенно въ губерніяхъ Сы-чуань, Гуанъ-дунъ и Хэ-нань; цѣлыми сотнями тысячъ возвращали на прежнее жительство или приписывали тамъ, гдѣ были отысканы, такъ что Хэ-наньскій губернаторъ въ одинъ разъ болѣе 110,000 семействъ водворилъ на постоянное жительство; а въ 1471 году, также въ одинъ разъ, возвращено на родину болѣе 1.400,000 бѣглыхъ, но изъ нихъ, впрочемъ, изъ 10 частей погибло семь въ дорогѣ.

При такомъ бродяжничествѣ, производимыя переписи не могли быть отчетливо вѣрны. Правда, народонаселеніе Китая при Минъской династіи нѣсколько возвысилось противъ того, сколько значилось въ переписяхъ прежнихъ династій; но съ другой стороны переписи, произведенныя въ разное время при Минъской династіи, по взаимномъ сличеніи между собою, показываютъ мгновенное повышеніе и упадокъ народонаселенія. Для доказательства, всѣ переписи предлагаются здѣсь въ одной общей таблицѣ.

Христ. годы.	Число семействъ.	Число душъ.	Христ. годы.	Число семействъ.	Число душъ.
1381.	10.654.362	59.873.305	1466.	9.202.718	60.653.724
1393.	10.652.870	60.545.812	1486.		65.442.680
1402.	10.626.779	56.301.026	1487.		50.207.134
1403.	11.415.829	66.598.337	1491.	9.113.446	53.281.158
1404.	9.685.020	50.950.470	1504.		60.105.835
1411.	9.533.692	51.446.834	1505	12.972.974	
1412.	10.992.436	65.377.630	1506.	9.151.773	46.802.005
1413.	9.684.916	50.950.245	1513.		63.300.000
1454.	9.466.288	54.338 476	1522.	9.721.652	60.861.273
1462.	9.385.012	56.370.250	1578.	10.621.436	60.692.856
1463.	9.107.205	60.479.330			

Изъ этой таблицы ясно можно видѣть, что народонаселеніе Китая при Минъской династіи постоянно колебалось между 50 и 66 милліонами душъ. Самая высшая точка, до которой оно возвысилось,—это итогъ переписи 1403 года, по которой оказалось: 66.598,337 душъ; а самый большій упадокъ его предегавляла перепись 1506 года, именно 46.802,005 душъ.

Надобно замѣтить, что эти данныя показываютъ совершенно противныя слѣдствія тѣхъ причинъ, которыя при прежнихъ династіяхъ имѣли самое сильное вліяніе на численность народа. При Минъской династіи все шло наоборотъ: во время счастливаго положенія государства, когда внутри царствовали тишина и глубокій миръ, и не было естественныхъ бѣдствій, причиняющихъ гибель народу, народонаселеніе упадало въ своемъ числѣ; напротивъ, во время войны и бѣдствій показано возрастающимъ. Такъ, въ 1381 году, бунтъ, произведенный Чэнъ-юанемъ, породилъ убійства и бродяжничество въ такой же силѣ, какъ при концѣ Суйской династіи; между тѣмъ чрезъ 20 лѣтъ послѣ сего, когда народъ наслаждался спокойствіемъ и сталъ размножаться, въ 1402 году, убавилось 3.572,279 душъ противъ переписи 1381 года. Послѣ трехлѣтней кровопролитной войны между дядею и племянникомъ за престолъ (1399—1402), когда войскамъ не было отдыха и губерніи, чрезъ которыя шелъ пекинскій князь, были ужасно опустошены за вѣрность законному государю, народонаселеніе, однако, противъ прежняго воз-

выслось 10.297,311 душами (по переписи 1403 года); а въ слѣдующемъ 1404 году опять уменьшилось противъ 1402 года 5.350,556 душами. Въ 1412-мъ опять прибавилось 13.930,796 душъ, а въ 1413-мъ, когда включенъ былъ Ань-наньскій народъ въ число жителей Китая, напротивъ убавилось на 14.427,386 душъ. По переписи 1486 года народонаселеніе стояло 15.235,546 душами выше противъ слѣдующаго 1487. Въ 1506 году убавилось противъ 1504-го 13.303,785 душъ. Послѣ этого года во всѣхъ губерніяхъ происходили смятенія и возмущенія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, между тѣмъ въ 1513 году уже оказалось приращеніе народа въ 17.000,000 душъ. Странность такая совершенно уничтожаетъ всякое довѣріе къ переписямъ народа, произведеннымъ при Минъской династіи, и китайскіе писатели причиною такой не сообразности въ возрастаніи и уменьшеніи народонаселенія полагаютъ то, что чиновники производили перепись народа и повѣряли прежніе списки не съ большою точностію и строгимъ вниманіемъ къ своей обязанности.

Послѣдніе 24 года существованія Минъскаго дома были самые гибельные для народонаселенія Китая. Съ одной стороны, на сѣверовостокѣ, оскорбленные притѣсненіями тунгусы стали производить нападенія на Чжи-ли, опустошали города и деревни, покорили цѣлую область—древнее владѣніе Китая —Ляо-дунъ своей власти: съ другой, на западѣ, внутри имперіи поднялись собственные подданные противъ своихъ соотечественниковъ и государя. Голодъ въ губерніи Шанъ-си произвелъ бродяжничество и грабительство, которыя сначала были незначительны; но въ послѣдствіи число разбойниковъ стало увеличиваться и предводители ихъ, образовавъ изъ бѣднаго праздnаго народа цѣлыя арміи, выступили изъ опустошенной ими губерніи въ другія, представлявшія большія выгоды ихъ хищничеству. Губерніи Хэ-нань, Сань-си, Цзянъ-нань, Шань-дунъ, Хугуанъ, Сы-чуань вдругъ наполнились мятежниками, которые причинили большій вредъ государству и гибель народу, чѣмъ тунгусы на сѣверовостокѣ. Во всѣхъ мѣстахъ, куда они ни приходили, не только имущество жителей подвергалось конфискаціи, но ими же ограбленные часто принуждены были, для снисканія пропитанія, вступать въ ихъ сообщество. Мятежники находили удовольствіе мучить и самымъ варварскимъ образомъ умерщвлять беззащитный на-

родъ; въ порывѣ звѣрскаго изступленія они не рѣдко предавали совершенному истребленію жителей цѣлыхъ городовъ.

Притомъ въ Китаѣ издавна существуетъ особое понятіе касательно изъявленія вѣрности къ престолу—понятіе, по которому народъ, при крайнемъ положеніи государя и отечества, ничего не предпринимаетъ къ вспомоществованію, а только, предавшись въ волю судьбы, сложа руки, дожидается мятежниковъ или непріятелей, и при первомъ ихъ появленіи умерщвляетъ себя вмѣстѣ съ семействомъ, полагая въ этомъ выраженіе своей вѣрности государю. Мнѣніе это существуетъ не только между слабымъ и беззащитнымъ народомъ, но даже между защитниками государства,—военачальниками, которые вмѣсто того, чтобы съ честью окончить жизнь свою за престолъ на полѣ битвы, часто, не давъ сраженія, умерщвляютъ себя и тѣмъ ускоряютъ потерю крѣпости и гибель войска. Въ слѣдствіе такого ложнаго понятія множество народа, при государственныхъ переворотахъ, лишало себя жизни нерѣдко даже и тогда, когда не предстояло никакой необходимости прибѣгать къ такимъ отчаяннымъ мѣрамъ, когда непріятель, нападая на одни только войска, и не думалъ касаться жизни мирнаго и беззащитнаго гражданина; между тѣмъ какъ сохранивъ жизнь, можно бы въ послѣдствіи на дѣлѣ показать благородныя чувствованія и свою приверженность къ царствующему дому.

Такъ и во время потрясеній государства, при концѣ Минъской династіи, многія тысячи народа дѣлались жертвою ложнаго убѣжденія и, что еще хуже, убивали собственныхъ малолѣтнихъ дѣтей, которые не могли обращать на себя вниманія буйныхъ мятежниковъ. Народъ погибалъ отъ жестокости бунтовщиковъ, которыхъ число китайскіе писатели полагаютъ по меньшей мѣрѣ до милліона, и отъ собственнаго заблужденія. Истребленіе это и гибель народа были всеобщи: большія улицы, перекрестки—мѣста, куда отвсюду стекалось великое множество народа, теперь сдѣлались также пусты, какъ и самые отдаленные закоулки. Наконецъ мятежники приняли положительный планъ и опредѣленную цѣль для своихъ дѣйствій: предводитель отъявленныхъ головорѣзовъ Ли-цзы-чэнъ дерзнулъ посягнуть на похищеніе престола. Съ этою цѣлью вся масса ихъ двинулась на сѣверъ и по трупамъ многочисленныхъ гражданъ подступила къ

стѣнамъ Пекина, который измѣнпически отворилъ ворота предъ мятежниками. Минъскій государь самоубійствомъ прекратилъ жизнь свою, и на его тронѣ возсѣлъ Ли-цзы-чэнъ въ началѣ 1644 года.

Въ началѣ того же злополучнаго для Китая 1644 года тунгусы, образовавшіе уже сильное государство Маньчжу, послѣ долговременной борьбы съ Китаемъ за свою независимость и продолжительнаго ожиданія заключить мирный договоръ съ падмепнымъ и въ несчастіи минъскимъ правительствомъ на правахъ равенства державъ, двинулись съ своею арміею къ Пекину, чтобы оружіемъ придать вѣсу своимъ требованіямъ и положить конецъ долговременной войнѣ на границахъ. Между тѣмъ несчастныя перемѣны въ китайскомъ правительствѣ, дошедши до свѣдѣнія маньчжуръ, совершенно измѣнили политику и намѣренія ихъ, особенно когда передавшіеся на ихъ сторону китайскіе чиновники и главнокомандующій восточнымъ корпусомъ У-саньгуй побуждали ихъ итти противъ хищника престола и покорить своей власти имперію. Въ скоромъ времени взятъ былъ маньчжурами Пекинъ, куда государь поспѣшилъ переѣхать съ своимъ дворомъ; армія двинулась преслѣдовать бѣжавшаго Ли-цзы-чэна. Народъ, который въ теченіи 20 лѣтъ на видалъ спокойствія отъ своихъ соотечественниковъ, который всякій день страшился за свою жизнь и собственность, народъ, не смотря на пепависть и презрѣніе, которыя вообще питаютъ китайцы къ племенамъ заграничнымъ, очень расположенъ былъ признать подданство новому и чужеземному правительству. Смуты и мятежи, бывшіе при концѣ Минъской династіи, расположили его къ тому и, вѣроятно, покореніе Китая маньчжурами, послѣ истребленія Ли-цзы-чэна, скоро бы пришло къ концу, если бы не являлись потомки прежняго дома съ своими притязаніями на престолъ и не поставляли народа въ сомнѣніе, какому правительству покориться; отъ того завоеваніе Китая во всемъ его пространствѣ длилось почти 18 лѣтъ. Въ этотъ 40-лѣтній періодъ—съ того времени, какъ поднялись мятежи раздиравшіе Китай при концѣ Минъской династіи, до совершеннаго покоренія его маньчжурами—погибло народа безчисленное множество; ибо весь этотъ переворотъ и сопряженныя съ нимъ бѣдствія происходили на всемъ протяженіи государства и совершились большею частью въ центрѣ

имперіи, гдѣ съ давнихъ временъ народонаселеніе было самое многочисленное.

Съ самаго вступленія маньчжуръ въ предѣлы Китая обращено было вниманіе на составленіе списковъ народа, куда, разумѣется, спачала вносили только покорившихся. Съ этою цѣлью вскорѣ введено было въ покоренныхъ мѣстахъ волостное управленіе: надъ десятью домами поставленъ десятникъ, надъ десятью десятками сотникъ, а десять сотенъ составили волость, которою завѣдывалъ волостной голова. Каждый домъ долженъ былъ приклеивать на воротахъ ежегодно отъ мѣстнаго начальства выдаваемую таблицу, на которой обитатели дома должны были означать имя и прозваніе главы семейства, число душъ обоего пола, занятіе и промыселъ, отъѣздъ и возвращеніе, переселеніе изъ одного мѣста въ другое, или перемѣщеніе съ одной квартиры на другую. Волостной голова, кромѣ другихъ обязанностей, вмѣстѣ съ сотниками и десятниками, долженъ былъ производить перепись въ вѣдомствѣ его состоящаго народа ежегодно; а въ пять лѣтъ однажды земскіе начальники округовъ и уѣздовъ, на основаніи постановленій минъскаго правительства, должны были посылать изъ своего правленія людей для общей ревизіи народа, состоящаго въ ихъ управленіи.

При началѣ Маньчжурскаго владычества въ Китаѣ—особенное вниманіе было обращаемо на тотъ классъ народа, который могъ приносить пользу правительству взносомъ податей и повинностей, одпимъ словомъ: народъ съ полными тѣлесными силами отъ 16 до 60 лѣтъ. Земское начальство особенно заботилось только о полновозрастныхъ; съ должною внимательностью вело списки того класса и прилагало особенное стараніе объ увеличеніи числа его. Но и этотъ классъ въ началѣ былъ не значителенъ сравнительно съ огромною массою цѣлаго народонаселенія Китая.

Народъ еще чуждался новаго правительства и въ слѣдствіе военныхъ дѣйствій, происходившихъ если не во всей имперіи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, многіе находили предлогъ и случай укрываться отъ взоровъ начальства. Чувствуя всю невыгоду отъ такого укрывательства и ясно понимая, что означенное въ спискахъ число народа далеко не достаетъ до цѣлаго населенія Китая, и правительство положило давать отмѣтки въ послужныхъ спискахъ зем-

скимъ начальникамъ, въ послѣдствіи даже высшимъ властямъ губерніи, какъ-то: правителю области, прокурору, предсѣдателю казенной палаты, губернатору и генералъ-губернатору, если въ представленныхъ ими спискахъ окажется приращеніе народа, способнаго нести казенныя повинности. При всѣхъ такихъ поощреніяхъ число душъ, внесенныхъ въ списки спустя 17 лѣтъ отъ воцаренія маньчжуръ, могло въ 1661 году только возвыситься до 20.968,609 душъ.

Съ того же года настало спокойствіе государства и народонаселеніе должно бы возвышаться, по крайней мѣрѣ, при поощреніяхъ начальникамъ и правителямъ, списки податныхъ душъ должны бы представлять большій итогъ сравнительно съ переписью 1661 года, если бы чрезъ 12 лѣтъ послѣ сего не произошли въ государствѣ новыя разстройства, которыя лишили Китай спокойствія, только что водворившагося, и не произвели пагубнаго вліянія на народную массу.

Въ 1673 году У-сань-гуй поднялъ бунтъ противъ Маньчжуръ. По плану, заранѣе и искусно обдуманному, мятежъ этотъ совершенно отличался отъ тѣхъ бунтовъ, которые прежде поднимали атаманы разбойниковъ, и война начата была въ самомъ центрѣ Китая. Слава У-сань-гуя, какъ искуснаго полководца, и его происхожденіе изъ китайцевъ, все это сильно подѣйствовало на умы и расположеніе народа; вскорѣ всѣ южныя и западныя провинціи покорились основателю новой династіи, и только пять сѣверныхъ губерній остались вѣрными маньчжурамъ. Усмиреніе сего мятежа продолжалось семь лѣтъ и въ это смутное время были опустошены цѣлыя губерніи, особенно Юнь-нань, Гуй-чжоу, Гуанъ-си, и Сы-чуань; пашни запустѣли, множество народа или погибло отъ той и другой арміи, или, покинувъ свои жилища, разсѣялось.

Отъ того, послѣ водворенія спокойствія, число податныхъ душъ нисколько не прибавлялось и только чрезъ 30 лѣтъ послѣ этого потрясенія государства—когда жители многихъ областей, прежде избавленные отъ казенныхъ повинностей, внесены были въ число податнаго народа, когда обширная губернія Сы-чуань населена была добровольными переселенцами изъ другихъ многолюдныхъ мѣстъ,—тогда только оказалось приращеніе въ итогѣ податныхъ душъ. Въ 1711 году считалось 24.621,334 души.

Всѣ старанія правительства умножить число податныхъ душъ увѣнчались маловажными успѣхами. По мѣрѣ распространенія спокойствія и довольства въ государствѣ, возрастала численность населенія его; между тѣмъ, не смотря на большія переселенія народа изъ тѣсныхъ областей въ обширную Сы-чуань, отношеніе существенныхъ средствъ для жизни далеко отстояло отъ чрезмѣрнаго народонаселенія; основаніе благоденствія и довольства народнаго—земледѣліе—не имѣло количества пахотныхъ земель достаточнаго для продовольствія и занятія главнаго класса народа. Народъ съ каждымъ днемъ умножался, между тѣмъ количества земель нисколько не прибавлялось. Почему, при такой недостаточности земель, если бы обложить весь народъ податью, очевидно возникли бы укрывательства и бродяжничество, существовавшія въ Китаѣ при всѣхъ династіяхъ; а эти праздныя бродячія толпы всегда производили разбои, переходившіе въ мятежъ и междоусобную войну, обыкновенно оканчивавшіеся паденіемъ династій. По всей вѣроятности, соображенія, выведенныя изъ вѣкового опыта, побудили правительство оказать народу дотолѣ неслыханную въ Китаѣ милость. Въ 1712 году изданъ милостивый указъ, которымъ число податныхъ душъ 1711 года принимается навсегда за постоянное и опредѣленное количество людей, подлежащихъ казеннымъ повинностямъ, а остальной народъ, сколько бы его ни народилось, навсегда свободенъ отъ податей.

Впрочемъ, такимъ опредѣленіемъ числа податныхъ душъ не уничтожалась необходимость знать полное и дѣйствительно существующее народонаселеніе государства. Для представленія небу и отсылки въ приказъ исторіи списковъ народа и для разныхъ государственныхъ соображеній требовалось знать количество народа, приращеніе и убыль его; а потому, по прежнему, вмѣнено въ обязанность волостнымъ головамъ ежегодно составлять списки народа для уѣзднаго или окружного правленія, отъ котораго они зависятъ. Уѣздное или окружное правленіе, сложивъ число жителей всѣхъ волостей въ общемъ итогѣ народонаселенія цѣлаго уѣзда или округа, представляетъ областному правленію, изъ котораго общій итогъ народонаселенія всей области отсылается въ казенную палату; отсюда вѣдомость народонаселанія всей губерніи, чрезъ губернатора или генералъ-губернаторнатора, препровождается въ палату финансовъ.

Министерство, соединивъ въ одну общую вѣдомость народонаселеніе всего государства, въ концѣ года представляетъ государю на разсмотрѣніе.

Такъ какъ указомъ 1712 года навсегда опредѣлено число податныхъ душъ и въ слѣдствіе того отмѣнены награды чиновникамъ за увеличеніе числа податнаго народа, оказавшіяся уже ненужными: то возникли тѣ злоупотребленія въ народной переписи, которыя едва ли не продолжаются и до настоящаго времени. Чиновники и правители областей, которые изъ всего стараются извлекать собственныя выгоды, не видя въ строгомъ надзорѣ за точнымъ исполненіемъ переписи ввѣреннаго ихъ управленію народа никакой для себя пользы, и думая, что вѣрная перепись не доставитъ ни какихъ выгодъ самому правительству, совершенно пренебрегли этимъ дѣломъ, оставили его на волю своимъ подчиненнымъ и часто повторяемые указы принимали за «пустыя, для украшенія рѣчи служащія слова». Такая небрежность побудила правительство обратить строгое вниманіе на дѣло сіе и, съ вступленія на престолъ (1736) государя правленія Цянь-лунъ, изданы многія и полныя постановленія касательно производства народной переписи. Подтверждено волостнымъ головамъ самымъ вѣрнымъ образомъ ежегодно составлять списокъ народа своей волости и представлять въ уѣздное или окружное правленіе, которое въ 5 лѣтъ однажды должно посылать отъ себя людей для повѣрки дѣйствительно существующаго числа жителей съ означеннымъ въ спискахъ, поданныхъ въ разное время волостными головами. По постановленію, въ волостной списокъ могутъ быть внесены только тѣ лица, которыя въ томъ мѣстѣ имѣютъ домъ, собственную землю, или кладбище; временные жители: рабочій, мастеровой, промышленный и торговый классъ народа, безъ сихъ условій, не могутъ быть внесены въ мѣстные списки и переселенецъ, не имѣющій такой собственности, только чрезъ 20 лѣтъ можетъ быть включенъ въ число туземцевъ. Въ волостныхъ спискахъ значатся чиновники, которые вышли изъ простолюдиновъ, а не изъ военнаго званія, и сколько бы ни было колѣнъ съ того времени, какъ первый изъ ихъ рода возвысился до этого званія, они все должны вписываться на мѣстѣ своей родины; почему разжалованный или оставившій должность, по какимъ нибудь обстоятельствамъ и по слу-

чаю траура, не можетъ проживать въ другомъ мѣстѣ, а обязанъ непремѣнно возвратиться въ мѣсто своего происхожденія. Для людей военнаго сословія знамена, къ которымъ они принадлежатъ по службѣ или происхожденію, составляютъ корень и родину. Всякій, даже гражданскій чиновникъ, гдѣ бы ни находился на службѣ, всегда черезъ свое начальство дастъ извѣстіе въ свое родовое знамя о числѣ своего семейства, приращеніи и уменьшеніи его, куда и возвращается послѣ отставки и во время траура. Находящіеся постоянно при знамени чиновни и солдаты немедленно доносятъ своему начальнику о приращеніи и уменьшеніи членовъ семейства; а въ пять лѣтъ однажды унтеръ-офицеры, по приказанію начальника роты, повѣряютъ число душъ обоего пола, находящихся въ ротѣ. Составленный ими списокъ представляется начальнику знамени, который отсылаетъ въ военную палату списокъ состоящаго въ его вѣдомствѣ народа. Вотъ два мѣста, гдѣ вписывается народъ всего государства! Всѣ жители городовъ, всѣ сословія относятся къ тому или къ другому, и ни для кого нѣтъ особенныхъ исключеній. Кромѣ сего губернаторы и генералъ-губернаторы должны ежегодно вытребовать отъ своихъ подчиненныхъ земскихъ начальниковъ списки народонаселенія подвѣдомственнаго имъ округа или уѣзда, и представлять прямо государю въ общемъ итогѣ число народа, ввѣреннаго ихъ управленію, для того, чтобы послѣ сличить съ ревизскими сказками, представляемыми палатѣ финансовъ.

Изъ всѣхъ списковъ народа, составленныхъ на основаніи вышеизложенныхъ постановленій, и представленныхъ правительству съ 1736 до 1812 года, обнародовано только девять, именно:

Христіанск. годы.	Число душъ, оказавшихся по переписи.	Христіанск. годы.	Число душъ, оказавшихся по переписи.
1749.	177.495.339	1776.	268.238.181
1757.	190.348.328	1780.	277.548.431
1761.	201.013.344	1783.	284.033.785
1767.	209.839.547	1812.	361.693.179
1771.	214.647 251		

Въ эти итоги не вошли всѣ лица, принадлежащія къ военному сословію по службѣ или происхожденію, и всѣ инородческія племена, обитающія внутри Китая. Инородцы Мяо, Ли, И, издавна обитая въ горахъ, до сего времени сохранили свои суровые нравы и, при всѣхъ стараніяхъ правительства совершенно подчинить ихъ своей власти, они доселѣ удержали свою независимость; отъ того мѣстные ближайшіе чиновники никогда, при всѣхъ династіяхъ, не могли собрать полныхъ и подробныхъ свѣдѣній о численности сихъ враждебныхъ племенъ. Впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ, ближайшія къ китайскимъ городамъ и селеніямъ, давно уже измѣнили своимъ кореннымъ обычаямъ и вступили въ совершенное подданство, и число ихъ внесено въ общій итого народонаселенія Китая. Народонаселеніе Монголіи, Туркестана, Тангута и другихъ племенъ, управляемыхъ своими родовыми владѣтелями, исчисляется особенно и представляется въ палату внѣшнихъ сношеній и слѣдовательно также не входитъ въ число народа, котораго списки находятся въ палатѣ финансовъ.

Изъ предложенныхъ выше итоговъ народонаселенія Китая видно, какъ высоко стоитъ оно при настоящей Цинъской династіи, сравнительно съ прежними временами. По послѣднему, оффиціально обнародованному въ 1812 году, итогу оно возвысилось почти въ шесть разъ противъ народонаселенія счастливой эпохи Минъской династіи. Правда, нынѣшнимъ правительствомъ сдѣланное опредѣленіе извѣстнаго числа податныхъ душъ, существующее на однихъ правахъ болѣе столѣтія, уничтожило тѣ причины, которыя при прежнихъ династіяхъ побуждали народъ бродить изъ мѣста въ мѣсто и скрываться отъ переписчиковъ, для избѣжанія повинностей, тогда какъ въ настоящее время каждый спокойно можетъ позволить внести свое имя въ ревизію, не опасаясь, что съ него потребуютъ подати. Милостивое постановленіе это доставило народу и другую выгоду—свободу по своему желанію заниматься такимъ промысломъ, который чуждъ всякой платы правительству, и слѣдовательно открылась возможность, всѣ свои средства употреблять на продовольствіе себя и своего семейства, почему довольство стало гораздо доступнѣе бѣднякамъ, трудами рукъ своихъ снискивающимъ только одно пропитаніе. Кромѣ сего, при настоящей династіи, при чрезмѣрномъ народо-

населеніи, естественно развилась внутренняя промышленность и торговля въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ, которыя доставляютъ вѣрное пропитаніе милліонамъ жителей; особенно внѣшняя торговля никогда въ Китаѣ не была такъ обширна, какъ при Маньчжурскомъ правительствѣ, открывшемъ свои порты и заставы для иностранныхъ государствъ. Позволеніе это приноситъ важныя выгоды Китаю, гдѣ народонаселеніе далеко превышаетъ производительность земли, гдѣ земледѣліе, при такомъ многолюдствѣ, не имѣетъ для себя соотвѣтственнаго количества пашенъ. Очевидно всѣ эти причины очень могли и могутъ способствовать пропитанію и довольству народа и слѣдовательно размноженіе его, нисколько не останавливаясь, могло подвигаться впередъ. Но съ другой стороны, не смотря на довѣріе къ документамъ правительства, можно изъявить нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ огромнаго числа жителей, официально обнародованнаго и предложить такія возраженія, которыя вытекаютъ: 1) изъ историческаго хода размноженія китайскаго народа; 2) изъ тѣхъ злоупотребленій, которыя существуютъ въ Китаѣ при производствѣ народной переписи, злоупотребленій, или усматриваемыхъ изъ другихъ, также официальныхъ, документовъ, или давно уже высказанныхъ самими китайцами—людьми должностными—въ своихъ сочиненіяхъ и докладахъ, подаваемыхъ государю.

Еще во 2-мъ году по Р. Х. населеніе Китая считалось въ 59 милліоновъ. Прошли столѣтія, и народонаселеніе въ счастливые періоды постоянно колебалось около сего числа: Танъская династія не насчитывала и того количества; во 2-мъ тысячелѣтіи, у Сунъской и Гиньской вмѣстѣ, значилось 76 милліоновъ; смѣнившая ихъ династія Юань, положимъ, имѣла 80 милліоновъ; при Минъской только уже 66 милліоновъ. Такимъ образомъ, въ теченіи 1. 400 лѣтъ, народонаселеніе очень не многимъ возвысилось. Является Маньчжурская династія и, чрезъ 105 лѣтъ отъ воцаренія и чрезъ 350 лѣтъ послѣ самаго высшаго приращенія народа при Минъской династіи,—въ 1749 году Китай уже населенъ 177 милліонами! Правда, никогда не былъ такъ обширенъ въ своихъ предѣлахъ, какъ при настоящей династіи; никогда такъ долго не наслаждался онъ глубокимъ спокойствіемъ и миромъ, какъ при Маньчжурскомъ правительствѣ, при которомъ только и было два происшествія, которыя своими пагубными

слѣдствіями могли имѣть вліяніе на пониженіе численности народа—это бунты У-сань-гуя и сектаторовъ «бѣлаго ненюфара» (байлянь-цзяо). Съ другой стороны надобно обратить вниманіе на то потрясеніе государства при концѣ Миньскаго дома, когда, въ теченіе 20 слишкомъ лѣтъ, на всемъ протяженіи Китая свирѣпствовали мятежники, варварски истреблявшіе своихъ мирныхъ соотечественниковъ; на тотъ переворотъ, который доставилъ престолъ Маньчжурамъ, утвердившимся въ Китаѣ не безъ большихъ кровопролитій; на усмиреніе У-сань-гуя: все сіе совершилось и происходило внутри Китая, котораго жители были главными дѣйствующими лицами въ этой драмѣ. Когда эта буря пронеслась надъ Китаемъ, когда все стихло, все пришло въ обыкновенный порядокъ, чрезъ 70 лѣтъ вдругъ нарастаетъ 111 милліоновъ, (какъ будто для одного Китая и бываетъ подобное приращеніе). Народъ множится въ общей сложности только при достаточномъ и соразмѣрномъ его возрастанію продовольствіи, которое главнымъ образомъ получается отъ земледѣлія. Но, по офиціальнымъ документамъ, Китай въ настоящую эпоху имѣетъ пахотныхъ земель: 792.037,852 полосы (му.). Слѣдовательно на каждую душу, по офиціальному итогу народонаселенія 1812 года, приходится только по двѣ полосы, а по итогу 1842 года менѣе того. Каждая полоса, при самомъ счастливомъ урожаѣ, даетъ риса два мѣшка, а другого хлѣба не болѣе одного мѣшка, который содержитъ въ себѣ 4 съ небольшимъ пуда. Итакъ, принявъ за среднее число самаго счастливаго урожая полтора мѣшка на полосу земли—мы увидимъ, что китаецъ довольствуется 6 пудами хлѣба въ годъ. Привозъ хлѣба изъ за границы весьма незначителенъ. Правда, въ Китаѣ обитаетъ страшная нищета, охватившая многочисленный классъ народа, и бѣдный, по недостатку продовольствія, долженъ изыскивать многоразличныя средства для своего пропитанія: замѣняетъ хлѣбъ кореньями дикихъ травъ, почками и листьями деревъ, какъ напримѣръ вяза, который въ глазахъ самаго китайскаго правительства считается однимъ изъ средствъ народнаго продовольствія и обращаетъ для себя въ пищу все нечистое и вредное. Но такое продовольствіе не питаетъ людей, а сокращаетъ ихъ жизнь и, слѣдовательно, содѣйствуетъ уменьшенію народонаселенія, а не возрастанію его. Притомъ, въ прежнія времена естественныя бѣдствія: неурожай, засухи, наводненіе и разныя болѣзни, всегда оканчивались значитель-

нымъ упадкомъ народонаселенія; при Маньчжурской династіи напротивъ, не смотря на неоднократное повтореніе такихъ же бѣдствій, столь гибельныхъ для жизни народа, число народонаселенія нисколько не понижалось и нынѣ съ каждымъ годомъ все идетъ быстро къ своему возрастанію. Населеніе Китая въ настоящее время изумительно своимъ огромнымъ количествомъ—оно почти вдвое болѣе противъ переписи, обнародованной въ 1749 году. Очевидно, что или предшествовавшія династіи, по крайнѣй мѣрѣ во второмъ тысячелѣтіи по, Р. Х. никогда не имѣли вѣрнаго счисленія народа; или, при такой несообразности народонаселенія китайскаго съ историческимъ ходомъ, невольно должно думать, что переписи, въ настоящее время производящіяся въ Китаѣ, оставлены на волю составителей и не заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Никто, безъ сомнѣнія, неможетъ такъ хорошо знать числа жителей извѣстнаго мѣста, какъ волостные начальники: волостной глава, сотники и десятники, которымъ и поручается перепись народа; но съ другой стороны эта мѣра имѣетъ свои неудобства и не можетъ вести къ дознанію вѣрнаго числа жителей. Несоразмѣрность количества земель съ многочисленностью народонаселенія, и вообще недостатокъ средствъ къ существованію, заставляетъ по крайней мѣрѣ треть народонаселенія покидать свою родину для снисканія пропитанія посредствомъ работы въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ мѣстахъ, гдѣ многочисленныя предпріятія требуютъ чужихъ рукъ; или, при собственныхъ сердствахъ, для умноженія своего состоянія пускаться въ торговыя предпріятія, въ большомъ или маломъ размѣрѣ,—такой промыселъ есть самый обширный въ Китаѣ и достигъ полнаго развитія. Но, по постановленію правительства, всѣ эти лица, гдѣ бы ни находились по своимъ промысламъ, и какъ бы далеко ни были отъ своей родины, нигдѣ не могутъ быть приписаны, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, выше изложенныхъ. Какимъ же образомъ оставшіеся на мѣстѣ члены семейства и волостные начальники могутъ знать объ ихъ существованіи?—Правда, не смотря на трудности сообщенія въ Китаѣ, отсутствующій можетъ сноситься съ своимъ семействомъ; но это возможно только для людей зажиточныхъ, каковы купцы. Количество такого рода людей далеко уступаетъ числу народа, удалившагося на чужбину единственно для снисканія пропитанія трудами

рукъ своихъ и пріобрѣтенія незначительнаго вспомоществованія оставленному семейству. Нѣсколько лѣтъ очень легко проходятъ безъ всякой вѣсти другъ о другѣ. Между тѣмъ наступаетъ время переписи, и волостные старосты, опасаясь отвѣтственности предъ земскими начальниками за уменьшеніе состоящаго подъ ихъ надзоромъ народа, списываютъ съ воротныхъ таблицъ означенное въ нихъ число обитателей дома, нисколько несправляясь о дѣйствительномъ существованіи ихъ; а когда наступитъ время повѣрки или общей ревизіи, положенной закономъ чрезъ пять лѣтъ; то посылаемые отъ земскаго правленія люди для производства ея, всегда бываютъ изъ писарей, которые думаютъ не о пріобрѣтеніи вѣрнаго числа жителей, а объ облегченіи себя въ этомъ трудѣ и собственной выгодѣ. Отъ того чрезвычайное множество временныхъ жителей, каковы промышленники, для своихъ видовъ и расчетовъ, находятъ случай и возможность вписаться въ двухъ и болѣе мѣстахъ. Противъ такого злоупотребленія направлены многіе указы.

Списки народа, поступившіе въ уѣздное или окружное правленіе, не подвергаются строгому разсмотрѣнію, потому что главный начальникъ уѣзда самъ не имѣетъ никакихъ данныхъ для того, чтобы сказать, въ какомъ мѣстѣ жителей больше или менѣе; самъ онъ не имѣетъ свободнаго времени для личной повѣрки нѣсколькихъ деревень; притомъ выѣздъ его, по мѣстнымъ обычаямъ, не можетъ произойти безъ принятаго и усвоеннаго обыкновеніемъ церемоніяльнаго кортежа; этотъ выѣздъ можетъ причинить только разореніе и тягость для народа, котораго ропотъ можетъ окончиться большими безпорядками. Почему всегда производство ревизіи поручается этому зловредному и можно сказать особенному въ Китаѣ сословію—писарямъ, которые при этомъ случаѣ думаютъ не о счисленіи народа, но о безошибочномъ счетѣ и повѣркѣ денегъ, которыми владѣютъ крестьяне и о томъ, какъ бы войти къ нимъ въ долю. Притѣсненія и придирки, дѣлаемыя ими народу, бываютъ безчисленныя, такъ что правительство нерѣдко, единственно для избавленія народа отъ этихъ притѣсненій, отмѣняло общую ревизію, положенную закономъ въ 5 лѣтъ однажды; каковая повѣрка отмѣнялась также и потому, что не приносила никакой пользы и на указы объ ней смотрѣли какъ на «пустыя слова». Правители областей, губернаторы и генералъ-губернаторы еще менѣе имѣютъ средствъ

узнать достовѣрное число народа, потому что они должны дѣйствовать чрезъ земскихъ начальниковъ, слѣдовательно заставлять ихъ повѣрять самихъ себя, почему всѣ высшіе начальники губерніи «потакаютъ земскимъ чиновникамъ и сами внимательно не пересматриваютъ подаваемыхъ имъ списковъ народа.»

При такой небрежности высшихъ властей, земскіе начальники безъ всякаго толка и соображенія прибавляли число душъ въ новыхъ спискахъ, нисколько не сличая съ прежними, такъ что въ 1775 году государь, самъ, пересматривая представленные генералъ-губернаторами списки народа и сличая ихъ съ прежними, замѣтилъ чрезвычайную небрежность и невнимательность къ этому дѣлу: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ оказалось приращеніе народа не болѣе 5, 6, 8, и 20 человѣкъ въ цѣломъ уѣздѣ! Почему послѣдовалъ указъ самымъ вѣрнымъ образомъ и съ должною внимательностію произвести поголовную перепись; но это повелѣніе исполнено было особеннымъ образомъ. Замѣчаніе государя касательно ничтожнаго приращенія научило чиновниковъ большей осторожности; но они обратились къ другому способу составленія переписи—стали увеличивать число душъ и показывать постоянное возрастаніе ввѣреннаго управленію ихъ народа.

Притомъ въ разное время случавшіяся бѣдствія: наводненіе, засуха, неурожай и пр. требовали отъ правительства вспоможенія народу. Чиновники и здѣсь, для своей корысти, какъ бы становились въ одинъ рядъ съ неимущими пропитанія,—показывали число нуждающагося въ пособіи народа въ гораздо большемъ количествѣ, нежели сколько значилось въ поданныхъ за годъ предъ симъ спискахъ всего народонаселенія уѣзда. Правительство, хотя и замѣчало такое мгновенное приращеніе жителей какого-нибудь уѣзда, но старалось только о томъ—какъ бы скорѣе подать помощь требующимъ ее, оставляя повѣрку до другого удобнѣйшаго времени. Между тѣмъ чиновники, для прикрытія своего преступленія и обмана, въ слѣдующемъ году это прибавленное число мнимо существующихъ жителей вносили въ списки народонаселенія своего вѣдомства, какъ дѣйствительно существующее приращеніе, и такимъ образомъ приращеніе это все шло далѣе и далѣе *). Наконецъ приращеніе народонасе-

*) См. Хуанъ-чао-цзинъ-шн-вынь-бянь сочин. изд. въ 1826.

ленія дошло уже до предѣловъ невѣроятности и списки, пріобрѣтенные мною изъ палаты финансовъ за 1841 и 1842 года показываютъ, до чего въ настоящее время простирается небрежность и отсутствіе всякаго вниманія къ вѣрному счисленію народа, По этимъ спискамъ итогъ всего народонаселенія восходитъ:

въ 1841 до 178.634.089 семействъ и 413.457,311 душъ *)

1842—179,554,967 —— 414.686,994——**)

Изъ итоговъ сихъ видно, что и въ настоящее время существуютъ тѣ же злоупотребленія, какія были въ Китаѣ за нѣсколько сотъ лѣтъ, при Сунъской династіи; и нынѣ переписи народа доведены чиновниками до того, что двѣ только души приходится на одно семейство. Гдѣ и при какихъ несчастныхъ обстоятельствахъ можетъ существовать такая несообразность? Мужъ и жена составляютъ два лица, гдѣ же помѣстить дѣтей? Извѣстно, что въ Китаѣ ранняя женитьба во всеобщемъ обыкновеніи. Очевидно, что чиновники, при составленіи списковъ народа, пишутъ и прибавляютъ на-обумъ, воображая, что приращеніе одного семейства также легко и скоро совершается, какъ и приращеніе одной души. Правда, этотъ итогъ народонаселенія не обнародованъ оффиціально и потому достовѣрность его можетъ подвергаться сомнѣнію; но за его вѣрность можетъ ручаться сличеніе сравнительнаго приращенія народа въ промежутокъ отъ одной переписи до другой, кои обнародованы правительствомъ. Такъ въ теченіи 26 лѣтъ, послѣ переписи 1757 года до 1783, оказалось приращеніе въ 93.685,457 душъ—по три слишкомъ милліона на годъ;***) послѣ 1782 до 1812—въ теченіе 29 лѣтъ народонаселеніе умножилось на 77.659,391 душъ—только по два слишкомъ милліона на годъ; ****) отъ послѣдней, правительствомъ обнародованной переписи 1812 года протекло 30 лѣтъ, и въ 1842 году приращеніе народа восходитъ только до 53.993,815 душъ—круглымъ счетомъ по 1.799,797 душъ на годъ, не смотря на то, что въ этотъ промежутокъ было болѣе производительныхъ силъ, чѣмъ до 1812 года, и слѣдовательно долж-

*) Въ это число не входитъ всѣ люди военнаго званія и жители всѣхъ внѣшнихъ владѣній.

**) Въ это число также не входятъ военные и внѣшніе и сверхъ сего жители острова *Тай-ванъ* (Формозы), *Динъ-хай*, *Чжэнъ хай* и *И-сянь*, гдѣ, вѣроятно по случаю войны съ англичанами, не возможно было произвести переписъ.

***) Именно 3.603,287 душъ.

****) Именно 2.077,914 душъ.

но быть большее приращеніе. Между тѣмъ, имѣющіяся данныя, напротивъ, показываютъ упадокъ.

Если обратиться къ спискамъ людей военнаго вѣдомства, то они представляютъ совершенно противныя данныя и отличные результаты. Списки народа военнаго вѣдомства—какъ солдатъ, такъ и чиновниковъ—военныхъ или принадлежащихъ къ этому сословію по своему происхожденію, составляются съ должною вѣрностью и строгимъ вниманіемъ, такъ что тотчасъ, послѣ приращенія или уменьшенія какого-нибудь семейства, дается извѣстіе ротному начальнику, который въ тоже время отмѣчаетъ это въ спискахъ. Причина такой внимательности къ составленію списковъ военнаго народа заключается въ томъ, что онъ всегда живетъ на счетъ правительства. Не говоря уже о жалованьѣ солдатамъ и подросткамъ, всѣ лица какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, получаютъ особенныя вспомоществованія, напр. по случаю брака или похоронъ: почему пріобрѣтенные мною изъ военной палаты списки за 1843 годъ не показываютъ того несоразмѣрнаго отношенія числа душъ къ числу семействъ, какое оказалось въ спискахъ палаты финансовъ. По симъ спискамъ народъ, состоящій въ военномъ вѣдомствѣ, начиная съ унтеръ-офицера и ниже *), составляетъ 723.965 семействъ, въ коихъ обоего пола 2,912.196 душъ; значитъ, на одно семейство приходится по четыре слишкомъ души. При томъ между военными людьми не замѣчается того быстраго и мгновеннаго приращенія, какое находятъ земскіе начальники между подчиненнымъ имъ народомъ.

Далѣе, въ спискахъ палаты финансовъ подробно означено народонаселеніе каждой губерніи порознь. По этой росписи, въ губерніи Чжи-ли въ 1842 значится 36.879,838 душъ. Есть данныя для числа городовъ и деревень **), находящихся въ этой губерніи, по которымъ значится:

главныхъ	окружныхъ городовъ	6
	окружныхъ городовъ	16
	уѣздныхъ — —	121
	крѣпость	1 ***)

*) Число семействъ и душъ чиновническихъ домовъ не входитъ сюда за непмѣніемъ данныхъ.

**) См. Цзп-фу-и-цапъ-ту.

***) Правленіе области помѣщается въ какомъ-нибудь уѣздномъ городѣ.

въ зависимости ихъ состоящихъ боль-
шихъ селеній и малыхъ деревень 39.687

итого 39.831.

Итакъ, на каждое мѣсто, гдѣ обитаетъ народъ, приходится круглымъ счетомъ по 926 душъ. Правда, такое количество ничтожно для городовъ и большихъ торговыхъ селеній; но надобно замѣтить, что въ Китаѣ деревни расположены совершенно иначе, чѣмъ въ другихъ государствахъ: китайцы располагаются жильемъ какъ можно ближе къ своей пашнѣ. Большая часть китайскихъ деревень, по крайней мѣрѣ въ Чжи-лиской губерніи, заключаетъ въ себѣ по нѣсколько десятковъ семействъ, а очень многія по сту семействъ, которыя, по китайскому же счету, должны, или могутъ содержать въ себѣ только 500 душъ. Большія селенія и города, не говоря уже о многолюднѣйшей столицѣ, *) чрезвычайно населены; но съ другой стороны надобно обратить вниманіе на то, что не всѣ жители ихъ суть туземцы, которые имѣютъ право вписываться въ этихъ мѣстахъ. Самая значительная, промышленная часть народа большею частію изъ другихъ областей, гдѣ они и значатся въ спискахъ. Для доказательства, довольно упомянуть о жителяхъ губерніи Сань-си, разсѣявшихся для своихъ промысловъ не только въ Чжи-ли, но и по всей имперіи.

Въ заключеніе и подтвержденіе вышесказаннаго можно привести нѣкоторыя мѣста изъ докладовъ и мнѣній, поданныхъ въ прошломъ впрочемъ столѣтіи государю въ разное время и собранныхъ въ сочиненіи Хуанъ-чао-цзинъ-ши-выпь-бянь. «Знать число народа весьма не легко. Вообще полагаютъ 8 душъ на одно семейство; а если сіе повѣрить, то получится приблизительное и на предположеніяхъ только основанное приращеніе народа. Только можно узнать, что народъ весьма размножился, но повѣрка количества приращенія его неудобоисполнима; повѣришь—и вдругъ снова являются злоупотребленія. Великое множество народа живетъ по деревнямъ и захолустьямъ. Если приказать всѣмъ жителямъ съ женами и дѣтьми явиться въ уѣздное правленіе для переписи, то это будетъ невыносимо для народа. Если повелѣть мѣстнымъ начальникамъ самимъ отправ-

*) См. въ концѣ особую таблицу населенія китайской столицы—Пекина.

ляться по деревнямъ и селеніямъ и повѣрять число обитателей каждаго дома, то это будетъ тягостно для чиновниковъ. Правители округовъ не успѣваютъ оканчивать судныхъ дѣлъ и сбора податей, и не имѣютъ ни одного свободнаго дня, въ который бы они могли на досугѣ заняться переписью народа; самый трудолюбивый и умный правитель не въ силахъ повѣрить числа своего народа; отъ того всѣ земскіе начальники смотрѣли на указы о переписи народа, какъ на «пустыя слова». Черезъ пять лѣтъ производимая повѣрка числа жителей также не очень легка. Если не оставить на прежнемъ основаніи ежегодной переписи, производимой волостными старшинами, то невозможно, чтобы она была нѣсколько лѣтъ сряду въ одинаковой исправности. Кунцы —народъ, не имѣющій постояннаго жительства, который то пріѣзжаетъ, то уѣзжаетъ; бродячій классъ народа—ремесленники, которые то сходятся, то разсѣеваются,—такихъ людей не такъ легко и возможно переписать съ должною точностью и подробностью. Такимъ образомъ по прежнему посылаютъ писарей для повѣрки народонаселенія и этимъ дѣло оканчивается. Между тѣмъ сіи посланные, пользуясь такимъ случаемъ, стараются только удовлетворить своему ненасытному корыстолюбію и производятъ только безпорядки важные: они силою врываются въ дома, заводятъ небывалыя дѣла и придирки при производствѣ переписи, съ каждаго дома требуютъ уплаты издержекъ, на пищу, писчія кисти, дорожные расходы, и преспокойно сидятъ въ домѣ, пока не удовлетворятъ ихъ требованію. Притомъ посланный писарь нерѣдко свою обязанность—повѣрить число народа въ извѣстномъ мѣстѣ—перепродаетъ другому лицу», которое старается вдвойнѣ вознаградить себя и, сверхъ того, менѣе опасается взысканія за ошибки и злоупотребленія въ этомъ дѣлѣ, нежели тотъ, который былъ посланъ начальствомъ. Вообще при производствѣ переписи писаря соображаютъ такъ: мѣсто отдаленное, страна обширная, народа множество, начальникъ не можетъ повѣрить ошибокъ и не имѣетъ никакого основанія указать подлинно вѣрное число народа. По такимъ соображеніямъ, они по собственному произволу прибавляютъ и опускаютъ, дѣлаютъ изъ малаго количества большое,—все это плоды ихъ рукъ, и съ такою небрежностью оканчивается сіе важное дѣло. Почти также, по однимъ предположеніямъ и догадкамъ, составляется общій списокъ народонаселенія всего государства для

представленія государю. Вообще переписи народа не достаточно основательны, безполезны для правительства и, наконецъ, число народа вовсе не вѣрно; а между тѣмъ какіе употребляются труды и расходы, и какія тягости и обремененіе падаютъ на народъ»!

Итакъ, вотъ въ какомъ видѣ находятся оффиціальные документы народонаселенія въ Китаѣ! Другихъ, помогающихъ разрѣшенію сей задачи, документовъ въ Китаѣ не находится. Тамъ—не ведутъ отдѣльныхъ метрикъ рожденій и смертности. Авторъ сей статьи поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о Китаѣ писать по достовѣрнымъ источникамъ и оффиціальнымъ документамъ, и быть точнымъ передавателемъ того, что говорятъ сами китайцы, и потому, не желая вводить читателя въ заблужденіе своими выводами, какъ обыкновенно доселѣ дѣлали по этому предмету европейскіе ученые, предоставляетъ любопытному читателю самому сдѣлать свое заключеніе о народонаселеніи Китая изъ предложенныхъ здѣсь документовъ, по началамъ науки, которая недавно явилась въ Европѣ, и которая, какъ наука, никогда не существовала въ Китаѣ.

Перечень итоговъ народонаселенія Китая при разныхъ династіяхъ отъ 2 года по Р. Х. до 1578, составленная на основаніи историческихъ показаній.

Названіе династій.	Хр. годы.	Число семействъ.	Число душъ.	Названіе династій.	Хр. год.	Число семействъ.	Число душъ.
Хань	2	12.233.062	59 594.979		1063	12.462 317	26.421.651
	57	4.279.634	21.007.820		1066	12.917.221	29.092 185
	75	5.860 173	31.125.021		1075	15 684.529	23.807 165
	88	7.456 784	43.356.367		1080	14.852 681	33.303.889
	105	9.237.112	53.256.229		1091	18.655.093	41.492.311
	125	9.647.838	48.690.789		1099	19 715 555	43.411.606
	144	9.916 919	49.730.550		1102	20.019.050	43 820.769
	145	9.937.680	49 521.183		1160	11 375.733	19.229.008
	146	9.348 227	47.566 772		1166	12.335 450	25.378.681
	157	10.677.960	56 486.856		1193	12.302.873	27.845.085
Сань-го или троецарствіе.	220—242	1.363.000	7.632.881		1223	12 670.801	28.320.085
					1264	5.696.989	13 026.532
Цзинь	280	2.459 804	16.163.863	Цзинь	1187	6.789.449	44.705.086
Суй	580	3.590.000	9.009.601	или Гинь	1190	6.939 000	45.417.900
	606	8.907.536	46.019.956		1195	7.223.400	48.490.400
Танъ					1207	7.684 838	45 816 079
	627	3.000.000	»	Юань	1290	13.196.206	58.834.710
	650	3.800.000	»		1330	13.400.699	»
	705	6.356.141	»	Минъ	1381	10.654 362	59.872.305
	726	7.069.565	»		1393	10.652.870	60.515.812
	732	7.861.236	45.431.265		1402	10.626.779	56.301.026
	742	8.348 395	45.311.272		1403	11.415.829	66.598 337
	754	9.069.154	»		1404	9.685.020	50.950 470
	755	8.919.309	52.919.309		1111	9.533 692	51.446.834
	756	8.018.701	»		1412	10.922.436	65.377.630
	760	1.933.174	16.990.386		1413	9.684.916	50 950 244
	764	2.933.125	»		1451	9.466 288	54 348.476
	780	3.805 076	»		1562	9.385 012	56.370.250
	806—820	2.473.963	»		1463	9 107.205	60.479.330
	821—824	3.944 595	»		1466	9.202.718	60.653.721
	825—826	3.978 983	»		1486		65.442.680
	839	4.996.753	»		3487		50.207.134
	841—846	4.955.151	»		1491	9.113.446	53.281.158
Сунъ.					1501		60.105.835
	976	3.090.504	»		1505	12 972.974	»
	997	4.132 576	»		1506	9.151.773	46.802 005
	1021	8.677.677	19 930.320		1513		63.300.000
	1029	10.162 689	26.051.238		1522	9 721.652	60 861.273
	1048	10.723.695	21.830.064		1578	10.621.436	60.692.856

Таблица народонаселенія Пекина съ его окрестностями, двумя приписанными къ нему уѣздами Да-синъ и Ваньпинъ, составленная полицейскимъ вѣдомствомъ въ 1845 и 1646 годахъ.

Населенность Пекина безъ окрестностей и приписанныхъ уѣздовъ по списку 1845 года.			Населенность Пекина съ окрестностями и двумя уѣздами по спискамъ полиціи 1846 года.		
Наименованіе званій жителей.	Число семейс.	Число душъ.	Наименованіе званій и состояній жителей.	Число семейс.	Число душъ.
Чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, штатныхъ и ожидающихъ вакансій. . .	26.486	75.752	Чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ изъ маньчжуръ, монголовъ и китайцевъ штатныхъ.	15.866	74.615
Солдатъ гвардейскихъ и полицейскихъ.	125.340	348.652	Чиновниковъ сверхъ штатныхъ, ожидающихъ вакансіи [1]).	23.703	101.126
Простолюдиновъ и монаховъ.	191.586	577.561	Солдатъ 8 гвардейскихъ корпусовъ, изъ маньчжуръ, монголовъ и китайцевъ	76.584	168.631
Туркестанцевъ, издавна поселившихся	19.369	89.188	Полицейскихъ солдатъ изъ китайцевъ [2])	35.612	65.763
Торгующихъ и ремесленниковъ	186.986	557.658	Простолюдиновъ природныхъ жителей двухъ уѣздовъ	138.570	269.860
			Простолюдиновъ изъ другихъ губерній, приписавшихся въ двухъ уѣздахъ .	112.864	208.963
			Монаховъ и монахинь двухъ вѣръ—буддійской и лоской.	—	10.704
			Туркестанцевъ, издавна поселившихся	32.469	148.981
			Торгующихъ, разныхъ промышленниковъ и ремесленниковъ	359.391	1.319.650
			Временныхъ жителей, не имѣющихъ постояннаго жительства и занятій	—	155.863
Итого	549.773	1.648.814	Итого	795.092	2.553.159

Примѣчаніе 1. Въ итогъ чиновничествихъ семействъ и душъ входятъ и всѣ находящіеся на службѣ въ другихъ мѣстахъ имперіи, но. по происхожденію своему изъ Пекина, вписанные на родинѣ.

Примѣчаніе 2. Въ итогѣ 1845 года солдатскихъ семействъ и душъ больше противъ 1846 года. Это объясняется тѣмъ. что въ первомъ включены семейства и души чиновниковъ, происшедшихъ изъ военнаго сословія, гдѣ они всегда и вписываются, какъ на своей родинѣ. несмотря на то, что по званію и настоящей должности не принадлежатъ къ военному званію: а во второмъ спискѣ—чиновники отдѣлены отъ солдатъ; отъ того въ немъ число чиновниковъ болѣе противъ перваго списка.

Таблица умершихъ въ Пекинѣ—столичномъ городѣ безъ его предмѣстій и двухъ приписанныхъ уѣздовъ,—въ теченіи 1845 года, составленная по ежедневнымъ записямъ полиціи.

Число лунъ или мѣсяцевъ.	Число умершихъ лицъ обоего пола въ теченіе мѣсяца.	
въ 1 лунѣ.	3.052	*Примѣчаніе* 1. Наибольшая смертность въ IX лунѣ—переходномъ времени отъ жаровъ къ холоду.
2 —	3.851	
3 —	3.002	*Примѣчаніе* 2. Полагая въ Пекинѣ жителей 1.648,814 душъ, а умершихъ 39,138 душъ,—значитъ почти 42-й человѣкъ умираетъ.
4 —	2.565	
5 —	3.705	
6 —	2.333	*Примѣчаніе* 3. Притомъ въ это счисленіе и перепись умершихъ душъ не входятъ младенцы, которые, какъ неудостоивающіеся, по китайскимъ обычаямъ, церемоніальнаго погребенія, не вносятся въ списки полиціи, которой дается знать о всякомъ только возрастномъ умершемъ лицѣ и которая, послѣ справокъ и осмотра, выдаетъ билетъ на пропускъ гроба за городскія ворота. Умершіе же младенцы, безъ увѣдомленія полиціи, выносятся на родовыя кладбища за городъ или отдаются, особенно бѣдными жителями, на общественныя телѣги, которыя ежедневно утромъ проходятъ по большимъ городскимъ улицамъ, и на нихъ тѣла младенцевъ—въ гробахъ или какихъ-нибудь обверткахъ—свозятся на общественное кладбище для младенцевъ за городъ.
7 —	2.721	
8 —	3.571	
9 —	5.129	
10 —	2.469	
11 —	3.577	
12 —	2.563	
Итого	39.138	

СПОСОБЪ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ТУШИ.

Книжка, изъ которой мы заимствуемъ этотъ способъ, написана въ 1398 году, человѣкомъ (Шэнь-цзи-сунь), который самъ занимался дѣланіемъ туши около 30 лѣтъ. Въ 40 годъ правленія Цянь-Лунь (1775) она разсмотрѣна особою коммисіею и вошла въ составъ собранія книгъ, извѣстнаго подъ именемъ Сы-ку-цюань-шу. Въ Китаѣ въ разныя времена явилось въ свѣтъ и много другихъ книгъ по этому предмету; но тѣ изъ нихъ, какія до сихъ поръ мы имѣли случай разсматривать, всѣ говорятъ въ пользу принятаго нами автора, и, кажется, вполнѣ подтверждаютъ слова его, что «всѣ писатели разныхъ наставленій о дѣланіи туши сами не занимались этимъ дѣломъ, а писали со словъ другихъ; и потому книжки ихъ только красно написаны, но не представляютъ ручательства въ своей достовѣрности». И очень естественно, что случайныя открытія и усовершенствованія, какія посчастливилось кому-нибудь сдѣлать по этой части, строго держатся въ секретѣ; а, напротивъ, сочинители подобныхъ книгъ обыкновенно стараются украшать ихъ именами людей, пріобрѣтшихъ извѣстность на этомъ поприщѣ. «Я, говоритъ нашъ авторъ, перепробовалъ всѣ способы, предлагаемые въ этого рода сочиненіяхъ; но чѣмъ болѣе употреблялъ разныхъ (выхваляемыхъ въ нихъ) веществъ, тѣмъ хуже выходила тушь. Наконецъ, когда, по совѣту одного знаменитаго фабриканта туши, бросилъ всѣ эти вещества а только хорошенько перемѣшалъ сажу съ клеемъ, распарилъ эту смѣсь и перемялъ—тушь вышла черная и блестящая. словно глазки у ребенка!— Это было въ началѣ правленія Хунъ-ву (въ 1370 годахъ). Съ того времени и донынѣ я продолжалъ дѣлать тушь по этому способу, и она, по отзывамъ знатоковъ, имѣла всѣ качества древней туши... Впослѣдствіи я еще узналъ способъ приготовленія туши отъ одного хэшана, и теперь, соединивши тотъ и другой вмѣстѣ, не хвалюсь чтобы предлагаемое мною описаніе было лучше другихъ, писавшихъ, объ этомъ прежде меня, но думаю, что сдѣланная по моему способу тушь близко подойдетъ къ древней.»

Къ этому болѣе мы ничего не можемъ прибавить: коммисія, разсматривавшая эту книжку, основала свое мнѣніе на этихъ же словахъ автора, но очевидно, что лучшій судья въ подобныхъ дѣлахъ есть опытъ.

Масло для добыванія сажи.

1. Въ древности дѣлали тушь изъ сосновой сажи, но нынѣ для этого добываютъ сажу изъ разныхъ маслъ и въ особенности изъ масла тунъ-ю. Разумѣется, что для этого годится и всякое другое масло, и дѣйствительно и употребляютъ одни—масло конопляное, кунжутное, другіе—деревянное, капустное, и т. д. «Только—замѣчаетъ авторъ—изъ масла тунъ-ю и сажи получается больше, и тушь выходитъ черная, блестящая, которая день отодня все болѣе черпѣетъ; напротивъ изъ всякаго другого масла и сажи добывается менѣе, и тушь бываетъ блѣдная, тусклая, даже чѣмъ далѣе лежитъ, тѣмъ становится блѣднѣе съ каждымъ днемъ*»).

Нѣкоторые совѣтуютъ масло прежде жженія приготовлять извѣстнымъ образомъ; т. е. мочить въ немъ полмѣсяца и болѣе разныя вещества, каковы: красный сандалъ, абрикосовыя ядра, Anchusa tinctoria, и нѣкоторыя другія. Но этотъ способъ, по словамъ автора, обыкновенно передается отъ одного другому, но никѣмъ не приводится въ исполненіе и въ его книгѣ помѣщается только для полноты. Притомъ же многія изъ этихъ веществъ входятъ въ составъ туши, какъ увидимъ послѣ, другимъ, болѣе естественнымъ образомъ.

Приборъ для жженія масла.

2. Для жженія масла нужно прежде всего запастись нѣкоторыми необходимыми сосудами; таковы суть: 1, круглый глиняный тазъ, или лоханъ съ прямостоящими краями. Внутренній поперечникъ его полагается мѣрою въ 21 дюймъ, глубина въ 3½ д. и толщина краевъ въ 1 дюймъ. На одной сторонѣ близъ дна нужно просверлить дыру величиною въ палецъ и придѣлать къ ней пробку. Само собою разумѣется, что для большей удобности не мѣшаетъ сдѣлать подъ этотъ тазъ

*) У насъ недавно вздумали выбивать масло изъ еловыхъ шишекъ и, кажется, еще не придумали употребленія для него. По всѣмъ вѣроятностямъ сажа изъ этого масла должна быть хороша для дѣланія туши, и можетъ быть оно въ этомъ отношеніи не уступитъ китайскому *тунъ-ю*.

деревянную подставку немного пониже стола. 2, Круглая труба,—родъ глиняной бездонной кружки, такой высоты, чтобы—когда поставится внутри таза—была равна съ его краями. Внутренній поперечникъ ея долженъ быть въ 6 дюймовъ, съ краями 8 д. Нижній край долженъ быть не ровенъ, но съ выемками на подобіе ножекъ, для того, чтобы вода, наливаемая въ тазъ, свободно проходила и внутрь ея. 3, Нѣсколько плошекъ для масла. Это неглубокія блюдечки въ $4^1/_2$ д. въ поперечникѣ, дѣлаемыя обыкновенно изъ песчанистой глины; при обжиганіи, песокъ расплавляется и отъ этого онѣ покрываются нѣкоторымъ родомъ глазури и не вбираютъ въ себя масла. Наконецъ 4, крышки для собиранія сажи. Онѣ дѣлаются изъ самой тонкой глины и внутренняя поверхность ихъ еще прежде обжиганія выглаживается какъ можно ровнѣе. Форма дается имъ—полушарія съ длинною на выпуклой части рукояткою. Въ поперечникѣ онѣ должны быть 7 д., 9 съ краями, высотою въ $2^1/_2$ д., длина рукоятки около 3 дюймовъ.

Все это устанавливается слѣдующимъ образомъ: внутри таза ставится по срединѣ такъ называемая труба, въ нее одна плошка и вокругъ шесть другихъ, въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Но прежде подъ плошки подкладываются небольшіе кирпичики, такой толщины, чтобы верхній край плошки былъ ниже краевъ таза линіи на три. Если плошки будутъ поставлены слишкомъ низко, то дымъ будетъ выходить наружу и потому много пропадетъ сажи; если же слишкомъ высоко, то огонь можетъ доставать до сажи и повредить ея добротѣ. По срединѣ каждой плошки ставится маленькій треножникъ изъ проволоки для поддержанія свѣтильни. Въ плошки наливается масло, а въ тазъ холодная вода почти до краевъ плошекъ и, по зажженіи свѣтилепъ, накладываются крышки, такъ чтобы центръ каждой приходился противъ центра соотвѣтствующей ей плошки. Авторъ совѣтуетъ смазывать края крышекъ имбирнымъ сокомъ, вѣроятно для того, чтобы онѣ лучше пристали къ соприкосновеннымъ частямъ, и все это зданіе получило болѣе твердости.

Вмѣсто таза можно употребить корыто въ 14 д. шириною и произвольной длины. Въ такомъ случаѣ во всю длину его, по срединѣ, придѣлывается перекладина, и крышки кладутся въ два ряда по длинѣ корыта, одною стороною на эту перекладину, а другою на край корыта.

Свѣтильни.

3. Свѣтильни у китайцевъ вообще дѣлаются изъ сердцевины одного растенія, которое по этому и называется у нихъ ламповымъ растеніемъ –дэнъ-цао. Для добыванія сажи авторъ совѣтуетъ приготовлять свѣтильни такимъ образомъ. Отобравши сердцевинъ дэнъ-цао довольно толстыхъ и плотныхъ, желтоватаго цвѣта, надобно обрѣзать ихъ длиною въ 6 дюймовъ и, сложивши по 12 въ одинъ пучокъ, связать одинъ конецъ и раскатывать на доскѣ до тѣхъ поръ пока образуется изъ всего круглая, ровная палочка; тогда связать и другой конецъ. Приготовивши такимъ образомъ достаточное количество свѣтилень, надобно поварить ихъ немного въ отварѣ изъ краснаго сандала и, высушивши, хранить для употребленія, защищая отъ пыли и сырости.

Жженіе масла, добываніе и сѣяніе сажи.

4. Жженіе масла производится въ тихую погоду и въ особой комнатѣ, которой окна и двери должны быть плотно затворены, чтобы воздухъ внутри имѣлъ какъ можно менѣе движенія. Черезъ каждый часъ а) снимаются крышки одна за другою и сажа сметается перомъ въ небольшія посудины, въ которыхъ и оставляется на цѣлые сутки, и потомъ уже сыпается въ одно мѣсто. Надобно имѣть въ запасѣ нѣсколько лишнихъ крышекъ, чтобы, снявши одну, тотчасъ на мѣсто ея поставить другую б). Нужно всячески остерегаться, чтобы въ сажу не попало масла, или какой-нибудь другой нечистоты; равно если бы случилось, что сажа въ какой-нибудь плошкѣ загорѣлась, то ее не должно мѣшать съ хорошею. Воду въ тазу надобно почаще охлаждать, подбавляя свѣжей и выпуская нагрѣвшуюся понемногу чрезъ сдѣланное внизу отверстіе. Однакоже не должно этого дѣлать вдругъ, потому что въ такомъ случаѣ произойдетъ сильное теченіе возруха и сажа будетъ разсѣеваться в).

а) Чѣмъ чаще это дѣлается, тѣмъ лучше. Если слишкомъ долго не собирать сажи, то она *устарѣетъ*, т. е. потеряетъ свой черный блестящій цвѣтъ и приметъ рыжеватый

б) Въ это же время поправляется свѣтильня и снимается нагаръ.

в) Гораздо легче этого можно достигнуть, если сдѣлать отверстіе не у дна таза, но на полдюйма ниже верхняго края (т. е. на такой высотѣ, до которой должна доходить вода въ тазу) и холодную воду подбавлять понемногу посредствомъ длинной воронки, доходящей до дна таза; и теплая сама собою будетъ въ то же время вытекать чрезъ отверстіе.

Средпмъ числомъ изъ ста частей масла получается сажи восемь частей. Но если въ каждую плошку положить мѣлко истолченныхъ три или четыре зерна кротона (Croton tyglium по торр.), то это количество нѣсколько увеличится.

Передъ тѣмъ, какъ дѣлать тушь, сажу нужно просѣять. Чтобы во время этого дѣйствія сажа не разлеталась, можно употреблять высокую кадочку, покрытую холстомъ, подъ который проходятъ руки сѣющаго.

Чернила.

5. Кромѣ сажи, въ составъ туши входятъ еще чернила, составляемыя изъ разныхъ красильныхъ веществъ. Сколько можно видѣть изъ показанія нашего автора, вещества эти суть слѣдующія.

1) Гранатовая корка.

2) Цинь пи, т. е. кора дерева цинь (неизвѣстнаго въ Пекинѣ), вѣроятно имѣющая одни свойства съ гранатовою коркою.

3—4 Красный сандалъ и Anchusa tinctoria.

5—6 Желѣзный и мѣдный купоросъ.

7—10 Гуммигутъ, киноварь, драконова кровь и листовое золото.

11 Мускусъ.

12 Яичный бѣлокъ.

13 *Ву-тоу.*

Къ сожалѣнію онъ не даетъ подробнаго наставленія, а) въ какой пропорціи и какъ употреблять всѣ эти вещи; видно только, что вещества № 1—6 варятся и въ процѣженный отваръ ихъ прибавляются въ порошкѣ означенныя № 7—10. Въ этомъ отношеніи кажется господствуетъ чистый, ни на чемъ не основанный произволъ: каждый фабрикантъ прибавляетъ то, что ему вздумается, и въ такомъ количествѣ, сколько найдется подъ руками, не зная ни свойствъ положеннаго вещества, ни дѣйствія его на другія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, приведемъ разсужденія нашего автора. «Чернила», говоритъ онъ, «употребляются не только для того, чтобы тушь имѣла надлежащій цвѣтъ, отличный блескъ и запахъ, но преимущественно для того,

---

а) Другія сочиненія объ этомъ предметѣ, какія удалось намъ найти, считаютъ эти чернила совершенно лишними и говорятъ объ нихъ только мимоходомъ.

чтобы она могла сохраняться долгое время, чтобы клей отъ давности не испортился, цвѣтъ не измѣнился, плотность всегда равнялась рогу носорога и камню, словомъ, чтобы тушь, по тонкости и плотности, способна была принять и сохранить самые тонкіе рисунки, формы. Вотъ для чего употребляются разныя вещества съ самыхъ давнихъ временъ. Но изъ числа этихъ веществъ нѣкоторыя дѣйствительно имѣютъ приписываемыя имъ хорошія качества, а другія вовсе не соотвѣтствуютъ цѣли, для которой употребляются, и потому нужно знать дѣйствіе каждаго порознь. Итакъ: желѣзный и мѣдный купоросъ портятъ тушь, мускусъ и яичный бѣлокъ притягиваютъ сырость, гранатовая корка и гуммигутъ уменьшаютъ черноту, напротивъ цинь-пи не даетъ измѣняться цвѣту туши на бумагѣ, ву-тоу не дозволяетъ ослабѣвать силѣ клея, Anchusa, сандалъ, драконова кровь, киноварь и листовое золото усиливаютъ черноту. Для этой же цѣли служитъ и клей, но если его прибавить больше надлежащаго, то тушь дѣлается слишкомъ липкою и даже цвѣтъ становится не такъ черенъ. Сверхъ того многіе кладутъ въ составъ разныя душистыя вещи, чтобы заглушить запахъ сажи; но они не понимаютъ, что душистыя вещи вообще вредятъ чернотѣ туши, да притомъ, во время варенія, и запахъ весь улетаетъ. Вообще надобно замѣтить, что никакіе составы непридадутъ достоинства туши; для этого требуется, во первыхъ, чистая сажа, во вторыхъ, лучшаго качества клей, и, наконецъ, приготовленное тѣсто надобно толочь какъ можно долѣе».

Клей.

6. Клей есть одинъ изъ главныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ туши. Обыкновенно употребляютъ въ смѣси клей мездрины съ рыбьимъ, полагая 1 часть послѣдняго а) на девять частей перваго. Если рыбьяго клею употреблено будетъ больше, то тушь дѣлается слишкомъ вязкою, не годною для письма. Но первоначально и тотъ и другой клей растворяется отдѣльно. Авторъ совѣтуетъ дѣлать это такимъ образомъ: рыбій клей мочитъ цѣлые сутки въ холодной водѣ

а) Въ Китаѣ, приготовляя рыбій клей, не отдѣляютъ наружной перепонки пузыря, и потому, если брать хорошій клей, то и эта пропорція будетъ велика.

и когда совершенно разбухнетъ, то примѣшать къ нему на каждую унцію по 5 кротоновыхъ зеренъ, мелко истолченыхъ, и, завернувши плотно въ пальмовыя листья, положить въ горячую воду и дать вскипѣть разъ десять; затѣмъ, вынувши, растереть въ ступкѣ, прибавляя понемногу описанныхъ выше чернилъ. Мяздринный клей достаточно размочить въ холодной водѣ и растереть въ ступкѣ, съ прибавкою чернилъ. Наконецъ тотъ и другой клей смѣшать вмѣстѣ въ показанной пропорціи, прибавить побольше чернилъ, поварить на легкомъ огнѣ, чтобы получилась совершенно однородная жидкость, и процѣдить сквозь полотенце. Отъ надлежащаго приготовленія клея много зависитъ доброта туши, и потому на этотъ предметъ нужно преимущественно обратить вниманіе.

На десять частей сажи въ зимніе мѣсяцы нужно клею $4^1/_2$ и чернилъ 10 частей; весною и осенью—клею $5^1/_2$ и чернилъ $9^1/_2$, а лѣтомъ клею 6, чернилъ 9 частей. Вообще зимою нужно меньше клею и побольше воды, а лѣтомъ наоборотъ. Если тушь приготовляется изъ сосновой сажи, то на одинъ фунтъ сажи полагается $^1/_2$ ф. клею и $^1/_2$ фунта чернилъ. Если клей хорошъ, то можно положить его и меньше показанной пропорціи; въ такомъ случаѣ тушь выйдетъ гораздо черпѣе и блестящѣе; но ее должно употреблять поскорѣе, потому что со временемъ она поблекнетъ. А чтобы тушь нѣсколько лѣтъ не потеряла своего цвѣта, для этого нужно употреблять клей, сдѣланный за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, именно, если на 10 унцій сажи изъ тунь-ю взять $4^1/_2$ унц. мяздринаго и $^1/_2$ унц. рыбьяго стараго клею, а вмѣсто чернилъ сдѣлать отваръ только изъ $^1/_2$ унціи цинь-пи и $^1/_2$ унціи краснаго сандалу, и приготовить тушь, какъ показано будетъ ниже, то она не только современемъ не потеряетъ своей доброты, но годъ отъ году будетъ еще улучшаться. «Умея есть тушь—говоритъ авторъ,— дѣланная по этому способу Ву-го-ляномъ, лѣтъ 50 или 60 тому назадъ, и до сихъ поръ нисколько не измѣнившаяся.»

Составленіе тѣста туши.

7. Въ продажѣ есть два рода туши: одна называется тушью съ горячимъ, а другая—тушью съ холоднымъ клеемъ. Эти названія могутъ привести къ тому заключенію, что въ одномъ случаѣ употребляется растворъ клея горячій, а въ другомъ холодный, и дать та-

кимъ образомъ ложное понятіе о различіи между тѣмъ и другимъ родомъ туши. Тушь перваго рода приготовляется такъ: когда клей достаточно разварится, то прибавляютъ къ нему понемногу опредѣленное количество чернилъ, не снимая съ огня; потомъ всю эту жидкость вливаютъ въ сажу, всю массу хорошо перемшаютъ и, пока еще не простыла, раскладываютъ въ формы. Тушь другаго разбора дѣлается еще проще: разварѝвши клей, вливаютъ въ приготовленное количество чернилъ и, несмотря на то, хорошо ли или худо соединились обѣ жидкости, чисты ли онѣ или нѣтъ, прибавляютъ сажу, мѣшаютъ и раскладываютъ въ формы. Не нужно и говорить, какъ не совершенна будетъ тушь этого рода: но и такъ называемая тушь съ горячимъ клеемъ далеко уступаетъ хорошей. Мы уже сказали, что для доброты туши недостаточно однихъ матеріаловъ, а нужно еще соединить эти матеріалы надлежащимъ образомъ и приготовленное такимъ образомъ тѣсто толочь и колотить какъ можно долѣе. Теперь мы займемся этимъ предметомъ.

Надобно отвѣсить 1 фунтъ чистой сажи въ бѣлую фаянсовую чашку и, наливая черезъ цѣдилку подогрѣтыхъ чернилъ, смѣшанныхъ съ клеемъ, тотчасъ растирать руками, чтобы вся масса скаталась въ небольшіе шарики, на подобіе мѣлкой дроби; потомъ смѣсить ее въ одинъ кусокъ и, завернувши въ холстину, распарѝвать. Если за разъ дѣйствовать надъ большимъ количествомъ массы, то трудно будетъ хорошенько смѣшать ее, и потому лучше всю сажу развѣсить и каждый фунтъ ея мѣсить отдѣльно. Для паренія употребляется довольно обыкновенный въ китайской кухнѣ приборъ. Это—родъ небольшаго лукошка, или рѣшета, въ которомъ, вмѣсто обыкновенной сѣтки, въ нижней части сдѣлана рѣшетка изъ прутьевъ или дощечекъ. Оно ставится въ котелъ съ водою такъ, чтобы вода не доходила до рѣшетки, и накрывается крышкою, связанною изъ прутьевъ или изъ соломы. Когда вода въ котлѣ закипитъ, то пары проникаютъ вещь, положенную на рѣшетку, и такимъ образомъ распарѝваютъ ее. Въ это-то паровое лукошко нужно положить приготовленное, какъ сказано выше, тѣсто туши и дать водѣ вскипѣть разъ десять и болѣе, пока внутри не послышится шумъ, какъ бы отъ дождя, производимый каплями, падающими съ крышки. Тогда, вынуть тѣсто изъ холстины, вложить въ каменную ступку и

толочь деревянными пестами какъ можно скорѣе. Еще лучше будетъ, если раздѣлить тѣсто на двѣ половины и попеременно одну распаривать, а другую толочь, пока наконецъ получится совершенно однородная, мягкая масса. Предполагая, что два человѣка дѣйствуютъ постоянно двумя пестами, на это потребуется времени около четырехъ часовъ. Если тѣсто пристаетъ къ пестамъ, то нужно прибавить немного чернилъ, но вообще должно стараться прибавлять ихъ какъ можно менѣе. Когда тѣсто совершенно поспѣетъ, то, вынувши изъ ступки, тотчасъ, пока еще горячо, раскатать его въ длинную палку, которую, завернувши въ мокрую холстину, положить въ теплую печь на минуту, чтобы согрѣлась, но не успѣла высохнуть, и, вынувши, разрѣзать на малые кусочки. Если хочется имѣть палочки туши опредѣленнаго вѣса, то теперь же должно развѣсить эти кусочки, примѣняясь къ тому, что 1, 4 унц. тѣста даетъ впослѣдствіи почти ровно 1 унцію сухой туши. Всѣ эти кусочки тотчасъ же должно положить въ глиняную чашку и, покрывши мокрою холстиною, поставить въ горячую воду.

8. Нужно снабдить нѣсколько человѣкъ желѣзными щипцами и молотками. Каждый изъ нихъ беретъ щипцами одинъ кусокъ тѣста изъ чашки, и бьетъ молоткомъ на каменной или желѣзной ровной плитѣ, обмакивая отъ времени до времени въ чернила, пока оно опять сдѣлается мягко, какъ воскъ. Для этого требуется отъ 500 до 600 ударовъ. Каждый кусокъ затѣмъ передается главному работнику, который раскатываетъ его, прибавляетъ какихъ-нибудь душистыхъ вещей и выпискиваетъ въ форму. Все это надобно дѣлать поскорѣе, чтобы тѣсто не простыло: потому что холодному тѣсту трудно дать опредѣленную форму, и внутри непремѣнно будутъ трещины. По выпутіи изъ формы каждая палочка легонько завертывается въ пропускную бумагу и сушится въ золѣ; впрочемъ небольшія палочки можно и не завертывать. Зола употребляется выщелоченная и хорошо высушенная. Обыкновенно насыпается слой золы толщиною въ вершокъ, на него кладутся палочки туши одна подлѣ другой и засыпаются подобнымъ же слоемъ золы; на нихъ, если палочки туши не велики, можно разложить такимъ же образомъ другой и третій рядъ. Палочки вѣсомъ въ 1 и 2 золотника, смотря по погодѣ, совершенно высыхаютъ въ одинъ или два дня. Но для большихъ палочекъ требуется отъ 5 до

6 дней; при чемъ золу должно перемѣнять каждый день, смѣшивая пополамъ ту, въ которой сушилась тушь, и слѣдовательно отсырѣвшую, съ совершенно сухою. Надобно остерегаться, чтобы не совсѣмъ просохшую тушь вдругъ не охватило сухимъ воздухомъ: отъ этого она вся можетъ истрескаться.

9. Вынувши тушь изъ золы, надобно обтереть каждую палочку мягкою щеточкою и просушить дня два въ тѣни, въ закрытомъ отъ вѣтра мѣстѣ; а потомъ, обтерши еще разъ, положить дня на два въ такое мѣсто, гдѣ вѣтеръ продуваетъ. Затѣмъ, обмакивая жесткую щетку въ воскъ вылощить до свѣтла. Когда тушь хорошо высохла, то лощится отъ тренія даже просто щеткою; напротивъ туши еще сырой щетка сообщаетъ матъ. Палочки безъ всякихъ рисунковъ, если обмыть водою и выгладить гладиломъ, получаютъ лоскъ такой, будто покрыты лакомъ.

10. Формы для оттискиванія палочекъ туши обыкновенно дѣлаютъ изъ плотнаго дерева, и верхняя часть ихъ нажимается посредствомъ рычага. Мы не станемъ заниматься здѣсь исчисленіемъ разныхъ видовъ ихъ, ни представленіемъ средствъ отпечатывать на сырой туши всѣ линіи и морщины руки. Выпишемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о испытаніи доброты туши: «Растирая тушь, должно держать палочку перпендикулярно къ плиткѣ, и тереть медленно: потому что отъ скораго тренія образуется пѣна и растворъ будетъ негоденъ для употребленія. Хорошая тушь должна быть тверда и едва уступать тренію, а не расплываться, подобно глинѣ. Каждый разъ должно растирать туши столько, сколько предполагается употребить за одинъ разъ: иначе, кромѣ того, что въ растворъ можетъ попасть пыль, и самый клей, входящій въ составъ туши, въ растворенномъ видѣ скоро теряетъ свою силу и растворъ туши дѣлается похожимъ на грязь. Тушь перваго разбора на бумагѣ блеститъ съ коричневымъ отливомъ. Если блескъ совершенно черный, то такого рода тушь считается нѣсколько ниже. Еще ниже та, которая имѣетъ блескъ съ голубоватымъ отливомъ. Наконецъ тушь самой низкой руки—вовсе безъ блеска. Вообще неотъемлемыя качества туши—цвѣтъ и блескъ; недостатокъ того или другаго лишаетъ ее всей цѣны. Притомъ главное условіе: чтобы эти качества сохранялись долгое время. Въ числѣ дошедшей до насъ древней туши есть много такой, которая имѣетъ отличный цвѣтъ, но безъ блеска: это признакъ, что она

испортилась отъ сырости, и слѣдовательно уже потеряла свою цѣну. Хорошая тушь (на бумагѣ) темна, и не образуетъ тонкой блестящей кожицы на поверхности, но блеститъ, такъ сказать, до дна, точь-въ-точь какъ глазки у ребенка! При растираніи туши должно на плитку налить нѣсколько капелъ воды, а не обмакивать палочки въ воду, иначе она послѣ растрескается».

КИТАЙСКІЯ БѢЛИЛА и РУМЯНЫ.

а) Бѣлила.

У насъ обыкновенно хвалятъ китайскія бѣлила, въ томъ отношеніи, что онѣ, при отличной бѣлизнѣ, ни сколько не вредны. Эти бѣлила суть не что иное, какъ крахмалъ изъ сарацинскаго пшена. Вотъ какъ онѣ дѣлаются. Берутъ бѣлаго обтолченаго сарацинскаго пшена, моютъ его до тѣхъ поръ, пока вода станетъ стекать совершенно чистою, и потомъ, ссыпавши въ особую кадку, наливаютъ чистою водою и оставляютъ въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока окажутся признаки начала гніенія. Въ жаркое время для этого достаточно 20 дней, но въ холодное требуется даже мѣсяца два и болѣе. Вообще, если хочется получить бѣлила лучшей доброты, то лучше дать пшену мокнуть нѣсколько дней лишнихъ. Когда явственно будетъ слышенъ гнилой запахъ, то, сливши прежнюю воду, перемываютъ размокшее пшено въ чистой водѣ, перемѣняя ее по—чаще до тѣхъ поръ, пока нисколько не останется кислаго запаха, и наконецъ растираютъ. Въ большихъ производствахъ это дѣлается посредствомъ жернововъ, для чего къ нижнему жернову прилѣпливается кругомъ высокая закраина, и съ одной стороны желобокъ. Въ отверстія верхняго жернова кладется размоченное сказаннымъ образомъ и промытое пшено и почаще подливается по немногу чистой воды; по желобку стекаетъ бѣлая жидкость, которая пропускается сквозь сито, и остатки опять мелются. Если же дѣло производится въ небольшомъ количествѣ, то пшено растирается въ лоханяхъ. Полученную по размятіи пшена бѣлую жидкость—смѣсь крахмала съ водою,—процѣдивши сквозь сито, сливаютъ въ лоханя, чтобы отстоялась, причемъ отъ времени до времени легонько помѣшиваютъ, чтобы крахмалъ упалъ на дно лохани, а не садился на стѣнки. Когда вода совершенно освѣтлится, то, сливши ее, осадокъ накрываютъ сложенною въ нѣсколько разъ холстиною, насыпаютъ слой отрубей и поверхъ ихъ негашеной извести. Известь нужно перемѣнять до тѣхъ поръ, пока она болѣе не станетъ уже втягивать въ себя влаги изъ крахмала. Изъ каждой полученной такимъ образомъ плитки крахмала выбирается тотъ, который находится въ самой срединѣ и отличается

особенною бѣлизною и нѣжностію, а находящійся по краямъ отклады-вается отдѣльно и составляетъ сортъ пониже. И тотъ и другой окончательно просушивается на солнцѣ.

По этому способу приготовляется крахмалъ изъ разныхъ видовъ сарацинскаго пшена, пшеницы, ячменя и другихъ хлѣбныхъ зеренъ, и потому, частію отъ различія матеріаловъ, частію отъ большей или меньшей тщательности въ приготовленіи, есть множество отличій крахмала, изъ которыхъ каждое имѣетъ особое назначеніе. Лучшій крахмалъ употребляется женщинами для притиранія. Чтобы сообщить этимъ бѣлиламъ запахъ, къ нимъ обыкновенно примѣшивается какой-нибудь душистый порошокъ (большею частію гвоздика, иногда въ смѣси съ корицею), или спрыскиваются онѣ душистою водою.

б. Румяны.

Румяны добываются изъ сафлора (Carthamus tinctorius) почти такимъ же образомъ, какъ и у насъ добывается краска изъ этого растенія. Промывши цвѣты въ холодной водѣ, обливаютъ ихъ щелокомъ изъ золы разныхъ растеній, преимущественно изъ полыни. Краска выйдетъ гораздо ярче, если употребить щелокъ не слишкомъ крѣпкій. По этому совѣтуютъ наливать на золу горячую воду два раза и сливать для другого какого-нибудь употребленія, а для смачиванія цвѣтовъ употреблять уже третій щелокъ. Когда цвѣты достаточно размокнутъ, то кладутся въ холстинный мѣшокъ и выжимаются; въ полученную жидкость прибавляется немного какой-нибудь кислоты. Обыкновенно употребляютъ для этого сокъ, выжатый изъ гранатъ, а за неимѣніемъ ихъ, уксусъ, или даже закисшую воду, въ которой варился рисъ. Для осажденія краски, прибавляютъ немного описанныхъ выше бѣлилъ, или крахмалу, и размѣшавши хорошенько, оставляютъ жидкость въ покоѣ на ночь; на другой день отстоявшаяся свѣтлая вода тихонько сливается, а осѣвшая на дно краска просушивается въ тѣни.

Краска эта употребляется, въ смѣси съ бѣлилами, вмѣсто румянъ, прибавляется въ жирную помаду для губъ и употребляется живописцами вмѣсто кармина.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ БУДДЫ.

Въ предлагаемомъ здѣсь очеркѣ жизни Будды мы не намѣрены повторять басней, разсказываемыхъ во всѣхъ біографіяхъ его; поэтому подробности о появленіи Будды въ Индіи и обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его, заимствованы нами не столько изъ спеціальныхъ жизнеописаній Шакьямуни, сколько изъ другихъ сочиненій, не такъ подозрительныхъ, и преимущественно изъ Винай, или Кодекса нравственныхъ и общежительныхъ постановленій буддизма. Не намѣрены также критически излагать существующія у буддистовъ преданія и сказанія объ основателѣ ихъ религіи и философіи. Мы представляемъ здѣсь одни факты, казавшіеся намъ болѣе достовѣрными и болѣе близкими къ истинѣ. Фактовъ, относящихся лично до Будды, немного; чтобы пополнить этотъ недостатокъ, мы заимствовали изъ буддійскихъ сочиненій и помѣстили въ жизнеописаніи Будды свѣдѣнія о современномъ ему политическомъ и нравственномъ состояніи Индіи и внѣшнихъ событіяхъ, среди которыхъ протекла жизнь его. Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что источниками при составленіи біографіи Будды были для насъ исключительно сочиненія индійскихъ буддистовъ, существующія въ китайскомъ переводѣ. Въ заключеніе, чтобы не писать послѣ особаго примѣчанія, намъ остается сказать слова два о принятой нами хронологіи. Послѣ сличенія разнорѣчащихъ мнѣній о времени появленія Будды въ Индіи, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ самихъ индійскихъ буддистовъ, мы имѣемъ основаніе думать, что лѣтосчисленіе, полагающее рожденіе Будды за 600 слишкомъ лѣтъ до Р. Х., ближе другихъ къ истинѣ; но пока мы должны ограничиться однимъ этимъ замѣчаніемъ; потому что изложеніе данныхъ, на которыхъ мы основываемъ свое мнѣніе, требуетъ особой статьи.

Въ половинѣ седьмого вѣка до Р. Х., въ сѣверной Индіи, на востокъ отъ нынѣшняго Ауда, при подошвѣ Гималайскаго хребта, и вѣроятно въ верховьяхъ рѣки Гандаки, существовало владѣніе Капилавасту. Оно населено было племенемъ шакья, потомками Икшва-

кулы, государя, царствовавшаго въ городѣ Поталакѣ; дѣти Икшвакулы, въ слѣдствіе семейныхъ неудовольствій, принуждены были покинуть отечественный городъ и удалились на сѣверъ. Поселившись у южнаго склона Гималайскихъ горъ, они мало-по-малу образовали значительное народонаселеніе и управлялись старшимъ въ племени родомъ, домомъ Готамы. Глава племени, или государь, жилъ въ Капилаваству, городѣ, отъ котораго въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ; потому что еще при жизни Будды онъ былъ разрушенъ и жители его разсѣяны. Въ сосѣдствѣ съ племенемъ шакья на западъ и югъ простирались владѣнія государей Шравасти, въ нынѣшнемъ Аудѣ. Общее наименованіе страны, отъ вершины Ганга до Бенареса, было Косала. Шравастійскіе государи, распространивъ власть свою далеко за предѣлы Ауда, называли себя властителями всей Косалы и тѣмъ самымъ включали въ границы своихъ владѣній и Капилаваству, со всѣми его мелкими удѣльными княжествами. Все низовье Ганга, отъ Бенареса до Бенгала, принадлежало богатой и обширной Магадѣ, столицею которой былъ городъ Рачжагриха, ниже нынѣшней Патны. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что Шравасти лежалъ отъ Капилаваству на западъ въ 250, Бенаресъ на юго-западъ въ 480, а Рачжагриха на юго-востокъ въ 1,100 верстахъ.

Въ то время въ Капилаваству царствовалъ Соддодана, послѣдній потомокъ Икшвакулы въ прямой линіи. Онъ былъ главою многочисленнаго семейства; изъ сыновей его извѣстны двое: Сиддарта, рожденный отъ Махамаи, и Нанда, отъ Готами. Братья Государя владѣли особыми удѣльными княжествами и хотя признавали старшаго брата своимъ главою, однакоже не зависѣли отъ него въ управленіи доставшимися имъ удѣлами. Кстати замѣтить, что по обычаю тѣхъ временъ, въ случаяхъ, когда недостаточно было князей изъ владѣтельнаго дома, или по одной доброй волѣ государя, удѣлы отдаваемы были въ управленіе брахманамъ, составлявшимъ уже и въ тѣ времена могущественную касту и занимавшимъ должности министровъ, правителей, жрецовъ и духовныхъ руководителей. Съ правомъ жизни и смерти и властію собирать подать со ввѣренныхъ имъ селеній, князья и брахманы жили независимыми владѣльцами; брахманы того времени отличались образованностью и просвѣщеніемъ, и философскія школы Индіи имѣли своими основателями большею частью брахмановъ

Сиддарта предназначался отцемъ своимъ въ наслѣдники престола. Съ этою цѣлью ему дано было самое лучшее воспитаніе, какое возможно было въ тѣ времена. Соддодана еще заранѣе отдѣлилъ ему часть своихъ владѣній, окружилъ его блистательнымъ дворомъ и женилъ на дочери одного удѣльнаго князя, тоже изъ племени шакья. Такъ прожилъ Сиддарта до двадцатаго года своей жизни; но едва онъ переступилъ этотъ возрастъ, какъ вдругъ, къ общему изумленію и горести Соддоданы, покинулъ отеческій кровъ, и пропалъ безъ вѣсти. Всѣ поиски были напрасны; узнали только по слухамъ, что онъ удалился за восточную границу Косалы и въ рубищѣ отшельника бродилъ изъ одного мѣста въ другое, ища себѣ духовнаго руководителя. Не оставалось никакого сомнѣнія, что Сиддарта рѣшился покинуть суету міра и промѣнять блистательное положеніе въ свѣтѣ на смиренное званіе благочестиваго отшельника. Что же заставило молодого князя принять такое необыкновенное для его возраста, и происхожденія, рѣшеніе,—на это буддійскія преданія отвѣчаютъ не совсѣмъ удовлетворительно. Если вѣрить имъ: «будучи одаренъ отъ природы душою мягкою и воспріимчивою, и сочувствуя горестной долѣ, на какую осужденъ человѣкъ, подъ тягостнымъ закономъ смерти болѣзней, старости и житейскихъ страданій, Сиддарта увлекся печальнымъ настроеніемъ своихъ мыслей, и, по примѣру другихъ мудрецовъ, покидавшихъ міръ по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, рѣшился искать себѣ успокоенія въ уединеніи, и спасенія отъ бѣдствій въ отшельнической жизни». Не отнимая у Сиддарты этихъ нравственныхъ побужденій, мы находимъ однако же болѣе вѣроятное объясненіе его поступка въ тогдашнемъ политическомъ положеніи племени Шакья. Владѣніе Капилавасту было одною изъ тѣхъ свободныхъ областей и вольныхъ городовъ Мадьядеши, или Срединной страны, какъ назывался въ то время весь бассейнъ Ганга,—которые населены были особыми племенами и родами, не утратили еще своей независимости, имѣли государей изъ своего рода, или представляли родъ олигархическаго правленія; но эти мелкія владѣнія были не болѣе, какъ остатки древняго союза, уцѣлѣвшіе до временъ Соддоданы; по географическому своему положенію, они включались или въ Магаду, или въ Косалу,—двѣ страны, раздѣлявшія Мадьядешу на восточную и западную части. Усиленіе двухъ домовъ, царствовавшихъ въ Рачжагрихѣ и Шравасти, дало государямъ этихъ

городовъ, вмѣстѣ съ политическимъ вѣсомъ въ Магадѣ и Косалѣ, и возможность округлять свои владѣнія и мало-по-малу подчинять своей власти независимые области и города, находившіеся въ той и другой странѣ. Оба двора имѣли одинаковую цѣль—устроеніе одной общей монархіи въ Мадьядеши и можетъ быть во всей Индіи. Между тѣмъ, какъ государи Рачжагрихи дѣйствовали на востокѣ и именовали себя властителями всей Магады, на западѣ, шравастійскіе государи нечувствительно пріобрѣтали смежныя съ Аудомъ земли. Они стѣснили владѣнія Капилавасту и поставили ихъ между границею Косалы съ запада и юго-запада, откуда ,въ случаѣ нужды, войска ихъ черезъ два дня могли явиться подъ стѣнами Капилавасту, и пустынями, простиравшимися отъ этого города на востокъ, до Кушинагары, гдѣ разбойничало кровожадное племя кирата. Шравастійскіе государи охотились на поляхъ, принадлежавшихъ шакья, какъ на своихъ земляхъ. Прасэначжита, наслѣдовавшій отцу своему Брахмадаттѣ на престолѣ Косалы, заставилъ шакья выдать за себя дѣвицу изъ ихъ племени и нарушить завѣтъ, издавна хранившійся между потомками Икшвакулы, не выдавать дѣвицъ изъ своего племени въ замужество за людей чуждаго рода, и также не брать себѣ женъ изъ чужого племени. Шакья предвидѣли свой упадокъ и чувствовали свое безсиліе; они гордились своимъ высокимъ происхожденіемъ изъ касты Кшатрія; домъ Готамы считалъ себя династіею солнца; но, не смотря на то, должны были съ покорностію уступать требованіямъ шравастійскихъ владѣтелей,которые не могли похвалиться своими предками и происходили изъ низкой касты. Не имѣя средствъ поддержать права народной самостоятельности, шакья могли только питать глубокое чувство ненависти къ дому Брахмадатты. Когда Прасэначжита вступилъ съ ними въ родственныя связи, негодованіе ихъ не имѣло границъ; это обстоятельство они считали униженіемъ благороднаго ихъ происхожденія, и, можетъ быть, видѣли въ поступкѣ шравастійскаго государя замыслы, рѣшавшіе будущность ихъ владѣній. Въ такихъ обстоятельствахъ, наслѣдникъ Соддоданы отказался отъ своихъ правъ и надежды возвратить прежнія времена независимости своего отечества. Бѣгство Сиддарты совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Прасэначжита потребовалъ отъ шакья дѣвицу ихъ племени. Въ безмолвіи пустыннической жизни, онъ хотѣлъ скрыть страданія своей души.

Отшельничество было, въ его время, въ большомъ уваженіи. Какъ слѣдствіе глубокаго разочарованія въ дѣйствительныхъ благахъ настоящей жизни, оно еще болѣе укоренялось частыми и общественными бѣдствіями и условіями самаго климата Индіи, и находило сочувствіе въ народѣ. Къ этому присоединялась всеобщая вѣра индійцевъ въ законъ перерожденій, по которому человѣкъ осужденъ на многотрудное переселеніе изъ одного класса существъ въ другой. Страданія и освобожденіе отъ нихъ были двѣ идеи, проникавшія всѣ классы общества, занимавшія головы анахоретовъ и господствовавшія въ системахъ философскихъ; онѣ цѣликомъ перешли и въ буддизмъ; имъ не вѣрила одна только эпикурейская школа Локаятика. Люди, проникнутые идеею вожделѣннаго освобожденія отъ вліяній на душу всего чувственнаго, разрывали связи съ обществомъ и своимъ семействомъ и, вдали отъ житейскихъ волненій, надѣялись суровою жизнію заблаговременно упрочить за собою блаженство будущей жизни въ перерожденіяхъ, или глубокимъ и безмятежнымъ размышленіемъ разгадать тайну существованія міра и человѣка. Нерѣдко сами государи Индіи, на склонѣ своей жизни, слагали съ себя царственный санъ, и, возложивъ его на наслѣдниковъ престола, проводили остатокъ дней своихъ въ благочестивыхъ размышленіяхъ, въ тишинѣ загородныхъ садовъ и рощъ. Званіе отшельника было священнымъ и неприкосновеннымъ въ глазахъ народа; пропитаніе его зависѣло большею частію отъ доброхотныхъ подаяній поселянъ, или отъ щедрости вельможъ и государей, которые съ своей стороны тоже покровительствовали анахоретамъ. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, разнообразные роды пустынниковъ умножились по всей Индіи; они населяли роскошные берега Ганга, банановыя рощи и горныя ущелья; одни изъ нихъ были произвольные труженики, налагавшіе на себя всевозможныя истязанія; другіе созерцатели, искавшіе покоя въ бездѣйствіи тѣла и духа, или погружавшіеся въ созерцанія; иные скитальцы, бродившіе по деревнямъ и жившіе подаяніями жителей. Впрочемъ замѣчательно, что родичи шакьямуни, сколько намъ извѣстно, менѣе всѣхъ благопріятствовали отшельнической жизни; въ окрестностяхъ Капилавасту было нѣсколько отшельниковъ; но цинизмъ и истощенная наружность ихъ возбуждали въ Соддоданѣ одно отвращеніе къ ихъ

жизни, и самые знаменитые пустынники не удостоивались отъ шакья никакого уваженія. «Нельзя и требовать этого уваженія,» говорилъ въ послѣдствіи времени самъ Будда, «отъ потомковъ Кшатрія, благороднаго и высокаго рода.» Главный притонъ отшельниковъ былъ въ Магадѣ, и преимущественно въ восточной ея части. Бимбасара, вступившій на престолъ послѣ отца своего Махапамды, былъ могущественнымъ государемъ тѣхъ временъ въ Индіи, и Магада, находившаяся подъ его властью, самою цвѣтующею и богатою страною. Владѣнія его простирались отъ Бенгала и Брахмапутры до Бенареса; съ юга отдѣлялись отъ Дакшины, или нынѣшняго Декана, горами Малая, или Випдья; на сѣверѣ ограничивались Гималайскимъ хребтомъ. Какъ государь просвѣщенный и дальновидный, Бимбасара открылъ въ своихъ владѣніяхъ пріютъ мудрецамъ и пустынникамъ, которые не замедлили воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ и со всѣхъ концовъ Индіи начали стекаться въ Рачжагриху; здѣсь философы разныхъ школъ и отшельники разныхъ родовъ находили вѣрное пропитаніе, безбѣдную жизнь и терпимость мнѣній. Ученые люди были при дворѣ Бимбасары; окрестности столицы и особенно ущелья и пещеры горы Гридракуты населены были отшельниками; въ лѣсахъ, простиравшихся отъ столицы на югъ и юго-востокъ до города Гайи, развалины котораго нынѣ извѣстны подъ именемъ Будда-Гайи, и по берегамъ Нираньчжаны, обитали пустынники-созерцатели: изъ нихъ особенно извѣстны были Удракорама и Аратакалама; еще далѣе на берегу рѣки жилъ Урувилва-Кашьяпа, огнепоклонникъ, столь прославившійся строгостію своей жизни, что ежегодно совершались изъ Рачжагрихи путешествія, на поклоненіе знаменитому анахорету.

Покинувъ свою отчизну, Сиддарта не имѣлъ опредѣленной цѣли и намѣренія избрать для себя тотъ, а не другой родъ жизни отшельниковъ. Всѣ обстоятельства доказываютъ, что онъ сначала вовсе не обращалъ вниманія на различіе и даже враждебныя отношенія, существовавшія между пустынниками, и что единственнымъ желаніемъ его было присоединиться къ первымъ отшельникамъ, какіе ему встрѣтятся. Такимъ образомъ, когда дошла до него молва о гридракутскихъ труженикахъ, онъ немедленно отправился къ столицѣ Магады, минова пустѣдшамби, нынѣшній Аллахабадъ, и Бенаресъ, и въ скоромъ

времени вступилъ въ избранное имъ общество произвольныхъ тружениковъ; подъ руководствомъ ихъ, онъ усердно принялся изнурять свое тѣло жестокими и страшными средствами; судя по жару, съ какимъ молодой праврачжика, (такъ называли въ то время людей, покидавшихъ міръ съ душеспасительною цѣлью),--подвизался въ труженичествѣ, можно думать, что идея страданій, болѣе или менѣе безотчетная, преслѣдовала его, и что онъ подражалъ изувѣрному самоотверженію своихъ наставниковъ, не только въ чаяніи блаженныхъ воздаяній и будущихъ наслажденій, сколько въ надеждѣ пріобрѣсти совершенное безстрастіе и навыкъ терпѣливо переносить самые тяжкіе труды и испытанія. Но когда свобода и время дали Сиддартѣ возможность спокойно обсудить принятый имъ образъ жизни, жаръ къ труженичеству охладѣлъ въ немъ; онъ не видалъ уже пользы въ обычаѣ труженниковъ лежать на колючихъ растѣніяхъ, натираться золою, цѣлые дни стоять подъ солнечнымъ жаромъ и въ другихъ насильственныхъ средствахъ, которыя, изсушая въ душѣ источникъ живыхъ чувствъ, не искоренили тщеславія и не согласовались съ потребностями ума, болѣе или менѣе просвѣщеннаго. Сиддарта утвердился въ печальномъ взглядѣ на міръ и на явленія, совершающіяся въ немъ; обстоятельства и время укоренили въ немъ глубокое убѣжденіе во всеобщихъ страданіяхъ; но онъ напрасно искалъ у труженниковъ дѣйствительныхъ средствъ къ освобожденію отъ этихъ страданій. Поэтому онъ рѣшился разстаться съ гридракутскими отшельниками и искать для себя наставниковъ, болѣе знакомыхъ съ духовною жизнію. Онъ перешелъ къ Удракорамѣ и Аратакаламѣ.

Эти пустынники, какъ мы сказали выше, были созерцатели; они принадлежали къ классу тѣхъ подвижниковъ индійскихъ, которые, для самоусовершенія, пренебрегали правилами дѣятельной жизни и весь трудъ подвижничества полагали въ навыкѣ къ твердому и безмятежному покою души; безстрастіе, одно изъ важныхъ началъ индійской аскетики, было цѣлью ихъ усилій. Какъ скоро Сиддарта вступилъ въ общество этихъ созерцателей, спокойный образъ жизни ихъ такъ понравился ему, что рѣшился остататься съ ними на долгое время. У нихъ онъ бралъ уроки въ созерцательной жизни и посвященъ былъ во всѣ тайны ея; подъ ихъ руководствомъ онъ проходилъ степени символической лѣстницы самопогруженій, которыя должны были

постепенно умирять его душу, очищать ее отъ волненій чувствъ и мыслей, предохранять отъ вліянія внѣшнихъ впечатлѣній и водворить въ ней на-всегда непоколебимый покой. Цѣлые дни онъ проводилъ въ бездѣйствіи, погружаясь съ наслажденіемъ въ мечтательный міръ, и такъ павыкъ къ этому занятію, что оно сдѣлалось любимымъ во всю его жизнь до самой смерти. «Однакоже, говорятъ его біографы, онъ остался недоволенъ началами, на которыхъ основывалась система созерцанія Удракорамы и Аратакаламы; ему казалось невозможнымъ, чтобы, восходя по степенямъ его, душа созерцающаго оставалась неизмѣнною, и въ самыхъ высшихъ самопогруженіяхъ, когда прекращается всякая дѣятельность и всякое движеніе въ душѣ, Я также существовало. Поэтому, прибавляютъ тѣ же біографы, Сиддарта разстался и съ созерцателями, какъ разстался съ тружепиками, и уже одинъ, безъ посторонпихъ примѣровъ и наставленій, совершилъ трудъ предварительнаго подвижничества». Дѣйствительно, несуществованіе Я, какъ индивидуальнаго, такъ и всеобщаго, было, какъ увидимъ послѣ, однимъ изъ основныхъ началъ ученія Будды; но это буддійское мнѣніе было слѣдствіемъ взгляда его на все существующее, какъ подлежащее закону рожденія, измѣненія и уничтоженія. Будда перенесъ въ свою аскетику почти всю систему созерцанія своихъ наставниковъ, онъ отвергнулъ только убѣжденіе ихъ, что самая высшая степень созерцанія есть состояніе полнаго и конечнаго освобожденія отъ вліяній на душу всего чувственнаго, то есть нирваны. Пристрастіе его къ созерцанію доказываетъ, что онъ не такъ скоро, какъ разсказываютъ буддисты, оставилъ пустынниковъ-созерцателей. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ Грндракуту, протекло уже шесть лѣтъ, и, вѣроятно, большую часть этого времени онъ провелъ сначала съ Аратакаламой, а потомъ съ Удракорамой. Послѣдній изъ нихъ былъ самымъ извѣстнымъ созерцателемъ того времени; онъ оставилъ послѣ себя сочиненіе, въ которомъ изложена была его философія. Однакоже Сиддарта не былъ удовлетворенъ наставленіями ученаго Удракорамы и въ послѣдствіи времени не упускалъ случая открывать своимъ ученикамъ недостатки его системы. Несогласіе въ философскихъ взглядахъ, а можетъ быть и смерть Удракорамы, которую, по неопредѣленности буддійскихъ сказаній, можно отнести къ этому времени, заставили Сиддарту снова начать скитальческую жизнь; онъ

переселился къ окрестностямъ Гаи и рѣшился жить одинъ, безъ руководителей. «Здѣсь», говорятъ его жизнеописатели, «въ бесѣдѣ съ самимъ собою и усиленнымъ размышленіемъ онъ нашелъ, наконецъ, рѣшеніе своихъ сомнѣній и вопросовъ, котораго напрасно искалъ у тогдашнихъ пустынниковъ; умъ его прояснился и постигъ дѣйствительное значеніе предметовъ и явленій, разгадалъ тайну страданій, удручающихъ человѣка и нашелъ вѣрныя средства къ освобожденію отъ нихъ». Другими словами, онъ составилъ собственный и самостоятельный взглядъ, какъ философіи, такъ и аскетики, и образовалъ новое ученіе, которое отличалось отъ существовавшихъ въ его время системъ. Съ этого времени, когда Сиддарта изъ ученика сдѣлался самостоятельнымъ, онъ принимаетъ у буддійскихъ писателей общее названіе Будды и оставляетъ его за собою навсегда. Имя Будды усвоено было у индійцевъ только тѣмъ лицамъ, которыя отличались практическими и теоретическими познаніями, строгостію жизни и даромъ краснорѣчія. Восторженные поклонники Шакьямуни величая своего вѣроучителя Буддой, совмѣщаютъ въ понятіи этого наименованія всѣ нравственныя, умственныя и даже физическія совершенства, какія только возможны для человѣка. Ратумѣется, самъ Будда думалъ о себѣ не столь восторженно и высоко; однакоже онъ находилъ въ себѣ всѣ признаки мудреца, то есть Будды. Будучи глубоко убѣжденъ въ вѣрности и основательности своихъ началъ, обдуманныхъ на свободѣ и въ тишинѣ уединенія, и считая свои открытія въ области философіи и нравственности свѣтлыми истинами, которыя должны ниспровергнуть предразсудки, суевѣріе, изувѣрство и заблужденія ума, господствовавшіе, по мнѣнію Будды въ школахъ другихъ философовъ и отшельниковъ; онъ ставилъ себя на степень единственнаго и общаго руководителя въ духовной жизни и мудраго наставника въ изысканіи истинъ. Прозелитизмъ не былъ въ его характерѣ; однакоже послѣдующія обстоятельства доказываютъ, что онъ не чуждъ былъ вѣры въ свое призваніе. Такъ онъ мечталъ, по крайней мѣрѣ, при самомъ вступленіи своемъ въ общественную жизнь, когда опытность не успѣла охладить его юношескаго жара. Не желая погребсти въ пустынѣ вмѣстѣ съ собою и свои новыя идеи, онъ рѣшился появиться въ покинутомъ имъ свѣтѣ и распространить свое ученіе. Съ этою цѣлію Будда оставилъ окрест-

ности Гайи и отправился къ западной границѣ Магады, намѣреваясь, вѣроятно посѣтить свой отечественный городъ. Но расчетъ его не былъ вѣренъ; одинъ, безъ послѣдователей и безъ извѣстности, онъ не могъ ожидать успѣха на томъ поприщѣ, на которомъ въ его время подвизалось столько аскетовъ, людей опытныхъ, окруженныхъ толпою учениковъ и высоко уважаемыхъ въ народѣ. Въ Бенаресѣ Буддавстрѣтилъ нѣсколько своихъ родичей и на нихъ хотѣлъ испытать дѣйствительность своего ученія и краснорѣчія; опытъ былъ самый неудачный; шакьяпутра то есть члены фамиліи Шакья, встрѣтили его насмѣшками и не скрыли своего презрѣнія къ учительской важности, съ какою онъ раскрывалъ имъ свои аскетическіе взгляды; они укоряли его въ непостоянствѣ и легкомыслін, съ какимъ онъ перемѣнялъ нѣсколько разъ родъ жизни, переходя отъ однихъ пустынниковъ къ другимъ, и доказали ему, что, въ настоящемъ положеніи онъ не имѣетъ еще необходимаго авторитета въ дѣлѣ проповѣди, ни опытности мудреца, какимъ онъ хотѣлъ явиться передъ ними. Такое неудачное начало общественной жизни Будды заставило его обратить вниманіе на шаткость своего положенія и на условія, при которыхъ онъ могъ бы подѣйствовать на общественное мнѣніе; самымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли находилъ онъ то, чтобы стать во главѣ многихъ послѣдователей и имѣть на своей сторонѣ толпу сподвижниковъ. Будда и рѣшился такъ сдѣлать думая, что, если бы ему удалось привлечь на свою сторону какого-нибудь анахорета, пользовавшагося уваженіемъ въ народѣ, то авторитетъ и вліяніе его въ обществѣ были бы упрочены. Будда зналъ, что самый знаменитый анахоретъ въ то время былъ Урувилва Кашьяпа и отважился на трудное предпріятіе привлечь на свою сторону этого вліятельнаго человѣка. Итакъ онъ воротился изъ Бенареса къ городу Гайи, на берега Ниранъчжаны, гдѣ, какъ мы сказали выше, жилъ Кашьяпа.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что Урувилва Кашьяпа былъ огнепоклонникъ; но изъ этого еще нельзя заключать, что онъ слѣдовалъ религіи Зороастра, если считать эту религію чуждою Индіи; судя по народности, какою пользовался Урувилва Кашьяпа, надобно думать, что онъ былъ или изъ числа шиваитовъ, поклонявшихся огню, какъ символу Шивы, или разрушительной силы, или послѣдователемъ Уллуки, основателя философской школы, извѣстной въ

послѣдствіи времени подъ именемъ Вайшешики, въ ученіи котораго огонь былъ самымъ могущественнымъ дѣятелемъ въ цѣломъ міроздапіи. Обожаніе огня соединялось съ обожаніемъ небесныхъ свѣтилъ. Каждый день, съ восходомъ солнца, огнепоклонникъ поклонялся восходящему свѣтилу; въ извѣстные часы дня закалалъ животныхъ въ жертву огню и жегъ благовонія, ночью разводилъ на жертвенникахъ огонь и зажигалъ лампы; можно впрочемъ догадываться, что огонь храпимъ былъ неугасимымъ. Въ такихъ занятіяхъ проводилъ жизнь Урувилва-Кашьяпа, у него было цѣлое общество учениковъ и два младшіе брата Гайя-Кашьяпа и Нати-Кашьяпа; послѣдніе жили отдѣльно отъ старшаго брата, также на берегахъ Нираньчжаны; оба они имѣли по нѣсколько учениковъ и также поклонялись огню, но Урувилва имѣлъ надъ ними власть семейнаго главы и авторитетъ учителя. Такимъ образомъ, онъ первенствовалъ среди ниранычжанскихъ огнепоклонниковъ.

Имѣя въ виду обращеніе Урувилва-Кашьяпы, Будда, разумѣется, не желалъ поступить въ число его учениковъ, а хотѣлъ быть у него гостемъ, или сосѣдомъ; поэтому, когда онъ прибылъ сюда, старый анахоретъ съ перваго свиданія съ нимъ замѣтилъ, что имѣетъ дѣло не съ ученикомъ, принялъ его холодно и совѣтовалъ ему искать себѣ пристанища гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; не смотря однакоже на такую недовѣрчивость хозяина, Будда настоялъ на своемъ и поселился въ одной запустѣлой пещерѣ, вблизи жилищъ огнепоклонниковъ. Съ сихъ поръ началась у него борьба съ религіозными и личными предубѣжденіями Урувилвы; цѣлыхъ шесть лѣтъ онъ продолжалъ ее неутомимо, не обращая вниманія ни на какія препятствія, дѣйствуя однакоже съ большою осторожностію. Прежде всего онъ постарался пріобрѣсти расположеніе и довѣренность Урувилвы, оказывая ему услуги и знаки вниманія. Онъ удѣлялъ ему лучшую часть изъ подаяній, какія удавалось ему набирать въ окрестныхъ деревняхъ, приносилъ ему въ подарокъ рѣдкіе плоды, которые онъ доставалъ въ лѣсахъ, благодаря обезьянамъ, кидавшимъ въ него ими съ вершины деревьевъ, и простеръ свою угодливость до того, что разводилъ огонъ на жертвенникахъ, при поклоненіяхъ Урувилвы. Во время ежегодныхъ посѣщеній Урувилвы набожными пилигримами, Будда уходилъ на другой берегъ рѣки и скрывался тамъ до тѣхъ

поръ, пока не оставалось у Урувилвы ни одного посѣтителя, не считая себя въ правѣ, какъ онъ самъ увѣрялъ Урувилву, имѣть участіе въ почтеніи пилигримовъ и въ приносимыхъ ими дарахъ, которые должны принадлежать только ему, Урувилвѣ; но на самомъ дѣлѣ Будда уходилъ на это врéмя изъ опасенія, чтобы посторонніе не сочли его ученикомъ Урувилвы, замѣтивъ его въ обществѣ этого анахорета Подобнымъ поведеніемъ Будда мало по малу пріобрѣлъ дружбу Урувилвы, который началъ платить за вниманіе вниманіемъ; онъ оказалъ Буддѣ важную услугу, спасши его жизнь отъ очевидной опасности. Будда имѣлъ обыкновеніе часто переходить на другой берегъ Нираньчжаны, гдѣ пропадалъ на нѣсколько времени, бродя по деревнямъ за милостыней, или углубляясь въ уединенныя мѣста. Въ одно изъ такихъ путешествій Будды, рѣка отъ сильныхъ дождей выступила изъ береговъ, и то мѣсто, гдѣ онъ переходилъ ее въ бродъ, сдѣлалось непроходимымъ. На возвратномъ пути, бурная ночь застала Будду, когда онъ подошелъ къ берегу рѣки; однакоже онъ смѣло вступилъ въ воду, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ быстрина рѣки увлекла его и понесла внизъ вмѣстѣ съ мутными волнами. Въ это самое время Урувилва, опасаясь за своего друга, дожидался его возврата, какъ вдругъ услышалъ крикъ на рѣкѣ и узналъ голосъ Будды; онъ тотчасъ собралъ своихъ учениковъ и бросился съ ними къ рѣкѣ для спасенія утопающаго. Черезъ нѣсколько времени Будда былъ вынесенъ на берегъ и спасенъ отъ явной смерти. Этотъ случай, кажется, еще тѣснѣе сблизилъ Урувилву съ Буддой. По мѣрѣ того, какъ Будда пріобрѣталъ вліяніе на Урувилву, онъ старался разрушать въ немъ прежнія убѣжденія и въ бесѣдахъ съ нимъ доказывалъ ему неосновательность суевѣрныхъ обрядовъ, какимъ слѣдовали огнепоклонники, предлагая въ замѣнъ того свои взгляды и свою нравственность,—взгляды, по его словамъ, самые естественные, и нравственность самую простую и чистую. Впрочемъ подробности объ успѣхахъ Будды въ дѣлѣ обращенія Урувилвы почти вовсе неизвѣстны; извѣстно только то, что Будда достигъ наконецъ своей цѣли: убѣдилъ Урувилву оставить прежнія вѣрованія и сдѣлаться ревностнымъ поборникомъ ученія своего. Жертвоприношенія были прекращены и жертвенные сосуды брошены въ Нираньчжану. Ученики Урувилвы безпрекословно послѣдовали примѣру своего учителя и безъ ропота

оставили прежній образъ жизни. Чрезъ нѣсколько времени братья Урувилвы, Гайя и Нати, узнавъ объ этомъ событіи, поспѣшили присоединиться къ новому обществу, въ полной увѣренности, что, если бы новый образъ мыслей и поведенія не былъ лучше прежняго, старшій братъ ихъ никогда не рѣшился бы принять его. Итакъ они признали Будду своимъ главою, еще не зная хорошо духа его ученія. Число членовъ, составившихъ общество послѣдователей Будды, простиралось за нѣсколько сотъ.

Положеніе Будды было таково, что не могло оставаться тайною внѣ круга его послѣдователей. Давно уже знали, что одинъ Шакьяпутра, сынъ Содлоданы, сдѣлался отшельникомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ подвизался, или сбиралъ подаянія, онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ шрамана Готамы, то есть подвижника изъ дома Готамы; онъ и самъ называлъ себя Шраманомъ и носилъ это названіе до самой смерти. Когда Будда перешелъ къ Урувилвѣ и подчинялъ его своему вліянію, въ окрестныхъ селеніяхъ говорили, что Урувилва пріобрѣлъ себѣ новаго ученика изъ касты Кшатрія. Будда опровергъ этотъ слухъ, явившись во главѣ многочисленнаго общества, но подалъ поводъ къ другимъ слухамъ, болѣе важнымъ. Въ народѣ распространилась молва, что на востокѣ явился членъ племени Шакья, царскаго происхожденія, во главѣ нѣсколькихъ сотъ приверженцевъ, и будто онъ намѣренъ мало по малу пріобрѣсти санъ Чакравартина Золотаго колеса. Это имя по давнишнимъ преданіямъ напоминало народу Монарха всей Индіи и блаженныя времена единодержавной власти, когда не было распрей и вражды между мелкими владѣтелями, и когда народъ не боялся ихъ притѣсненій и не терпѣлъ бѣдствій отъ войны, но, находясь подъ скипетромъ одного царя, наслаждался всѣми выгодами единодержавнаго государства. Слухъ о намѣреніяхъ приписываемыхъ Буддѣ, дошелъ и до Рачжагрихскаго двора и возбудилъ между приближенными Бимбасары нѣкоторыя опасенія; но Бимбасара не вѣрилъ народнымъ толкамъ, считалъ Будду простымъ отшельникомъ и не предполагалъ въ головѣ его никакихъ политическихъ замысловъ. Прибытіе къ Рачжагрихѣ Будды рѣшило сомнѣнія, возникшія на счетъ его. Между тѣмъ какъ о немъ дѣлали предположенія, онъ намѣревался разстаться навсегда со скрытнымъ образомъ жизни, какой онъ велъ до сихъ поръ, и переселиться въ такое

мѣсто, гдѣ его общество могло бы наслаждаться безбѣднымъ существованіемъ; столица Магады представляла ему эти выгоды; кромѣ множества другихъ соображеній, рѣшавшихъ этотъ выборъ, Будда, навѣрное, имѣлъ кромѣ того въ виду нечаяннымъ и произвольнымъ приходомъ въ Рачжагриху опровергнуть распространившіеся на счетъ его ложные слухи. Итакъ онъ съ новонабраннымъ братствомъ двинулся съ береговъ Ниранъчжаны и перешелъ къ Рачжагрихѣ. По обыкновенію, онъ поселился въ окрестностяхъ столицы, въ пригорьѣ Гридракуты, и въ сосѣдствѣ съ труженниками, прежними своими сподвижниками. Первымъ дѣломъ его, по прибытіи сюда, было оправдаться въ мнимыхъ политическихъ замыслахъ. Онъ объявилъ публично, что житейскія мысли давно уже оставили его, и что мірская слава не есть удѣлъ отшельника. Бимбасара, убѣжденный въ невинности Будды, оказалъ ему явные знаки своего вниманія и покровительства, обласкалъ его и обѣщалъ ему и его обществу вѣрное пособіе на все то время, пока будетъ оставаться у столицы Магады. Благорасположеніе Государя имѣло для Будды счастливыя послѣдствія. Нашлись люди, которые позаботились доставить пріютъ обществу шрамановъ.—дѣло, считавшееся въ тѣ времена богоугоднымъ и душеспасительнымъ. Будда, сказали мы, поселился въ Гридракутѣ. Она замѣтна была въ цѣпи горъ, окружавшихъ Рачжагриху со всѣхъ сторонъ, своими пятью вершинами, на которыхъ витали орлы, отчего она и получила названіеГридракуты (гридра—орелъ и кута, или куча- -вершина). Въ крутыхъ скатахъ ея существовало нѣсколько пещеръ, куда укрывались отшельники отъ непогодъ и шума общественной жизни. Гридракута была недалеко отъ города (въ осьми верстахъ на сѣверовостокъ); но окрестности ея были дики и пустынны; и хотя Будда предпочиталъ эту пустыню другимъ мѣстамъ, болѣе оживленнымъ, многочисленное братство его требовало однакоже пристанища болѣе удобнаго. Одинъ Рачжагрихскій вельможа, по имени Каланда, пособилъ Буддѣ пристроить его послѣдователей. Онъ предложилъ къ ихъ услугамъ свой загородный садъ, или бамбуковую рощу, называвшуюся, по имени владѣльца. Каландакою и отстоявшую отъ города не болѣе, какъ въ верстѣ на сѣверъ. Каланда отдалъ было этотъ садъ отшельникамъ изъ секты ниргранта; но, когда замѣтилъ благосклонное вниманіе Государя къ Буддѣ, заставилъ ихъ отка-

заться отъ этого дара и передалъ его во владѣніе Буддѣ. Будда не замедлилъ поселиться въ Каландакѣ и нашелъ въ немъ готовыя и удобныя помѣщенія для себя и для своего братства.

Съ такими благопріятными предзнаменованіями Будда началъ свою публичную жизнь. Любопытно было бы слѣдить за дальнѣйшими событіями ея, за успѣхами Будды въ распространеніи его ученія, его борьбою съ другими школами Индіи, путешествіями по Индіи, и другими обстоятельствами, которыя, будучи разсказаны въ порядкѣ времени и связи, могли бы служить лучшею историческою характеристикою жизни Будды; но обо всемъ этомъ буддійскіе писатели не позаботились, или не имѣли средствъ сохранить отчетливыя сказанія. Всѣ спеціальныя жизнеописанія Будды и біографическіе отрывки, встрѣчающіеся въ другихъ сочиненіяхъ буддійскихъ, описавъ подробности жизни Будды до того времени, когда онъ перешелъ въ Рачжагриху съ своимъ братствомъ, прекращаютъ на этомъ мѣстѣ нить своего разсказа и переходятъ къ описанію послѣднихъ годовъ жизни Будды. Будда скончался осмидесяти лѣтъ отъ роду; ему было за тридцать лѣтъ, когда онъ обратилъ Урувилву; слѣдовательно до послѣдняго десятилѣтія его жизни, ознаменованнаго важными событіями, простирается почти сорокалѣтній періодъ, составляющій самую важную часть жизни Будды, но упущенный его біографами. За недостаткомъ историческихъ фактовъ для пополненія этого промежутка, намъ остается предложить здѣсь рядъ замѣчаній объ образѣ жизни, принятомъ Буддой со времени поселенія у Рачжагрихи, объ общежительныхъ правилахъ, установленныхъ имъ въ своемъ братствѣ, и объ его общественныхъ отношеніяхъ. Затѣмъ будутъ описаны обстоятельства, предшествовавшія его кончинѣ.

Будда былъ шрамапъ; такъ онъ называлъ самъ себя и такъ называли его и другіе. Означая вообще всякаго подвижника, усовершающагося въ строгой аскетической жизни, это имя не указывало ни на какой особый родъ отшельниковъ; но когда Будда усвоилъ его роду своей жизни, съ тѣхъ поръ оно сдѣлалось исключительнымъ наименованіемъ всякаго буддиста. Значеніе званія шрамана и отличіе его отъ другихъ званій объясняется у буддистовъ исторически. Въ давнія времена, говоритъ одна судра, описывающая происхожденіе индѣйскихъ кастъ,—были примѣры, что нѣкоторые [illegible] членъ

новъ общества, въ слѣдствіе ли домашнихъ несчастій, или по особому настроенію души, покидали житейскія заботы, слагали съ себя обязательства семейной жизни и удалялись въ пустынныя мѣста. Поселившись въ горахъ или лѣсахъ, они строили изъ растеній и древесныхъ вѣтвей шалаши и проводили въ нихъ жизнь спокойную и беззаботную, посвящая большую часть времени размышленію. О запасахъ для своего пропитанія они не заботились; если они нуждались въ чемъ-нибудь, то раннимъ утромъ, или позднимъ вечеромъ, они отправлялись въ ближнія деревни и, получивъ отъ доброхотныхъ подателей все нужное для себя, пищу, или одежду, снова возвращались въ свои убѣжища. Неукоризненное поведеніе этихъ отшельниковъ, ихъ безстрастіе и удаленіе отъ міра, исполненнаго недобрыхъ дѣлъ, заслужило имъ отъ народа названіе брахмановъ, т. е. чистыхъ. Съ сихъ поръ начался особый классъ людей, составившихъ касту брахмановъ. Съ теченіемъ времени, многіе изъ касты брахмановъ утратили первобытную простоту и чистоту поведенія; имъ наскучило жить въ уединеніи и заниматься размышленіемъ и они промѣняли пустынническую жизнь на бродячую; скитаясь по деревнямъ, они вызывались жителямъ ихъ дѣлать чары и совершать заклинанія, и, такимъ образомъ, питались на счетъ суевѣрія народа, который называлъ ихъ своими наставниками. Такой родъ жизни скоро испортилъ нравственность этихъ отшельниковъ и совершенно ослабилъ строгость ихъ правилъ. Наконецъ, въ послѣднія времена, возникъ еще особый родъ анахоретовъ, извѣстныхъ подъ именемъ шрамановъ.

Шраманы также отрекаются отъ міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ обѣтъ вѣчнаго отшельничества и въ знакъ презрѣнія къ условіямъ свѣта обриваютъ себѣ голову и бороду; подобно другимъ анахоретамъ, они удаляются отъ шума человѣческихъ жилищъ и проводятъ жизнь въ усердномъ самоусовершеніи, но не составляютъ никакой особой касты; званіе шрамана доступно для кшатрія и брахмана также точно, какъ для вайшья и шудры.

Судя по приведенному нами отрывку, брахманы первые основали анахоретическій родъ жизни, или лучше сказать отшельники были брахманы; однакоже во времена Будды существовалъ многочисленный классъ [illegible]тружениковъ, которые не могутъ быть ни первобытными

брахманами, или скитающимися отшельниками; притомъ неизвѣстно, принадлежали ли труженики къ кастѣ брахмановъ. Итакъ подъ именемъ шрамановъ, въ помянутомъ отрывкѣ, надобно разумѣть всѣхъ тѣхъ, которые вели подвижническую жизнь не по обязанности своей касты, и слѣдовали аскетическимъ и философскимъ началамъ, отступавшимъ отъ колеи брахманскихъ преданій; но такъ какъ тутъ всякій понималъ подвижничество по своему, то Будда, по духу своего ученія, хотѣлъ очистить его отъ брахманскихъ предубѣжденій и суевѣрія другихъ отшельниковъ. Какъ своимъ ученіемъ онъ хотѣлъ поставить оплотъ скептицизму и легковѣрію, такъ въ жизни практической онъ старался установить строгость правилъ вмѣстѣ съ простотою образа жизни. Онъ придавалъ этому особенную важность. Званіе шрамана должно было выражаться во внѣшнемъ поведеніи.

Когда Будда сталъ во главѣ значительнаго числа послѣдователей, онъ установилъ образъ ихъ жизни, согласный его видамъ, частію своимъ примѣромъ, частію устными наставленіями. Общество шрамановъ, устроенное имъ, называлось сангой, т. е. собраніемъ, или братствомъ. Каждый членъ братства назывался бикшу, т. е. нищій; потому что первый и главный обѣтъ, произносимый вновь поступавшимъ въ братство, былъ обѣтъ бѣдности и неимѣнія собственности. Званіе бикшу не только не было позорнымъ отъ того, что онъ долженъ былъ поддерживать свою жизнь подаяніями другихъ, но, соединяясь со званіемъ отшельника, было предметомъ глубокаго уваженія въ народѣ; въ тѣ времена даже былъ споръ о томъ: что душеспасительнѣе и важнѣе: подавать ли милостыню, или принимать ее?—Совершенное равенство отшельниковъ господствовало въ братствѣ Будды; единственные признаки чиноначалія, существовавшаго между членами его, заключались въ отношеніяхъ младшаго къ старшему, не по лѣтамъ, а по времени вступленія въ братство. Кшатрія или брахманъ, принявшій обѣты бикшу послѣ вайшья, должны были во всемъ и вездѣ уступать послѣднему первенство.

Негодуя на изувѣрство и суевѣріе, господствовавшія въ правахъ тружениковъ, Будда не хотѣлъ подражать всѣмъ странностямъ ихъ и разнообразнымъ видамъ произвольныхъ истязаній, или необычайному роду жизни ихъ, который привлекалъ на нихъ взоры и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительное удивленіе народа, но худо скрывалъ

тайное тщеславіе и нужду въ пропитаніи, руководившія ихъ поступками. Онъ поставилъ для бикшу правиломъ вести себя со всѣмъ должнымъ приличіемъ и строгостію, не нарушая обѣта бѣдности, такъ чтобы наружность шрамана соотвѣтствовала важному и серьезному настроенію его размышленій. Никакія посторонніе впечатлѣнія не должны были разстроивать, или развлекать его; выраженіе лица долженствовало быть постоянно спокойнымъ, станъ—прямымъ, походка—медленною, пріемы—съ достоинствомъ. У каждаго бикшу должно быть платье, которое могло покрывать все тѣло его; образцемъ этой одежды былъ охотничій плащъ, какой носилъ Будда со времени бѣгства изъ Капилавасту. Бикшу часто сшивали ее изъ старыхъ и брошеныхъ лоскутьевъ, находимыхъ близъ селеній; но каждый лоскутокъ они чистили и вымывали для того, чтобы сшитое изъ нихъ платье, при всѣй скудости матеріаловъ, было чисто и опрятно.

У Будды было много покровителей и данапати, т. е. людей, обязавшихся доставлять ему и его братству средства къ существованію; потому ли, что Будда, по своему происхожденію, имѣлъ легкій доступъ къ лицамъ, занимавшимъ высшія ступени общества, или потому, что онъ, обыкновенно, прежде всего старался пріобрѣсти расположеніе этихъ высшихъ лицъ,—большая часть его данапати были изъ рачжей мелкихъ владѣній, правителей городовъ, вельможъ и богачей. Они дарили Буддѣ свои загородныя дачи или сады, и строили жилища для помѣщенія его братства. Эти дачи, переходя во владѣніе Будды, назывались сангарамами, т. е. садами братства,—названіе, оставшееся навсегда за общежительными убѣжищами буддійскихъ отшельниковъ. Сангарамы были внѣ городовъ и селеній; потому что Будда считалъ жизнь въ нихъ, среди постояннаго шума и развлеченій, несогласною съ спокойствіемъ духа и глубокими размышленіями, какихъ требовало званіе шрамана, и поставилъ непремѣннымъ правиломъ –никогда не имѣть пріюта въ городахъ или селеніяхъ, исключая временнаго пребыванія въ нихъ для сбора подаяній, или на званыхъ обѣдахъ.

Пропитаніе бикшу зависѣло отъ ежедневнаго сбора милостыни. Раннимъ утромъ, Будда выходилъ изъ сангарамы, окруженный толпою своихъ учениковъ, и отправлялся съ ними за дневною пищею въ городъ, или селеніе. При входѣ въ него бикшу расходились въ раз-

ныя стороны, каждый съ своею патрою, или нищенскою чашею. Правило и примѣръ Будды требовали, чтобы во время сбора подаяній, бикшу не забывали сохранять достоинство своего званія, ничѣмъ не разслекаясь и ничему не удивляясь. Отказъ въ подаяніи они принимали съ такимъ же безстрастіемъ, какъ и богатую милостыню, и просили подаяній, какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго семейства, по порядку домовъ. По обычаю тогдашняго времени, они просили милостыни не произнося просьбъ и подавая хозяевамъ свои чаши; хозяева наполняли эти чаши вареным рисомъ и возвращали ихъ просителямъ, или подавали имъ какіе-нибудь другіе припасы. Получивъ подаяніе, Будда, обыкновенно произносилъ благословеніе на домъ милостыподавца, желалъ ему и семьѣ его счастія, довольства и здоровья, и весьма часто говорилъ о пользѣ милостыни. Къ полудню, бикшу возвращались въ сангарамъ съ запасомъ набранныхъ подаяній; одна часть ихъ,—такъ покрайней мѣрѣ требовало правило,—удѣлялась голоднымъ бѣднякамъ, если они встрѣчались; другую относили въ пустое мѣсто для дикихъ звѣрей и хищныхъ птицъ; остальное служило обѣдомъ для братства. Пища раздѣлялась между бикшу поровну. Остальное время дня Будда посвящалъ на бесѣды съ своими приближенными, или, что было всего чаще, уходилъ въ уединенное мѣсто, въ пещеру, или подъ дерево, и здѣсь, на свободѣ, предавался любимому занятію своему,—созерцанію, сидя съ поджатыми ногами и приведя свой станъ въ неподвижное положеніе. Такъ проходилъ каждый день нищенской жизни Будды, когда онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ братствомъ. Бикшу не должны были имѣть въ запасѣ, не только пищи, но также и одежды: у кого изъ нихъ случалась нужда въ ней, тотъ шелъ собирать матеріалы для нея въ селеніе; если нужны были ему новыя сандаліи, или нитки на починку ветхаго платья, онъ опять шелъ за ними въ селеніе. Однимъ словомъ, бикшу, каждый день своей жизни, долженъ былъ зависѣть отъ доброхотныхъ подаяній.

Годъ у индійцевъ раздѣлялся на три времени: зиму, лѣто и осень. Зимой Будда, большею частію, жилъ въ обществѣ своихъ учениковъ и на одномъ мѣстѣ, чаще всего близъ Рачжагрихи и Шравасти. Съ наступленіемъ лѣта, когда въ Мадьядешѣ начинались, какъ и нынѣ, періодическіе дожди, Ганга и другія рѣки выступали изъ береговъ и сообщенія между городами и селеніями дѣлались

чрезвычайно трудными, Будда распускалъ бикшу въ разныя мѣста на лѣтнее жительство, для того, чтобы избѣжать скудности и недостатка въ пропитаніи для многочисленнаго его общества, и чтобы облегчить милостынодавцевъ, которые сами жили лѣтомъ заранѣе приготовленными припасами. Каждый бикшу выбиралъ для себя какую нибудь деревню, и, поселившись близь нея, цѣлые четыре мѣсяца проводилъ въ этомъ уединеніи, не видясь съ своими собратіями. Будда также уединялся на это время, иногда вмѣстѣ съ однимъ ученикомъ. По истеченіи четырехмѣсячнаго уединенія, называемаго лѣтнимъ сидѣніемъ, бикшу снова собирались въ одно мѣсто, куда приходилъ и Будда. Всякій изъ нихъ спѣшилъ разсказать о своихъ успѣхахъ въ духовномъ самоусовершеніи, во время одинокой жизни, посвященной созерцанію, или просилъ у Будды разрѣшенія трудныхъ вопросовъ по части нравственности, или созерцательнаго ученія. Въ осеннее время, начинавшееся съ окончаніемъ лѣтняго сидѣнія, братство Будды расходилось партіями бродить по Магадѣ и Косалѣ. Будда всего чаще посѣщалъ Шравасти, въ окрестностяхъ котораго у него былъ даровенный садъ, Чжетаванія; ходилъ также къ разнымъ городамъ Магады, Косалы, Мадуры и Учжчжаяни и даже въ Андру, находившуюся въ срединѣ южной Индіи, и Калингу, занимавшую часть Коромандельскаго берега; но не болѣе трехъ или четырехъ разъ посѣщалъ свой отечественный, но не гостепріимный городъ Капилавасту.

Кстати сказать здѣсь нѣсколько словъ о путешествіяхъ Будды въ дальнія и за-индійскія страны. Ни по образу и роду жизни Будды, ни по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ появленіе, подвиги и смерть его, ни по древнимъ преданіямъ нельзя заключать, чтобы онъ переступалъ границы собственной Индіи изъ прозелитизма, или по другимъ какимъ-нибудь причинамъ. О восточной части древней Индіи у буддійскихъ писателей ничего не говорится долгое время и послѣ Будды; изъ государствъ южной Индіи о немногихъ упоминается въ древнихъ буддійскихъ сочиненіяхъ; а изъ острововъ южнаго моря, Цэйлонъ, съ котораго въ послѣдствіи времени буддизмъ распространился на другіе острова и даже въ Сіамъ и Бирманъ, во времена Будды обнаруживалъ признаки еще только начинающейся образованности. Гималай служилъ естественною границею

Индіи съ сѣвера; за этимъ хребтомъ горъ воображеніе и темныя преданія индійцевъ помѣщали баснословныя и чудесныя страны, огражденныя отъ любопытства путешественниковъ дикими горцами. Западъ и сѣверозападъ отъ Индіи всего болѣе извѣстны были у древнихъ буддистовъ; въ сочиненіяхъ ихъ упоминаются Паньчала (Пенчжабъ), Махачина (Персія), Капина (Кашмиръ и Кабулъ), Бахлика, народъ, населявшій страны отъ Балка на сѣверъ и, наконецъ. Кусатана (Хотанъ), но всѣ эти имена странъ и городовъ сдѣлались извѣстными для буддистовъ уже во второмъ вѣкѣ по смерти Будды, а нѣкоторыя и позже; въ сказаніяхъ о временахъ болѣе отдаленныхъ нѣтъ никакой возможности открыть признаки сношеній древнихъ индійцевъ съ заграничными странами на западѣ и сѣверозападѣ. Существующія нынѣ у буддистовъ преданія о странствованіяхъ Будды въ такія государства, которыя образовались уже послѣ него, къ народамъ, появившимся въ позднѣйшія времена, суть небольше, какъ умышленные разсказы индійскихъ буддистовъ, желавшихъ польстить тѣмъ народамъ, или туземныхъ прозелитовъ, которые хотѣли почтить свое отечество посѣщеніемъ Будды. Подобныя преданія доводили Будду до подошвы Алтая. По увѣренію безпристрастныхъ буддійскихъ писателей, Будда, исключая посѣщеній Шравасти и другихъ городовъ Индіи, почти всю жизнь свою провелъ въ Магадѣ, потому, прибавляютъ они, что эта богатая и счастливая страна, въ его время, была убѣжищемъ для жителей другихъ странъ, опустошаемыхъ язвою, голодомъ, или войною.

Скитаясь по Индіи значительную часть года, Будда, какъ по всему видно, не увлекался духомъ распространенія своего ученія; скорѣе можно думать, что онъ слѣдовалъ только своему навыку къ странннческой жизни, или не желалъ для своего общества осѣдлости, которая могла вредить простотѣ и строгости установленнаго имъ рода жизни; можетъ быть также, что перемѣна мѣстъ часто вынуждаема была обстоятельствами, о которыхъ не дошло до насъ свѣденій. Не смотря однакоже на скромность и осторожность Будды въ проповѣданіи своего ученія и правилъ, духовное общество его съ теченіемъ времени значительно увеличилось. По общему увѣренію буддійскихъ писателей, число бикшу простиралось за тысячу. Причины такого приращенія учениковъ Будды легко объяснить. Будда

пользовался покровительствомъ многихъ знаменитыхъ лицъ того времени и предлагалъ въ своемъ братствѣ безопасный и безбѣдный пріютъ для несчастливцевъ и бѣдняковъ: людямъ, желавшимъ разрѣшить занимавшіе ихъ философскіе вопросы, онъ предлагалъ свои метафизическіе взгляды и анализъ существованія; кто искалъ строгихъ и чистыхъ правилъ практической жизни, находилъ ихъ въ наставленіяхъ и примѣрѣ Будды. Такимъ образомъ Будда пріобрѣлъ себѣ весьма много людей, извѣстныхъ по своему уму, образованію, или неукоризненному поведенію. Изъ нихъ особенно замѣчательны были: Махакашьяпа, пользовавшійся предпочтительнымъ уваженіемъ Будды за свой суровый аскетизмъ; Субути, метафизикъ; Моггальяма, отличавшійся историческими познаніями и совершенствами въ созерцаніи; и, наконецъ Шарипутра, самый ученый и, какъ говорятъ буддисты, самый краснорѣчивый истолкователь идей Будды; имя Шарипутры и его трактаты, переходившіе по преданію, въ послѣдующія времена произвели между буддистами не мало споровъ; въ сочиненіяхъ его находили даже ересь. Однакоже при жизни Будды онъ былъ въ большомъ почетѣ у всего братства, хотя, присоединившись къ Буддѣ, онъ долгое время сохранялъ свѣтское званіе; нерѣдко онъ вступалъ за Будду въ споры съ послѣдователями другихъ школъ Индіи, и даже заступалъ его мѣсто въ поученіи бикшу.

Урувилва Кашьяпа, Махакашьяпа, Моггальяма и Шарипутра присоединились къ Буддѣ, каждый имѣя своихъ учениковъ; поэтому прямыхъ и непосредственныхъ послѣдователей его сначала было весьма мало Уже въ одно изъ своихъ посѣщеній Капилавасту, онъ пріобрѣлъ себѣ новыхъ учениковъ изъ своихъ соотчичей. Судя по разсказу буддійскихъ писателей, Буддѣ оставалось только произносить. Сугата! (добро пожаловать); этимъ словомъ Будда принималъ и утверждалъ въ званіи бикшу (новопоступавшихъ) шакьяпутръ, которые наперерывъ спѣшили принять обѣты отшельничества; эту страсть къ отшельничеству, овладѣвшую вдругъ соотчичами Будды, не иначе можно объяснить, какъ разстроеннымъ и близкимъ къ совершенному разрушенію состояніемъ племени шакья, о которомъ мы уже говорили. Но при этомъ мы должны сдѣлать два замѣчанія; первое о томъ, что, вопреки разсказамъ буддистовъ, подобное событіе могло совершиться только уже по смерти Соддоданы, который не-

благопріятствовалъ отшельничеству и просилъ Будду не принимать въ общество бикшу молодыхъ шакья, не получившихъ позволенія на то отъ своихъ родителей; второе о томъ, что въ то время были обстоятельства, о которыхъ не дошло до насъ свѣдѣній; потому что не всѣ шакья, принявшіе обѣты бикшу, добровольно согласились на такую важную перемѣну въ образѣ жизни; нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались бикшу по жребію, другіе насильно. Будда усердно содѣйствовалъ обращенію своихъ соотчичей въ шраманы: Всѣ двоюродные его братья вступили въ его общество, за исключеніемъ одного Маханамы, который противостоялъ всѣмъ убѣжденіямъ и остался при своемъ княжескомъ достоинствѣ. Будда насильно заставилъ вступить въ общество бикшу роднаго своего брата Нанду. Нанда былъ сынъ Соддоданы и Прачжапати, старшей сестры матери Будды, Махамаи. Онъ принужденъ былъ покинуть молодую жену, и, страдая отъ разлуки съ нею, нѣсколько разъ пытался бѣжать изъ братства Будды, но всякій разъ неумолимый Будда возвращалъ его назадъ. Изъ двоюродныхъ братьевъ Будды болѣе другихъ извѣстны Девадатта, прославившійся ненавистью къ Буддѣ; о немъ мы еще будемъ имѣть случай говорить; и Ананда, братъ Девадатты, любимый ученикъ Будды, не разставшійся съ своимъ наставникомъ до самой его смерти, однакоже не отличавшійся строгою нравственностью; по причинѣ соблазнительнаго поведенія его, буддисты послѣдующихъ временъ, когда хотѣли представить рѣчь Будды противъ проступковъ, поводомъ къ тому весьма часто выставляли Ананду.

Примѣръ молодыхъ князей, сдѣлавшихся бикшу, подѣйствовалъ и на женщинъ. Прачжапати, иначе называемая Готами, замѣнившая для Будды мать, когда Махамая скончалась черезъ нѣсколько дней послѣ родовъ, пожелала оставить міръ и вести жизнь подобно своему питомцу. Она была основательницею общества бикшуни. Бикшуни жили отдѣльно отъ бикшу, но въ образѣ жизни нисколько не отличались отъ нихъ. Бикшуни было немного, и, какъ можно думать, всѣ онѣ происходили изъ племени шакья. Кромѣ Прачжапати, изъ бикшуни болѣе другихъ извѣстна Утбала, отличавшаяся краснорѣчіемъ. Она вступила въ состязаніе съ однимъ брахманомъ, принадлежавшимъ къ школѣ Локаятики, и удачными сравненіями доказала ему безсмертіе души. Однакоже не всѣ смо-

трѣли благопріятно на учрежденіе званія бикшуни, потому что положеніе женщины въ индійскомъ обществѣ было унижено, и считалось незаконнымъ допускать слабыя существа въ сонмъ подвижниковъ. Другихъ примѣровъ подобнаго общества въ Индіи не было, если не считать за бикшуни іогини, волшебницъ, чтившихъ Шиву и неизвѣстно съ какого времени появившихся въ Индіи. Въ послѣдующія времена, когда буддійскія общества далеко уклонились отъ первобытной простоты и чистоты нравовъ, строгіе буддисты приписали этотъ упадокъ ихъ учрежденію общества бикшуни.

Буддисты напрасно стараются изобразить жизнь Будды блистательными красками; множество фактовъ и указаній, неумышленно помѣщенныхъ въ ихъ сочиненіяхъ, свидѣтельствуютъ, что она полна была тревогъ и досадъ; можно сказать даже, что только личный характеръ его и покровительство высокихъ особъ ограждали его честь и безопасность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у него было много враговъ и завистниковъ. Однакоже, такъ какъ буддисты не сохранили подробностей объ этой темной сторонѣ жизни Будды, вѣроятно изъ уваженія къ его памяти, мы принуждены довольствоваться только однимъ категорическимъ свѣдѣніемъ, что враги его много причинили ему безпокойствъ, и обратить вниманіе на предметъ болѣе важный, именно на то, чѣмъ онъ поставилъ себя во враждебныя отношенія къ другимъ, и кто были самыми неутомимыми антагонистами его; правда ли, что онъ возставалъ противъ раздѣленія по кастамъ, и до какой степени важна была политическая роль его въ сравненіи съ званіемъ мудреца, желавшаго искоренить заблужденія ума и суевѣрія? Рѣшенія этихъ вопросовъ надобно искать не въ возгласахъ брахмановъ, а въ буддійскихъ источникахъ, которые объяснятъ намъ взгляды Будды на устройство общества и то, чѣмъ онъ особенно былъ занятъ.

Будда не принималъ на себя роли политическаго преобразователя; напротивъ все доказываетъ, что онъ смотрѣлъ на устройство современнаго ему общества, укрѣпленное вѣками, какъ на естественный порядокъ. Раздѣленіе по кастамъ также было, какъ говоритъ онъ, законнымъ. Понятіе его объ этомъ предметѣ весьма хорошо изложено въ сутрѣ о происхожденіи кастъ. Восходя «къ первобытному состоянію рода человѣческаго, ко тѣмъ временамъ, ког-

да плодотворная земля, безъ трудовъ и усилій человѣка, приносила ему плоды и хлѣбъ», далѣе говорится въ судрѣ: «Небрежность и алчность людей ослабила естественную растительность земли и до того наконецъ истощила производительныя ея силы, что заставила ихъ самихъ трудиться и работать для своего пропитанія. Люди стали заниматься земледѣліемъ. Отъ этого произошло раздѣленіе обработываемой земли на участки между земледѣльцами; каждый изъ нихъ пріобрѣлъ поземельную собственность. Однакоже это раздѣленіе полей не для всѣхъ было источникомъ довольства и безопасности; на ряду съ трудолюбіемъ и прилежаніемъ явилась лѣнь; лѣнь произвела недостатокъ, бѣдность, голодъ; съ сихъ поръ между земледѣльцами возникли распри, жалобы, похищенія. Благоразуміе заставило, наконецъ, искать дѣйствительнаго средства для пресѣченія зла; согласились просить самаго умнаго, опытнаго и сильнаго человѣка разбирать тяжбы, защищать праваго, наказывать виновнаго, изгонять изъ общества злодѣевъ и своею властью и мудростью обезпечить народное благоденствіе. Такъ какъ слѣдовало обезпечить содержаніе избраннаго главы, то каждый владѣлецъ поля отвелъ въ принадлежащей ему землѣ особый участокъ, произведенія котораго онъ обязанъ былъ доставлять избранному главѣ, который такимъ образомъ владѣлъ извѣстнымъ участкомъ во всѣхъ поляхъ, отчего его привыкли называть кшатрія, то есть владѣтелемъ полей (кшатра—поле). Въ послѣдствіи времени высокое положеніе кшатрія въ обществѣ, его власть, санъ и доблести пріобрѣли ему названіе рачжи, то есть блистательнаго (рачжа—лучь). По мѣрѣ того, какъ число людей возросло, новыя потребности образовали новыя сословія вайшья и шудра, то есть промышленниковъ, купцовъ, художниковъ и ремесленниковъ: между тѣмъ, какъ нѣкоторые люди, пораженные несчастіями, или склонные болѣе къ духовнымъ размышленіямъ, чѣмъ къ гражданской и семейной жизни, бѣжали въ пустыни и составили особый классъ анахоретовъ, извѣстныхъ подъ почетнымъ именемъ брахмановъ, то есть чистыхъ».

Объясняя такимъ образомъ происхожденіе каст, Будда, естественно, ставилъ касту кшатрія выше другихъ сословій и существенно необходимою въ благоустроенномъ государствѣ. Въ подтвержденіе своего взгляда, онъ ссылался на самыя брахманскія преданія. Извѣс-

тенъ стихъ, приписываемый самому Брамѣ: «Каста кшатрія высоко почтенна среди людей и возносится выше прочихъ кастъ; украшенная доблестями и умомъ, она уважается на небѣ и землѣ». Что касается до брахмановъ, мы уже видѣли, какъ тѣсно Будда ограничивалъ важность и значеніе ихъ касты. Брахманъ былъ достоинъ уваженія, какъ скоро онъ сохранялъ первобытную чистоту правовъ и удаленіе отъ свѣта. Такое ограниченіе притязаній брахмановъ не могло остаться безъ возраженія съ ихъ стороны. Нѣсколько обличительныхъ рѣчей Будды противъ предубѣжденій брахмановъ можно считать отвѣтами его на полемическія ихъ выходки. Брахманы не только поставляли свою касту выше другихъ кастъ, но, по приписываемому себѣ происхожденію, считали своимъ удѣломъ нравственную чистоту. Посягательству брахмановъ на исключительное превосходство съ духовной стороны Будда противопоставилъ опроверженіе происхожденія ихъ отъ Брамы, такъ, что брахманы, теряя важность своей касты въ историческомъ происхожденіи, какое назначилъ имъ Будда ни чего не выигрывали и для своего духовнаго значенія.

«Брахманы, говоритъ Будда, величаютъ свою касту достойною почтенія и ставятъ ее выше другихъ кастъ. Нашъ родъ, говорятъ они, чистъ, другіе и черны и темны. Мы происходимъ отъ Брамы; мы рожденіе устъ его; оттого чисты въ настоящемъ и будущемъ вѣкѣ. Что касается до меня, я бикшу, и у меня нѣтъ кастъ, нѣтъ и непреклоннаго самолюбія и гордости брахмановъ; это обычай свѣта, а не мой. Въ мірѣ для всѣхъ одинъ законъ: за прегрѣшенія—грозное возмездіе, за добродѣтель-блаженное воздаяніе. Если бы этотъ законъ миновалъ брахмановъ; если бы они избавлены были бѣдственныхъ слѣдствій прегрѣшеній и имъ только предоставлены были блаженныя воздаянія; въ такомъ только случаѣ они въ правѣ были бы гордиться своею кастою. Но законъ воздаяній неизбѣжно распространяется на всѣхъ, безъ исключенія. Недоброе отплачивается недобрымъ, и черное чернымъ, такъ точно, какъ за чистымъ слѣдуетъ чистое и за бѣлымъ бѣлое. Посмотрите на брахмановъ: они женятся, наживаютъ дѣтей, однимъ словомъ, ни чѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ смертныхъ; и при всемъ томъ величаютъ себя чистыми. Нѣтъ, не таковы ученики мои. Мое ученіе лучше, потому что истинно».

Впрочемъ не надобно представлять себѣ, будто Будда считалъ своимъ призваніемъ преслѣдовать предубѣжденія брахмановъ. Ни почему нельзя думать, чтобы онъ считалъ чрезвычайно важными ихъ притязанія, или чтобы они постоянно тревожили Будду нападеніями, или преслѣдованіемъ. Дѣло въ томъ, что въ его время брахманы не составляли цѣльнаго и устроеннаго общества, которое могло бы единодушно защищать свои интересы. Одни изъ нихъ занимали почетныя мѣста въ обществѣ и, увлекаясь духомъ честолюбія или наслаждаясь удовольствіями, мало обращали вниманія на приписываемое себѣ происхожденіе изъ устъ Брамы; нѣкоторые изъ нихъ были друзьями и данапати Будды. Другіе составляли свои философскія системы и уклонялись отъ брахманскихъ преданій. Были изъ нихъ и такіе, которыхъ самъ Будда уважалъ за строгую и неукоризненную жизнь. Брахманы, имѣвшіе поводъ вступить въ борьбу съ Буддой, были тѣ отшельники, которыхъ Будда называлъ бродячими и уклонившимися отъ первоначальнаго своего рода жизни. Они назывались шраваками; это слово собственно означаетъ слушателя и весьма часто встрѣчается и у буддистовъ; но у послѣднихъ такъ называется всякій внимавшій наставленіямъ Будды. Шраваки брахмановъ имѣли особенное значеніе. Изъ трехъ направленій, или общихъ школъ, раздѣлявшихъ во времена Будды ученый міръ, то есть школы философской, школы созерцательной и школы преданій, они принадлежали къ послѣдней, то есть безусловно вѣрили и слѣдовали тому, чему учило ихъ письменное или устное преданіе; это преданіе заключалось для нихъ въ ведахъ; отого они назывались также изучающими, или чтущими веды *). Изъ нихъ шраваки почерпали понятія о мірѣ и человѣкѣ и заимствовали баснословныя сказанія о міротвореніи и происхожденіи существъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предубѣжденія въ пользу касты брахмановъ. Но во времена Будды шраваки большею частію ограничивались изученіемъ въ ведахъ только тѣхъ предметовъ, которые имѣли связь съ вѣрованіями и суевѣрными привычками народа; таковы были: гаданіе и астрологія. По роду своей жизни и необходимости питаться на счетъ народа, они были соперниками

*) По древнимъ сказаніямъ буддійскимъ, ведъ было только три. Котати замѣтить, что здѣсь дѣло идетъ не о школѣ Веданта, которая явилась позднѣе, по крайней мѣрѣ въ буддійскихъ сочиненіяхъ.

Будды и имѣли всѣ причины негодовать на его обличенія, которыя, опровергая происхожденіе ихъ отъ Брамы, могли отнять у нихъ и хлѣбъ.

У насъ, когда дѣло идетъ о переворотахъ, какіе хотѣлъ произвести Будда въ религіи индійцевъ его времени, обыкновенно упоминаютъ религіозные обряды и особенно кровавыя жертвы, какъ такую, статью, на которую Будда обратилъ преимущественное вниманіе. Это преданіе требуетъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Дѣйствительно, Будда отвергъ всѣ обряды индійскихъ религій, какъ недѣйствительные и ненужные, потому что онъ всѣ средства къ самоусовершенію сосредоточилъ въ чисто нравственной дѣятельности человѣка. Что касается до кровавыхъ жертвъ, Будда возставалъ противъ обыкновенія приносить въ жертву животныхъ потому, что по его ученію, всякое убійство есть одно изъ самыхъ важныхъ преступленій, и что зло, заключающееся въ убійствѣ, въ десять разъ отплатится убійцѣ. Однакоже Будда рѣдко упоминаетъ объ этихъ жертвахъ, и помѣщаетъ ихъ на ряду съ другими обрядами; это равнодушіе Будды, неиначе можно объяснить, какъ только тѣмъ, что жертвоприношенія животныхъ не были повсемѣстны въ Индіи. Дѣйствительно, буддійскія сказанія положительно подтверждаютъ эту мысль. Дѣло идетъ о Мадьядешѣ. Въ странахъ, говорятъ онѣ, лежащихъ на правомъ (южномъ) берегу Ганга, льется кровь закалаемыхъ животныхъ, между тѣмъ, какъ на лѣвомъ (сѣверномъ) благочестіе народа выражается въ простомъ поклоненіи небеснымъ духамъ, милостынѣ и другихъ добрыхъ дѣлахъ. Можно думать, что въ южной Индіи господствовала религія Махешвары (Шивы), а на сѣверѣ ея религія Вишну, хотя этого послѣдняго названія, ни имени Нараяны (того же Вишну) мы не встрѣтили ни однажды въ буддійскихъ сочиненіяхъ, сколько нибудь древнихъ. Жрецами въ кровавой религіи Шивы были также брахманы.

Въ буддійскихъ сочиненіяхъ часто упоминаются шесть учителей или шесть сектаторовъ, въ качествѣ постоянныхъ антагонистовъ Будды. Это были философы, оспаривавшіе у Будды теоретическія начала ученія его. Нѣкоторые изъ нихъ, если не всѣ, были извѣстны при дворахъ тогдашнихъ государей и пользовались ихъ вниманіемъ. Большая часть ихъ принадлежала къ школѣ Локаятики,

другіе имѣли свои мнѣнія, которыя трудно приписать какой-нибудь школѣ. Тѣ и другіе вооружились противъ ученія Будды; локаятики,—защищая самослучайность отъ ударовъ, какіе наносилъ ей Будда ученіемъ о причинахъ; другіе философы, возставая на положеніе Будды, отвергавшее существованіе самостоятельной и неизмѣнной души въ человѣкѣ, или въ мірѣ. Были и другіе пункты, въ которыхъ Будда разногласилъ съ современною индійскою философіею; но самослучайность и существованіе Я были такія положенія, на которыя онъ нападалъ сильно и постоянно; существованіе Я преимущественно возбуждало діалектику Будды. Нѣтъ сомнѣнія, что въ спорахъ о послѣднемъ пунктѣ, ратоборцами были не только нирграната, признававшіе неизмѣнную душу, подъ именемъ чживы, то есть живого, но также и брахманы, утверждавшіе творчество праотца Брамы, или пантеистическую идею вездѣсущаго Шивы; послѣдователи Капилы, допускавшіе дуализмъ духа и матеріи и неизмѣнную, но не дѣйствующую душу; и послѣдователи Уллуки, допускавшіе неизмѣнную и дѣйствующую душу Однакоже двѣ послѣднія школы не упоминаются въ спорахъ Будды; вѣроятно потому, что философія Капилы и Уллуки еще не была приведена въ ту полную систему, въ какой вышла она изъ рукъ Паньчашики, система Капилы подъ именемъ санкья, философія Уллуки подъ именемъ вайшешики. Будда долженъ былъ часто встрѣчаться въ резиденціи государя въ Рачжагрихѣ съ послѣдователями всѣхъ этихъ школъ; по разсказамъ буддистовъ онъ вступалъ въ состязаніе съ ними часто при стеченіи народа и иногда въ присутствіи самого государя; къ сожалѣнію, изъ басней, какія разсказываютъ буддисты при этихъ случаяхъ, нѣтъ никакой возможности извлечь достовѣрныхъ подробностей о диспутахъ между Буддой и его антагонистами.

Труженики были самые дѣятельные и самые ненавистные Буддѣ враги его. Ни противъ кого онъ не вооружался съ такою горечью и негодованіемъ, какъ на этотъ классъ отшельниковъ. Труженики часто называются общимъ именемъ нирграната, хотя не совсѣмъ точно. Замѣчательная, но малоизвѣстная школа нирграната, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, отличалась тѣмъ, что привела въ одну систему разные способы самоусовершенія, которые могли существовать и независимо одинъ отъ другого,—какъ дѣйствительно и было. Для

достиженія вожделенной цѣли избавленія и освобожденія, существовали три способа: просвѣщеніе ума, созерцаніе и труженичество. Соединивъ эти три рода дѣятельности въ одну систему, нирграна установила полный курсъ подвижнической жизни; вступающій въ нее долженъ былъ начать съ труженичества, и провести нѣсколько лѣтъ въ произвольныхъ истязаніяхъ, для искорененія чувственныхъ инстинктовъ; за тѣмъ онъ упражнялся въ глубокомъ и спокойномъ созерцаніи, которое должно было замкнуть его душу для внѣшнихъ впечатлѣній и пріучить ее къ безстрастію; и, наконецъ, размышлялъ объ истинахъ и просвѣщалъ свой умъ. Будда, какъ мы видѣли, прошелъ всѣ эти степени; онѣ остались даже и въ его наставленіяхъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что труженичество у него замѣнено храненіемъ нравственныхъ заповѣдей и соблюденіемъ строгихъ правилъ наружнаго поведенія. Надобно полагать, что труженики составляли въ нирграніѣ самый обширный классъ, когда, предпочтительно передъ другими, носятъ у буддистовъ названіе цѣлой школы, или что названіе нирграна давалось въ общемъ и буквальномъ значеніи свободныхъ отъ житейскаго (безъ оковъ) всѣмъ вообще труженикамъ. Какъ бы то ни было, они не составляли секты однородной; они различались между собою и происхожденіемъ, и вѣрованіями, и родомъ труженической жизни. Будда весьма хорошо былъ знакомъ съ тружениками, потому что нѣсколько времени жилъ въ ихъ обществѣ, изучилъ ихъ навыки и узналъ тайныя побужденія скрывавшіяся подъ оболочкою измученнаго вида. Они не могли простить ему презрѣнія, съ какимъ онъ оставилъ образъ ихъ жизни, и не упускали случая платить ему за то насмѣшками и обидами. Съ своей стороны, Будда отвѣчалъ обличеніями и не щадилъ позорныхъ названій для характеристики ихъ поведенія. Мы приведемъ здѣсь одну изъ судръ, направленныхъ противъ тружениковъ; въ ней соединены почти всѣ роды ихъ.

Дѣйствіе происходитъ близъ Рачжагрихи, въ саду, принадлежавшемъ одной богатой женщинѣ. Толпа тружениковъ, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, по имени Нягродой, наслаждается въ тѣни деревъ прохладою. Собравшись вмѣстѣ, они ведутъ громкій и оживленный разговоръ; толкуютъ о политикѣ, министрахъ и народныхъ дѣлахъ; разсказываютъ о сраженіяхъ, колесницахъ, лошадяхъ и прогулкахъ по садамъ;

судятъ о женщинахъ, одеждѣ, кушаньѣ, вкусныхъ черепахахъ и тому подобныхъ предметахъ. Во время ихъ бесѣды подходитъ къ нимъ Сантана, житель Рачжагрихи и почитатель Будды. Послѣ взаимныхъ вѣжливостей, Сантана замѣчаетъ имъ, какъ неприличны для ихъ званія подобные разговоры и при этомъ случаѣ хвалитъ Будду за его неукоризненное поведеніе и мудрость. «Откуда намъ знать, возражаютъ ему отшельники, о мудрости твоего шрамана Готамы, когда онъ больше любитъ молчать, чѣмъ говорить съ посторонними людьми? Онъ такъ привыкъ къ уединенной жизни, что похожъ на подслѣповатую корову, которая видитъ только траву. При всемъ томъ, онъ величаетъ себя великимъ мудрецомъ, грозитъ поразить однимъ своимъ словомъ всѣхъ своихъ противниковъ и сдѣлать ихъ безгласными, подобно черепахамъ, и не совѣтуетъ никому задѣвать его, иначе не найдетъ безопаснаго мѣста отъ его стрѣлъ. Пусть придетъ онъ сюда; мы поздравимъ его съ новымъ названіемъ подслѣповатой коровы; да вотъ онъ и самъ»! «Смотрите же, замѣтилъ Нягрода, не вставать съ мѣста и не здороваться съ нимъ. Пусть сядетъ, какъ хочетъ». Дѣйствительно, Будда шелъ въ этотъ же садъ освѣжиться, послѣ продолжительнаго созерцанія въ пещерѣ Гридракуты. Когда онъ подошелъ къ толпѣ тружениковъ, они забыли свой уговоръ и, приподнявшись съ своихъ ковровъ, привѣтствовали его обычными словами: Добро пожаловать, Готама; добро пожаловать, шрамана! Давно мы не видались съ тобою. Что привело тебя сюда? Сядь съ нами и побесѣдуй». Будда вѣжливо принимаетъ приглашеніе, разстилаетъ свой коверъ и садится на него. Нягрода лукаво заводитъ рѣчь объ ученіи Будды и проситъ его объяснить свои начала. «Не спрашивай меня объ этомъ, отвѣчаетъ ему Будда; мое ученіе глубоко и обширно; вамъ не подъ силу понять его. Что касается до вашихъ правилъ, я знаю ихъ весьма хорошо и въ состояніи оцѣнить ихъ». Нягрода замѣчаетъ Буддѣ, что имъ желательно знать мнѣніе его о правилахъ ихъ жизни. «Всѣ ваши правила, говоритъ имъ Будда, низки и смѣшны. Иной изъ васъ ходитъ нагой, прикрывая себя только руками; иной не станетъ ѣсть изъ кувшина, или съ блюда; не сядетъ за столъ между двумя собесѣдниками, между двумя ножами, или двумя блюдами; иной не сядетъ за общій столъ и не приметъ подаянія въ томъ домѣ, гдѣ

есть беременная женщина, гдѣ замѣтитъ много мухъ, или встрѣтитъ собаку. Иной не терпитъ никакихъ приглашеній и ѣстъ только до тѣхъ поръ, пока молчатъ. Иной не ѣстъ изъ двухъ сосудовъ; глотаетъ пищу, не разжевавъ ее, и на седьмомъ глоткѣ перестаетъ ѣсть и не позволяетъ прибавлять себѣ пищи болѣе семи разъ. Иной ѣстъ однажды въ день, въ два, три дня, и даже въ цѣлую недѣлю. Иной питается одними овощами, отваромъ риса, коровьимъ, или оленьимъ пометомъ, древесными корнями, вѣтвями, листьями, лѣсными плодами, или зернами. Иной носитъ платье, накинувъ его только на плечи, или прикрываетъ себя мохомъ, древесною корою, растеніями, или оленьею кожею, распускаетъ свои волосы, или надѣваетъ на нихъ волосяную повязку. Иной носитъ одежду печали; постоянно держитъ руки вверхъ, не садится на скамьи и рогожки, или постоянно сидитъ въ положеніи животныхъ; бреетъ себѣ голову и оставляетъ бороду и усы. Иной лежитъ нагимъ на колючихъ растеніяхъ, или коровьемъ пометѣ. Иной каждый день, или каждую недѣлю, по три раза совершаетъ омовеніе. Не стану исчислять другихъ подобныхъ средствъ, которыми вы мучите и изнуряете себя. Я спрашиваю тебя, Нягрода: Чисты ли такіе правила и образъ жизни?» —«Безъ всякаго сомнѣнія, чисты», отвѣчаетъ Нягрода. «А я, возражаетъ ему Будда, раскрою передъ тобою нечистоту, скрывающуюся въ нихъ. Чего ожидаете вы, произвольные труженики, за свои тяжкіе труды? Ожидаете отъ міранъ подаяній и уваженія и, когда достигнете этой цѣли, крѣпко пристращаетесь къ удобствамъ временной жизни, не хотите разстаться съ ними, да и не знаете и средствъ къ тому. Едва вы завидите издали посѣтителей, какъ тотчасъ садитесь и показываете видъ, будто васъ застали въ глубокомъ размышленіи, но, разставшись съ ними, снова дѣлаете, что хотите, прогуливаетесь, или покоитесь на свободѣ. Заведутъ ли при васъ умную рѣчь, вы никогда не захотите одобрить, или подтвердить ее; спросятъ ли васъ о чемъ-нибудь, вы отвѣчаете презрительнымъ молчаніемъ. Но, какъ скоро вы замѣтите уваженіе міранъ къ шраманамъ, или брахманамъ, у васъ начинаются возгласы и укоризны: «зачѣмъ, кричите вы, уважать шрамановъ! Стоятъ ли они того»! Если вы увидите, что шраманъ ѣстъ плоды отъ вторичнаго посѣва, осыпаете его ругательствами. Когда вамъ подаютъ грубую пищу, вы, даже и не отвѣдывая, отдаете ее

другимъ; а всякое вкусное купанье оставляете у себя. Предаваясь порокамъ и страстямъ, вы однакоже надѣваете личичу скромности. Нѣтъ, не таково истинное подвижничество. Труженичество тогда только полезно, когда подъ нимъ не кроются своекорыстные виды».

Между тѣмъ, какъ Будда смогался со внѣшними своими антагонистами, въ его обществѣ возникли несогласія и расколы, стоившіе для него всей полемики и насмѣшекъ внѣшнихъ его враговъ. Молодые бикшу изъ шакья внесли съ собою въ братство Будды духъ раздора и не совсѣмъ строгія правила; имъ трудно было привыкнуть къ нищенской жизни и неразличенію кастъ между отшельниками.— чѣмъ отличалось общество Будды, и потому Будда не разъ жалѣлъ о пріобрѣтеніи такихъ учениковъ. Всѣхъ болѣе безпокойствъ причинилъ ему Девадатта, двоюродный братъ его. Это былъ человѣкъ замѣчательный не потому только, что былъ врагомъ Будды, но также по самостоятельному и вліятельному характеру. Буддійскіе писатели, не щадившіе самыхъ черныхъ красокъ въ портретѣ Девадатты, отдаютъ, однакоже, справедливость его обширному и образованному уму и необыкновенной строгости жизни. Все зло, какое онъ сдѣлалъ, они приписываютъ глубокой страсти честолюбія, руководившей всѣми его поступками. Когда Будда бѣжалъ изъ Капилавасту, Девадатта предлагалъ Ячжадарѣ свою руку и сердце, надѣясь заступить мѣсто наслѣдника престола, однакоже безполезно; его заставили поступить въ общество бикшу. Съ сихъ поръ онъ сдѣлался самымъ опаснымъ врагомъ Будды. Переселившись вмѣстѣ съ нимъ къ Рачжагрихѣ, Девадатта въ скоромъ времени пріобрѣлъ себѣ сильнаго покровителя и даже друга въ лицѣ Ачжатасатру, сына и наслѣдника Бимбасары, льстя воинственному его духу, и сдѣлался совмѣстникомъ Будды. Послѣдній имѣлъ, однако же, покровителя еще сильнѣе, самого Бимбасару. Девадаттѣ хотѣлось, во чтобы то ни стало, стать во главѣ общества бикшу, или по крайней мѣрѣ имѣть такое же вліяніе и пользоваться такимъ же уваженіемъ, какъ и Будда. Онъ составилъ въ братствѣ партію, состоявшую изъ нѣсколькихъ бикшу, болѣе или менѣе образованныхъ и приверженныхъ къ нему, и часто склонялъ и переводилъ на свою сторону и другихъ учениковъ Будды, но, при посредствѣ Шарипутры, дѣйствовавшаго въ пользу Будды, перебѣжчики снова возвращались къ Буддѣ, и попытки Девадатты

съ этой стороны не удавались. Нѣсколько разъ братья мирились и потомъ снова расходились съ враждебными чувствами.

Нѣтъ нужды разсказывать подробности преслѣдованія, какому Будда подвергся со стороны Девадатты. Пристрастные буддійскіе писатели, по обыкновенію, преувеличиваютъ ихъ жестокость. Такъ, напримѣръ, Девадатта, въ порывѣ гнѣва, бросилъ въ Будду камнемъ. Біографамъ Будды это обстоятельство показалось слишкомъ обыкновеннымъ; поэтому они и составили исторію гораздо интереснѣе. Девадатта, по ихъ разсказу, нанялъ нѣсколько сотъ плотниковъ и приказалъ имъ сдѣлать катапульту непомѣрной величины; когда машина была готова, онъ велѣлъ втащить ее на вершину Гридракуты, при подошвѣ которой Будда чаще всего находился. Съ этой высоты Девадатта, посредствомъ катапульты, пустилъ въ своего двоюроднаго брата огромнымъ отломкомъ скалы. Ударъ миновалъ Будду. Самымъ важнымъ преступленіемъ Девадатты было то, что онъ произвелъ расколъ и ввелъ ересь въ братство Будды. Его укоряютъ въ невѣріи и отрицаніи жизни за гробомъ; но этотъ укоръ со стороны буддистовъ, желавшихъ очернить память Девадатты, какъ послѣдователя Локаятики, не оправдывается ни чѣмъ. Онъ отличался только тѣмъ, что слѣдовалъ правиламъ, болѣе строгимъ, чѣмъ правила Будды. Въ пищѣ онъ довольствовался самымъ простымъ; не ѣлъ рыбы, говоря, что и она, подобно другимъ животнымъ одарена жизнію; не пилъ молока, потому что оно назначено природою для телятъ, а не для людей; не употреблялъ соли, потому что въ ней много нечистоты и пыли; носилъ платье изъ цѣльныхъ полотнищъ, потому что шитье его избавляло портного отъ лишнихъ хлопотъ, какіе онъ долженъ былъ употребить на сшиваніе лоскутьевъ; и, наконецъ, большую часть времени жилъ внутри городовъ и селеній, чтобы быть ближе къ Данапати. Этими пунктами Девадатта уклонился отъ привычекъ и правилъ Будды; за то его провозгласили первымъ лжеучителемъ въ буддизмѣ. Пять вышеизложенныхъ статей составили отличительный признакъ такъ называемаго раскола Девадатты. Этотъ расколъ существовалъ въ Индіи даже до VIII вѣка послѣ Р. Х., когда открыли его китайскіе буддійскіе путешественники.

Судя по положенію Будды среди мудрецовъ Индіи, бывшихъ

для него антагонистами, равно по множеству сутръ, приписываемыхъ устному его преданію, можно подумать, что буддисты не безъ основанія превозносятъ до небесъ краснорѣчіе и обиліе слова своего учителя. Однакоже несомнѣнныя свидѣтельства, заимствованныя изъ буддійскихъ же преданій, заставляютъ ограничить отзывы восторженныхъ буддистовъ. Враги Будды укоряли его въ пристрастіи къ безмолвію. Въ этомъ сознавались самые ученики его. «Чѣмъ вы хотите заниматься въ нашемъ обществѣ, спрашивали они желавшихъ поступить въ бикшу? У насъ два рода занятій: любомудріе и созерцаніе; одни изъ насъ обогащаютъ свой умъ познаніями и пріобрѣтаютъ навыкъ къ діалектикѣ; другіе, и первый изъ нихъ самъ наставникъ нашъ, предпочитаютъ безмолвіе созерцательной жизни». Будда остерегался проповѣдывать свои взгляды и убѣжденія, когда его не просили о томъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда замѣчательныя событія подавали ему поводъ высказывать свои любимыя идеи, или когда за оказанныя ему благодѣянія онъ платилъ духовными рѣчами, которыя большею частію заключали въ себѣ общія понятія добра и похвалы гражданскимъ и семейнымъ добродѣтелямъ, и особенно милосердію. Наконецъ, словъ Будды, при жизни его, никто не записывалъ; всѣ наставленія его и обстоятельства его жизни сохранились въ устныхъ преданіяхъ; свѣдѣніемъ о нихъ потомство обязано счастливой памяти Ананды.

Будемъ, впрочемъ, справедливы къ Буддѣ. Безспорно, онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ мудрецовъ своего времени. Продолжительный навыкъ къ суровой жизни не истребилъ въ немъ слѣдовъ хорошаго воспитанія, полученнаго имъ въ родительскомъ домѣ. До нашихъ временъ сохранилось довольно буддійскихъ преданій, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, для того, чтобы по крайней мѣрѣ приблизительно знать характеръ краснорѣчія Будды. Изъ этихъ преданій мы узнаемъ, что Будда никогда не колебался въ отвѣтахъ на предлагаемые ему вопросы и всегда былъ готовъ надѣлять желающихъ наставленіями; и что, путешествуя по разнымъ странамъ Индіи, или бесѣдуя съ иноземцами, онъ объяснялся на языкѣ или нарѣчіи ихъ страны. Такимъ образомъ, сколько извѣстно, онъ говорилъ на языкахъ: магадскомъ, дравирскомъ и млеча. Подъ первымъ надобно разумѣть языкъ, бывшій въ употребленіи въ Магадѣ, въ которой Будда провелъ большую часть своей жизни; языкъ дра-

вирскій есть нынѣшній тамульскій. Что касается до млеча, нельзя рѣшительно сказать, что подъ нимъ разумѣется языкъ за-индійскихъ варваровъ; потому что у буддистовъ страны, лежавшія за предѣлами Мадьядеши, также назывались Млеча; впрочемъ между образцами этихъ трехъ языковъ, сохранившимися въ буддійскихъ сочиненіяхъ, не замѣтно никакого сходства и созвучія.

Будда былъ индіецъ; нравы и навыки его соотечественниковъ оставили неизгладимые слѣды въ духѣ его ученія и сообщили рѣчамъ его тотъ оригинальный и характерный типъ, который ясно обозначается въ произведеніяхъ индійскихъ философовъ и вообще въ индійской литературѣ. Въ древнихъ собраніяхъ словъ Будды прежде всего замѣчается необыкновенная краткость выраженія; сутры суть не что иное, какъ афоризмы, или краткія изрѣченія Будды, заключавшія въ себѣ философскія и нравственныя положенія его ученія. Афоризмы Будды сохранили свою краткость и въ буддійскихъ преданіяхъ, но уже съ присоединеніемъ поясненій. Они обыкновенно предлагались въ стихотворной формѣ и состояли большею частію изъ одной шлоки, или стиха. Такимъ образомъ Будда заключилъ сущность своего нравственнаго ученія въ слѣдующемъ афоризмѣ: не дѣлай зла, дѣлай добро и очищай свою душу. Первыя два наставленія этого изрѣченія указываютъ на дѣятельную часть подвижничества; послѣднее, то есть очищеніе души, на созерцаніе. Теоретическое свое ученіе Будда выразилъ въ слѣдующемъ афоризмѣ: все является отъ причинъ и все уничтожается отъ причинъ. Размышляя объ этомъ афоризмѣ Будды, Шарипутра убѣдился имъ и, оставивъ безнадежныя начала Саньчжая, послѣдователя школы Локаятики, присоединился къ Буддѣ.

Большая часть афоризмовъ Будды облекалась въ числительную форму, какую мы замѣчаемъ въ произведеніяхъ и другихъ философовъ Индіи. Въ тѣ времена, когда свѣдѣнія хранились и переходили отъ одного поколѣнія къ другому посредствомъ устнаго преданія, числительныя формулы были важною помощью для памяти. Такой образъ выраженія былъ въ большомъ ходу и въ народѣ индійскомъ; замысловатыя пословицы, насущная мудрость его, носили ту же самую форму. Буддисты, усвоивъ ее своей литературѣ, сдѣлали всеобщее приложеніе ея къ изложенію ученія Будды; от-

того самыя образцовыя сочиненія ихъ страждутъ однимъ важнымъ недостаткомъ: отсутствіемъ стройной системы, потому что въ числительномъ способѣ выраженія, рядъ идей расположенныхъ по числу, представляетъ чаще общее сродство, чѣмъ тѣсную логическую связь. Изъ числительныхъ афоризмовъ Будды мы упомянемъ о слѣдующемъ. Три печати моего ученія: всякое явленіе скоротечно; ни въ чемъ нѣтъ самостоятельности; нирвана есть покой. Вотъ еще два, три примѣра такихъ афоризмовъ, взятые наудачу. Есть четыре способа погребенія: въ водѣ, огнѣ, землѣ и лѣсу. То есть во времена Будды прахъ умершаго человѣка или бросали въ воду, или, что было всего чаще, сожигали на кострѣ; или зарывали въ землю, или, и то было нерѣдко, относили въ лѣсъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Бикшу, говорилъ Будда, не употребляйте четырехъ способовъ пропитанія, ища его внизу, вверху, въ странахъ свѣта и углахъ. То есть истинный ученикъ Будды для снисканія себѣ пропитанія не долженъ: 1) заниматься земледѣліемъ и пріобрѣтать какую бы то ни было собственность; 2) заниматься астрономіею и астрологіею, наблюдать теченіе звѣздъ и планетъ и объяснять физическія явленія: 3) льстить и угождать богачамъ и вельможамъ; наконецъ 4) заниматься ворожбою, чарами и предсказаніями. Дѣло бываетъ двухъ родовъ: полное и половинное. То есть когда человѣкъ рѣшится на какой-нибудь поступокъ, этотъ поступокъ имѣетъ все значеніе совершеннаго дѣла, такъ что осуществленіе намѣренія есть дѣло уже половинное; поэтому въ буддійскихъ сочиненіяхъ иногда встрѣчается выраженіе: полтора дѣла; подъ нимъ надобно разумѣть одно и тоже дѣло, намѣренное и приведенное въ исполненіе.

Будда удачно воспользовался поэтическимъ обыкновеніемъ своихъ соотечественниковъ пояснять и украшать свою рѣчь сравненіями, аллегоріями и другими прикрасами, которыя невольно привлекаютъ вниманіе къ предметамъ самымъ сухимъ, и придаютъ занимательность вещамъ обыкновеннымъ. Выбирать сравненія было въ Индіи искусствомъ и однимъ изъ правилъ діалектики; удачное сравненіе было уже доказательствомъ. Въ рѣчахъ Будды мы встрѣчаемъ множество подобныхъ украшеній. Нѣкоторыя употребляемыя имъ сравненія могутъ легко остаться непонятными для того, кто совершенно не знакомъ съ природою или обыкновеніями Индіи. Приведемъ здѣсь

для примѣра нѣсколько такихъ сравненій. Сердце человѣческое, говоритъ Будда, тоже, что слоновыя уши; то есть въ безпрестанномъ движеніи. Бикшу, говоритъ Будда, подражайте черепахѣ, которая прячетъ свои члены въ свой ходячій домъ; то есть прекращайте созерцаніемъ дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ своихъ и освобождайтесь отъ гибельнаго впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ, подобно тому, какъ черепаха, выползшая на берегъ моря, замѣтивъ приближеніе шакала, тотчасъ скрываетъ свою голову, ноги и хвостъ въ роговую свою оболочку и тѣмъ спасается отъ зубовъ хищнаго звѣря. Чистая нравственность, какъ надутый кожаный мѣхъ: повреди ее однажды, погибнетъ. Здѣсь дѣло идетъ о плавательныхъ мѣхахъ, которые богатые люди и купцы имѣли при себѣ во время морскихъ путешествій; въ случаѣ кораблекрушенія, эти мѣхи, надутые воздухомъ и герметически закупоренные, служили средствомъ спасенія мореплавателей, которые бросались съ ними въ волны морскія и отдавались на ихъ произволъ; разумѣется, что, если въ такомъ опасномъ положеніи мореплаватель по неосторожности дѣлалъ въ мѣху хотя бы и едва замѣтное отверстіе и воздухъ выходилъ изъ него, то неминуемо погибалъ. Подобно тому, если однажды удовлетворить порочнымъ наклонностямъ, уже ни что не можетъ остановить стремленія страстей, и человѣкъ, оставленный самому себѣ, безвозвратно погибаетъ.

Будда часто употреблялъ способъ сравненія, какъ убѣжденіе болѣе дѣйствительное, чѣмъ всѣ доказательства. Вотъ примѣръ. Будда положительно отказался рѣшить нѣкоторые метафизическіе вопросы, занимавшіе въ его время умы другихъ философовъ. Собственные ученики его настоятельно просили своего учителя объяснить имъ: откуда произошелъ міръ и населяющія его существа; есть ли у нихъ начало, или они безначальны; что ожидаетъ за гробомъ человѣка, освободившагося отъ перерожденій? «Подобные вопросы, отвѣчалъ имъ Будда, не имѣютъ отношенія къ обязанностямъ шрамана; пока вы разсуждаете объ этихъ предметахъ, драгоцѣнное время пройдетъ и наступитъ смерть, тогда какъ вы и не приготовились къ ней. Представьте себѣ человѣка, раненаго въ грудь стрѣлою; его спасеніе зависитъ отъ искусства лекаря, который можетъ легко вынуть изъ груди его смертоносное орудіе. Неужели раненый станетъ напередъ разспрашивать лекаря и говорить ему: прежде, чѣмъ ты

станешь вынимать стрѣлу изъ груди моей, скажи мнѣ напередъ, изъ какого дерева выточена стрѣла, какого она цвѣта, какой птицы перья приклеены къ ней, изъ какого металла ея острее? Неужели онъ станетъ заниматься подобными вещами, зная, что время между тѣмъ проходитъ и неминуемая смерть грозитъ ему?

Въ другой разъ Будда излагаетъ различныя мнѣнія другихъ школъ о тѣхъ же самыхъ предметахъ. Исчисливъ эти мнѣнія и представивъ жаркіе споры, возникшіе по этому случаю между философами, онъ прибавляетъ: «это напоминаетъ мнѣ одну давнюю исторію про слѣпцовъ. Одинъ рачжа приказалъ собрать слѣпыхъ отъ рожденія, сколько ихъ найдется, и привести къ нему во дворецъ. Воля рачжи была исполнена, толпа слѣпцовъ приведена во дворецъ и представлена къ нему». «Слѣпцы, спросилъ ихъ онъ, какого вида слонъ?» «Махадева, отвѣчали ему слѣпцы, мы слѣпы отъ рожденія: откуда же намъ знать видъ слона»? «Хотите-ли узнать его»? продолжалъ Рачжа. Слѣпцамъ оставалось благодарить его за такое вниманіе къ нимъ, и Рачжа приказалъ конюшему вывести на дворъ одного слона и подвести къ нему слѣпцовъ. Когда имъ сказали, что слонъ передъ ними, они приблизились къ нему, и каждый изъ нихъ началъ ощупывать ту часть животнаго, къ которой руки его прикаснулись. Одинъ, ощупывая уши слона, находилъ въ нихъ сходство съ рѣшетомъ; другому хоботъ показался канатомъ; нимъ казалось, что клыки походятъ на колья, голова на колодезную бадью, шея на бревно, спина на конекъ крыши, бока на стѣны, ноги набревна, хвостъ на короткую веревку. Когда слѣпцы кончили ощупываніе слона, государь снова призвалъ ихъ къ себѣ и спросилъ: «Ну, что? Узнали ли теперь видъ слона»? «Узнали, отвѣчалъ одинъ изъ слѣпцовъ; слонъ походитъ на бадью». «Нѣтъ, замѣтилъ другой онъ похожъ на бревно». «Не правда, вскричалъ третій, онъ похожъ на канатъ». Поднялся шумъ и крикъ. Каждый кричалъ: «слонъ такого-то вида!» «Вѣрно ли вы знаете, замѣтилъ имъ Рачжа, что слонъ такого вида, какъ вы говорите»? Вмѣсто того, чтобы признаться въ своемъ невѣжествѣ, слѣпцы, закрывъ руками лица свои, начали спорить между собою, сначала тихимъ голосомъ, потомъ все громче и громче, пока наконецъ дѣло чуть не дошло до драки. Рачжа долго любовался споромъ слѣпцовъ, и, наконецъ, произнесъ имъ слѣдующій

стихъ: «Толпа людей лишенныхъ зрѣнія! Къ чему безумно спорить о формѣ слона, когда вы сами не знаете, кого вы ощупывали».

Законъ воздаяній лежалъ въ основаніи ученія Будды. Будда при всякомъ удобномъ случаѣ обращался къ нему, поощряя учениковъ своихъ къ добродѣтели и отвращая ихъ отъ преступленій. Черное, говаривалъ онъ, отличается чернымъ, и бѣлое бѣлымъ. Дѣла, къ которымъ прилагался законъ воздаяній, служили коренньмъ началомъ и не гибнущею причиною всякаго существованія. Все происходило отъ дѣлъ. «Мы живемъ, говорилъ Будда, раждаемся и умираемъ, страдаемъ и блаженствуемъ, вслѣдствіе дѣлъ, совершенныхъ нами въ предшествующихъ перерожденіяхъ. Сумма дѣлъ, совершаемыхъ существами, поддерживаетъ существованіе вселенной, со всѣми ея степенями и разрядами тварей: качество и важность дѣлъ существа опредѣляютъ для него будущую форму перерожденія. Между дѣломъ и его воздаяніемъ бываетъ несходство, бываетъ и сродство. Люди порочные, наслаждающіеся въ настоящее время удовольствіями, готовятъ для себя мученіе въ будущей жизни; кто поклоняется огню и небеснымъ свѣтиламъ, или каждый день совершаетъ троекратное омовеніе, въ чаяніи будущаго блаженства, тому не миновать перерожденія животнымъ. Съ другой стороны есть люди, ведущіе странный образъ жизни и надѣющіеся за то переродиться въ жилищѣ духовъ; они подражаютъ въ жизни животнымъ, собакамъ, коровамъ и другимъ, или притворяются нѣмыми. Чѣмъ же оканчиваются ихъ труды? Тѣмъ, что подражавшіе животнымъ или нѣмымъ въ настоящей жизни, въ будущей дѣлаются дѣйствительными животными и нѣмыми. За преступленія—мученія; за добрыя дѣла—наслажденія; но на долго ли эти наслажденія? И что за радость влачиться по перерожденіямъ? Длинна ночь для того, кто не спитъ; длиненъ путь для утомленнаго путника, длиненъ рядъ перерожденій, ожидающихъ неразумнаго. Нѣтъ, истинное успокоеніе и блаженство не въ перерожденіяхъ, а въ освобожденіи отъ нихъ. Вотъ къ чему должно привести истинное подвижничество, безъ суевѣрій и предубѣжденій. Бикшу! Ты носишь форму человѣка, форму благородную, въ которой только и возможно освобожденіе отъ перерожденій и которая достается въ удѣлъ существу рѣдко, черезъ тысячи вѣковъ. Спѣши воспользоваться такимъ драгоцѣннымъ даромъ, прекращая подвижничествомъ вліяніе прежнихъ дѣлъ и усиленно стремясь къ нирванѣ».

При вѣрѣ въ перерожденія и въ законъ воздаяній всѣ событія частной жизни, судьба каждаго человѣка, его положеніе въ обществѣ, объяснялись какъ нельзя лучше; надобно было только одно условіе, именно: нужент былъ человѣкъ, который зналъ бы прежнія перерожденія свои и чужія. Этотъ человѣкъ нашелся въ особѣ Будды. Дѣйствительно, если вѣрить разсказамъ буддійскихъ писателей, не проходило ни одного замѣчательнаго случая, не осталось ни одного обстоятельства, котораго онъ не объяснилъ, или не оправдалъ бы предшествующими своими перерожденіями. Воспоминанія его въ этомъ отношеніи были неистощимы. Но надобно быть справедливымъ. Большая часть этихъ разсказовъ, или вымысловъ, суть произведенія буддистовъ позднаго времени; досужее воображеніе ихъ обогатило буддійскую литературу новымъ родомъ сочиненій, весьма занимательныхъ, а потому имѣвшихъ большой ходъ у буддистовъ. Что касается до Будды, нельзя думать, чтобы онъ забавлялся выдумываніемъ басней, или что бы самообольщеніе его доходило до убѣжденія въ дѣйствительности разсказываемыхъ событій. Всего вѣрнѣе то, что всѣ подобнаго рода разсказы, которые можно приписать Буддѣ онъ не выдумывалъ, а бралъ изъ народныхъ преданій и что извѣстныя событія давняго времени онъ сближалъ съ событіями, которыхъ онъ былъ очевидцемъ или участникомъ. Съ такимъ только ограниченіемъ можно допустить, что Будда разсказывалъ нѣкоторыя событія старины.

Эти разсказы Будды, дышатъ убѣдительною наивностью и рисуютъ передъ нами картины современныхъ ему правовъ и обычаевъ индійскихъ, потому что, перенося слушателя въ глубокую древность, Будда, кромѣ разсказываемаго случая, не выдумывалъ ничего новаго; вездѣ и всегда тѣ же обычаи, тѣ же привычки, какія были и при немъ. Вотъ отрывокъ изъ одного подобнаго разсказа.

«Много вѣковъ назадъ тому, какъ въ Бенаресѣ царствовалъ государь, по имени Крики*) При немъ государство наслаждалось довольствомъ и спокойствіемъ; земледѣліе и скотоводство процвѣтали;

*) Имя рачьи Крики весьма часто упоминается въ буддійскихъ сочиненіяхъ. Буддисты относятъ ко времени этого государи появленіе будды Кашьяпы, самаго знаменитаго изъ предшественниковъ будды Шакьямуни.

народонаселеніе умножалось; распри и войны утихли; о болѣзняхъ, грабежахъ и другихъ бѣдствіяхъ не было и слышно; властитель правилъ государствомъ съ мудростію и правосудіемъ. Въ это счастливое время, одинъ молодой бенаресецъ, по имени Кумара, сынъ брахмана, оставилъ родину и отправился въ южную Индію, для дальнѣйшаго образованія, подъ руководствомъ одного знаменитаго брахмана. Этотъ рахманъ слылъ отличнымъ наставникомъ въ наукахъ и толкователемъ ведъ. Слава объ его учености и талантахъ распространилась по всей Индіи; со всѣхъ концовъ ея къ нему стекались молодые люди, для слушанія его уроковъ. По прибытіи въ южную Индію, бенаресецъ отправился прямо въ домъ брахмана на личное свиданіе. Засвидѣтельствовавъ почтеніе хозяину дома, гость сѣлъ передъ нимъ съ надлежащею скромностію. «Добро пожаловать, молодой человѣкъ, привѣтствовалъ его брахманъ; откуда и за чѣмъ»? «Я родомъ изъ Срединнаго государства (Мадьядеши), отвѣчалъ бенаресецъ; и пришелъ сюда съ желаніемъ пользоваться мудрыми наставленіями у ногъ великаго учителя». «Чѣмъ же ты хочешь заняться»? спросилъ снова брахманъ. «Я желалъ бы подъ вашимъ руководствомъ изучить веды». «Прекрасный выборъ, замѣтилъ брахманъ; веды болѣе всего заслуживаютъ изученія; такъ думаетъ и поступаетъ всякій истинный брахманъ». Послѣ того, бенаресецъ поступилъ въ число учениковъ брахмана и началъ слушать его уроки.

Въ дни, свободные отъ занятій, или рекреаціонные, бенаресецъ, вмѣстѣ съ товарищами, или купался въ рѣкахъ и озерахъ, или гулялъ по городскимъ площадямъ и рынкамъ, или собиралъ душистыя растенія и дрова для жертвоприношеній. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, бенаресецъ спросилъ своихъ товарищей: «вѣрно, всѣ мы дѣти брахмановъ; но я еще не знаю, откуда вы родомъ»? Одинъ ему отвѣчалъ, что онъ родомъ изъ восточной Индіи, другіе были изъ сѣверной, третьи изъ западной. «А я, сказалъ въ свою очередь бенаресецъ, изъ Срединнаго государства». «Мы не знаемъ ровно ничего о твоей родинѣ; о другихъ странахъ знаемъ хотя по пословицѣ: мудрость съ востока, двоязычіе на западѣ, почтительность родилась на югѣ, злословіе обитаетъ на сѣверѣ. Скажи намъ, чѣмъ отличается Срединное государство»? бенаресецъ отвѣчалъ имъ: «мое

отечество -- прекрасная страна; равной ей нѣтъ нигдѣ. Она богата сахарнымъ тростникомъ, душистымъ рисомъ и различными плодами; домашняго скота въ изобилiи; науки и искусства процвѣтаютъ; народъ богатъ, счастливъ, отличается милосердiемъ, умомъ и добрыми дѣлами. По странѣ протекаетъ рѣка Гангъ; счастливъ кто омоется въ тихихъ струяхъ его; по берегамъ Ганга разсѣяно восемнадцать скитовъ, гдѣ въ тяжкихъ подвигахъ живутъ мунi, готовые возлетѣть на небо»? «Есть ли у васъ, спова спросили бенареса товарищи, люди ученые и краснорѣчивые, такiе, какъ нашъ учитель»? Что касается до этого, отвѣчалъ бенаресецъ, въ моемъ отечествѣ есть одинъ ученый, левъ краснорѣчiя; передъ нимъ нашъ учитель долженъ стыдиться и краснѣть». Товарищи бенареса не могли удержаться отъ удивленiя, слыша разсказъ его о Срединномъ государствѣ, и изъявили сильное желанiе побывать въ этой странѣ. Они возвратились домой, занятые этою мыслью, и, сложивъ въ особенное мѣсто принесенныя ими дрова, отправились толпой къ учителю. «Нашъ товарищъ изъ Бенареса, говорили они брахману, такъ расхвалилъ намъ свое отечество, что намъ хотѣлось бы побывать тамъ». «Срединное государство, отвѣчалъ имъ брахманъ, прекрасно, спору нѣтъ; это говорятъ всѣ; но довольно послушать разсказовъ о немъ; къ чему еще ходить туда»? «Тамъ, продолжали ученики, есть знаменитый ученый, передъ которымъ, по увѣренiю бенареса, ты, нашъ учитель, долженъ будто бы краснѣть». «Такъ въ Срединномъ государствѣ, воскликнулъ брахманъ, есть люди умнѣе меня! а я до сихъ поръ думалъ, что въ цѣлой Индiи нѣтъ человѣка равнаго мнѣ». «Ну, такъ мы одни пойдемъ: посмотримъ на Срединное государство; омоемся въ Гангѣ; попытаемъ своихъ силъ въ состязанiи съ знаменитымъ ученымъ, и съ богатствомъ и славою возвратимся назадъ». Брахманъ любилъ своихъ учениковъ и не хотѣлъ разстаться съ ними. «И я иду съ вами, сказалъ онъ имъ, возьмите съ собою мои вещи, запонъ изъ оленьей кожи, вазу для омовенiй и жертвенные сосуды.» И такъ всѣ вмѣстѣ отправились въ путешествiе.

«Всякiй разъ, какъ брахманъ приходилъ со своею свитою въ какой-нибудь городъ, тотчасъ сооружалъ помостъ для публичныхъ состязанiй съ желающими. Охотниковъ до диспутовъ находилось мно-

го; но ни одинъ изъ нихъ не могъ устоять противъ искуства брахмана; побѣжденные сходили съ помоста со стыдомъ, разбивая съ досады свои одноколки, или съ горести ударяя себя въ голову вазою съ пепломъ, и разбѣгались въ разныя стороны, какъ разлетаются вороны съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ воины учатся стрѣлять изъ лука. Случалось иногда, что торжествующаго брахмана встрѣчали и провожали съ знаменами и другими знаками почестей, привѣтствуя кликами и похвалами. Такимъ образомъ брахманъ дошелъ до самаго Бенареса. Входя въ этотъ городъ, онъ подумалъ про себя: «Если искать достойныхъ антагонистовъ и ученѣйшихъ мужей, то ни гдѣ лучше, какъ при дворѣ государя». Съ этою мыслью, брахманъ прямо отправился во дворецъ государя Крики. Явившись передъ лицо государя, онъ произнесъ обычное привѣтствіе: «да будетъ государь побѣдоносенъ, здоровъ и долголѣтенъ»! съ сими словами онъ сѣлъ передъ Крики съ должною почтительностью и черезъ нѣсколько минутъ обратился къ нему съ слѣдующею просьбою: «Государь! живя на родинѣ, я довольно коротко познакомился съ науками; теперь я желалъ бы въ твоемъ присутствіи состязаться съ здѣшними учеными». Государь обратился къ придворнымъ и спросилъ ихъ: «Есть ли въ моихъ владѣніяхъ какой-нибудь ученый, который рѣшился бы на споръ съ этимъ брахманомъ»? «Есть, отвѣчалъ одинъ изъ придворныхъ; въ одномъ селеніи живетъ брахманъ, по имени Капилашама; онъ изучилъ веды и другія книги и извѣстенъ своимъ умомъ и искуствомъ диспута». Государь приказалъ привести Капилашаму во дворецъ; черезъ нѣсколько времени этотъ брахманъ явился къ государю и изъявилъ согласіе вступить въ состязаніе съ брахманомъ изъ южной Индіи. По этому случаю, Государь приказалъ устроить эстраду и раздѣлить ее на двѣ половины для помѣщенія двухъ противниковъ и ихъ партизановъ. Въ назначенный день государь самъ прибылъ къ мѣсту диспута, гдѣ всѣ уже были на своихъ мѣстахъ. Одинъ изъ придворныхъ спросилъ государя: кому изъ двухъ противниковъ онъ предоставитъ право первому предложить свою задачу? «Брахманъ съ юга, сказалъ на это государь, нашъ гость; пусть онъ первый начнетъ рѣчь». Пользуясь этимъ предпочтеніемъ, брахманъ началъ излагать задачу и произнесъ въ защиту ея пять сотъ стиховъ; онъ говорилъ краснорѣчиво, умно и притомъ такъ скоро и быстро, что слушавшіе, даже

съ напряжённымъ вниманіемъ, едва могли запомнить изъ его рѣчи только нѣсколько стиховъ. Однакоже Капилашама не опустилъ безъ вниманія ни одного слова изъ стиховъ своего противника, обсудилъ заключавшіяся въ нихъ мысли и, составивъ себѣ подробный отчетъ о тезисѣ своего противника, пришялся опровергать его положенія, нашелъ въ нихъ противорѣчія, неопредѣленность и слабость, и такъ ясно и убѣдительно доказалъ справедливость своей критики, что брахманъ не могъ ничего сказать въ отвѣтъ на нее и остался побѣжденнымъ; потому что, по законамъ диспута, побѣда остается на сторонѣ того, кто силою своихъ доводовъ, заставитъ молчать своего противника, который молчаніемъ своимъ сознается въ своемъ безсиліи. Государь поздравилъ Капилашаму съ побѣдою, осыпалъ ему похвалами и, спросивъ о родовомъ его селеніи, сказалъ ему: «за твои таланты и діалектическое искуство даю тебѣ во владѣніе это селеніе». Капилашама, принеся государю благодарность за такую его милость, съ торжествомъ возвратился домой.

«Капилашама, владѣтель цѣлаго селенія, сдѣлался богатымъ человѣкомъ и въ скоромъ времени женился. Черезъ годъ жена его родила младенца мужескаго пола съ золотистыми волосами. По истеченіи трехнедѣльнаго срока послѣ рожденія сына, Капилашама, по обыкновенію, собралъ своихъ сродниковъ къ себѣ въ домъ, для нарѣченія имени новорожденному. Послѣ совѣщанія объ этомъ предметѣ, рѣшили общимъ голосомъ назвать младенца Капилой, по имени отца и по золотистому цвѣту волосъ дитяти (Капила-золотистый, желтый). По окончаніи этой церемоніи, младенецъ переданъ былъ кормилицамъ и нянькамъ; его питали сливками, по временамъ кормили масломъ и другою питательною пищею. Капила, взлелѣянный заботливостью родителей, росъ какъ непюфаръ, поднимающійся изъ воды. Какъ скоро онъ вступилъ въ юношескій возрастъ, его учили правописанію, ариѳметикѣ и другимъ наукамъ, полезнымъ въ жизни; потомъ толковали ему обязанности брахмана, правила, какъ брать пешелъ и землю и держать сосудъ съ водою, равно и пріемы, необходимые при омовеніяхъ. Его научили произносить: омъ! (таинственное воззваніе, произносимое въ началѣ заклинаній и гимновъ) и бумъ! (воззваніе, произносимое во время призыванія духовъ), и истолковали ему веды. Съ сихъ поръ Капила самъ понималъ всѣ подробности

жертвоприношеній и другихъ могъ научить тому же; самъ читалъ преданія и другимъ былъ въ состояніи истолковать ихъ; наконецъ имѣлъ право принимать приношенія и могъ самъ дѣлать подаянія другимъ; это шесть необходимыхъ условій для того, чтобы быть полнымъ брахманомъ. Капила одаренъ былъ необыкновенною проницательностью; умъ его, какъ свѣтлая лампада, озарялъ самые темные предметы. Разъ, слушая толкованіе своего отца вмѣстѣ съ другими учениками, Капила спросилъ его: что значитъ звукъ, или буква, Чжа въ Ригведѣ»? «Эта буква, отвѣчалъ ему отецъ, имѣетъ глубокій смыслъ, въ который трудно проникнуть; такъ завѣщали намъ предшественники». «Неужели, воскликнулъ Капила, древніе мудрецы завѣщали намъ буквы безъ смысла? Что касается до меня, я начинаю проникать смыслъ той буквы». Удивляясь разуму своего сына, Капилашама передалъ ему званіе учителя, а самъ остался на свободѣ и вскорѣ скончался».

«Доброе дѣло не остается безъ награды. Тѣ, которые совершаютъ его вмѣстѣ, вмѣстѣ и получаютъ за него должное воздаяніе. Вотъ примѣръ. У Прасэначжиты, шравастійскаго государя, были двѣ любимыя жены; обѣ онѣ отличались необыкновенною красотою и представляли примѣръ рѣдкой дружбы и согласія. Въ Шравасти только и было толковъ, что о двухъ красавицахъ, заключенныхъ во дворцѣ государя. Будда объяснилъ, что счастливый удѣлъ, доставшійся этимъ двумъ женщинамъ, ихъ красота и дружба суть слѣдствіе одного дѣла, совершеннаго ими въ давнія времена. Тогда онѣ были женами одного брахмана и отличались милосердіемъ; разъ онѣ накормили одного добродѣтельнаго пустынника и тѣмъ упрочили для себя счастливую будущность: но такъ какъ одна изъ нихъ, приготовивъ для пустынника кушанье, самое лучшее и вкусное положила на верхъ, а другая сверху блюда положила дурную пищу, скрывъ хорошую внутри; оттого, сдѣлавшись женами Прасэначжиты, онѣ различались одна отъ другой въ родѣ красоты; старшая изъ нихъ имѣла величественную наружность и необыкновенно правильныя черты лица; а младшая, не имѣя этихъ наружныхъ совершенствъ, съ избыткомъ замѣняла ихъ прелестью движеній и нѣжнымъ сложеніемъ.»

То, что въ рѣчахъ Будды чаще всего поражаетъ насъ, есть

печальный тонъ ихъ и безнадежный взглядъ на міръ. Мысль, что родъ человѣческій обреченъ страданіямъ, принадлежала не одному Буддѣ; можно сказать, что она была общимъ убѣжденіемъ индійцевъ; Будда развилъ только идею страданій и приложилъ ее ко всему, что имѣетъ какую бы то ни было форму существованія; оттого слова его иногда проникнуты суровымъ аскетизмомъ, если предметъ его рѣчи всеобщія страданія, сопутствующія перерожденіямъ; иногда дышатъ чувствомъ скорби и разочарованія, если онъ обращаетъ вниманіе на обыкновенныя явленія физическаго міра. Афоризмы Будды въ послѣднемъ родѣ разсѣяны въ разныхъ рѣчахъ его; предметъ ихъ большею частію—скоротечность и смерть. «Сложное, говорилъ Будда, должно рано или поздно разсѣяться,—рожденное—умереть. Явленія исчезаютъ одно за другимъ; прошедшее, настоящее и будущее постепенно уничтожаются; все скоротечно, надъ всѣмъ законъ разрушенія. Быстрыя рѣки текутъ и не возвращаются назадъ; солнце безостановочно совершаетъ свое теченіе; человѣкъ переходитъ изъ предшествовшей жизни въ настоящую, и никакія силы не могутъ возвратить его въ прошедшую жизнь. Утромъ мы видѣли какой-нибудь предметъ, къ вечеру уже не находимъ его; вчера любовались прелестнымъ цвѣткомъ, сегодня его не стало. Къ чему гоняться за гибнущими благами? Иной употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы достигнуть постояннаго счастія въ настоящей жизни; но напрасны труды ихъ; они бьютъ палкой по водѣ, думая, что вода, разступившись, останется въ такомъ положеніи навсегда. Рожденное должно умереть; ни воздухъ, ни моря, ни горы, ни пещеры, ни какое мѣсто во вселенной, не скроютъ насъ отъ смерти; богатый и бѣдный, благородный и низкій, равно покоряются смерти; умираютъ и молодые, и люди среднихъ лѣтъ, и младенцы, и даже зародыши въ утробѣ матери; умираютъ безъ разбора и срока. Богатства, почести, дѣти—не помогутъ: все это земное достояніе должно разсѣяться и исчезнуть. Мы идемъ къ смерти прямою и вѣрною дорогою. Тѣло человѣческое, произведеніе четырехъ стихій, есть скудельный сосудъ, распадающійся на части при первомъ сильномъ ударѣ. Въ теченіе всей жизни оно служитъ источникомъ страстей, волненій и мученій. Наступаетъ старость и съ нею вмѣстѣ являются болѣзни; старикъ мечется въ предсмертныхъ мукахъ, какъ живая рыба на

горячей золѣ, пока, наконецъ смерть не кончитъ его страданій. Жизнь тоже, что созрѣвшій плодъ, готовый упасть при первомъ порывѣ вѣтра, каждое мгновеніе мы должны опасаться, при первомъ роковомъ случаѣ теченіе ея прекращается: такъ исчезаютъ гармоническіе звуки арфы, когда струны ея лопаются подъ рукою музыканта. Горящей лампады не ставятъ въ закрытое мѣсто; не затемняй же свѣта ума страстями; истинный мудрецъ тотъ, кто постоянно размышляетъ объ освобожденіи изъ міра страданій, укрощаетъ свои страсти и стремится къ нирванѣ. Вотъ къ чему должны быть направлены всѣ наши усилія! Нирвана есть вожделѣнная цѣль для всѣхъ. Послѣ безпрерывнаго круговращенія въ безчисленныхъ формахъ существованія, послѣ безчисленныхъ перемѣнъ состояній, послѣ всѣхъ трудовъ, безпокойствъ, волненій и страданій, неразлучныхъ съ перерожденіями, мы, наконецъ, свергаемъ съ себя узы страстей, освобождаемся отъ всякой формы существованія, времени и пространства, и погружаемся въ покой и безмолвіе; здѣсь убѣжище отъ печалей и болѣзней; ни чѣмъ не смущаемое благополучіе, нирвана безсмертіе; изъ нея нѣтъ уже возврата».

Вотъ еще отрывокъ о будущемъ судѣ, взятый нами изъ одного сборника словъ Будды. Онъ отличается живостію картины, и, хотя основаніе его имѣетъ много общаго съ народными индійскими вѣрованіями, проникнутъ духомъ ученія Будды. Этимъ отрывкомъ мы кончимъ отступленіе отъ фактическаго жизнеописанія Будды.

«Отъ Чжамбутвипа (Индіи) далеко на югъ возвышаются два хребта горъ, огибающихъ вселенную со всѣхъ сторонъ. Между этими горами царствуетъ вѣчная и непроницаемая тьма; лучи небесныхъ свѣтилъ никогда не досягаютъ туда и самый могущественный духъ не въ силахъ озарить мрачной пропасти, въ глубинѣ ея ады и тамъ же судилище Ямы, властителя ада. Люди, грѣшившіе въ настоящей жизни, по смерти переселяются въ царство Ямы и адскіе стражи прежде всего представляютъ ихъ Ямѣ. «Вотъ, говорятъ они царю, указывая на грѣшниковъ, смертные изъ людей, грѣшники, которые ожидаютъ твоего приговора». Видя передъ собою грѣшниковъ, сострадательный царь спрашиваетъ ихъ: «Друзья мои! Живя среди людей, развѣ не видали вы духа старости, развѣ не слыхали его спасительныхъ наставленій и напоминаній»? «Нѣтъ, Махадева; мы

не видали такого духа и не слыхали рѣчей его». «Какъ! возражаетъ имъ Яма, такъ вы не видали человѣка въ старости, когда зубы у него выпадаютъ, волосы сѣдѣютъ, кожа морщинится и принимаетъ горчичный цвѣтъ, черные рубцы расходятся по всему тѣлу, спина сгорбливается, походка дѣлается неровною, ноги съ трудомъ поддерживаютъ тѣло, голова трясется, шея дѣлается тонкою, кожа на тѣлѣ опадаетъ и обвисаетъ, какъ на шеѣ у коровы, губы, ротъ, горло и языкъ высыхаютъ и грубѣютъ, станъ искривляется, дыханіе слабѣетъ и превращается въ болѣзненные вздохи, голосъ хрипнетъ и походитъ на визжаніе пилы; дряхлый старикъ выступаетъ, опираясь на посохъ; преклонныя лѣта изсушили его кровь и соки; скоро силы оставляютъ его совершенно; онъ не въ состояніи уже не только дѣйствовать, но даже и подниматься съ мѣста; на немъ уже нѣтъ вида человѣческаго; тѣло и душа его въ постоянномъ сотрясеніи и боренiи. Вы не видали всего этого»? Трепещущіе отъ страха грѣшники отвѣтствуютъ замирающимъ голосомъ: «видѣли, Махадева»! «Если видѣли, то почему не подумали о томъ, что и вы состарѣетесь, что и васъ не минуетъ общій удѣлъ рода человѣческаго; почему при видѣ старости вы не приняли благого намѣренія посвятить жизнь свою добрымъ дѣламъ для того, чтобы въ будущей жизни не испытывать болѣе бѣдствій старости»? «Увы! мы и не подумали о томъ, потому что вовсе не заботились о своемъ избавленіи». Потомъ Яма снова спрашиваетъ грѣшниковъ: «Видѣли ли вы, живя на землѣ, духа болѣзни»? «Нѣтъ, Махадева, мы на видали такого духа». «Какъ! восклицаетъ Яма; вы не видали человѣка въ болѣзни? гармоническое сочетаніе стихій, образующихъ тѣло человѣка, разстроивается, порядокъ въ организмѣ его нарушается; мученія, испытываемыя больнымъ отъ этого разстройства, приковываютъ его къ постели и не даютъ ему сомкнуть глазъ; онъ не въ силахъ ни пройтись, ни поспдѣть, ни привстать съ своего одра; онъ живетъ заботливостью родныхъ, которые поятъ и кормятъ его изъ своихъ рукъ. Вы не видали такого зрѣлища»? «Видѣли, Махадева»! «Почему же вамъ не пришло на мысль, что подобная участь ожидаетъ и васъ, что и вы должны испытать тяжесть болѣзней? Почему вы не поспѣшили запастись добрыми дѣлами, чтобы послѣ не терпѣть мученій болѣзней»? «Нѣтъ, Махадева; проводя жизнь въ лѣности и нерадѣніи,

мы и не подумали о томъ». «Неразумные люди! видѣли ли вы духа смерти»? «Не видали, Махадева»! «Какъ! Развѣ вы никогда не видали умершаго человѣка? Жизнь оставляетъ его тѣло; бездушный трупъ кладутъ на погребальный одръ; облекаютъ его въ разноцвѣтныя платья; окружаютъ его завѣсами, покровами и зонтами, и въ этомъ видѣ выносятъ изъ жилища; гробъ окружаютъ сродники покойника; они скидаютъ съ себя ожерелья и другія украшенія, растрепываютъ свои волосы, посыпаютъ голову пепломъ и громкими воплями выражаютъ свою горесть. Видѣли ли вы подобныя зрѣлища»? «Видѣли, Махарачжа»! «Какъ же вы не постигли, что законъ смерти лежитъ и надъ вами, что и вамъ придется умереть? Какъ тотчасъ же не рѣшились вести добродѣтельную жизнь, чтобы въ будущей жизни избѣжать этой тягостной участи»? «Увы! мы не позаботились о томъ». Тогда Яма возглашаетъ грѣшникамъ: «И такъ вы по своей доброй волѣ не радѣли о своемъ будущемъ, сами не захотѣли запастись добрыми дѣлами; насладитесь теперь плодами своей безпечности; терпите мученіе не за грѣхи вашихъ предковъ, родителей, сродниковъ, но за свои собственные: сами вы совершали дѣла, сами примите и должное за нихъ воздаяніе»! Съ этими словами Яма даетъ знакъ адскимъ стражамъ и вѣрные исполнители его воли берутъ грѣшниковъ за руки и ноги и бросаютъ ихъ въ клокочущее адское пламя, отъ одного вида котораго волосы становятся дыбомъ и сердце разрывается отъ ужаса».

Намъ остается упомянуть о нѣсколькихъ событіяхъ, въ которыхъ Будда принималъ болѣе или менѣе живое участіе. Изъ этихъ событій надобно прежде всего разсказать о кончинѣ Соддоданы. Должно полагать, что Будда лишился своего отца весьма рано, въ первые годы своей проповѣднической жизни. Престарѣлый Соддодана, чувствуя приближеніе смерти, послалъ извѣстіе къ своему сыну и просилъ его на послѣднее свиданіе. Будда поспѣшилъ на призывъ умирающаго старца и отправился въ Капилавасту изъ Рачжагрихи, гдѣ въ то время онъ находился. Буддисты подробно описываютъ это свиданіе отца съ сыномъ. «Молва о приближающейся смерти Соддоданы быстро разнеслась по Капилавасту; жители его толпились по улицамъ, толкуя о предстоявшемъ событіи и изъявляя опасенія на счетъ будущности племени шакья по смерти государя; въ это

время въ городъ вошелъ Будда. Видя послѣдняго потомка Икшвакулы въ прямой линіи, послѣднюю надежду дома Готамы, отшельникомъ, многіе изъ зрителей не могли удержаться отъ слезъ и печальныхъ восклицаній. Будда между тѣмъ пробрался сквозь шумную толпу народа во дворецъ и въ нищенскомъ плащѣ своемъ вошелъ во внутреннія его покои. Въ залѣ, гдѣ лежалъ больной государь, Будда нашелъ всѣхъ родственниковъ своихъ, толпу придворныхъ и дворцовыхъ женщинъ: всѣ стояли печальные и молчаливые. Соддодана лежалъ на низкой кровати и обводилъ кругомъ блуждающіе взоры. При видѣ старца, истощеннаго болѣзнію, со впалыми щеками и желтымъ цвѣтомъ лица, въ предсмертныхъ судорогахъ, Будда невольно воскликнулъ: неужели это родитель мой, который нѣкогда славился мужественнымъ и величественнымъ видомъ? Куда дѣвалась крѣпость и краса его»? Замѣтивъ Будду, государь привѣтствовалъ его слабымъ голосомъ и просилъ прикоснуться къ нему рукою. Утѣшься, государь, говорилъ ему Будда; о чемъ скорбѣть тебѣ? ты оставляешь по себѣ славу доблестнаго мужа. Съ этими словами онъ освободилъ изъ подъ плаща загорѣлую руку и приложилъ ее къ пылающей головѣ своего отца. Въ такомъ положеніи Будда принялъ послѣдній вздохъ умирающаго, напутствуя его печальными истинами своего ученія. Какъ скоро скончался Соддодана, зала огласилась воплями присутствующихъ; они бросались на помость, распускали свои волосы, срывали съ себя ожерелья, раздирали на себѣ платье и били себя въ грудь; началось оплакиваніе покойника, воспоминаніе его доблестей и мудраго царствованія и горькое сожалѣніе о томъ, что съ Соддоданой государство потеряло всю свою силу, а удѣлы свою опору и защиту. За тѣмъ прахъ государя омыли душистыми настоями и, обернувъ въ канаи (тонкую шерстяную ткань), положили въ гробъ. Въ день, назначенный для погребенія, гробъ поставили на катафалкъ и со всѣхъ сторонъ обвѣсили его сѣтками, сплетенными вмѣстѣ съ дорогими камнями; передъ гробомъ жгли благовонія и разсыпали въ разныя стороны душистые цвѣты. Когда все было готово, катафалкъ подняли съ мѣста и вынесли изъ дворца: Будда шелъ передъ гробомъ и несъ въ рукахъ жаровню съ благовоніями. По прибытіи на мѣсто погребенія, сооруженъ былъ костеръ изъ дровъ бѣлаго малайскаго сандала и на немъ поставленъ гробъ съ

бренными останками Соддоданы. Будда зажегъ костеръ, и когда пламя истребило и превратило въ пепелъ прахъ покойнаго, ближайшіе родственники Будды потушили костеръ молокомъ, собрали кости Соддоданы и тщательно уложили ихъ въ золотой ящикъ; потомъ, положивъ ящикъ на землю, соорудили надъ нимъ глухую башню и обвѣсили ее шелковыми знаменами, покровами и колокольчиками. Когда все было кончено и всѣ присутствующіе сдѣлали поклоненіе башнѣ, Будда произнесъ: ничего нѣтъ вѣчнаго на землѣ, ничего нѣтъ твердаго, жизнь проходитъ какъ призракъ, какъ обманчивое видѣніе.»

Со времени смерти Соддоданы до послѣдняго десятилѣтія жизни Будды протекло много времени, но, какъ мы уже замѣтили, этотъ промежутокъ времни въ буддійскихъ преданіяхъ остается безъ всякихъ событій. Поэтому мы перейдемъ теперь къ послѣднимъ годамъ жизни Будды, не съ тѣмъ, однакоже, чтобы разсказать факты, исключительно касающіеся его лица, о такихъ фактахъ не сохранилось преданій, но съ тѣмъ, чтобы упомянуть о нѣсколькихъ побочныхъ событіяхъ, среди которыхъ Будда кончилъ свою жизнь. Буддійскіе писатели, въ разсказѣ о происшествіяхъ того времени, упоминаютъ, что Будда понесъ горькія утраты съ кончиною трехъ покровительствовавшихъ ему государей. Первый изъ нихъ былъ Прадьіота, сынъ Махачакры и владѣтель Учжчжаяни. Изъ разсказовъ буддистовъ видно, что онъ то самое лицо, которое встрѣчается въ индійскихъ драматическихъ сочиненіяхъ и извѣстно романическими похожденіями.

Другой былъ самый сильный покровитель и данапати Будды, Бимбасара, государь Магады; послѣ котораго вступилъ на Рачжагрихскій престолъ сынъ его Ачжатасатру, лѣтъ за семь или за восемъ до смерти Будды. Воцареніе новаго государя грозило Буддѣ явною опасностью. Ачжатасатру былъ вооруженъ противъ него Девадаттой и до вступленія своего на престолъ помогалъ послѣднему къ униженію его брата. Девадатта внутренно торжествовалъ при обстоятельствахъ, столь благопріятствовавшихъ честолюбивымъ намѣреніямъ его. Однакоже новое положеніе какъ будто изгладило въ Ачжатасатру прежнія его предубѣжденія. Сначала онъ не обращалъ вниманія на интересы, волновавшіе общество отшельниковъ; но вскорѣ, противъ всякаго чаянія, онъ началъ оказывать явное благо-

воленіе къ Буддѣ и хотѣлъ замѣнить для него своего отца. Девадатта скоропостижно скончался. Съ сихъ поръ протекло нѣсколько лѣтъ безъ особенно важныхъ событій, кромѣ того, что въ продолженіе ихъ Будда лишился лучшихъ своихъ приверженцевъ Шарипутры и Монгальямы, которые скончались въ преклонныхъ лѣтахъ, и нѣсколькихъ другихъ старыхъ бикшу. Однакоже судьба не оставила его въ покоѣ и не позволила кончить дни свои въ мирѣ; она готовила ему новый ударъ въ смерти послѣдняго его благодѣтеля и сверстника, Прасэначжиты, правастійскаго государя.

Прасэначжита знаменитъ у буддистовъ, какъ самый ревностный почитатель Будды. Онъ какъ будто хотѣлъ соперничать съ Бимбасарой и даже превзойти его въ щедрости и вниманіи къ шраману Готамѣ. Это обстоятельство содѣйствовало дружественнымъ отношеніямъ между Прасэначжитой и домомъ Готамы. Но настоящая причина дружбы правастійскаго государя къ шакьяпутрамъ, и можетъ быть вниманія къ Буддѣ, заключалась въ томъ, что при дворѣ его была Моли, взятая имъ въ жены изъ племени шакья. Хотя шакья оскорблялись этимъ бракомъ, честолюбивая Моли съ радостію вступила во дворецъ Прасеначчжиты, овладѣла расположеніемъ своей свекрови, которая сначала не хотѣла и видѣть ее, и, родивъ черезъ годъ бездѣтному мужу наслѣдника Вируччжаку, привязала его къ себѣ узами любви и уваженія. Съ сихъ поръ начались взаимныя посѣщенія между семействами Прасэначжита и Готамы и пріязнь обоихъ дворовъ укрѣпилась. Удаи, бывшій при Соддоданѣ временнымъ его посланникомъ при Шравастійскомъ дворѣ, умѣлъ внушить Прасэначжитѣ такую довѣренность къ себѣ, что обыкновеніе посылать въ Капилавасту особаго сановника изъ Шравасти было отмѣнено, и Удаи, сдѣлался единственнымъ посредникомъ между двумя дворами. Такое доброе согласіе предвѣщало племени шакья счастливую будущность но подъ сѣнію этого мира росъ Вируччжака, предметъ глубокой ненависти шакьяпутровъ. Говорили, что Моли, мать Вируччжаки, вовсе не изъ дома Готамы, а бѣдная цвѣточница, бывшая въ услуженіи у одного вельможи, родственника Будды по матери, и что Вируччжака сынъ рабыни. Нѣсколько разъ молодые шакьяпутры хотѣли подстеречь Вируччжаку на охотѣ и убить его и, если бы не благоразуміе старшихъ шакья, Прасэначжита навѣрно лишился бы своего единственнаго

сына. Подобныя обиды, презрѣніе и насмѣшки вооружили Виручжаку противъ шакья и заронили въ душу его неистребимое чувство мести; онъ поклялся жестоко отплатить племени шакья за его горделивое и презрительное обхожденіе съ наслѣдникомъ правастійскаго престола. По этому, едва онъ взошелъ на престолъ, какъ тотчасъ началъ военныя приготовленія къ походу противъ ненавистнаго ему Капилавасту.

Если бы Ачжатасатру поспѣшилъ исполнить не задолго предъ тѣмъ принятое имъ намѣреніе объявить войну Виручжакѣ, онъ отклонилъ бы или, по крайней мѣрѣ, замедлилъ бы нападеніе Виручжаки на шакья. Но у него были свои заботы: онъ вздумалъ покорить своей власти Вайшали. Этотъ городъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ въ Индіи и славился своими тканями и приготовленіемъ богатаго и изящнаго платья. Вайшалійцы были независимы отъ государя Магады и образовали торговую республику. Ачжатасатру, прельстясь этимъ завиднымъ владѣніемъ, собралъ свои войска, переплылъ съ нимъ на судахъ на лѣвый или сѣверный берегъ Ганга и чрезъ нѣсколько дней былъ уже въ виду Вайшали. Вайшалійцы знали о военныхъ приготовленіяхъ Ачжатасатру и приготовились къ упорной защитѣ. Они мужественно вышли на встрѣчу рачжагрихскимъ войскамъ и напали на нихъ; натискъ ихъ былъ такъ силенъ и рѣшителенъ, что непріятели смѣшались и въ безпорядкѣ начали отступать; вайшалійцы преслѣдовали ихъ до самаго Ганга, такъ что Ачжатасатру едва успѣлъ переѣхать съ своими на правый его берегъ. Послѣ этого успѣха вайшалійцы съ торжествомъ возвратились въ свой городъ, въ полной увѣренности, что Ачжатасатру не осмѣлится болѣе нападать на нихъ; однакоже они ошиблись въ своемъ расчетѣ. Ачжатасатру остановился на берегу Ганга и, когда вайшалійцы двинулись назадъ, приказалъ начать снова переправу на другой берегъ, объявивъ своей арміи, что если имъ не итти къ Вайшали, то вайшалійцы придутъ къ Рачжагрихѣ. Переправившись черезъ рѣку, Ачжатасатру шелъ почти по слѣдамъ вайшалійцевъ и явился подъ стѣнами ихъ города въ то время, когда они менѣе всего ожидали его. Пользуясь ихъ оплошностью, онъ окружилъ городъ войсками и рѣшился вести правильную осаду. Приведя все въ надлежащій порядокъ, самъ онъ возвратился въ Рачжагриху.

Виручжака, горя мщеніемъ, двинулся съ своими войсками къ Капилавасту. Выступивъ въ походъ, онъ, если вѣрить разсказамъ буддистовъ, далъ торжественную клятву истребить родъ шакья съ лица земли и до тѣхъ поръ не прекращать убійства, пока онъ не увидитъ предъ собою потоковъ крови ненавистнаго ему племени. Дня черезъ два онъ явился въ виду Капилавасту. Шакья спѣшили приготовиться къ встрѣчѣ своего смертельнаго врага; въ Капилавасту собрались князья и владѣльцы земель съ толпою вооруженныхъ поселянъ. Выступивъ изъ города, шакья первые начали битву съ шравастійцами, но послѣ первыхъ стычекъ принуждены были уступить превосходству непріятельскихъ силъ и воротиться въ городъ. Здѣсь они укрѣпились и рѣшились упорно выдержать осаду. Виручжака обложилъ Капилавасту войсками и требовалъ немедленной сдачи города, грозя, въ случаѣ отказа, предать городъ разрушенію, а жителей его смерти. Въ это самое время подоспѣлъ на помощь своимъ единоплеменникамъ одинъ богатый арендаторъ, по имени Шамба, котораго буддійскіе писатели называютъ надзирателемъ земледѣльческихъ работъ; онъ тогда только успѣлъ собрать значительное вспоможеніе и велъ его въ Капилавасту, въ несомнѣнной надеждѣ обрадовать осажденныхъ. Со стѣнъ Капилавасту шакья видѣли, какъ храбрый соотечественникъ ихъ смѣло пробивался сквозъ ряды осаждавшихъ и счастливо достигъ городскихъ вороть; но ворота были заперты и не отворялись; напрасно Шамба требовалъ и умолялъ впустить его; шакья были глухи и нѣмы. Видя, что все потеряно, Шамба въ отчаяніи снова бросился съ своею дружиною на непріятелей, снова пробился сквозь ряды ихъ, удалился въ чужія страны и основалъ тамъ колонію шакьяпутровъ, названную послѣ по его имени.

Шакья, отвергнувшіе помощь Шамбы неизвѣстно по какимъ причинамъ, не хотѣли слышать о предложеніяхъ Виручжаки. Въ это время у нихъ было олигархическое правленіе. Со смертію Соддоданы прямая линія Готамы прекратилась; братья Соддоданы скончались, подобно ему не оставивъ послѣ себя прямыхъ наслѣдниковъ; ихъ дѣти изъ князей сдѣлались шраманами; остался одинъ только Маханама, сынъ Дроподаны, дядя Будды по отцу; но, вѣроятно, боковая линія Готамы не имѣла неоспоримаго права на наслѣдство престола, или въ тѣхъ случаяхъ, когда не доставало наслѣдниковъ,

право избранія предоставлялось совѣту старѣйшинъ; потому что Маханама не былъ государемъ Капилавасту, а только однимъ изъ старѣйшинъ, въ совѣтѣ которыхъ онъ занималъ первое мѣсто. Черезъ нѣсколько времени, разсказываютъ буддисты, послѣ перваго предложенія Вируччаки, сдѣлано было имъ совѣту старѣйшинъ другое: онъ предлагалъ капитуляцію, условія которой онъ обѣщалъ опредѣлить вмѣстѣ съ ними уже въ городѣ. Разсуждая объ этомъ предложеніи, прибавляютъ буддисты, совѣтъ раздѣлился на двѣ стороны; одни не хотѣли вѣрить коварнымъ внушеніямъ Вируччаки и предлагали защищаться до послѣдней крайности; другіе, самые старѣйшіе, принимая во вниманіе случайности войны и плохую надежду на дальнѣйшее сопротивленіе, рѣшались уступить требованіямъ Вируччаки; мнѣніе послѣднихъ превозмогло и непріятелю отворены городскія ворота. Трудно однакоже повѣрить этому разсказу, если въ немъ не умолчали о какой нибудь тайной измѣнѣ. Возможно ли, чтобы шакья были такъ недальновидны, что позволили непріятелю войти въ городъ съ своими войсками для опредѣленія условій капитуляціи? Всего вѣроятнѣе, что Вируччака взялъ Капилавасту приступомъ. Онъ вступилъ въ него съ многочисленнымъ отрядомъ оружеиосцевъ и военныхъ слоновъ и, занявъ дворецъ и другія важныя мѣста, отдалъ приказъ начать убійство, безъ различія пола и возраста и безъ всякой пощады. По разсказамъ буддистовъ, около ста тысячъ человѣкъ погибло въ этомъ пораженіи. Маханама еще при самомъ его началѣ съ горести утопился въ дворцовомъ озерѣ. Предавъ мучительной смерти знатнѣйшихъ шакья обоего пола, Вируччака оставилъ разрушенный городъ и воротился въ Шравасти съ богатою добычею, чувствомъ удовлетворенной мести и съ новымъ пріобрѣтеніемъ для своихъ владѣній. Племя шакья навсегда потеряло свое политическое существованіе; тѣ изъ шакья, которые уцѣлѣли отъ пораженія и не хотѣли быть рабами шравастійскихъ государей, бѣжали въ Непалъ и другія сосѣднія владѣнія. Отчизна племени была порабощена, богатства его расхищены и память о немъ хранилась нѣсколько времени только въ драгоцѣнныхъ ожерельяхъ, сандаліяхъ, золотыхъ запястьяхъ, кольцахъ и другихъ украшеніяхъ, которыя, послѣ катастрофы Капилавасту, разошлись по Индіи и появились даже на отшельникахъ.

Гдѣ былъ и что дѣлалъ во все это время Будда? Среди политическихъ переворотовъ и бѣдствій, имѣвшихъ къ нему очевидное отношеніе, самъ онъ какъ будто исчезаетъ; но являясь изрѣдка то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ въ самыя критическія минуты, онъ обнаружилъ участіе въ послѣднихъ событіяхъ, участіе живое, но безплодное. Судьба, хранившая его въ прежнихъ опасностяхъ и чувствительныхъ потеряхъ, въ послѣднемъ несчастіи не пощадила для него самыхъ жестокихъ ударовъ, которыхъ онъ, кажется, не могъ уже вынести. Еще при первыхъ слухахъ о враждебныхъ намѣреніяхъ Виручжаки противъ Капилавасту, шакья вспомнили о Буддѣ и послали къ нему извѣстіе, прося его посѣтить свою отчизну, угрожаемую нашествіемъ непріятелей. Они надѣялись, что отшельникъ, уважаемый народомъ, имѣвшій друзьями государей, которые приходили къ нему бесѣдовать, какъ къ другу, и пользовавшійся въ Шравасти особеннымъ вниманіемъ, защититъ ихъ своимъ вліяніемъ въ случаѣ крайней опасности. Кажется, что и самъ Будда раздѣлялъ довѣріе родичей къ своему сильному вліянію. Онъ поспѣшилъ въ Косару и хотѣлъ, если вѣрить его біографамъ, отклонить Виручжаку отъ принятаго имъ намѣренія. Съ этою цѣлью, разсказываютъ они, Будда вышелъ на дорогу, по которой Виручжака долженъ былъ итти къ Капилавасту, и сѣлъ подъ сухимъ деревомъ на сторонѣ дороги. Чрезъ нѣсколько времени показалось шравастійское войско; Виручжака ѣхалъ верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Поровнявшись съ Буддой, онъ узналъ его и пріостановился. «Что заставило тебя, шрамана—Готама, спросилъ онъ Будду, выбрать для отдыха сухое дерево, которое не защититъ тебя отъ солнечнаго жара? около тебя много тѣнистыхъ деревъ; ты могъ бы выбрать любое». Будда отвѣчалъ Виручжакѣ пословицею, въ которой ясно была видна просьба его къ государю. «Зачѣмъ тому искать тѣнистаго дерева, сказалъ онъ Виручжакѣ, у кого есть кровъ родныхъ»? Но если эта попытка Будды не выдумка его біографовъ, во всякомъ случаѣ она не имѣла ожидаемаго успѣха и не принесла никакой пользы родичамъ Будды.

Въ то время какъ Виручжака, овладѣвъ Капилавасту, предалъ его опустошенію, Будда находился недалеко отъ отечественнаго своего города съ однимъ Анандой, любимымъ ученикомъ своимъ. Къ нимъ доходилъ шумъ разрушаемаго города, звукъ мечей и во-

или умерщвляемыхъ жителей. «Да исполнится судьба ихъ»! сказалъ Будда, и, жалуясь на жестокую головную боль, легъ на землю и накрылся своимъ плащемъ; онъ хотѣлъ скрыть отъ единственнаго свидѣтеля тайную скорбь, овладѣвшую его стоическою душою. Въ ночь, послѣдовавшую за отбытіемъ Виручжаки, Будда одинъ пробрался въ городъ и бродилъ по опустѣлымъ и безмолвнымъ его улицамъ, среди труповъ и развалинъ. Проходя по саду, принадлежавшему къ дворцу Соддоданы, гдѣ Будда въ первые годы своей юности часто проводилъ цѣлые дни, онъ услышалъ въ сторонѣ стенанія и, при тускломъ свѣтѣ звѣздъ, замѣтилъ обнаженныя тѣла дѣвицъ съ отрубленными руками и ногами; члены и тѣла разбросаны были въ безпорядкѣ между деревьями; нѣкоторыя изъ этихъ жертвъ безчеловѣчія Виручжаки были уже бездушными трупами; другія были еще живы или издавали предсмертные стоны. Будда переходилъ отъ одной дѣвицы къ другой, прикрывалъ тѣла ихъ чѣмъ могъ, утѣшалъ ихъ словами сострадания и родственнаго участія, принималъ послѣдніе вздохи умирающихъ, напутствуя ихъ надеждами безмятежной жизни за гробомъ, и въ такихъ занятіяхъ провелъ послѣднюю ночь въ своемъ родномъ городѣ.

Вскорѣ послѣ описанныхъ нами событій, мы встрѣчаемъ Будду на дорогѣ изъ Капилаваству къ Кушинагарѣ, городу, отстоявшему отъ перваго въ 500 верстахъ на юговостокъ. Куда онъ шелъ, и зачѣмъ, неизвѣстно. Повидимому, онъ не имѣлъ никакой опредѣленной цѣли и хотѣлъ скорѣе удалиться отъ тѣхъ мѣстъ, которыя напоминали ему однѣ горестныя сцены. Онъ весьма рѣдко посѣщалъ Кушинагару, городъ бѣдный и часъ-отъ-часу все болѣе упадавшій. Въ сопровожденіи Ананды, Будда шелъ по безплоднымъ и пустынымъ мѣстамъ медленно и молчаливо, удрученный болѣзнію и лѣтами. Изрѣдка онъ обращался къ своему спутнику съ словами, которыя обнаруживали печальное направленіе его мыслей. Будда говорилъ о недолговѣчности и смерти, предчувствуя, какъ замѣчаютъ буддисты, близкую свою кончину; но недавнія событія такъ жестоко подтвердили справедливость мрачнаго взгляда его на міръ, что никогда Будда не могъ съ такимъ сознаніемъ и глубокимъ чувствомъ, какъ теперь, говорить о непрочности счастія и надеждъ и оплакивать горестную судьбу людей. Чѣмъ далѣе Будда шелъ впередъ, тѣмъ болѣе онъ

изнемогалъ подъ бременемъ усталости и болѣзни. Онъ былъ уже дряхлый старикъ, осьмидесяти лѣтъ отъ роду; боль въ спинѣ, которою онъ страдалъ всю жизнь, часъ-отъ-часу увеличивалась и заставляла его нѣсколько разъ останавливаться на дорогѣ для отдыха и лежать подъ тѣнью деревъ. Однако же онъ продолжалъ путь и дошелъ до рѣки Хираньи, протекавшей близъ Кушинагары; далѣе онъ не могъ уже итти и остановился на западномъ берегу рѣки, у того мѣста, гдѣ переходили ее въ бродъ, въ двухъ верстахъ отъ города на сѣверо-западъ. Здѣсь былъ конецъ страннической жизни Будды. Силы совершенно оставили его; онъ легъ на разостланномъ Анандою коврѣ, головою къ сѣверу, по индійскому обыкновенію, подъ тѣнью деревъ сала (Shorea robusta), и чувствовалъ сильную жажду; это были послѣднія минуты его жизни. Ананда съ горестью слѣдилъ за предсмертнымъ томленіемъ своего брата, друга и наставника, и слышалъ, какъ Будда, смыкая глаза на вѣки, устами, на которыя смерть налагала уже печать свою, произнесъ: ни что не долговѣчно!

Оплакавъ прахъ Будды и накрывъ его плащемъ, Ананда отправился въ Кушинагару съ вѣстью о смерти его и обратился къ великодушію жителей города, прося у нихъ гроба для погребенія Будды. Кушинагарцы не отказали въ послѣднемъ дарѣ страннику, кончившему дни свои близъ ихъ города, и приготовили гробъ и все нужное для совершенія надъ прахомъ Будды обряда сожженія. Между тѣмъ молва о кончинѣ Будды разнеслась по Магадѣ и достигла до учениковъ его, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ Мадьядеши; нѣкоторые изъ нихъ воспользовались этимъ случаемъ, чтобы сбросить съ себя плащъ шрамана и возвратиться въ свои семейства; другіе, оставшись вѣрными своему учителю, спѣшили къ Кушинагарѣ отдать послѣдній долгъ бреннымъ останкамъ Будды. Гробъ съ тѣломъ Будды положили на костеръ, обошли его кругомъ три раза въ знакъ уваженія къ памяти умершаго, и потомъ зажгли костеръ. Черезъ часъ, отъ Будды остались однѣ бѣлыя кости, да пепелъ.

Перечень народонаселения Китая при настоящей Маньчжурской династии Цинъ, съ 1749 до 1842 года, съ обозначеніемъ числа жителей обоего пола въ каждой губерніи порознь.

Названіе губерній.	1749	1757	1761	1767	1771	1776	1780	1783	1812	1842.	
										Число семействъ.	Число душъ.
Чжили	13.933.258	14.377.168	16.132.454	16.690.573	16,770.283	20.567.175	21.529.864	22.263.369	27.990.871	18.758.697	36,879.838
Шань-дунъ	24.011.829	24.745.549	25.292.683	25.634.566	25.999.599	21.497.430	21.763.085	22.912.661	28.958.764	11.923.180	29.529.877
Сань-си	9.509.366	9.654.231	10.239.907	16.468.349	10.626.448	12.503.415	12.864.792	13.036.556	14.004.210	8.201.381	17.056.925
Хэ-нань	12.847.909	16.034.412	16.398.607	16.562.889	16.678.506	19.858.053	20.275.263	20.552.592	23.037.171	11.712.923	29.069.771
Цзинъ-су	20.972.437	22.638.769	23.284.397	23.779.812	24.277.755	28.807.628	29.495.503	30.360.911	37.843.501	16.408.158	39.646.924
Ань-хой	21.567.929	22.431.982	22.848.480	23.355.141	23.683.500	27.566.929	28.085.866	28.456.217	34.168.059	15.324.164	36.596.988
Фу-цзянь	7.620.429	7.977.687	8.065.288	8.094.294	8.170.630	11.219.887	11.980.012	12 399.456	14.779.158	10.845.677	25.799.556
Чжэ-цзянъ	11.877.436	14.025.677	15.612.356	16.523.736	17.092.323	19.364.620	20.494.152	21.035.082	26.256.784	13.854.984	30.437.974
Ху-бэй	7.527.486	7.957.304	8.137.947	8.399.652	8.532.187	14.815.128	16.021.069	17.155.018	27.370.098	11.662.730	28.584.564
Ху-нань	8.672.433	8.762.726	8.854.608	8.997.022	9.082.046	14.989.777	15.423.842	15.676.488	18.652.307	8.506.229	20.048.969
Шань-си	6.734.158	7.081.846	7,297.415	7.348.565	7.425.445	8,193.059	8.237.887	8.259.081	10.207.276	3.308.642	10.309.769
Гань-су	5.709.526	5.941.699	7.170.929	11.537.539	13.215.891	15.068.472	15.136.882	15.159.101	15.354.875	8.564.259	19.512.716
Сы-чуань	2.506.780	2.682.893	2.802.999	2.958.271	3.068.199	7.789.791	7.947.762	8.142.487	21.435.678	9.373.228	22.256.964
Гуанъ-дунъ	6.460.698	6.699.517	6,818.931	5.938.855	7.098.199	14.820.732	15.211.960	15.634.520	19.174.030	9,115.844	21.152.603
Гуанъ-си	3.687.725	3.850.136	3.972.653	4.706.176	4.794.493	5.381.984	5.749.997	6.034.093	7.313.895	3.981.586	8.121.327
Юнь-нань	1.946.173	2.014.482	2.088.746	2.148.597	2.207.650	3.102.948	3.201.206	3.294.147	5.561.320	3.574.269	5.823.670
Гуй-чжоу	3.075.111	4.335.579	3.411.148	2.441.656	3.458.005	5.003.177	5.081.157	5.110.764	5.288.219	3,713.587	5.679.128
Цзянь-си	8.428.205	9.108.615	11.609.061	11.540.369	11.745.196	16.848.905	18.049.268	18.511.622	23.046.999	9.532.086	26.513.889
Маньчжурія.	406.511	428.056	674.735	713.485	750.896	839.071	916.920	939.710	1.249.784	1.193.343	1.665.542
Итого.	177.495.339	190.348.328	201.013.344	209.839.547	214,647.251	268.238.181	277.548.431	284.033.785	361.693.179	179.554.697	414.686.994

2007053132